УНИВЕРСИТЕТОВЕДЕНИЕ

Учебно-Методическое
Пособие

УНИВЕРСИТЕТОВЕДЕНИЕ

(с приложением CD)

Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
высших учебных заведений Республики Беларусь
по гуманитарному образованию
в качестве учебно-методического пособия
для студентов высших учебных заведений

МИНСК
БГУ
2011

УДК 378.4
ББК 74.58(4Беи)я73
У59

Авторы:
О. А. Яновский, В. А. Федосик, Л. В. Хведченя, Г. А. Болсун, М. А. Гулюк, О. И. Ершова, С. Л. Луговцова, А. В. Мартынюк, В. А. Наумович, С. Н. Темушев, И. В. Титович, Е. К. Шимак, Г. А. Петаченко, П. М. Лапо

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *Г. В. Корзенко*;
доктор исторических наук, профессор *В. Н. Сидорцов*;
кандидат философских наук, доцент *М. А. Гусаковский*;
кандидат исторических наук, доцент *С. Н. Ходин*

Под общей редакцией
профессора О. А. Яновского

Университетоведение : учеб.-метод. пособие : (с приложением CD) / О. А. Яновский [и др.] ; под общ. ред. проф. О. А. Яновского. — Минск : БГУ, 2011. — 343 с. + 1 электрон. диск.
ISBN 978-985-518-460-8.

В учебно-методическом пособии представлены важнейшие этапы истории, предназначение, характеристики и перспективы одного из великих проявлений человеческой цивилизации — Университета. Значительное внимание уделено истории и современному состоянию БГУ, что должно помочь студентам легче адаптироваться к новой сложной учебной, научной и профессиональной среде, глубже осознать правильность и перспективность своего выбора.

Для студентов высших учебных заведений.

УДК 378.4
ББК 74.58(4Беи)я73

ISBN 978-985-518-460-8 (отд. кн.)
ISBN 978-985-518-465-3

© БГУ, 2011

Предисловие

Данное пособие должно помочь студентам-первокурсникам, которые обучаются по всем специальностям Белорусского государственного университета, не только освоить программный материал по курсу «Университетоведение», но и осознать правильность и перспективность своего выбора, сделанного при поступлении в ведущее учебное заведение Республики Беларусь. Авторы — преподаватели БГУ — стремились не только отразить историю становления и развития высшего проявления человеческой цивилизации — феномена Университета, но и конкретизировать важнейшие этапы на этом многовековом пути, дать сущностные характеристики на примерах распространения университетского образования и науки в целом и на белорусских землях в частности. Поэтому кроме изложения смысловой и фактической информации в общеисторическом контексте важное место отведено представлению сложной, противоречивой, но славной истории Белорусского государственного университета. Предлагаемый учебный текст может быть интересным и поучительным для всей университетской корпорации, для тех, кто хотел бы получить системные знания об основных направлениях формирования интеллектуальной среды белорусского народа.

Структура курса «Университетоведение» и основной учебный материал в значительной мере соответствуют программным требованиям, установленным в соответствии с приказами ректора БГУ от 18 декабря 2006 г. и от 21 марта 2007 г. Этими документами была определена цель нового учебного курса: «развитие национального самосознания у студентов университета, формирование у них устойчивого интереса к отечественной истории и истории Белорусского государственного университета». Авторы данного пособия, используя накопленный опыт преподавания курса, объединили усилия для представления студентам университета синтезированного понимания предыстории, истории и сущностных парадигм Университета на всем протяжении его развития и совершенствования.

Есть надежда, что предлагаемый учебный материал сможет стать «матрицей» для схожих курсов, которые, по глубокому убеждению авторов, обязательно должны быть разработаны и системно преподаваться во всех университетах Беларуси. Подтверждением тому является не только благородная цель, но и возможность в рамках данного курса органично вводить студента-первокурсника в избранную им специальность. А следовательно — помочь легче адаптироваться в новой и сложной учебной, научной и профессиональной среде. И еще: значимость такого учебного курса определена давней научно-философской традицией осмысления феномена Университета, современными тенденциями его развития, бурными дискуссиями на общественном и государственном уровнях вокруг его предназначения и перспектив. Отражением накопленного опыта в изучении такого рода вопросов и очевидной их актуализацией в начале XXI в. стало утверждение в науке двух новых исследовательских областей, объединивших на рубеже тысячелетий усилия почти всех гуманитариев, — «университетоведения» и «интеллигентоведения».

Понимая, что даже в достаточно объемном текстовом материале невозможно всесторонне представить все многообразие обозначенных в программе курса сюжетов и смысловой информации, авторы пошли по пути создания электронного приложения в виде CD. Этот диск подготовлен усилиями не только самих авторов пособия, но и с привлечением специалистов исторического факультета БГУ, имеющих достаточный опыт разработки так называемых «учебных проектов» — компьютерного мультимедийного сопровождения читаемых на факультете курсов или некоторых их разделов. Считаем важным то, что плодотворную работу по поиску, систематизации и электронному представлению значительного материала, расширяющего кругозор читателя в осмыслении феномена Университета вообще и Белорусского государственного университета в частности, осуществили студенты различных курсов исторического факультета БГУ. Эта работа проводилась в рамках информационно-технологической практики студентов и позволила не только расширить навыки использования компьютера в их творческой деятельности как историков, но и конкретизировать и по-новому осмыслить историю и современную практику Университета.

Введение

УНИВЕРСИТЕТОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Предмет, цель и задачи курса

Университетом (от нем. *Universität*, которое, в свою очередь, произошло от лат. *universitas* — совокупность, общность) принято называть высшее учебное заведение, в котором осуществляется подготовка специалистов по фундаментальным и прикладным наукам. Как правило, в университетах обучение тесно связано с научно-исследовательской работой. Многие современные университеты действуют как учебно-научно-практические комплексы.

Университет является одним из основных типов высшего учебного заведения. Высшее учебное заведение (вуз) — это образовательное учреждение, дающее высшее профессиональное образование. Вузы делятся на государственные и частные. Вуз может иметь филиалы и представительства в различных населенных пунктах своей страны и за рубежом.

Каждый вуз, как правило, является автономным субъектом правовых отношений. Он должен иметь лицензию на осуществление образовательной деятельности. Для того чтобы получить право выдавать своим выпускникам диплом государственного образца, вуз должен быть аккредитован (аккредитация дается ему, как правило, после аттестации). Обучение чаще всего длится от 4 до 6 лет и имеет очную и заочную формы.

В государствах, возникших после распада СССР (в том числе в Республике Беларусь), высшие учебные заведения подразделяются на три типа. Кроме университетов, представляющих собой многопрофильные учебные заведения с большим выбором учебных программ в самых разных областях знания, существуют *академии*, которые готовят широкий круг специалистов какого-либо направления человеческой деятельности (сельское

хозяйство, здравоохранение, искусство и т. п.), а также *институты*, занимающиеся подготовкой специалистов для работы в определенной области человеческой деятельности (педагогика, строительство, инженерия и др.). Научные исследования проводятся в вузах всех типов, однако в университетах они, как правило, носят фундаментальный характер, а в современных условиях ориентируются и на инновационный результат.

Все многообразие вопросов, касающихся истории и практики деятельности университетов, структура университетов, направления деятельности и место в современном обществе изучаются в курсе *университетоведения.* Цель этой учебной дисциплины — выяснение роли и предназначения университетов в истории человечества и в современном мире. Основные задачи курса:

- изучение основных этапов, направлений и форм развития образования;
- восприятие сущности университета как цивилизационного феномена;
- изучение истории университетов и особенностей их деятельности в различные периоды развития человечества;
- определение роли университетов в жизни людей (по регионам и эпохам);
- определение основных этапов развития университетского образования на территории Беларуси;
- изучение истории Белорусского государственного университета и отдельных его факультетов;
- изучение структуры и основных направлений деятельности современных университетов;
- определение тенденций и перспектив развития современных университетов, в том числе сущности Болонского процесса;
- постижение основополагающих характеристик университетской системы Республики Беларусь.

Сегодня университетоведение — это самостоятельное направление научных исследований в области истории, философии, языкознания и других гуманитарно-общественных наук.

Университет как цивилизационный феномен

Университет — неотъемлемый элемент современного общества. Более того, университет как основной тип высшего учебного заведения является тем социальным институтом, который определяет будущее нации. Важнейшее его значение заключается в формировании особого социального слоя, который в силу полученных знаний, а также умения применять их на практике становится способным:

• поддерживать высокий уровень экономического, технологического, информационного развития общества и т. д.;

• инициировать, разрабатывать и вносить инновации в различные сферы жизни общества и тем самым способствовать его дальнейшему развитию;

• обеспечивать стабильное функционирование промышленных и социальных объектов, масс-медиа и сферы обслуживания, а в целом — всех основных сфер жизнедеятельности общества и государства;

• управлять обществом, сохраняя его внутреннюю и внешнюю стабильность;

• вносить высокую интеллектуальную и общегуманитарную составляющую в общественную жизнь, производство и экономику, политические институты и т. д.

Таким образом, значение университета не ограничивается только сферой высшего образования, подготовкой узких специалистов различного профиля. Выпускники университетов, как правило, становятся активными субъектами жизнедеятельности общества, определяя сущностные параметры и перспективы его развития.

Сам университет (исходя даже из этимологии этого слова) несет в себе идею универсума, т. е. представления об упорядоченности мира. Человек в хаосе окружающего его разнообразия вещей, явлений, событий стремится получить цельное позитивное восприятие мира. В эпоху Средневековья и в Новое время университеты в большей степени были ориентированы не на профессионализацию, не на научные исследования, а именно на передачу студентам «общей культуры» (уже в рамках «семи свободных искусств») — того, что, в строгом смысле слова, соответствовало *высшему* образованию.

Тем не менее общество прежде всего нуждается в специалистах — судьях, врачах, инженерах. И университет решает эту задачу. Университет готовит и профессиональных управленцев, которые, помимо своей узкой профессиональной деятельности, должны хорошо ориентироваться в современных проблемах общества, быть на высоте своего времени. Поэтому, как и ранее, одной из основных задач университета остается приобщение к значимым культурным областям знания. К числу последних, по мнению мыслителей XX в., необходимо отнести: физический образ мира (физика); основополагающие проблемы органической жизни (биология); историческое развитие человечества (история); структуру и функционирование современного общества (социология); «план мироздания» (философия). Об этой миссии университета, в частности, писал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в работе «Миссия университета».

Университеты сыграли определенную, в некоторые периоды довольно значительную, роль в политической истории, оказав воздействие на направление развития общества. Например, в истории Франции в период

Позднего Средневековья и Нового времени представители Сорбонского университета входили в важнейшие государственные органы — национальные соборы французской церкви, Генеральные штаты. В происходивших во французской столице социальных конфликтах университет мог выступать в качестве посредника между королевским двором и горожанами (например, в ходе Парижского восстания под руководством Этьена Марселя в середине XIV в.). В кругах западных историков было широко распространено убеждение, что создание строгой системы среднего и высшего образования в Пруссии в XIX в. способствовало ее превосходству в противостоянии с Францией времен Наполеона III: «Победа в войне 70-х — это победа прусского учителя и немецкого профессора». Активное участие студентов Виленского университета в восстании 1830—1831 гг. привело к закрытию университета правительством Николая I. Студенты российских университетов во второй половине XIX — начале XX в. составили одну из наиболее активных, оппозиционных царскому правительству сил, выступавших за демократизацию общества. Университеты в России находились в центре революционной борьбы, российская профессура входила в число организаторов и активных деятелей буржуазно-демократических партий (например, кадетов). Выступления студентов Сорбонны в 1968 г. стали одним из проявлений общенационального кризиса, потребовавшего от властей серьезной корректировки политического курса. Студенты пекинских университетов пытались повлиять на политику китайского руководства в 1989 г., проведя ряд демонстраций на площади Тяньаньмэнь.

Университеты не сразу приобрели свой высокий статус и влияние в обществе. Если в Восточной Европе университеты создавались по готовым западноевропейским образцам в результате правительственных мероприятий, и поэтому им не требовалось утверждать свое положение, то в Западной Европе университеты прошли долгий путь борьбы за свои права. Так, хрестоматийным является пример Болонского университета. Из-за многочисленных обид и притеснений студенты и преподаватели на 10 лет покинули город, который в результате утратил прежнюю славу и понес значительные материальные убытки. После того как горожане признали полную независимость университета, тот торжественно вернулся в город.

Таким образом, университет является важнейшим элементом социально-экономической системы, устранение которого нарушает устоявшуюся жизнь в определенном регионе. Еще более сложно интегрирован университет в экономическую жизнь общества на современном этапе. В структуру современного университета все чаще входят производственные предприятия, основанные на его высоких интеллектуальных возможностях, научные разработки университета находят практическое применение. Университет — это крупнейший научно-исследовательский, а сегодня уже и производственный центр. Можно отметить также градо-

образующую функцию университета, обслуживание нужд которого не только привлекает значительное количество населения, но и во многом корректирует инфраструктуру города, побуждает к обновлению многих сфер его жизнедеятельности.

Уникальность университета как цивилизационного феномена заключается в том, что учиться в нем стремятся, как правило, лучшие и наиболее подготовленные представители молодого поколения, критически воспринимающие опыт старших поколений. В то же время образовательный процесс в высшей школе обеспечивается людьми старшего поколения, наиболее образованными преподавателями и профессорами. Такое сочетание опыта и зрелости научно-педагогических кадров и энергии молодежи на всех этапах истории способствовало не только успешной реализации конкретных образовательно-научных функций университета, но и всего многообразия его миссии.

Другой важной особенностью университета является его определенная внутренняя замкнутость и корпоративность. Научно-педагогические кадры, как правило, проходят подготовку в его собственных стенах, здесь же проводится набор абитуриентов и определяется уровень их подготовленности. Грубое административное вмешательство в указанные сферы деятельности университета чревато непредсказуемыми последствиями и противоречиями, что может только повредить выполнению его главных функций, в том числе — сохранению социальной стабильности.

Тем не менее университет в любой стране и при любом общественном строе выполняет некий социальный заказ, является инструментом политического влияния. Поэтому государство всегда оказывает сильное воздействие на развитие и функционирование университетов, устанавливая контроль за содержанием обучения и отбором студентов. Такая ситуация во многом обусловлена материальной зависимостью университета от государства. Однако сохраняется традиция внутренней автономии, самостоятельности университетов, что является фундаментальной основой реализации творческого начала в образовании. Более того, государственные и политические лидеры, иерархи церкви стремятся быть в тесном контакте с ведущими университетами своих стран. Их встречи со студенческой аудиторией в последнее время становятся регулярными. И это не заигрывание с интеллектуальной молодежью, а еще одно свидетельство того, что в современном мире от студенчества во многом зависит будущее той или иной страны.

Таким образом, невозможно представить жизнь современного общества без университета с его разнообразными функциями. Тот облик, который получила человеческая цивилизация, сформировался под прямым или косвенным воздействием университетов. Обобщая, можно определить значение современного университета как социальной структуры, призванной выполнять следующие функции: передача «общей культуры»; подго-

товка (через передачу современных знаний) высококвалифицированных специалистов; проведение научных исследований фундаментального и инновационного характера и подготовка соответствующих научных кадров для дальнейших научных изысканий; интеллектуализация важнейших сфер жизни общества; воспитание через современные знания и науку; формирование основ будущего развития и перспектив человечества.

Научная мысль о роли и предназначении Университета

Понимание роли и значения Университета менялось вместе с глубокими трансформациями в развитии общества и государства. Университет не мог оставаться в стороне от таких взаимосвязанных явлений и процессов, как развитие буржуазных отношений, «обмирщение» культуры, Просвещение, расширение влияния «старой Европы» на весь мир и т. д.

Первая концепция университетского образования была сформулирована в XVIII — первой половине XIX в. По имени ведущих философов, в трудах которых освещалась проблема места Университета в современном им европейском обществе, она получила название *кантовско-гумбольдианской*.

В первой половине XVIII в. свое понимание роли Университета предложил немецкий ученый *Христиан Вольф* (1679—1754), чья философская система господствовала в Германии того времени. Х. Вольф был известным ученым-энциклопедистом, философом, юристом и математиком, его называют одним из наиболее заметных философов в период после Г. В. Лейбница и до И. Канта. Этот ученый являлся учителем М. В. Ломоносова, когда тот обучался в Марбургском университете в Гессене в 1736—1739 гг. К числу важнейших трудов Х. Вольфа относятся «Разумные мысли о Боге, мире и человеке» (1720) и «Разумные мысли об общественной жизни человека» (1721). В 1765 г., уже после смерти ученого, в Санкт-Петербурге была издана в переводе на русский язык его работа «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании природы».

Философская система Х. Вольфа, в основе которой находился Богтворец, излагалась во всех немецких университетах. Сущность его концепции университетского образования сводилась к следующему: на время учебы человек должен быть оторван от повседневности, от какой-либо иной деятельности, он должен «собрать себя», усвоить историческое видение всего, выработать универсальные способы мышления и понимания всего и вся. В дальнейшем эти идеи об университетском образовании получили свое развитие и вместе с тем определенную корректировку в трудах И. Канта и В. Гумбольдта.

Изменения, произошедшие в Европе к концу XVIII в., — рапространение идей Просвещения, Великая французская революция — привели к переосмыслению предназначения Университета, который становился мощным проводником идеологии национальных государств. Уже в XIX в. появляются социальные науки, занимавшиеся изучением самого общества. Они были необходимы для организации управления, контроля за процессами в гражданском обществе. В конце XIX в. определилось четкое различие между естественными и гуманитарными науками, между принципами научного объяснения и простого понимания. Наконец, жестко разграничиваются науки о человеке, об обществе и о природе. Сейчас подобное деление воспринимается как естественное, всегда существовавшее. Иначе обстояло дело в средневековом университете, где теология объединяла все представления (часто далекие от науки) об окружающем мире.

В таких условиях произошло оформление концепции кантовско-гумбольдианского университета. *Иммануил Кант* (1724—1804) — великий философ, родоначальник немецкой классической философии. Основные труды, принесшие философу репутацию одного из выдающихся мыслителей XVIII в. и оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие мировой философской мысли, были написаны ближе к концу XVIII в.: «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790). Важнейшая философская проблема, которая более всего занимала И. Канта, заключалась в методе познания. Ученый задавался вопросом: «Как возможно чистое знание?» Прежде всего это касалось возможности существования «чистой» математики и «чистого» естествознания. Для философа «чистый» означало «неэмпирический», то есть такой, к которому не примешивается опыт, ощущение. При этом ученый не разделял безграничной веры в силу человеческого разума, называя эту веру догматизмом. По его собственным словам, он совершил «Коперниканский переворот» в философии, первым указав, что для обоснования возможности знания следует признать, что не наши познавательные способности должны сообразовываться с миром, а мир должен сообразоваться с нашими способностями, чтобы вообще могло состояться познание. Иначе говоря, наше сознание не просто пассивно постигает мир, как он есть на самом деле (догматизм), но, скорее, наоборот, мир сообразуется с возможностями нашего познания, а именно: сознание является активным участником становления самого мира, данного нам в опыте.

В то же время во взглядах И. Канта на содержание университетского образования нашли отражение и реалии эпохи, в которой он жил: бурное развитие буржуазных отношений, становление мануфактурного производства, начало промышленного переворота в Великобритании. В 1798 г. он писал: «Университеты должны строить процесс образования, учитывая массовое производство и разделение труда, каждая дисциплина должна иметь отдельного преподавателя».

Концепция университетского образования была развита и, что более важно, реализована в практической деятельности *Вильгельма Гумбольдта* (1767—1835) — брата известного исследователя, естествоиспытателя, географа Александра Гумбольдта, которого называют «Аристотелем XIX в.». В. Гумбольдт являлся директором департамента вероисповедания и просвещения Пруссии. Именно благодаря его усилиям гимназии в Пруссии были выведены из-под опеки церкви; кроме того, он занимался переустройством прусской Академии наук, основал Берлинский университет (1809).

В. Гумбольдт считал, что целью истории является достижение идеала гуманности, раскрытие человеческой индивидуальности, целостности духовного мира человека. Свои взгляды на предназначение образования, прежде всего исторического, ученый изложил в изданном в 1821 г. труде «О задачах историка». Идеалом для него являлся период античности, когда в наибольшей степени могла раскрываться индивидуальность человека. И в этом он видел важнейшую задачу системы образования — как раз в раскрытии индивидуальности человека. По словам ученого, «всякая человеческая индивидуальность есть коренящаяся в явлении идея. В некоторых случаях это до того ярко бросается в глаза, точно идея лишь затем приняла форму индивида, чтобы в ней совершить свое откровение». Высшую цель, которая должна определять границы деятельности государства, В. Гумбольдт видел в универсальном развитии индивидуальности.

В целом, в период господства кантовско-гумбольдтовской концепции университетского образования светская философия и наука заменили и победили христианскую теологию и риторику.

Тенденции в развитии российских императорских университетов

Университеты Российской империи, в составе которой с конца XVIII в. находились и белорусские земли, с самого начала создавались в соответствии с кантовско-гумбольдтовской концепцией. Споры о роли и предназначении университета обострились в российском обществе накануне и после отмены крепостного права и «Великих реформ» (1860—70-е гг.). Полемика по данному вопросу хорошо прослеживается в журнальных публикациях «Санкт-Петербургских ведомостей», «Русского вестника» и др. Так, в 1861 г. с программной статьей в одном из журналов выступил известный российский историк *Н. И. Костомаров* (1817—1885). Он считал ошибочным основной принцип обучения в университете и требовал, чтобы тот был «образовательно-ученым заведением, а не воспитательно-учебным». По мнению Н. И. Костомарова, в таком случае не будет необходимости и в корпоративной организации студентов.

Эти мысли историка вызвали возражения. В ряде журнальных статей их авторы отстаивали воспитательное значение университета. В представлении же Н. И. Костомарова университет «обращается сам собою в заведение для публичных лекций, не имеющих чисто ученого значения, а имеющих целью только популяризировать науку между людьми взрослыми». Известный редактор и издатель профессор *М. М. Стасюлевич* настаивал на том, что «звание студента имеет в себе воспитательное значение». При этом он писал, что «воспитательный характер университета должен быть совершенно отличный от воспитания так называемых средних учебных заведений, что студенту предстоит труд самовоспитания».

Однако сколь бы ни были различными мнения о предназначении университета, но, когда в 1861 г. в связи со студенческими волнениями был закрыт Санкт-Петербургский университет, ряд видных российских ученых (в том числе Н. И. Костомаров, М. М. Стасюлевич, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов) организовали чтение лекций, тем самым создав так называемый «Вольный университет».

Российское общественное мнение признавало большую роль государства в развитии университетского образования. Высказывалось суждение, что университет — это «часть государства, если здорово государство, то здорова и его часть». В целом российские мыслители высоко оценивали значение университета. Так, философ *В. В. Розанов* (1856—1919) отмечал: «Если в ком-нибудь из нас <...> был взращен культ своей родины, ее прошлого <...> это, конечно, было сделано университетом». Ученый видел в университете и более глобальное значение: «Университет — законченный выразитель умственных стремлений истории».

Но в адрес университетов дореволюционной России раздавались и критические голоса: это касалось и уровня, и содержания образования. Так, первый ректор БГУ *В. И. Пичета* (1878—1947), размышляя о методике «старых» университетов, отмечал, что их негативной стороной было «засорение голов предметами не по специальности».

Новые идеи Новейшего времени

Новая концепция университетского образования стала формироваться уже после Второй мировой войны. В это время радикально менялся облик мира: завершался процесс деколонизации, научно-техническая революция преобразовывала и процесс производства материальных благ, и быт человека, его возможности к получению и передаче информации. На смену кантовско-гумбольдтовскому университету пришел *корпоративный университет*.

В основе новой концепции университета лежат идеи американского философа и педагога *Джона Дьюи* (1859—1952), являвшегося профессором

Мичиганского, Чикагского и Колумбийского университетов. Дж. Дьюи считается ведущим представителем философского направления прагматизма в США. Для ученого истина определялась не как отражение объективной реальности, а как практическая эффективность, полезность. Критерием морали при этом являлась практическая целесообразность. Дж. Дьюи являлся идеологом американского «образа знания». Он выступал за то, чтобы через образование, просвещение постепенно совершенствовать общество. В полном соответствии со своей философией ученый создавал школу (систему), где не было постоянных программ, а изучались только те предметы, знание которых могло найти практическое применение. Дж. Дьюи имел определенное влияние и на советскую школу. В 1920-е гг. в СССР было издано несколько его работ по педагогике: «Школы будущего» (1922), «Школа и ребенок» (1923), «Школа и общество» (1925).

Важнейшими принципами корпоративного университета являются эффективность и превосходство. Они заменяют все другие ценности и навязываются повсеместно как основные принципы продуцирования знания в современном мире. Корпоративный университет, как воплощение вышеуказанных теоретических постулатов, появляется с 1970-х гг.: именно в это время США стали играть ту роль, которая ранее принадлежала Западной Европе. В то же время на первый план вышли социальные науки вместо гуманитарных. Концепция корпоративного университета получила наибольшее развитие прежде всего в частных университетах. Чаще всего они являлись лишь центрами профессионального и технического обучения, но никак не критического мышления, политической или общественной активности, пропаганды гуманитарного знания и т. д. Преподавание философии и гуманитарных дисциплин в частном корпоративном университете заняло крайне незначительное место.

Корпоративная концепция университета не была в полной мере принята европейскими высшими учебными заведениями. Ее неприятие хорошо проявилось во взглядах на предназначение университета испанского философа *Хосе Ортеги-и-Гассета* (1883—1955). Ученый считал, что «первая и центральная функция университета — приобщение к значимым культурным областям знания». Но при этом, наряду с «обучением культуре, университет, посредством более простых, непосредственных и эффективных интеллектуальных приемов, учит быть хорошим медиком, хорошим судьей, хорошим преподавателем математики или истории».

Большое значение мыслители XX в. придавали личности преподавателя университета, его усилиям по передаче знаний. Так, по мнению немецкого философа-экзистенциалиста, психолога *Карла Теодора Ясперса* (1883—1969), университетский профессор должен «посредством науки транслировать истину». Профессора должны научить студента вести исследования и таким образом обучить его азам научного способа мышления, которыми он будет руководствоваться всю свою последующую жизнь.

Немецкий социолог и историк *Макс Вебер* (1864—1920) особо выделял такое качество профессора, как интеллектуальная честность: «Эта позиция представляется мне более высокой, чем кафедральное пророчество, не дающее себе отчета в том, что в стенах аудитории не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности». Кроме того, преподаватель должен оставлять возможность для свободного развития мысли: «Подлинный наставник будет очень остерегаться навязывать с кафедры ту или иную позицию слушателю, будь то откровенно или путем внушения». Самым нечестным способом ученый считал манипуляцию фактами, преподаватель должен «научить своих учеников признавать неудобные факты».

Современное понимание предназначения Университета все более исходит из того, что должна быть создана его альтернативная модель в противовес корпоративной. В новом Университете вновь должно возрасти значение гуманитарных наук, превратившихся в последнее время в некий простой «довесок» к эффективному научному технологическому знанию (оно якобы обеспечивает прогресс человечества).

Университетоведение в прошлом и сегодня

Становление особой отрасли знаний — университетоведения — происходило вместе с осмыслением роли и предназначения Университета. Университет стали представлять как уникальный феномен, требующий специального исследования, выяснения его места в обществе, специфики функционирования и исторического развития. Одним из ключевых в рамках университетоведения оказался вопрос о том, каким должен быть Университет, какие задачи он должен выполнять. Сложившееся представление о классической модели Университета, выполняющего образовательную, исследовательскую и культурно-воспитательную функции, находило как сторонников, так и противников.

В 1852 г. в своей лекции «Идея Университета» кардинал *Джон Генри Ньюмен* (1801—1890), первый ректор Ирландского католического университета, высказался против классического понимания Университета. По его мнению, целью Университета является распространение знаний, уже являющихся достоянием человечества, а не получение новых. Ведь обучать и познавать новое — это совершенно разные функции и ими должны заниматься разные заведения: соответственно Университет и Академия.

Созвучные идеи высказывал в 1930-е гг. в работе «Миссия Университета» испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. Ученый был убежден, что первичной задачей Университета является создание условий для овладения обычным человеком фундаментальными дисциплинами — физикой, биологией, историей, философией. При этом Университет, кроме приоб-

щения к культуре, дает возможность получить хорошую профессиональную подготовку по определенной специальности. Но ученых из студентов Университет не готовит; собственно научные исследования должны быть исключены из содержания минимума университетского образования.

Иную точку зрения отстаивал немецкий философ К. Т. Ясперс. В его книге «Идея Университета», впервые изданной в 1949 г., последовательно проводится мысль о необходимости сохранения исследовательской функции Университета как определяющей характер университетского образования. Помимо учебы студент в стенах университета участвует в научных исследованиях, приучается к самостоятельному поиску истины, к великому таинству творчества. Накопление навыков такой работы формирует качества, связанные с интеллектуальной дисциплиной. Студент приучается мыслить независимо, воспринимать критически. Понимая, что значительной части студентов серьезные научные исследования не под силу, ученый указывает, что учеба в университете все же помогает молодому человеку разобраться в том, что заложила в него природа, прояснить свои склонности, возможности и интересы. К. Т. Ясперс был убежден, что люди могут приходить в Университет с единственной целью — поиска истины, что является неотъемлемым человеческим правом. Таким образом, Университет объединяет людей, профессионально посвятивших себя поиску и сообщению истины. Но поскольку истина открывается в результате систематического поиска, то и исследования являются важнейшей задачей Университета. Наряду с другой задачей Университета — обучать — он обеспечивает развитие интеллектуальной культуры, в которой истина обретает свою значимость и очевидность. В целом, в представлении Ясперса, существует тройственная задача Университета — исследование, передача знаний (образование) и культура. Все эти задачи тесно переплетены друг с другом.

Ранее подобные оценки высказывал (в опубликованной в 1927 г. работе «Университеты и их функции») английский философ, математик и педагог *Альфред Норт Уайтхед* (1861—1947). Для ученого Университет совмещает в себе школу образования и центр исследований. Но настоящая причина его появления заключается не в сообщении знаний студентам, не в возможности проведения сотрудниками научных исследований (с этими задачами можно справиться независимо от Университета), а в объединении учащихся и преподавателей в образно богатом процессе обучения и поиска истины. Создаваемая в Университете творческая атмосфера преобразует знания.

Тот или иной взгляд на предназначение Университета во многом был обусловлен общей исторической ситуацией, которая предъявляла определенные требования к подготовке специалистов. В связи с этим особое значение приобретают исследования по истории европейских университетов. Одним из виднейших специалистов в этой области является французский

историк, представитель «Новой истории» *Жак Ле Гофф*. В своих монографиях «Интеллектуалы в средние века» (1957), «Другое средневековье» (1977) ученый обратил внимание на многофункциональность, сложность и изменчивость университетов в Средние века. Он проследил взаимоотношения университетов как автономных корпораций с государственной властью. Им отмечено, что помимо чисто утилитарного значения (подготовка специалистов в определенной области) университеты привлекали власти совершенно бескорыстно, это было необходимо для поддержания своего интеллектуального престижа. Ученый сделал вывод, что в Средневековье университеты нужны были государственной власти прежде всего как украшение и общественное достояние, и поддержку властей эти заведения получали в силу престижа науки, на которую, как представлялось, они имели монополию.

На современном этапе университетоведение сделало значительный шаг вперед. Это выражается в росте числа публикаций по истории университетского образования в целом и отдельных университетов в частности. Кроме того, во множестве работ рассматриваются различные теоретические аспекты развития Университета, которые коротко можно сформулировать как «идея Университета» или «феномен Университета». Характерной чертой современной ситуации является также обращение к наследию прошлых лет, что выразилось в настоящем буме переизданий трудов философов, историков, социологов, исследовавших феномен Университета.

Один из основных выводов современных исследователей — превращение Университета во второй половине XX в. из элитарного в массовое учебное заведение. Рассматривая это явление, современные западные социологи *Т. Хюсен* (в статье «Идея университета: эволюция функции, проблемы») и *Ф. Дж. Альтбах* (в статье «Модели развития высшего образования в преддверии 2000 г.») связывают его с возросшей сложностью индустриального общества — созданием развитой сети услуг и социального обеспечения и т. д., потребовавшей большого количества высококвалифицированных кадров различных профессиональных категорий.

Широкая дискуссия о положении Университета в современном обществе развернулась в последние годы в России. Так, в ряде статей российских педагогов высшей школы, социологов заметна обеспокоенность превращением (даже деградацией) Университета из высшей профессиональной школы (т. е. одновременно и высшей, и профессиональной) в просто профессиональную школу, занимающуюся подготовкой узких специалистов. Отмечается, что из Университета уходит теория, позволявшая подготовить разносторонне образованного интеллектуала, способного осуществлять широкий синтез, решать сложные исследовательские задачи. В наши дни Университет вместо интеллектуала-профессионала готовит высококвалифицированного специалиста, прекрасно ориентирующегося в своей профессиональной области, но неспособного под-

няться на более высокий уровень обобщения, осуществить синтез разрозненных фактов из разных областей знаний, т. е. заниматься научным исследованием.

В этом отношении оказывается созвучной идея ректора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова академика *В. А. Садовничего* о «конце гуманитарной науки». Именно в гуманитарных науках, гуманитарном образовании, а в целом в гуманитарной традиции МГУ ректор видит первоистоки всех светских феноменов российской национальной культуры. В связи с этим понятна необходимость сохранения этой гуманитарной традиции, чрезвычайно важной для любого национального государства. О кризисе университетского образования и на Западе, и в России (здесь кризис усугубляется еще и экономическими проблемами) считают необходимым говорить авторы всех последних работ по университетоведению. Не стали исключением и многочисленные работы В. А. Садовничего (в частности, книга «Университетское образование: приглашение к размышлению», 1995). Ректор МГУ одно из проявлений кризиса видит в падении общественного интереса к высшему образованию, что в результате приводит к невозможности сохранить высокий образовательный и научный уровень университетских выпускников. Он считает крайне важным сохранять автономию Университета прежде всего в смысле внутреннего самоуправления и независимости научной деятельности. По его мнению, Университет не должен полностью приспосабливаться к потребностям общества в подготовке профессиональных кадров или в производстве и распространении знаний.

В изданной в 2001 г. книге доктора исторических наук, профессора Саратовского государственного университета *А. И. Авруса* «История российских университетов» в результате анализа истории российского университетского образования намечены пути его преобразования. Автор предлагает построить преподавание в университетах таким образом, чтобы на младших курсах студент получал глубокое понимание основных проблем естественных и гуманитарных наук, а на старших занимался непосредственным углублением в конкретную специальность. Он высказывает убеждение, что полноценный выпускник Университета должен владеть началами гуманитарного мышления. Только университеты способны преодолеть барьеры между естественными и гуманитарными областями человеческих знаний и воспитать то поколение людей, которое создаст цивилизацию более высокого уровня.

Иной взгляд на существующую проблему кризиса высшего образования представлен в работах, посвященных высшему профессиональному образованию. Так, в подготовленной сотрудниками Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана И. Б. Федоровым, С. П. Ерковичем и С. В. Коршуновым монографии «Высшее профессиональное образование: Мировые тенденции: (Социальный и

философский аспекты)» (1998) преодоление кризиса высшего образования в России видится на пути создания сети из небольшого числа высших учебных заведений нового типа — исследовательских технических университетов, основой деятельности которых будет подготовка элитарных специалистов последипломного уровня.

Таким образом, существуют различные подходы к реформированию системы университетского образования. Наряду с предложениями о возвращении к «классическому» типу Университета со своеобразным подготовительным («артистическим») факультетом выдвигается идея более глубокой последипломной профилизации, подменяющей, как представляется, аспирантуру. В любом случае можно отметить невозможность каких-либо изменений в сфере высшего образования без учета опыта развития университетов в различных регионах и в разные периоды, что является одним из важнейших аргументов в пользу развития университетоведения: и как предмета научных исследований, и как учебно-образовательного курса общеуниверситетского значения.

Университетоведение в Беларуси: состояние и перспективы

Особенности университетоведения в Беларуси обусловлены историческими реалиями возникновения и развития высшего образования на ее территории. В силу ряда обстоятельств, вплоть до создания БГУ, на территории Беларуси университеты и институты существовали лишь на коротких отрезках времени и по существу не имели национального характера. Становление же университетского образования как системы приходится на советский период, что обусловило его значительную зависимость от властных государственных и партийных структур, сделало заложником политико-идеологических целей. При создании советского университета в первую очередь предполагалось решение задач социалистического строительства. Это предопределило в качестве приоритетных классовые и идеологические принципы его создания и дальнейшей работы. В последующие годы вузы БССР, как и других республик СССР, представляли собой полностью подконтрольную партийно-государственному руководству структуру, выполнявшую четко заданную функцию подготовки «специалистов для различных отраслей хозяйства, науки и культуры, глубоко преданных делу коммунистического строительства». Характерные для Университета свободомыслие и самостоятельность, атмосфера творчества, столкновение и борьба идей строго ограничивались и регламентировались.

Отмеченные выше обстоятельства непосредственно сказались на проблематике и содержании исследований по истории университетского образования.

О начале университетоведения в Беларуси с полным основанием можно говорить только после открытия в 1921 г. Белорусского государственного университета. Уже в 1920-е гг. появились первые обобщающие работы о БГУ. Прежде всего нужно отметить издававшиеся каждый год в виде брошюр отчеты БГУ перед правительством, которые содержали не только различную конкретную информацию, но и элементы анализа осуществленного и перспективные задачи. Наибольшую актуальность приобрел вопрос о роли университета в 1926 г. в связи с 5-летием его функционирования, а также 25-летием научной и педагогической деятельности первого ректора БГУ В. И. Пичеты. Ни один из номеров газет и журналов в то время не мог обойти вниманием вопрос о деятельности первого белорусского университета.

За время своей работы в университете *В. И. Пичета* неоднократно выступал в прессе и на страницах «Трудов БГУ» со статьями о жизни БГУ. В 1928 г. отдельным изданием вышла его работа «Вопрос о высшей школе Беларуси в прошлом» (на белорусском языке). Ректор университета, известный историк-славист, давая белорусскому читателю информацию о БГУ, в своей работе попытался обратить внимание на цивилизационные аспекты в деятельности университетов в целом, прежде всего в историческом прошлом Беларуси. В газетных статьях того же 1928 г. он обосновал неразрывную связь между существованием национального университета в Беларуси и «завоеваниями Великого Октября».

Крайне негативно сказались на развитии университетского образования в Беларуси свертывание политики белорусизации и репрессии среди наиболее преданных делу национального возрождения преподавателей и студентов. Только на рубеже 1920—30-х гг. были арестованы или, в лучшем случае, просто изгнаны с работы или учебы несколько десятков преподавателей и несколько сотен студентов, обвиненных в «нацдемовщине». В этих условиях не могло быть сколько-нибудь объективного анализа деятельности университета, достижений и недостатков в его развитии. Во время торжеств по случаю 10-летия БГУ неоднократно звучали слова, которые выражали официальное понимание роли БГУ в то время. Так, отмечалось, что это «страж, стоящий на границе Советских Союзных Республик и буржуазной враждебной нам Польши», «рассадник свободных научных истин и научных завоеваний, которыми в первую очередь будут бить буржуазный мир».

Только в 1943 г., когда на станции Сходня под Москвой была возобновлена деятельность БГУ, на научной сессии Ученого совета, посвященной 25-летию БССР, ректор *П. П. Савицкий* выступил с докладом на почти забытую к этому времени тему «Белорусский государственный университет и его роль во взращивании национальных кадров». Однако первая фундаментальная книга о деятельности БГУ и его истории появилась только в 1961 г., накануне 40-летия университета. Она носила непритязательное название «Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина».

Тем не менее в ней трудно было найти последовательный и информационно насыщенный рассказ о 40 прожитых университетом годах. Главная идея данного издания сводилась к утверждению значительности роли ВКП(б) и ее Центрального Комитета в развитии высшей школы в Беларуси.

Такое же издание было подготовлено и к 50-летию БГУ (1971). И хотя в нем также преобладала конъюнктурная стилистика, свойственная времени построения «развитого социализма», все же в книге в большей степени была представлена реальная история университета, появились личности, внесшие свой вклад в его развитие. Этими новыми штрихами юбилейное издание было обязано прежде всего доценту исторического факультета *А. И. Кожушкову*, который провел основную работу по систематизации и редактированию материалов, представленных факультетами и кафедрами.

Важнейшее значение для развития университетоведения в Беларуси имела единственная опубликованная в советский период монография «Высшая школа Советской Белоруссии», посвященная истории белорусской высшей школы. Ее написал в 1963 г. заместитель министра высшего образования БССР *Н. И. Красовский* (значительно расширенное и дополненное второе издание появилось в 1972 г.). В монографии впервые были систематизированы и проанализированы разрозненные факты о создании советской системы высшего образования, названы имена организаторов и видных ученых-педагогов; содержался богатый статистический и справочный материал. В то же время вполне закономерно основной идеей этой книги являлось раскрытие роли компартии в организации и развитии высшего образования. Весь содержащийся в книге материал о деятельности самих вузов, их внутренней жизни, составе научно-педагогических кадров, научных исследованиях служил лишь для иллюстрации правильности проводимой политики, успехов и достижений, ставших возможными только благодаря «усердному руководству компартии». При этом автор, не являвшийся научным работником, не смог подняться до уровня научного осмысления основных проблем в жизни вузов республики. Книга имела также и другое негативное последствие: она фактически сделалась монополистом в изучении и даже постановке проблем высшей школы, она блокировала возможность иного взгляда на оценку проблем и значительно затруднила попытку критического и объективного их освещения.

После юбилейного университетского издания 1971 г. и переизданной в 1972 г. монографии вплоть до 1990 г. университетоведение в Беларуси как самостоятельная область гуманитарных знаний почти не пополнилось сколько-нибудь серьезными работами. Можно отметить издание брошюр, посвященных истории БГУ и других вузов республики, многочисленных фотоальбомов. Тем не менее в период с 1944 г. по 1980-е гг. было защищено несколько кандидатских диссертаций, в которых исследовались отдельные стороны развития высшего образования в БССР. Как правило, они основывались на анализе небольшого периода в 5—10 лет, что позволяло

выявить специфические особенности отдельного исторического этапа в той или иной области (технической, педагогической, медицинской и др.) высшего образования.

В 1990 г. появилось относительно небольшое издание «Белорусский государственный университет. Хроника событий (1919—1989)», подготовленное преподавателями-историками БГУ. В этом издании на 236 страницах были представлены важнейшие события университетской жизни в самых различных областях (внутреннего строительства, международного сотрудничества и т. д.), структурные и кадровые изменения и др. Тем самым было положено начало созданию развернутой хроники ведущего вуза Беларуси.

Начало 1990-х гг. отмечено настоящим историко-информационным бумом, связанным с общими радикальными изменениями в обществе: крушением социалистического строя, обретением Беларусью реального суверенитета. Это привело к существенной трансформации роли Белорусского государственного университета, превратившегося из «провинциального» советского вуза в ведущее учебное заведение независимой страны. Открылась возможность для объективного и всестороннего анализа основных проблем в развитии университета. Ученые как БГУ, так и других университетов республики (а большинство институтов республики именно в 1990-е гг. были преобразованы в университеты) стали более активно разрабатывать важнейшую тему «Университет. Общество. Государство». При этом изучение истории белорусской высшей школы стало осуществляться на более широком фоне: история высшей школы в целом, история белорусской интеллигенции, выдающиеся личности белорусского образования и науки и т. д.

С конца 1990-х гг. в БГУ был начат выпуск нескольких книжных серий, названных в классическом стиле: «Universitas» («Университет»), «Scriptor universitatis» («Университетский автор»), «Memoria et Gloria» («Память и Слава»), а также «Современные технологии университетского образования» и «Образовательные исследования». В этих сериях были изданы переводы трудов знаменитых авторов-университетоведов (Х. Ортега-и-Гассет, Дж. Г. Ньюмен, К. Ясперс и др.), самостоятельные наработки сотрудников БГУ в области дидактики высшей школы, труды по отечественной и всемирной истории наших современников и историков прошлого, биографии известных ученых университета.

Важным событием в развитии университетоведения явилось издание с 1996 г. научно-методического и публицистического журнала «Вышэйшая школа» (основатели: Министерство образования Республики Беларусь и Белорусский государственный университет). Традиционно главным редактором этого журнала является ректор БГУ. В журнале наряду с нормативными документами, касающимися высшего образования, публикуются аналитические статьи о современной ситуации в университете в целом, исследования о проблемах развития высшей школы в Беларуси.

Определенной вехой в развитии университетоведения в Беларуси стало издание в 2001 г. двух достаточно объемных работ, приуроченных к 80-летию БГУ: «Гісторыя Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў біяграфіях яго рэктараў» и «Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага універсітэта». Впервые была сделана попытка представить сложную, но столь значимую историю университета посредством использования неизвестных фактов, преломляя их через биографии его руководителей и ведущих педагогов и ученых. Вслед за этими обобщающими изданиями вышли работы по истории структурных подразделений университета — его факультетов, институтов, кафедр, Фундаментальной библиотеки. Университетские аналитическо-информационные издания дополнили сборники документов и материалов по отдельным периодам истории БГУ, которые с начала XXI в. стали выходить в серии «Memoria et Gloria». Вполне логичным в русле возросшего интереса к прошлому и настоящему университета стало возобновление в конце 2006 г. деятельности музея истории БГУ.

Обретение большинством вузов Беларуси статуса университета продиктовало необходимость дальнейшей научной разработки вопросов их развития. Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. И хотя появившиеся в последние годы издания по истории отдельных университетов (Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина) по-прежнему подготовлены по случаю определенного юбилея, но в них заметен отход от простой констатации фактов, в большей степени проводится анализ места учреждения во всей системе образования, отношения к решению задач государственного масштаба, к политическим процессам на том или ином этапе белорусской истории. А главное — делается акцент как на выявлении роли конкретного университета в формировании личности белорусских интеллектуалов-специалистов в определенных областях общественной деятельности, так и его воздействии на все сферы жизнедеятельности.

В целом в последнее десятилетие исследователи, занимающиеся университетской проблематикой, проявляют полное понимание необходимости пересмотра сложившихся стереотипов, критического осмысления ранее известного и нового исторического материала. При этом сохраняют свою актуальность такие проблемы, как советская партийно-государственная политика по отношению к системе университетского образования, причины и мотивы создания или закрытия отдельных вузов, оправданность реорганизации системы высшего образования, ее адекватность переменам в социально-экономическом развитии и т. д.

«Университетская культура» и возможности ее изучения

Феномен Университета, университетского образования как предмет исследования сохраняет свою актуальность и в наши дни. Более того, в последнее время все чаще раздаются голоса социологов и историков о проблеме будущего Университета. Очевидно, что стремительные перемены в мире, глобализация, развитие информационных технологий требуют существенной корректировки системы образования. Наибольшие же требования при этом предъявляются к Университету, который не только выпускает готовых специалистов, обеспечивающих научно-технический прогресс и преподавание всего комплекса дисциплин в высшей и общеобразовательной школе, но и определяет направления общецивилизационного развития. По мнению ректора Московского гуманитарного университета (МосГУ) профессора *И. М. Ильинского*, в связи со стремительностью и противоречивостью общественных перемен, существенно усложнивших картину мира, жизненно необходимым является признание не только новой миссии образования в русле кардинальных изменений во всех областях, но и поиск путей, обогащающих содержание и продуктивность управления процессами в образовательной деятельности. И в этом роль университетского сообщества первична.

Современные авторы говорят о формировании особой европейской и мировой «университетской культуры». Она имеет свою специфику и систему взаимодействий с другими видами культуры, в том числе с научной, экономической, политической, со сферой государства и права, с образовательной культурой, из которой она выделилась и с которой в будущем, возможно, соединится, если потребности общества приведут к возникновению всеобщего высшего образования. Оформление мировой университетской культуры подтверждают такие обстоятельства, как перестройка высшего образования в Японии и других странах Востока на рубеже XX—XXI вв. по американской модели, развертывание в Европе с конца 1990-х гг. Болонского процесса, также ориентированного на американскую модель с целью составить достойную конкуренцию США. В ряде стран с развитыми университетскими традициями уже развернулась борьба за обучение иностранных студентов. Все это позволяет говорить о возросшем значении исследования феномена Университета, теоретической предпосылкой которого служит анализ происходящих процессов в системе высшего образования во всем мире.

Другая проблема, которая тесно связана с развитием университетского образования, условно называется «утечкой мозгов». Все больше специалистов, получивших высшее образование, в поисках наилучших условий жизни покидают свою страну. Это явление тесно связано с понятием

«университетская культура». Общие принципы преподавания и унифицированный перечень усваиваемых в университете дисциплин, получение диплома общего образца — все это упрощает миграцию молодых специалистов. При этом получение университетского диплома в современном мире свидетельствует не об удовлетворении молодым человеком личной любознательности, а является пропуском в определенную социальную среду, дает право на престижную и высокооплачиваемую работу.

В XXI в. возникли новые аспекты в изучении феномена Университета. Важнейшие теоретические возможности открываются в осмыслении будущего системы высшего образования. Специалисты отмечают, что цифровые технологии подмывают самые основы Университета. Еще в конце XX в. американский экономист и педагог *Питер Друкер* (1909—2005) заявлял, что через 30 лет крупные университеты станут анахронизмом. По мере распространения цифровых технологий университет теряет свою монополию на образование. Опросы студентов престижных американских колледжей показывают, что более предпочтительным для них является живое общение в форме диалога, при этом негативно воспринимается классическая университетская лекционная форма преподавания. Лекторы оказываются способными заменить интернет-поисковики, такие как Google, и интернет-энциклопедию Wikipedia. Необходимо согласиться с тем, что односторонняя лекционная форма обучения была больше приспособлена для нужд индустриального века. Современные же студенты не испытывают недостатка в информации, более важным оказывается ее систематизация и представление целостной картины мира. Одно из наиболее часто высказываемых пожеланий студентов в последнее время сводится к следующему: посредством живого общения связывать фрагментарные знания всех дисциплин в общую картину. В газете «New York Times» была опубликована провокационная статья Марка Тэйлора (Колумбийский университет) «Конец знакомого нам университета», где автор утверждает, что большинство университетов производят продукт, на который нет спроса. По его мнению, необходимо перестраивать узкопрофильное образование посредством развития междисциплинарных связей и тесного сотрудничества между университетами, а также отмены срока обучения. Процесс обучения предполагается проводить посредством диалога и отмены лекционной формы как явления, «замороженного» несколько веков назад и устаревшего.

Отказу от лекционной формы обучения способствует то обстоятельство, что современная молодежь менее склонна к послушанию, усидчивости, концентрации внимания и одностороннему восприятию информации. В качестве основных принципов современного обучения в высшей школе называются: интерактивность, асинхронность и многозадачность, постоянное сотрудничество между студентами. Правда, вопрос о форме и предназначении университетской лекции не раз поднимался и ранее как в

самой университетской среде, так и на государственном уровне. Так, еще в 1936 г. в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК о работе высших учебных заведений как бы давалась свобода студентам от «бессмысленного прослушивания лекций» и даже чуть ли не отвергался текущий учет успеваемости. (Известно, что еще первый ректор БГУ В. И. Пичета был принципиально против экзаменов: он говорил, что «если студент учился хорошо в течение года, то экзамены излишни».) Однако уже вскоре на всесоюзном совещании работников вузов прозвучало указание «крепить дисциплину среди студентов». А ректор БГУ П. П. Савицкий в 1939 г. призвал коллектив университета всячески бороться с «дезорганизаторами социалистического порядка».

Таким образом, перед исследователем открываются широкие теоретические возможности для изучения истории и современного состояния и перспектив развития Университета. В новых условиях отсутствия идеологического пресса, закрытых тем и ограничения на доступ к информации университетских архивов исследователь достаточно свободен в своей деятельности.

Новое тысячелетие дает и новые информационно-документальные возможности для изучения Университета. Если еще в недавнем прошлом все исследования истории, теоретических и практических основ университетов строились едва ли не исключительно на материалах библиотек и архивов и социологических опросах, то развитие информационных технологий на первое место выдвигает интернет-ресурсы. Довольно серьезное исследование в наши дни можно осуществить даже не сходя с рабочего места. Все государственные и частные университеты, как и их структурные подразделения — институты, факультеты, колледжи, имеют собственные официальные сайты. Еще большие возможности дает исследование неофициальных интернет-ресурсов — всевозможных форумов, блогов, где могут свободно высказываться как преподаватели, так и студенты. Вместе с тем никто и никогда не сможет изъять из арсенала исследователя непосредственное изучение огромных информационно-теоретических ресурсов в виде работ философов, историков, социологов прошлого и настоящего, в которых проблема феномена Университета рассматривается с различных точек зрения.

Итак, современный Университет вполне ощутимо стоит перед выбором дальнейших путей движения вперед. И для определения перспектив развития крайне важным представляется изучение его истории, философское осмысление всех сущностных параметров, накопленного за последние столетия теоретического и фактического материала. А молодому человеку, только входящему в стены корпорации под многозначным названием «Университет», важно постичь с самого начала те азы, которые позволят всю жизнь воспринимать «свой» университет как alma mater.

Глава 1

ПРООБРАЗЫ УНИВЕРСИТЕТА (Древний Восток, Античность, Раннее Средневековье)

Высшее образование в древнейших цивилизациях мира

Первые цивилизации сформировались на Древнем Востоке. Древнейшими из них были те, что сложились по течению великих рек в Египте и Месопотамии в конце III — начале IV тыс. до н. э. Жители древних Египта и Месопотамии (шумеры, вавилоняне и ассирийцы) были одними из первых народов на Земле, которые не только заложили основы системного образования и научных знаний, но и непосредственно использовали их возможности в практической деятельности.

В древних государствах Египта и Двуречья хозяйственная и общественная жизнь была тщательно спланирована. В этих государствах, которые современные историки называют «деспотиями», вся общественная и хозяйственная жизнь находилась под абсолютным контролем верховного правителя и его чиновников. Поэтому грамотность и знания были уделом главным образом жрецов и многочисленного штата чиновников. Письменность служила для восхваления правителя, записей суровых законов и трудовых повинностей, а математические знания — для сложных и масштабных ирригационных работ, строительства городов, дорог и зернохранилищ, расчетов площади посевных полей и обязательных норм выработки, для контроля за распределением продуктов и других материальных благ.

Народы первых цивилизаций мира достигли огромных успехов в развитии науки и культуры. Древние египтяне изобрели календарь, который стал основой для современного календаря (3 сезона по 4 месяца, месяц

из 30 дней, год из 365 дней). Сутки египтяне делили на 24 часа. Они пользовались десятеричной системой счисления, так хорошо знакомой нам. В Древнем Шумере (конец III тыс. до н. э.) была выработана 60-ричная позиционная система счета, которой человечество пользуется по сей день (при измерении времени и геометрических углов). За тысячу лет до Пифагора математики Вавилона (II тыс. до н. э.) извлекали квадратные и кубические корни, создали таблицы умножения и деления, чертили топографические планы. Египтяне точно вычисляли площадь круга (хотя и не знали числа π). Используя только кусок веревки, они могли точно выложить прямоугольный треугольник. Многие до сих пор не могут поверить, что величественные пирамиды Древнего Египта — плод интеллекта и труда самих древних египтян. Огромные усыпальницы фараонов, как давно доказали ученые-египтологи, не имеют никакого отношения к «космическим пришельцам», они созданы учеными, инженерами, оставшимися для нас безымянными простыми тружениками «рабочих отрядов» Древнего Египта. Египетские и вавилонские мудрецы определили почти все известные сегодня планеты Солнечной системы и наблюдали за их движением, вычисляли солнечные затмения. Огромные успехи были достигнуты в медицине, металлургии, ювелирном деле и т. д.

Народы Древнего Египта и Месопотамии первыми изобрели письменность. С ее помощью все добытые знания записывались, бережно хранились и передавались потомству. Письменность стала основой развития образования. Деспотическим государствам требовалось огромное число чиновников для службы в различных сферах государственного аппарата. Для подготовки чиновников и жрецов создавались школы. Чем выше был уровень образования, тем больше шансов было продвинуться по служебной лестнице.

В Месопотамии светские школы назывались «***э-дуббами***» («домами табличек»). Существовали они при храмах и дворцах. Некоторые из них можно считать прообразами высших учебных заведений (в частности, при царских дворцах). В «э-дуббах» проводились и исторические исследования, древнейшее из которых датируется 2100 г. до н. э. Это так называемый «Список царей», где излагаются родословная ассирийских царей и события, происходившие во время их правления. Этот «Список» имел четко выраженную идеологическую цель — обосновать божественность и абсолютность царской власти.

Кроме светских «э-дуббов» в Древнем Двуречье существовали ***храмовые школы***, где готовили жрецов и вели научные (в основном астрономические) исследования. Храмовые школы располагались в многоступенчатых башнях — зиккуратах, которые по своей форме напоминали обсерватории. Функционирование «э-дуббов» и храмовых школ было невозможно без хранилищ знаний — библиотек. Крупнейшая библиотека Древнего Двуречья принадлежала ассирийскому царю Ашшурбанипалу. Она была

найдена в середине XIX в. при раскопках столицы Ассирии — Ниневии и состояла из нескольких десятков тысяч глиняных «книг», доставленных в царский дворец со всех уголков страны.

Первые школы при дворцах правителей Египта появились еще в начале III тыс. до н. э., а затем уже при храмах. Существовали и военные школы для знати. Довольно рано при храмах возникли ***«Дома жизни»***, где жрецы и чиновники занимались науками. В этих учебных заведениях располагались библиотеки для ученых и слушателей.

В первых древневосточных цивилизациях еще только складывалось деление образования на начальное, среднее и высшее. Окончательно оно оформилось в Древней Греции.

Организация высших школ в Древней Греции

Истоки европейской цивилизации восходят к античности. В культуре древнегреческого полиса центральное место занимала философия: именно она могла дать ответы на главные вопросы — как устроен мир, какими должны быть отношения между людьми в обществе (и почему они разные у греков и людей Востока), в чем заключается смысл жизни человека. Уже вокруг первых философов Древней Греции стали образовываться кружки учеников, которые стремились постичь мудрость своих учителей. Там не учили грамоте или счету, но средний уровень образования был просто необходим для того, чтобы понимать философа-учителя. Такие кружки существовали уже в VI в. до н. э. в г. Милете (сегодня — средиземноморское побережье Турции) при первых греческих мыслителях — ионийцах *Анаксимандре* (*ок. 610 — 546 до н. э.*) и *Анаксимене* (*ок. 585 — ок. 535 до н. э.*). А в конце VI — начале V в. до н. э. в г. Элея (Южная Италия, которая в античности называлась Великой Грецией из-за множества колоний греков) кружки любителей знаний появились вокруг элейских философов *Ксенофана* (*VI—V вв. до н. э.*) и *Парменида* (*род. ок. 540 до н. э.*). Философы-учителя охотно делились своей мудростью с любым желающим, имевшим свободное время. Слово ***«schole»*** у древних греков означало «досуг», «свободное время». Со временем и сообщества философов и их учеников стали обозначать словом «schole» («школа»).

Уникальным явлением в истории раннегреческой культуры стала пифагорейская школа, возникшая во второй половине VI в. до н. э. в г. Кротоне (Великая Греция). Имя ее создателя *Пифагора* (*ок. 570 — ок. 500 до н. э.*) было окутано легендами еще при жизни. Пифагор не оставил после себя ни строчки, но его мысли цитировали многие интеллектуалы Греции и Рима. Нам он известен как выдающийся математик, автор знаменитой теоремы о прямоугольном треугольнике.

Школа, которой Пифагор руководил 35 лет, также была необычной. Она строилась по принципу тайного религиозно-политического общества.

Каждый поступающий отказывался в пользу школы от своего имущества: Пифагор говорил, что дружба — это равенство и у друзей (учеников) имущество должно быть общим. В течение пяти первых лет ученики должны были хранить обет молчания, слушая учителя, но не видя его за занавесью. Только выдержавший это испытание считался полноправным учеником — «пифагорейцем» и мог видеть и слушать учителя. В школе царила строгая дисциплина, действовал ряд запретов (подъем на рассвете, отказ от мясной пищи, вина и плотских удовольствий, физические упражнения и медитация на берегу моря). Среди слушателей Пифагора было немало и женщин, что было большой редкостью в те времена. Авторитет Пифагора был непререкаем. Согласно легенде, пифагорейцы приписывали ему все свои открытия, которые должны были храниться в тайне от непосвященных.

Главное в учении Пифагора — «Все сущее есть число». Он был философом, пытавшимся все понять и объяснить с помощью чисел. Пифагор утверждал, что все рождается из числа, все в мире определяется числами и их соотношениями. Даже музыка — ведь звук зависит от длины струны инструмента, с числом связаны и музыкальные интервалы. Все существующее в мире, по учению Пифагора, произошло от огненной единицы, которая размножалась и порождала все вещи и числа. Ученые древности сообщали, что именно Пифагор открыл шарообразность Земли (а в письменном виде это изложил Парменид). Говорили и о том, что Пифагор впервые назвал Вселенную «космосом», порядок в который вносят именно числа.

Первых философов Греции, равно как и их учеников, интересовали преимущественно проблемы мироздания. Но постепенно в центре их интересов оказался человек и его отношения с другими людьми в обществе. Это было вызвано тем, что в Древней Греции (а вскоре и в Риме) сформировалось неизвестное до того человечеству общество. Греки называли его «полис» (римляне — «цивитас»), что можно перевести как «общество граждан». Древнегреческие мыслители считали полис высшей формой объединения людей. Философ Аристотель подчеркивал: «Полис есть сообщество свободных людей», т. е. это коллектив не рабов, не зависимых людей, не подданных, а свободных граждан.

Полис имел принципиально иную природу, чем древневосточные деспотии с их неограниченным самовластием правителя, бесправием подданных и огромным количеством назначавшихся правителем чиновников, которые вместе с армией составляли главную опору самодержца. Верховная власть в полисах принадлежала народному собранию, т. е. собранию всех граждан. Только народное собрание принимало законы, оно же обсуждало и принимало решения по вопросам внутренней и внешней политики. Таким образом, каждый гражданин имел право лично участвовать в законодательной деятельности и определении политики своего полиса. Народное собрание избирало голосованием должностных лиц (магистратов), исполнявших функции представителей исполнительной власти.

Таким образом, гражданин имел право непосредственно избирать представителей исполнительной власти и право быть избранным на эти должности. Никто из граждан полиса не мог быть признан виновным и быть осужденным иначе, чем по решению суда. Всевластие и произвол восточных монархов-деспотов в отношении своих подданных греки рассматривали как проявление варварства, незрелости отношений между людьми. Судьи также избирались всеми гражданами полиса. В полисе царил и правил закон. Это позднее прекрасно выразилось в крылатой латинской фразе: «Суров закон, но он — закон». Полисные законы запретили обращение сограждан в рабство. Главным субъектом эксплуатации стали рабы-иноземцы. Эти люди, естественно, были бесправными. Это они льстили и угождали своим господам. Видя низкопоклонство и лесть персов и египтян перед их правителями, греки расценивали это как рабские качества; в их глазах подданные монархов мало чем отличались от рабов.

Правом и обязанностью гражданина была вооруженная защита интересов своего полиса. Армия полиса не состояла из наемников либо рекрутов, она представляла собой ополчение вооруженных граждан. То есть все граждане были воинами. Именно поэтому ценилась физическая подготовка, которой граждане занимались постоянно. Все они посещали ***гимнасии*** — специальные заведения для физических упражнений. Туда приходили философы, поэты, и граждане слушали их, беседовали с ними. Это афинская армия граждан, состоявшая из ремесленников, земледельцев, торговцев, поэтов, учителей, скульпторов, разгромила многочисленное войско персов в битве у Марафона. Знаменитый афинский драматург Эсхил был участником не только этой битвы, но и двух других главнейших сражений с персами.

Если в государствах Древнего Востока грамотность и образование были уделом только чиновников и жрецов, то в Древней Греции это стало необходимостью для всех граждан. Грамотность требовалась не только для того, чтобы, например, написать на черепке для голосования имя человека, подозревавшегося в стремлении установить тиранию в Афинах, но и для участия в судебных делах, исполнения обязанностей магистратов. Образование необходимо было и для того, чтобы убедить сограждан на народном собрании в правоте предлагаемого закона. В конце концов, знания применялись и в повседневных хозяйственных делах — греки стали народом мореходов, они торговали во многих уголках мира. В греческих полисах действовало большое количество школ — и начальных и средних. Высшее образование можно было получить у философов и риторов.

Самую яркую страницу в историю античной мысли и просвещения вписали Афины — оплот греческой демократии и свободомыслия. Не случайно на монетах, которые чеканил этот полис, была изображена сова — символ мудрости и покровительницы города богини Афины Паллады. Именно на афинской земле пышно расцвели философские школы раз-

личных направлений и возникли крупнейшие образовательные центры Древнего мира.

Начало афинской педагогической традиции высшего образования было положено во второй половине V в. до н. э. знаменитым философом *Сократом* (*ок. 470 — 399 до н. э.*). Его метод преподавания, впоследствии названный «сократическим», был оригинален. Прогуливаясь по городу, Сократ вступал в беседу с каждым желающим на любые интересующие того темы, причем старался посещать наиболее людные места. Его мог слушать каждый афинянин, и те, кто хотел научиться у него мудрости, часто собирались вокруг своего учителя. Сократ жил бедно, но никогда не брал платы и подарков от своих учеников. Он ничего не записывал, записи его бесед-занятий оставили его ученики. Среди них были выдающийся философ Платон, знаменитый историк Ксенофонт, видные афинские политические деятели Алкивиад и Критий и многие другие. Кстати, Алкивиад и Ксенофонт были обязаны Сократу спасением своих жизней в боях Пелопонесской войны — как и всякий гражданин Афин, великий мудрец был и воином, причем умелым. Чем привлекал Сократ слушателей? Главная заслуга Сократа как философа — обращение философии не к космосу, не к природе, а к человеку, его поведению в обществе. Предметом бесед Сократа обычно являлись этические, нравственные категории: добро и зло, справедливость и несправедливость, мужество и т. д. Но над всем этим витает знание. Знание — это та сила, которая должна руководить людьми в их поступках: «Все есть знание: и справедливость, и рассудительность, и мужество». В выборе между добром и злом последнее выбирают те, кто не обладает знанием; знание же удерживает человека от дурных поступков.

Первыми профессиональными педагогами Древней Греции в сфере высшего образования стали ***софисты.*** Так называли особых учителей мудрости и красноречия, которые обучали своему искусству за деньги. Самыми знаменитыми среди них были *Протагор* и *Горгий* (середина V — первая половина IV в. до н. э.). Обычно учитель-софист набирал группу слушателей и в течение трех-четырех лет читал им курс лекций по ***риторике*** (искусству произнесения речей) и ***эвристике*** (искусству спора и опровержения аргументов противника).

Философские взгляды софистов, учивших, что любая истина относительна, а в мире нет единой добродетели, и то, что они торговали знаниями, вызывали возмущение у многих греков. Софисты учили умению убеждать, строить речи так, чтобы оратор мог убедить в своей правоте граждан на народном собрании или судей. Они учили доказывать и «за» и «против», их не интересовало, во вред или на пользу обществу использует полученные знания ученик. Но деятельность софистов дала толчок к развитию ораторского искусства в Древней Греции. Для победы в споре нужно было иметь солидное (по тем временам) образование: знать литературу, мифологию и историю.

Учеником софистов был и знаменитый оратор *Исократ* (*436—338 до н. э.*). Сам он не выступал с речами, так как имел слабый голос и заикался. Начав сочинять за деньги речи для других людей, Исократ приобрел популярность. А в 392 г. до н. э. он основал собственную школу риторики, получившую известность далеко за пределами Афин. Это была крупнейшая риторская школа Греции, из нее вышло множество выдающихся политических деятелей, полководцев, ученых. Плата за обучение была очень высокой и доступной только богачам. Учиться нужно было 3—4 года.

Академия и Ликей

В 387 г. до н. э в пригороде Афин начала действовать самая знаменитая высшая школа античного мира — ***Академия*,** основанная великим древнегреческим ученым и педагогом *Платоном* (*427—347 до н. э.*). Свое название эта школа получила от мифического героя Академа, которому был посвящен гимнасий и сад в пригороде Афин, где проходили занятия. Платон купил гимнасий и сад на деньги, которые не взяли у него друзья, выкупившие философа из рабства: Платон был продан на рынке рабов разгневанным тираном Сиракуз, которого он уговаривал создать идеальное государство. В Академии изучали не только философию и историю, но и математику, особую роль которой подчеркивал девиз Академии: «Не знающий геометрии да не войдет!». Математика, по мнению Платона, помогала освободить ум от чувств и воспитать будущего философа, а также позволяла исследовать природу.

Учителя и ученики Академии составляли братство единомышленников, объединенное духовной любовью и общим идеалом — сформировать гармоничного человека путем ежедневных усилий и философского образа жизни. Мечтая об идеальном государстве, они готовились стать его гражданами и стремились не только познать, но и преобразовать себя. Члены Академии добровольно воздерживались от мясных продуктов и плотской любви, ограничивали себя во сне, поддерживали невозмутимость духа и совершенствовались физически. Академические занятия проходили в гимнасии или в окружавшем его тенистом саду. Обычно Платон выступал перед сидящими учениками, но часто занятия велись и в форме научных споров — ***диспутов***. Философ был не единственным преподавателем — учащиеся слушали и его помощников. Каждый год торжественно отмечался день рождения Платона. В этот день устраивался торжественный ***симпосий***, на котором, за сосудами с разбавленным водой вином, происходила дискуссия всех преподавателей и учеников.

Академия просуществовала более 900 лет (в ее истории выделяют несколько этапов: так называемую «Древнюю», «Среднюю», «Новую» академию) и была закрыта византийским императором Юстинианом в 529 г., боровшимся против учений язычников. Академия прославилась во всем

античном мире как достоинствами своих учеников, так и совершенством организационной структуры. В Академии существовало самоуправление, членские взносы, расписание учебных занятий. Сначала ее возглавлял сам Платон, а затем — его племянник и талантливые последователи. Причем руководитель Академии (***схоларх***) избирался. Из стен этого учебного заведения вышло множество выдающихся ученых древности.

Самым знаменитым учеником Платона был *Аристотель* (*384—322 до н. э.*). Около 20 лет он отдал Академии: сначала учился, затем преподавал. Аристотель далеко не во всем соглашался со своим учителем. Отсюда и ставшая знаменитой его фраза: «Платон мне друг, но истина дороже». Аристотель прославился не только как великий философ, но и как выдающийся ученый во многих отраслях науки. Он первым дал определение физики как науки, в биологии составил первую классификацию животных, оставил много трудов по механике, астрономии, истории, логике, этике и т. д. После смерти учителя Аристотель покинул Афины, а через несколько лет его пригласил македонский царь Филипп II для обучения своего сына Александра. Позже, когда Александр Македонский пошел в поход на Персию, Аристотель возвратился в Афины, где в 334 (или 335) г. до н. э. основал собственную школу — ***Ликей***. Название школе дала роща Ликей (или Лицей) к востоку от Афин, где находился храм Аполлона Ликейского.

Ликей сочетал функции многопрофильного научно-исследовательского центра (в нем велась систематическая разработка всех областей знания на основе собственного метода Аристотеля) и высшей школы для афинской молодежи. Очень скоро он сравнялся по известности с Академией. Занятия в Ликее вел сам Аристотель: одни — для своих ближайших учеников (наиболее сложные, по специальной тематике), а другие, популярные, — для широкой аудитории. Слушатели на занятиях не сидели перед учителем, они прогуливались вместе с ним. Их называли «гуляющими философами» (перипатетиками).

Из Ликея вышло немало выдающихся ученых древнего мира. Самым знаменитым из них был *Феофраст* (*372—287 до н. э.*), возглавивший Ликей после Аристотеля. При нем Ликей посещало до 2 тыс. слушателей. Феофраста считают самым разносторонним ученым древности. Он занимался ботаникой, биологией, минералогией, метеорологией, психологией, этикой и т. д. В Ликее готовили не только философов, но и высокообразованных специалистов различных отраслей знаний. Хотя к началу II в. до н. э. Ликей пришел в упадок, он был закрыт только в конце III в. н. э. (т. е. просуществовал около 650 лет).

Академия и Ликей стали классическими моделями высшей школы античности. По их образцу были организованы все крупные интеллектуальные центры греко-римской эпохи, а методы преподавания, выработанные в Академии и Ликее, стали основными для средневековых университетов Европы.

Развитие традиций античного высшего образования

Во главе древнегреческой высшей школы стоял ***схоларх***, избиравшийся предшественником или преподавателями. Обучение сочеталось с научными занятиями, причем ставилась цель не только передавать знания, но и совершенствовать моральные качества учеников. Занятия могли проходить либо в общественном месте (гимнасии), либо в частном доме (как, например, у Эпикура), но в любом случае они приравнивались к служению Музам — богиням-покровительницам искусств и науки. Об этом напоминает дошедшее до нас выражение «храм науки». При этом греческие женщины долгое время не допускались к интеллектуальным занятиям (этим правом они пользовались только на Ионических островах).

Крупными образовательными центрами Афин и всей Древней Греции III—I вв. до н. э. стали, наряду с Академией и Ликеем, ***Стоя*** и ***«Сад»***. Стоя (или «стоа») по-гречески значит «портик», т. е. защищенная крышей и с трех боковых сторон галерея с колоннами. Именно под портиком укрывался от дождя и излагал свое учение основатель школы стоицизма *Зенон* (*ок. 335—262 до н. э.*) — финикиец, не имевший первоначально другого убежища в Афинах.

С 312 г. до н. э. Зенон жил в Афинах, следуя прорицанию оракула «Учись у покойников», которое он истолковал как учение через чтение книг. Учился в платоновской Академии. А затем Зенон стал учить сам в «Расписной стое» — портике с изображением сцены Марафонской битвы. Отсюда последователей Зенона стали называть стоиками. По представлениям Зенона, мир является огромным организмом, в котором существование каждой мельчайшей части целесообразно и взаимозависимо. Жизнь и деятельность каждого человека неумолимо определяются потребностями этого мирового организма. Добродетель мудреца — в познании неизбежности данной ему судьбы, в умении стойко переносить ее тяготы и беды, в сохранении самообладания, в отрицании всех страстей. Как пример следования Зенона своему учению сохранился рассказ о том, как однажды мудреца разозлил один из его рабов и Зенон произнес: «Я побил бы тебя, не будь я в гневе». Зенон обладал большой популярностью в Афинах и поэтому был похоронен за государственный счет. В Стое у Зенона учились и богатые, и бедные. Один из бывших кулачных бойцов ночами носил воду на огороды афинян, а днем слушал Зенона, делая записи на бараньих лопатках, так как не мог купить другого материала для письма. Учеников Зенона цари приглашали к себе советниками, а бедняков привлекало его учение о неумолимости судьбы и необходимости мужественно переносить ее превратности.

Последователи же философа *Эпикура* (*341—270 до н. э.*) — эпикурейцы — собирались в саду под Афинами. Эта философская школа, создан-

ная в 306 г. до н. э., получила название «Сад». Первые ее слушатели прибыли в Афины вместе со своим учителем с о. Митилены. В своем развитии школа прошла три этапа (ранний, средний и поздний «Сад») и просуществовала до начала VI в. н. э.

Эпикур был последователем атомистического учения. Он считал, что все в мире состоит из неделимых атомов, которые находятся в вечном движении и, соединяясь между собой, создают все вещи. Число атомов бесконечно, как и количество созданных ими в процессе вечного движения миров и вещей. Атомы могут отклоняться от закономерных траекторий своего движения. Причем это не зависит от воли богов, которые существуют в пространстве между мирами. Они не вмешиваются в происходящие процессы. Высшим благом Эпикур и его ученики считали наслаждение. Но это вовсе не был призыв к получению человеком возможных чувственных удовольствий, ибо они требуют усилий, нарушающих покой и безмятежность. Истинное же наслаждение — это прежде всего отсутствие страданий. По учению Эпикура, человек должен стремиться к достижению атараксии — идеальному состоянию своей души, которое достигается преодолением страха перед смертью, богами, непонятными явлениями, избавлением от излишеств в пище, удовольствиях и устранением от волнений и забот общественной жизни. Сам Эпикур питался хлебом и водой, утверждая, что это приносит ему наслаждение. Его главный принцип — «Живи незаметно» — означал уход от государственных и общественных дел с их всевозможными случайностями, могущими навредить человеку, нарушить его покой. Это было ярким выражением кризиса полисного коллективизма и утверждения индивидуализма в сознании греков того времени, в котором жил Эпикур. Противники обвиняли его в том, что весь смысл человеческой жизни он сводил к получению чувственных удовольствий, и такое ложное истолкование эпикуреизма весьма прочно закрепилось и в последующие эпохи.

В «Саду» Эпикура было много учеников. Среди них встречались женщины и даже рабы, что было необычным для сферы высшего образования древности.

В эллинистическую эпоху крупнейшим научным и образовательным центром стал ***Мусейон*** Александрийский (от этого названия произошло современное слово «музей»). Как и Александрийская библиотека, он был основан в 308 г. до н. э. в Александрии (Египетской) царем Птолемеем I Сотером (возглавившим Египет после смерти Александра Македонского) по совету ученика Феофраста *Деметрия Фалерского* (*ок. 360 — ок. 280 до н. э.*).

В Мусейоне жили и трудились ученые различных специальностей: филологи, математики, астрономы, биологи, зоологи, медики, механики и др. Они получали самое современное (по тем временам) оборудование и большое жалованье из государственной казны для того, чтобы могли полностью посвятить себя науке. Во главе этого научно-образовательного

центра стоял царский чиновник, т. к. это было государственное учреждение. Те ученые, которые считали, что независимость в научных исследованиях дороже всяких благ и денег (а также не попавшие в Мусейон завистники), едко называли ученых Мусейона «жирными курами в курятнике». В Мусейоне творили известные всему миру ученые: «отец математики» Эвклид, математики Аполлоний Пергский, Гипсикл (исследование правильных многогранников), астроном Аристарх Самосский (размеры Солнца и Луны), механики Ктесибий (водяной насос, пневматические летательные машины) и Филон Византийский, медики Герофил и Эрасистрат (опыты на живых преступниках для доказательства своей ошибочной теории, что кровь циркулирует только по венам, а в артериях — воздух), астроном и географ Эратосфен, много лет заведовавший огромной Александрийской библиотекой, которой пользовались ученые Мусейона.

Главным занятием ученых Мусейона были научные исследования. Но здесь занимались и подготовкой учеников. Для занятий были выделены специальные комнаты. То есть Мусейон был одновременно и высшей школой, одной из самых престижных в те времена.

Во время правления династии Птолемеев Мусейон Александрийский стал не только главным интеллектуальным центром эллинистического мира, но и крупнейшим хранилищем древностей. Только в его библиотеке находилось, по разным оценкам, от 100 до 700 тыс. ценнейших манускриптов. После того как Египет попал под власть Рима (30 г. до н. э.), Мусейон потерял свое значение, а в III в. н. э. был разрушен. Его бесценная библиотека была повреждена вначале пожаром, затем — погромом ранних христиан, а окончательно погибла в VII—VIII вв. н. э., в эпоху арабских завоеваний.

В античный период были заложены основы многих профессиональных образовательных направлений. Так, можно говорить, что Древняя Греция стала родоначальницей европейского медицинского образования. Становление медицины в Греции во многом было связано с культом бога врачевания Асклепия (Эскулапа у римлян). Асклепиадами греки называли жрецов Асклепия (римляне — эскулапами). Жрецы Асклепия занимались врачеванием, и в святилища стекались толпы больных людей, желавших обрести здоровье. Асклепиады составляли замкнутую корпорацию, передавая секреты врачевания из поколения в поколение. В ряде святилищ Асклепия уже в VI—V вв. до н. э. сложились свои школы медицины: на о. Кос, в Книде (Малая Азия), в Кротоне (Апеннинский п-ов), на Сицилии.

Представителем знаменитой на весь античный мир ***косской школы*** (действовала на о. Кос) был *Гиппократ* (*ок. 460 — ок. 377 гг. до н. э.*). Он выступал против лечения болезней с помощью магических средств и религиозных очищений. Гиппократ учил индивидуальному подходу к каждому больному, для чего следовало выяснить «природу» (фюсис) пациента (т. е. особенности его организма), его наследственность и среду, где он

живет. Больному следовало назначать лекарства, не противоречащие его «природе». Огромное внимание Гиппократ и его ученики уделяли опыту, ведя своего рода «истории болезней». В их сочинениях описываются причины, симптомы болезней, способы их лечения с указанием лекарств, диет и процедур. Гиппократ отрицал сверхъестественное происхождение психических заболеваний, считая, что они также вызваны естественными причинами. Ему приписывается и создание «клятвы Гиппократа», которую произносят медики и в наши дни. В этой клятве содержатся основные положения врачебной этики.

Высшие школы в Древнем Риме

Для граждан греческих полисов и Римской республики образование, в отличие от восточных деспотий, являлось необходимым средством реализации их гражданских прав, принесения своих лучших качеств на благо всего коллектива равных перед законом людей. Правда, большинство граждан ограничивалось лишь начальным образованием, а доступ к высшему и среднему был затруднен из-за высокой платы за обучение.

Становление высшего образования в Риме происходило под сильным греческим влиянием. Но если в Греции вершиной образования считалось изучение философии, то в Риме — риторики. Это было обусловлено потребностями римской элиты: умение убеждать словом требовалось при выборах должностных лиц, при отстаивании интересов в сенате (который пополнялся высшими должностными лицами после истечения срока их полномочий), при командовании войсками, при ведении дипломатических переговоров (а римская дипломатия была весьма искусной).

Высшие школы в Древнем Риме — так называемые ***риторские школы*** — появились на Апеннинах только во II в. до. н. э. В эти школы, где за высокую плату обучали ораторскому искусству, принимали знатных юношей в возрасте от 16—17 лет. Обучение длилось 3—4 года. Первоначально преподавание велось по-гречески, так как все учителя были греками. Развитие риторских школ сдерживалось противодействием старой аристократии, выразителем взглядов которой стал сенатор *Марк Порций Катон*, прозванный Цензором. Катон всю жизнь ревностно оберегал простые и суровые традиции римского воспитания от влияния греческой философии и риторики, считая, что они «развращают юношество».

В 155 г. до. н. э. Афины послали в Рим делегацию схолархов четырех главнейших философских школ. Глава Академии *Карнеад* прочитал в сенате две лекции на одну и ту же тему, но с противоположными выводами. Он желал продемонстрировать неограниченные возможности греческого образования и, поразив простодушных римлян, сделать их союзниками греков. Результат получился прямо противоположный. Римский сенат под давлением Катона изгнал посольство и запретил грекам открывать

какие-либо школы в Республике, объявив, что это «растлевает молодежь». Поэтому долгое время образованных людей в Риме готовили не высшие школы, а домашние учителя, которыми были все те же греки (например, историк Полибий, попавший в Рим в качестве заложника).

Завоевание Римом Македонии и Греции (середина II в. до н. э.) привело к усилению греческого культурного влияния и вместе с тем придало мощный импульс развитию латинской культуры. Афинские высшие философские школы стали в поздней Республике центрами паломничества для всех образованных (или желавших прослыть таковыми) римлян.

В начале I в. до н. э. в Риме появилась и первая риторская школа, где преподавание шло не на греческом, а на латинском языке. Правда, она просуществовала всего несколько лет и была закрыта под давлением аристократии в 92 г. до н. э. Но уже при Юлии Цезаре запрет на подобные школы был снят, а саму концепцию риторского образования разработал знаменитый оратор и политический деятель *Марк Туллий Цицерон* (*106—43 до н. э.*).

Риторские школы должны были готовить юношей к государственной деятельности в различных сферах, поэтому молодые люди изучали латинский и греческий языки, риторику, философию, римское право, литературу, математику и астрономию, музыку. Воспитанники писали сочинения на заданную тему, овладевали ораторским искусством и практиковались в контроверсиях (вымышленных судебных делах). Самой известной риторской школой Рима стала школа *Квинтилиана* (*ок. 35 — ок. 96 н. э.*). Этот выдающийся оратор и педагог стал первым преподавателем риторики, получавшим содержание от государства. Считается, что его школа первой в Риме приобрела государственный статус. Его труд «Наставление оратору» на многие века стал главным учебником по риторике.

В эпоху империи не только продолжали действовать многочисленные высшие школы, созданные ранее греками и римлянами, но были основаны и новые как в столице, так и в провинциях. В 133 г. римский император Адриан, желая перенести в Рим культурную славу Афин, основал в своей столице ***Атеней*** (или ***Афиней***). Современники называли Атеней «школой изящных искусств». С лекциями в Атеней приезжали знаменитые ученые и поэты, которые собирали сотни слушателей.

Обычной практикой для выходцев из римской аристократии было продолжение высшего образования после риторской школы в самых престижных высших учебных заведениях империи на о. Родос, в городах Афины, Александрия (в Египте), Антиохия (в Сирии), Пергам (в Малой Азии) с их давними научными и педагогическими традициями. На завершение в них своего образования знатные юноши обычно выделяли один-два года. Родос был знаменит своим ораторским искусством, именно там учились Помпей, Юлий Цезарь, учитель Цицерона Молон, преемник Августа Тиберий. Александрия славилась прежде всего преподаванием философии. Высшие юридические школы действовали в Бейруте и Антиохии, в Алек-

сандрии. Наиболее престижное высшее медицинское образование можно было получить в Александрии и Риме.

В I—II вв. появились высшие школы и в западных провинциях империи. В Галлии (современная Франция) самыми известными из них были школы в Массилии (Марселе), Толозе (Тулузе), Бурдигале (Бордо), Лугдунуме (Лионе); в Испании — в Кордобе; в Белгике — в Трире; в Проконсульской Африке — в Карфагене. За время римского владычества они подготовили несколько тысяч образованных сенаторов, адвокатов, членов муниципальной власти.

С возникновением христианства появились и первые христианские учебные заведения. Самое первое из них было создано во второй половине II в. в Александрии. Оно предназначалось для людей, желавших стать христианами. Но тогда, чтобы принять христианское крещение, необходимо было пройти трехлетний испытательный срок — катехуменат. За эти три года катехумены должны были научиться основам христианской веры. Руководили училищем катехуменов в Александрии такие выдающиеся христианские мыслители, как *Климент Александрийский* (*умер до 215 г. н. э.*), *Ориген* (*ок. 185 — ок. 253 гг.*). Они не отвергали античную философию и науку, считая, что те необходимы для постижения христианского учения. Отвергалось лишь то, что было связано с языческой религией. Именно Ориген разделил своих слушателей на две ступени по уровню их образования. Наиболее образованные получали в училище высшее богословское образование. В начале III в. Ориген создал подобное учебное заведение и в Кесарии Палестинской.

Во времена Римской республики образование было частным делом граждан и не регламентировалось, а в эпоху империи — взято под государственный контроль. Император Пий Антонин (II в.) установил число преподавателей риторики и грамматики для каждого города в зависимости от количества его жителей. Преподаватели освобождались от многих налогов, получали плату из городской казны. Императоры своими указами устанавливали размеры оплаты труда преподавателей. В 362 г. при императоре Юлиане Отступнике все кандидатуры преподавателей высших школ стали утверждаться императором. Это было связано с обращением императора из христианства в язычество и его указом о запрете для христиан на преподавательскую деятельность. Но скорая смерть Юлиана привела к отмене запрета. В конце IV в. был установлен контроль над студентами, особенно в главных городах империи.

При императоре Феодосии I (в конце IV в.) христианство стало в Риме господствующей религией, а язычество было запрещено. Развернулись гонения на язычников, был закрыт ряд их учебных заведений. Однако большинство высших школ продолжало свою работу. Риторика в эпоху империи постепенно теряла свой былой престиж. В обществе, где граждане превратились в подданных императора, не было потребности в горячих

политических дебатах, в искусстве убеждения граждан в необходимости принятия предлагаемых законов, в публичном отстаивании своей кандидатуры при выборах должностных лиц. Риторика сохранялась как чистое искусство красноречия на публичных чтениях. Вместе с тем она была необходима церкви для проповедей священнослужителей, написания христианскими мыслителями блестящих сочинений, убеждавших читателей в истинности христианской веры и строгом соблюдении норм христианской нравственности.

Высшие школы Византии и Ближнего Востока

В конце IV в. Римская империя разделилась на Западную и Восточную. Их судьбы сложились по-разному. Великое переселение народов, начавшееся от монгольских степей, в IV—VII вв. потрясло Европу. Основной удар нашествия пришелся на Западную Римскую империю, и она пала в конце V в. Византийская (Восточная Римская) империя сумела уцелеть. Более того, в середине VI в. византийский император Юстиниан смог подчинить себе большую часть земель былой Западной Римской империи. Правда, вскоре нашествие арабов и расселение славян на Балканском полуострове привели к тому, что Византия утратила многие свои владения как на востоке, так и на западе.

Византия, просуществовавшая почти тысячу лет, в значительной мере сохранила античные традиции просвещения. До XII в. образование в Византии стояло на гораздо более высокой ступени, чем в целом в Европе. В ранней Византии до половины ее 50-миллионного населения было грамотным. Образование давало возможность продвинуться по социальной лестнице, обрести престижную профессию, сделать карьеру чиновника в многочисленном аппарате государственного управления. Еще в 425 г. восточноримский император Феодосий II основал в Константинополе ***Аудиториум*** (от лат. *audire* — слушать), который к VII в. стал главным учебным заведением Византийской империи. Распоряжение о его учреждении вошло в «Кодекс Феодосия» — один из самых знаменитых памятников римского права. Аудиториум получил статус государственного учреждения. Его профессора (их было 31) считались чиновниками и получали казенное жалование, а также обладали монопольным правом на преподавание в столице. В Аудиториуме были учреждены отделения греческого и латинского языка, права и философии (подобные современным факультетам). Константинопольское высшее учебное заведение нередко называют университетом. Но, несмотря на определенную его схожесть с западноевропейскими средневековыми университетами, были и серьезные отличия. Прежде всего константинопольское заведение не было свободной корпорацией студентов и профессоров. Это было государственное учебное заведение, основанное, содержавшееся и контролировавшееся императорской властью.

В Византии до начала VII в. действовало много высших учебных заведений и в провинциальных городах. Как правило, это были высшие школы, возникшие еще в эпоху Античности. Славились высоким уровнем образования риторские школы в Антиохии, Кесарии Палестинской, Газе, Афинах (здесь риторская школа действовала и после закрытия Академии), а также Никеи, Анкиры, Кизика. Наиболее знаменитой была философская школа Александрии. Философские школы функционировали также в Пергаме, Эфесе, Сардах. Лучшее высшее юридическое образование византийцы получали в Бейруте, медицинское — в Александрии. В христианской Византии возникли и высшие богословские школы. Помимо известных еще с античности школ в Александрии и Кесарии Палестинской они появились в Антиохии, Эфесе, Эдессе и других городах. Главными предметами в них были богословские (экзегетика, гомилетика, догматическое богословие, литургика и др.), но изучались там и светские дисциплины, необходимые для богословских занятий.

С первой половины VII в. начался упадок высшего образования в Византии. Это было вызвано войнами с арабами-мусульманами, что привело к утрате Византией большинства своих восточных земель, экономическим потрясениям. С этого времени единственным центром византийского высшего образования становится Константинополь — столица империи.

За сто лет арабы-мусульмане сумели подчинить себе огромные территории от Индии до Испании. Арабский халифат стал крупнейшей державой мира. Его правители мудро предпочитали не разрушать сложившиеся отношения на завоеванных территориях. Былые кочевники сами приспосабливались к ним. Объединение многих народов с их высоким уровнем социально-экономического и культурного развития в одно государство дало мощный импульс развитию Арабского халифата, формированию арабо-исламской цивилизации. Арабы ценили знания, если те не противоречили исламу. К концу Раннего Средневековья арабо-исламская цивилизация не только впитала культурные достижения покоренных народов, но и выдвинула плеяду собственных гениальных философов, ученых и поэтов. Тогда же возникли прообразы арабских университетов: «***Дома мудрости***» и ***медресе***.

Основатель династии Омейядов халиф Муавия во второй половине VII в. собрал в своей столице Дамаске (Сирия) огромную личную библиотеку. Халифы следующей династии Аббасидов — *аль-Мансур* и *аль-Мамун* (*VIII—IX вв.*) — увеличили ее и сделали открытой для посещений. К IX в. публичная библиотека в новой столице халифата Багдаде превратилась в настоящий комплекс с книгохранилищем, обсерваторией и учебным центром. Так появился «Дом мудрости» (по-араб. — бейт ал-хикма) — один из прообразов университета в арабо-исламской культуре.

Расцвет багдадского «Дома мудрости» начался во второй половине IX в., когда его библиотеку возглавил великий математик *аль-Хорезми*.

Благодаря ему в XII в. Европа познакомится с индийской десятичной системой счета (известной сегодня как арабская), алгеброй и алгоритмами (Algorithmi — латинское написание его фамилии). В это же время халиф аль-Мамун основал при «Доме мудрости» переводческий центр. В нем выполнялись переводы на арабский язык античных авторов, причем с замечательной для того времени эрудицией и филологической точностью. Именно так, на арабском языке, через 300 лет в Европу вернутся многие труды Платона и Аристотеля, казавшиеся безвозвратно утерянными. Самым известным переводчиком багдадского «Дома мудрости» был *Хунайн ибн Исхак* (умер в 873 г.).

Багдадские ученые добились также выдающихся успехов в астрономии, медицине, минералогии, географии. Но в «Доме мудрости» не только занимались наукой. Там можно было получить философское, медицинское, юридическое образование.

Распад Арабского халифата на отдельные государства (IX в.) привел к появлению «Домов мудрости» в Дамаске и Халебе (Сирия), Ширазе, Рее и Исфахане (Персия), Самарканде (Средняя Азия), Газни (Афганистан). Позднее, уже в Высоком Средневековье (X—XIII вв.) в обсерватории Исфахана (Иран) в начале XII в. трудился персидский поэт и математик *Омар Хайям*, в каирском «Доме мудрости» — астроном *Ибн Юнус* и математик *Ибн аль-Хайсам* (конец X — начало XI в.). Новые научные центры возникли в Кордовском халифате (Испания). Так, в XII в. приобрели широкую известность школы переводчиков из Севильи и Толедо, где были переведены на латынь труды многих арабских и еврейских мыслителей и ученых: аль-Фараби, Ибн Сины (Авиценны), Ибн Эзры и др. В «Домах мудрости» мавританской Испании работали арабские мыслители *Ибн Баджа* и *Ибн Рушд* (*Аверроэс*), великий еврейский философ-энциклопедист *Маймонид*.

Крупнейшими центрами просвещения в Средней Азии были города Бухара и Самарканд (Узбекистан). Уже в начале XI в. в Бухаре существовала медицинская школа, где преподавал *Ибн Сина* (*Авиценна*) — философ, поэт и великий врач. Ему принадлежит первая медицинская энциклопедия (в пяти частях), оказавшая огромное влияние на развитие медицины во всем мире.

Монгольские завоевания и походы Тимура на Востоке, Реконкиста в Испании нанесли непоправимый урон арабской культуре. «Дома мудрости» были разрушены, ученые убиты или разогнаны. Но арабское просвещение не погибло. Вторая модель мусульманского университета — медресе — выдержала все нашествия и смогла дожить до сегодняшних дней.

Слово «медресе» происходит от арабского «дараса» (учить). Эти учебные заведения в IX в. появились при главных мечетях крупных городов. В медресе получали не только высшее богословское образование, но и готовили учителей начальных мусульманских школ (мектебе), а также чиновников. В медресе, кроме арабского языка, теологии и шариата (мусуль-

манского права), преподавали также историю, географию и математику. Во времена Османской империи (XV—XIX вв.) обучение в медресе приняло религиозную направленность. Однако во второй половине XX в. медресе были реформированы. Сегодня это современные учебные заведения, где основные функции университета — образовательная, научно-исследовательская и культурно-воспитательная — реализуются с учетом религиозных норм Корана и специфики исламского общества.

Древние традиции сегодня поддерживают арабские университеты. Самый известный действующий университет мусульманского мира — ***аль-Азхар*** — находится в Каире (Египет). Он был основан около 975 г. при одноименной мечети (аль-Азхар по-арабски — «блистательнейшая мечеть»). Первоначально обучение проходило прямо во дворе мечети, но иностранцам для проживания было отведено специальное помещение (ривак). Древнейшим из ныне действующих университетов считается мусульманский университет ***аль-Карауин*** в Фесе (Марокко), открытый в 859 г. Здесь работали *Ибн Араби, Ибн Халдун*, *Маймонид*.

Успехи образования и науки в халифате побуждали и византийских императоров покровительствовать просвещению и ученым. Но, конечно, главной причиной возрождения высшего образования в Византии были ее внутренние потребности в высококвалифицированных чиновниках, дипломатах, юристах, медиках, инженерах и изобретателях.

В середине IX в. в Константинополе была открыта государственная высшая школа. Ее назвали ***Магнаврской*** (по названию зала императорского дворца, где она располагалась). Это было элитное учебное заведение, предназначенное для подготовки государственных чиновников. Первым руководителем школы стал выдающийся византийский ученый *Лев Математик*. В Магнаврской школе изучали грамматику, философию, геометрию, астрономию. Богословие там не преподавалось. Уже в Высоком Средневековье в середине XI в. в Константинополе император Константин IX Мономах создал еще одну высшую школу, в которой было два отделения: юридическое и философское, где также готовили чиновников. Философское отделение возглавлял знаменитый философ-энциклопедист *Михаил Пселл* (*1018 — ок. 1078 или ок. 1096*). Вскоре на базе отделений были учреждены два самостоятельных высших учебных заведения: права и философии. К концу XI в. ***Константинопольская философская школа*** стала центром рационалистических взглядов, что привело к столкновению ее руководителя *Иоанна Итала* с православной церковью и осуждению его как еретика.

В конце XI в. в Константинополе начала действовать ***Патриаршая школа***. Там кроме традиционных богословских предметов преподавали также риторику, философию, математику, механику, медицину. Патриаршая школа готовила кадры не только для церкви, но и для государственного аппарата Византии. Из нее вышли наиболее выдающиеся византий-

ские деятели науки и культуры того времени. В XI—XII вв. было открыто несколько высших учебных заведений не только в Константинополе, но и в других городах Византийской империи: в частности, в Фессалониках. После захвата в 1204 г. Константинополя крестоносцами и варварского разграбления города высшие школы Византии прекратили свое существование. Восстановленная империя столкнулась с постоянной угрозой нашествий турок-османов. Она так и не вышла из кризиса до своего падения в 1453 г.

«Темные века» западноевропейского Раннего Средневековья

Для региона бывшей Западной Римской империи начало Средневековья было временем глубокого упадка культуры, которое многие историки называют «темными веками». Варвары (как их называли римляне), разгромившие Западную Римскую империю и создавшие на этой территории свои королевства, находились на неизмеримо более низком уровне общественного развития. Они были поголовно неграмотными. Грамотный король варварского государства представлял собой редчайшее исключение. Даже Карл Великий, овладевший немалыми знаниями, особенно в богословии, едва научился писать. Образ жизни варваров — земледельцев, скотоводов, воинов — не требовал и не предполагал даже элементарного интеллектуального образования. Главными мишенями варварских завоеваний были римские города — центры римской цивилизации, античной культуры и образования. Варварские нашествия привели к упадку городов, поэтому постепенно исчезали и прежние римские школы.

Разрушение былых общественных, экономических связей эпохи Римской империи пагубно сказалось на сфере образования. Примитивизация экономики с безраздельным господством аграрного сектора, общественно-политической жизни не создавала стимулов для овладения богатствами интеллектуальной сокровищницы античной эпохи. Античная культура испытала страшный удар. Прежние культурные связи были нарушены, центры античной культуры пришли в упадок либо уничтожены. Варвары принесли с собой иное мировоззрение, иные ценности. Основным и едва ли не единственным связующим элементом культуры завоевателей и побежденных было христианство. Именно оно стало главным ретранслятором античной культуры в новую эпоху. И это во многом обусловило безраздельную монополию церкви в раннесредневековой культуре государств, созданных на обломках Западной Римской империи. Путем синтеза элементов античности и варварства в Раннем Средневековье формировалась новая средневековая культура Западной Европы. Именно создание этого нового типа культуры позволяет оценивать Раннее Средне-

вековье не просто как «темные века», а считать их необходимым составляющим этапом в развитии культурно-исторического процесса.

Риторские школы сохранились только в Италии: в Риме, Павии, Милане, Равенне, Вероне. Редкостью стало получение не только среднего, но и начального образования. В грамотных, образованных людях нуждалась, главным образом, церковь, и основными типами школ, где получали начальное и среднее образование, стали монастырские и кафедральные школы. Первые создавались при монастырях, вторые — при кафедрах епископов. Монастырские школы располагались преимущественно в сельской местности, кафедральные — в городах, бывших резиденциями епископов. В них учились как взрослые, так и дети. Главной целью обучения в таких школах была подготовка духовенства и монахов, но далеко не все учащиеся пополняли их ряды.

Еще в начале Раннего Средневековья была окончательно разработана программа образования по системе «***семи свободных искусств***», ставшая в Высоком Средневековье основой университетского образования. Сформулировал ее в начале V в. карфагенский ритор и писатель *Марциан Капелла*. Эта система, взятая в усеченном виде у римского энциклопедиста I в. до н. э. Варрона (исключены были медицина и архитектура), включала в себя изучение грамматики, риторики, диалектики (позднее это назвали ***тривиумом***) и геометрии, арифметики, астрономии, музыки (***квадривиум***). «Свободными» эти науки были названы потому, что предназначались для свободных людей, не рабов.

Разделение «семи свободных искусств» на тривиум и квадривиум и обоснование их значения для нового общества связано с деятельностью двух великих представителей раннесредневековой культуры — *Боэция* (*ок. 480—524*) *и Кассиодора* (*ок. 487 — ок. 578*). Оба они занимали важные посты при дворе правителей Остготского королевства в Италии. Расцвету их творчества и деятельности во многом способствовала политика, проводившаяся остготским королем Теодорихом, стремившимся к тесному союзу завоевателей-остготов и местного римского населения. Был сохранен римский аппарат управления, продолжал существовать сенат, действовало римское право. Тратились огромные средства на поддержание великолепных архитектурных сооружений Рима и других городов Италии, строились новые здания, устраивались цирковые и театральные зрелища. Поэтому нередко кратковременный подъем культуры при Теодорихе называют «остготским возрождением».

Боэций еще в юности написал трактаты по арифметике, геометрии, астрономии и музыке. В Средние века они пользовались необыкновенной популярностью, а по «Наставлению к музыке» Боэция учились студенты Оксфордского университета в XVIII в. Трактаты Боэция были учебниками по соответствующим дисциплинам, в них же он дал и философское обоснование квадривиума как одной из двух частей «семи свободных ис-

кусств». По Боэцию, дисциплины квадривиума являются необходимой ступенью подготовки человеческого разума к занятиям истинной наукой — философией. Именно философия — вершина всех наук. Изучение дисциплин квадривиума позволяет разуму постепенно освобождаться от чувственного, телесного восприятия мира, вырабатывает способность абстрагирования, оперирования общими понятиями (универсалиями). Дисциплины квадривиума (в том числе и музыка), по Боэцию, суть математические. Предмет их изучения — числа. Начинать обучение следует с арифметики (а не геометрии, как полагал Марциан Капелла). Арифметика оперирует абстрактными числами, формирует абстрактный образ мышления. Геометрия использует числа уже применительно к материальным объектам (длина, высота и т. д.). В музыкальных созвучиях, модуляциях выражаются разнообразные сочетания чисел. Астрономия изучает числа, которые выражают движение небесных тел, устремляет душу к небу.

Кассиодор в конце 30-х гг. VI в. оставил государственную службу и посвятил себя литературной и религиозной деятельности. В этот период он написал «Наставления в науках божественных и светских», которые в дальнейшем использовались как учебные пособия. В «Наставлениях» Кассиодор четко разделил «семь свободных искусств» на тривиум и квадривиум, изложил содержание их дисциплин. Он рассматривал образование как средство познания божественного откровения, утверждая, что риторика берет свое начало из Библии, «семь свободных искусств» являются средством познания откровения. Эти дисциплины, основанные на античной традиции, по его убеждению, нисколько не противоречат христианской вере. Кассиодор полагал, что духовенство и монахи должны хорошо знать античную науку для постижения истин веры, Писания.

Крупнейшим западноевропейским государством Раннего Средневековья стала держава франков. Ее правитель Карл Великий в 800 г. принял титул императора, полагая, что его империя отнюдь не уступает Византийской. Термином ***«Каролингское возрождение»*** принято обозначать подъем культуры в державе франков при Карле Великом и его ближайших преемниках. Подъем был вызван потребностью в служащих для нового разраставшегося аппарата управления государством, которые были бы не только преданны королю, но и обладали знаниями. Вместе с тем Карл Великий осознавал необходимость повышения уровня образованности духовенства и монашества.

Важной мерой Каролингского возрождения стало оглашение Карлом Великим в 789 г. ряда распоряжений, названных «Общим наставлением». Одно из них предписывало создавать при каждом монастыре и в каждом епископстве школы для мальчиков, где те должны были обучаться «псалмам, знакам письма, пению, календарю, грамматике». Это повлекло за собой рост количества кафедральных и монастырских школ. Уровень образования в них был невысоким. Хотя в основу обучения и была положе-

на система «семи свободных искусств», главной целью было научить учеников читать и писать, понимать смысл молитв. Циклу математических дисциплин почти не уделялось внимания.

Ядро Каролингского возрождения составляла «придворная» школа при королевском дворе, в которой кроме служащих и духовенства всегда было немало молодых людей из франкской знати. Они участвовали в устраиваемых при дворе мероприятиях, напоминавших древнегреческие симпосии, во время которых употребление вина и пива сопровождалось интеллектуальными играми, диспутами, чтением и обсуждением литературных произведений. Из забытья возвращались труды Цицерона, Тита Ливия, Овидия, Горация и других нехристианских античных авторов. Тон в этих ученых беседах задавали не франки, а приглашенные императором наиболее образованные люди из различных уголков Европы. Руководил «придворной» школой дьякон *Алкуин* (*ок. 735 — 804*), выходец из Йорка в Нортумбрии (в нынешней Англии). Он был выдающимся ученым, писателем, педагогом. Алкуин создал ряд учебников по дисциплинам «семи свободных искусств» и обучал франкскую знать латыни, много внимания уделял организации переписки древних книг.

Среди других участников придворных симпосиев наиболее известными были Павел Диакон и Теодульф. Лангобард *Павел Диакон* — автор «Римской истории», «Истории лангобардов», поэтических произведений. Вестгот по происхождению *Теодульф* — известный теолог, прекрасный поэт, знаток античной поэзии. Среди учеников этой блестящей плеяды интеллектуалов выделялся *Рабан Мавр* — аббат монастыря в Фульде, энциклопедист (его трактат «О Вселенной»), автор учебных пособий по ряду дисциплин «семи свободных искусств», множества богословских сочинений.

Каролингское возрождение было явлением кратковременным, распад империи франков положил ему конец. Но оно оставило свой след в культурной традиции Западной Европы, позволило сохранить немало достижений античности.

У истоков университетского образования (X—XI вв.)

Начало Высокого Средневековья стало в Западной Европе временем бурного развития экономики, быстрого роста городов. Города превратились в центры ремесла и торговли, они добивались самоуправления. Оживилась городская жизнь. Развитие городов дало мощный импульс подъему культуры и образования. В среде горожан ценились высококвалифицированные специалисты в различных видах ремесла, торговли, права, управления. А для этого требовалось соответствующее образование.

В городах открывались нецерковные, светские школы. Образование перестало быть монополией духовенства и монашества. Городские школы основывались гильдиями купцов, цехами ремесленников, городскими советами либо отдельными богатыми горожанами. Как правило, обучение в них было платным, в отличие от церковных школ. В городских школах гораздо больше внимания уделялось изучению математики, естествознания, права. Это вытекало из профессиональных потребностей горожан. Обучение велось на родном языке, что имело как положительную, так и отрицательную сторону. Родной язык обучения делал образование более доступным, но возможность получения дополнительного образования в иных типах школ сдерживалась неподготовленностью в усвоении универсального языка средневекового образования и науки — латыни.

Монастырские школы, располагавшиеся в основном в сельской местности, постепенно утрачивали свое значение. Для желавших получить качественное образование привлекательными становились кафедральные школы в городах, менее подверженные консерватизму и более открытые для новых интеллектуальных веяний. В этих школах преподавали известные ученые и мыслители того времени. Немало учащихся путешествовало из одной кафедральной школы в другую, чтобы слушать прославленного преподавателя. Да и многие преподаватели часто были странствующими — переходили из города в город в поисках заработка. Толпы учеников следовали, например, за *Пьером Абеляром* (*1079—1142*), известным своим свободомыслием.

П. Абеляр преподавал в школах Франции (в Мелене, Корбейле, на горе св. Женевьевы под городскими стенами Парижа, при соборе Нотр-Дам). Выходец из семьи рыцаря, ради науки он добровольно отказался от почестей и привилегий своего сословия. Про Абеляра говорили, что он имел больше учеников, чем учителей. Послушать Абеляра — блестящего преподавателя и мастера диспута — приезжали сотни людей со всех уголков Европы. П. Абеляр был блестящим представителем схоластики с ее обоснованием христианского вероучения с помощью логики, рациональных рассуждений. Даже бытие Бога стало предметом доказательства с позиции разума. Кредо Абеляра — «понимаю, чтобы верить» — стало путеводной нитью для многих поколений мыслителей. Ищущие знаний зачитывались его книгой «Да и нет», где были собраны цитаты из трудов отцов церкви, которые на один и тот же вопрос давали противоположные ответы. За свободомыслие П. Абеляр был дважды осужден церковными соборами как еретик. В конце жизни он отрекся от своих взглядов, проведя последние годы в монастыре.

Из кафедральных школ крупных городов Западной Европы возникли ***всеобщие школы*** (*studia generalia*). Такое название они получили прежде всего потому, что были открыты не только для местных жителей, но и для тех, кто приезжал учиться из других городов или стран. Кроме того, в них

изучали полный курс «семи свободных искусств» и еще одну специальную дисциплину (медицину, богословие, право). Преподавание велось на латинском языке. Ряд всеобщих школ приобрели европейскую известность. В них можно было получить полноценное высшее образование. Уже в XII в. всеобщие школы стали средоточием высшего образования в Западной Европе. Именно на базе всеобщих школ и сформируется впоследствии большинство средневековых университетов Европы.

Широкую известность имела всеобщая школа в Париже при соборе Нотр-Дам. Ценилось ее высшее теологическое образование. В Париже действовали также другие высшие школы, где готовили теологов. Славилась и богословская школа в английском Оксфорде. Множество юношей, желавших изучать право, сходились из разных уголков Европы в Болонье (в Северной Италии). В располагавшейся там высшей школе права (которая была не церковной, а светской, в отличие от большинства других) преподавал знаменитый юрист *Ирнерий,* великолепный знаток римского права. Высшим тонкостям права учили также в Парме, Падуе, Пьяченце. Во второй половине XI в. в средневековой Европе появилась и первая медицинская высшая школа. Она была открыта в городе Салерно (Южная Италия). *Салернская медицинская школа* получила широкую известность благодаря использованию достижений арабской науки и медицины. В ее становлении выдающуюся роль сыграл монах *Константин Африканский*, переведший с арабского языка много трудов восточных медиков.

В XII в. в ряде западноевропейских городов была уже не одна, а несколько высших школ (только в Париже — более десятка). Известная еще в античности градация образования на начальное, среднее и высшее была восстановлена. Но Средневековье дало человечеству и новый тип высшего учебного заведения — университет.

Глава 2

НАЧАЛО ЭРЫ ЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Первые европейские университеты

В конце XI — начале XII в. в Европе возникают первые университеты. Как высшее учебное заведение университет сформировался в Западной Европе в период Высокого Средневековья, но истоки его уходят в античность. Главным наследием, которое средневековое образование получило из античности, стала система учебных предметов под названием «семь свободных искусств». На них базировалось все обучение в средневековых высших школах, а затем и в университетах. Античность дала огромный пласт знаний, без усвоения которых было немыслимо университетское образование. Латинский язык, на котором разговаривали и писали древние римляне и многочисленные народы былой Римской империи, в Средневековье стал языком высшего университетского образования. Из латинского языка пришли слова «профессор», «студент», «ректор», «декан», «лекция», «диспут», «экзамен», «лаборатория» и многие другие, хорошо известные любому студенту и ныне.

Само слово «***universitas***» («***университет***») также было взято из латыни. Оно означает «корпорация», «коллектив», «совокупность». Но в Средние века под «universitas» подразумевалось вовсе не современное универсальное образование (в отличие от узкоспециального обучения в профессиональных высших учебных заведениях). «Университетом» в средневековом обществе называлось любое профессиональное объединение людей — например, цех (то есть «университет») сапожников, ювелиров или булочников, гильдия купцов, городская коммуна и т. д. Но уже в XIV в. термин ***universitas magistrorum et scholarium*** прочно закрепился за высшим учебным заведением как за коллективом студентов и преподавателей. Со временем для определения подобного высшего учебного заведения стало достаточным

употребление только первого слова этого термина. Студентов в Средние века обычно называли ***школярами***, а термин ***«studentes»*** обозначал как студентов, так и преподавателей, занимавшихся («штудировавших») наукой.

Старейшим университетом современной Европы является Болонский, открытый в городе Болонья (Северная Италия) примерно в 1088 г. Своим возникновением он обязан успехам болонской высшей школы права, получившей признание далеко за пределами Италии. Особенностью ***Болонского университета*** было то, что до XIV в. он действовал как юридическое учебное заведение, где изучали в основном римское и каноническое право. Число школяров, приезжавших в Болонью не только со всей Италии, но также из Англии, Франции и Германии, в конце XI в. было столь велико, что первоначально возникло даже два «университета»: один — для итальянцев, второй — для выходцев из других стран. В начале XII в. они объединились, при этом в университете образовались так называемые ***«нации»*** — землячества студентов. В XIII в. в Болонье училось около 10 тыс. человек (хотя, скорее всего, эти данные преувеличены). Именно в Болонском университете впервые стали присваивать ученые степени.

Парижский университет считается вторым старейшим в Европе. Годом его возникновения обычно называют 1200-й (иногда — 1150 г. или 1215 г.). Он возник в результате слияния всеобщих школ при кафедральном соборе Нотр-Дам. В 1200 г. король Франции Филипп II Август после стычки студентов с горожанами (в которой было убито несколько студентов) выдал хартию парижским магистрам и школярам о гарантии их прав и обязался их защищать. В 1215 г. Папа Римский Иннокентий III взял Парижский университет под свое покровительство, а его легат дал университету первый устав. Но самые первые привилегии парижские студенты получили от Папы Римского Целестина III еще в 1194 г. В этом университете сразу стало действовать четыре факультета (свободных искусств, канонического права, медицины и теологии). Главными среди изучаемых наук являлись богословие и юриспруденция. Это объяснялось тем, что в создании университета деятельное участие приняли французский король и папа римский, причем глава церкви вначале играл основную роль. Именно Парижский университет на многие века станет главным богословским центром средневековой Европы. В XIII в. по числу студентов он не уступал Болонскому университету, а в XIV в. уже не имел себе соперников.

Болонский и Парижский университеты положили начало двум моделям организации высшей школы университетского уровня. Болонский университет возник в результате объединения школяров (причем не церковных школ, а светских, частных), которые и руководили его жизнью. Они сами избирали из своей среды главу университета — ***ректора*** (от латыни ***rector*** — правитель, руководитель), нанимали преподавателей, заключая с ними ежегодные контракты, устанавливали оплату труда преподавателей, нанимали помещения для занятий, определяли порядок чтения

лекций. Это была неслыханная студенческая «вольница». Преподаватели без разрешения не могли покидать университет и выезжать из города (они давали соответствующую клятву), их могли оштрафовать за пропуск отдельных лекций, а также за то, что преподаватель продолжил их после «звонка» (удара колокола).

В Парижском университете, возникшем как объединение преподавателей, ректора избирали магистры. В отличие от Болонского университета, в Париже в обсуждении университетских дел и в голосовании участвовали только преподаватели. Они же устанавливали порядки в университете, вводя немало ограничений для школяров. Согласно уставам, школярам запрещалось приглашать на свои пирушки посторонних, оставлять их ночевать (особенно женщин), выносить из общежития библиотечные книги и даже носить роскошную или «бросающуюся в глаза» одежду. Магистры объединялись в четыре корпорации (свободных искусств, теологии, права, медицины), представлявшие собой факультеты. Магистры избирали из своей среды и главу факультета.

Болонский университет, в управлении которым главная роль принадлежала студентам, стал моделью для организации многих университетов юга Европы. Парижский университет, где управление осуществляли преподаватели, являлся моделью для университетов центральной и северной части Европы.

Несколько позже возникли английские университеты: в ***Оксфорде*** (1200 г., по другим сведениям — 1167 г.) и ***Кембридже*** (1209 г. или 1214 г.). Университеты Англии стали третьей моделью организации высшей школы. Они состояли из отдельных домов-колледжей, объединенных общим управлением, но сохранявших широкую автономию в вопросах преподавания и внутреннего распорядка. В Оксфорде кроме четырех основных факультетов до середины XIII в. действовал пятый, низший факультет — грамматический.

Организационная структура первых университетов и ее эволюция

Первые университеты (за исключением Болонского) состояли из четырех ***факультетов***: «младшего» и трех «старших». Факультет свободных искусств (или артистический) считался «младшим», подготовительным факультетом. Необходимость его существования объяснялась тем, что в Средние века не было единого стандарта первоначального образования. Школяры, поступавшие в университет, обычно имели возраст 15—16, иногда 14 и даже 12 лет (верхней возрастной планки не существовало). Единственным, но обязательным требованием к поступавшим было владение латынью в объеме, позволявшем читать книги и понимать лекции.

Артистический факультет давал школярам необходимую подготовку для обучения на «старших», специальных факультетах. На факультете преподавали «семь свободных искусств». Полный курс факультета состоял из двух циклов: словесного (тривиума) и реального (квадривиума). Тривиум считался начальной ступенью высшего образования (сегодня об этом напоминает слово «*тривиальный*», то есть обычный). Он включал грамматику, диалектику (по сути — формальную логику) и риторику. Квадривиум был второй ступенью и состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки.

Только закончив подготовительный факультет, можно было продолжить обучение на «старших» факультетах: медицинском, юридическом и теологическом (богословском). На этих факультетах изучали только специальные науки: на медицинском — труды античных медиков Гиппократа и Галена, на юридическом — церковное право и кодекс Юстиниана, на богословском — Священное Писание и труды отцов церкви. Самым престижным из «старших» факультетов считался теологический. Разрешение на его открытие давал сам папа римский.

Каждый из факультетов возглавлял ***декан*** (по-латыни *decanus* — десятник), избираемый профессорами из своей среды на один-два года. Декан наблюдал за правильностью обучения, руководил экзаменами и охранял права и привилегии университетской корпорации. В свою очередь, каждую студенческую «нацию» возглавлял ***прокуратор*** (от лат. *curare* — заботиться). Каждая «нация» имела сотни, а порой и тысячи членов, собственную казну и печать. В Парижском университете в середине XIII в. насчитывалось четыре «нации» (галльская, норманнская, пикардийская и английская), а в Болонском — более 20. «Нации» формировались по земляческому и языковому принципам. В малочисленных же английских университетах, где иностранцев почти не было, студенты делились только на две «нации»: северную и южную.

Глава университета — ректор — созывал и руководил общими собраниями, принимал присягу от вновь поступавших и вносил их в списки, выдавал ученые дипломы и оберегал университетские привилегии. Эта должность была очень почетна, но малодоходна и доставляла много хлопот. Поэтому при ректоре действовал совет, помогавший ему в административном управлении. Советники (consiliarii) первоначально избирались «нациями», а позднее — профессорами. По мере расширения средневековых университетов в них появились должности казначея, судьи, нотариуса, главного и младших переписчиков, переплетчика, главного ***педеля*** и его помощников. Педель следил за порядком на занятиях, за их своевременным проведением, помогал студентам в поиске мест в аудитории, выполнял функции полицейского характера.

Представителем епископской или королевской власти во французских и английских университетах выступал ***канцлер***. Юридически он считался

главой университета и первоначально выполнял функции судьи и казначея, а в Парижском университете также выдавал дипломы на право преподавания. В ходе взаимной борьбы папы римского и короля Франции, каждый из которых искал поддержку у профессоров и студентов, между ними был достигнут компромисс и власть канцлера ограничили. Он потерял право выдавать лицензии без экзаменов, судить школяров (кроме случаев по обвинению в убийстве), вмешиваться в управление университетом. Решающее слово в этом принадлежало парижским студентам, заявившим в середине XIV в. о том, что они признают только власть папы римского и своего ректора. К XV в. должность канцлера во Франции свелась к посреднической функции между университетом и духовной властью.

В Англии, где позиции папы римского были гораздо слабее, канцлера назначал король. Поэтому канцлер являлся союзником королевской власти и не только юридически, но и фактически возглавлял университет. Именно канцлеры, а не ректоры руководили Оксфордом и Кембриджем на протяжении Средневековья. И эта традиция сохранилась до наших дней.

Первоначально занятия проходили на дому у преподавателей или в наемных помещениях, так как собственных помещений университеты не имели. В XIII в. при университетах появляются ***коллегии*** (от лат. *collegium*), или ***коллегиумы***. Вначале это были общежития для студентов, но вскоре они стали также и местом для занятий. Обычно коллегиумы учреждались на пожертвования благотворителей. Первыми коллегиумами Парижа стали ***Сорбонна***, открытая в 1257 г. *Робером де Сорбоном* (духовником короля Людовика IX), и ***Наваррская коллегия*** (создана в 1304 г. *Жанной Наваррской*, женой короля Филиппа IV). К началу XVI в. в Париже действовало уже около 50 коллегиумов, причем с середины XV в. проживание в них студентов непарижан стало обязательным. В XVII в. Парижский университет по имени самого знаменитого коллегиума его теологического факультета стали называть Сорбонной. Старейшими английскими коллегиумами (по-англ. — ***колледжами***) являются Блэкфраэрз, Бэллиол и Мертон (Оксфорд, XIII в.), Сент-Питер и Клэр (Кембридж, конец XIII — начало XIV в.). Система колледжей сохранилась в Оксфордском и Кембриджском университетах до наших дней.

Формирование корпорации преподавателей и студентов. Ее особенности

Средневековые университеты создавались и действовали по образцу цеховых корпораций. Об этом говорит уже само название «universitas magistrorum et scholarium». Как и любое профессиональное объединение, эта корпорация обладала всеми атрибутами средневекового цеха: собствен-

ным уставом и привилегиями, иерархической лестницей, особой формой одежды и компактным расположением.

Своеобразие университетской корпорации начиналось с того, что все ее члены — и преподаватели, и студенты — говорили на латыни. К моменту основания первых университетов латынь была уже мертвым языком, но она давала возможность школярам, приехавшим из самых отдаленных уголков Европы, общаться друг с другом, читать книги и понимать лекции профессоров. Владея латынью, можно было свободно передвигаться по Европе и чувствовать себя как дома в любом университете. Не случайно территория на берегу Сены, где жили парижские студенты, называлась ***Латинским кварталом***.

Следующей чертой университетской корпорации была ее сложная иерархическая структура. Вступительных экзаменов в университеты не было, туда записывались у преподавателей. Первая ученая степень — ***бакалавр*** свободных искусств — присваивалась студенту, изучившему предметы тривиума и сдавшему экзамен (*baccalaureus* — от лат. *bacca* — ягода и *laurea* — лавровая ветвь). Для этого нужно было сдать экзамен группе магистров во главе с деканом. Для допуска к экзамену следовало участвовать в определенном количестве диспутов. На экзамене студент обязан был показать должное знание изученных книг, а затем в публичном диспуте доказать правоту своего мнения. Бакалавр, продолжая свое обучение, ассистировал магистру — читал несложные лекции (причем его самостоятельность строго ограничивалась). Обретя необходимую практику, он получал звание ***лиценциата*** (от лат. *licentia* — право, вольность, своеволие), т. е. получал право преподавания в университете.

Вторую ученую степень — ***магистра*** (по-латыни *magister* — начальник, учитель) — присваивали на артистическом факультете тем, кто постиг квадривиум, постоянно участвовал в диспутах и не менее пяти лет самостоятельно изучал наиболее легкие философские книги Аристотеля. Держать экзамен на степень магистра в Парижском университете можно было не ранее 25-летнего возраста. Экзамен также состоял из ответов на вопросы и публичного диспута с кем-либо из членов комиссии. Соискателю необходимо было иметь звание лиценциата. На заключительной стадии получения магистерской степени происходила ***инаугурация***. Это была торжественная месса в церкви, после которой выпускнику вручали четырехугольный магистерский берет, перчатки и книгу. Магистр свободных искусств становился полноправным преподавателем артистического факультета.

«Старшие» факультеты присваивали свои ученые степени, но для их получения приходилось штудировать уже специальные науки. На медицинском факультете магистр искусств мог стать бакалавром медицины лишь через три года учебы, выдержав экзамен. Для звания лиценциата нужно было заниматься еще два года под руководством опытного доктора. Для получения степени магистра (доктора) медицины требовалось

еще несколько лет. Труднее всего было получить ученую степень на юридическом и богословском факультетах. Например, в Оксфорде магистр искусств только через четыре года мог стать бакалавром права, а еще через шесть лет — доктором права. В Парижском университете магистр искусств мог получить степень бакалавра богословия только через семь лет, а степень доктора богословия — еще через семь лет учебы.

Соискатель высшей степени ***доктора*** (по-латыни *doctor* — учитель, наставник) должен был сдать экзамен докторам своего факультета (писал ответы на задания и отвечал на вопросы по каким-либо темам). Затем он сам предлагал тезисы по избранной теме и публично защищал их перед студентами. При инаугурации новоиспеченный доктор получал бархатную мантию, шапочку и золотое кольцо, затем читал инаугурационную лекцию и обязательно должен был дать банкет, на котором подносил подарки всем докторам.

Иерархия университетской корпорации походила на иерархию средневековых цехов ремесленников. Студент весьма напоминал ученика, трудившегося у мастера, бакалавр — подмастерья, а магистр — мастера как полноправного члена цеха. Термин «***профессор***» в Средневековье понимался так, как и в античности, — преподаватель, учитель. Как официальное университетское звание преподавателя он появился в Оксфордском университете в XVI в.

Обретение высших университетских степеней требовало не только интеллектуальных усилий, но и значительных материальных расходов (плата за лекции, жилье, покупку или переписку книг, расходы на еду, отопление, одежду и т. д.), а также длительного времени. Поэтому неудивительно, что у большинства студентов (60—70 %) хватало сил и способностей только на тривиум. Намного меньше заканчивали второй цикл — квадривиум, и лишь ничтожное меньшинство переходило на высшие факультеты. Правда, бывали исключения из правил. За особые заслуги экзамен на высших факультетах можно было сдавать и экстерном. Именно так в Падуанском университете в 1512 г. был допущен к экзамену, блестяще выдержал его и получил степень доктора медицины Франциск Скорина — бывший магистр свободных искусств Краковского университета и «секретарь короля Дакии».

Университетское образование высоко ценилось в Западной Европе. Открывая дорогу к высотам профессиональной, государственной и церковной карьеры, оно было для незнатных студентов единственной возможностью выбиться в люди. В Болонье, например, доктора права, даже иностранцы, зачислялись в списки почетных жителей города, получали рыцарское звание и освобождались от уплаты налогов. Самый могущественный в Средние века Папа Римский Иннокентий III, который диктовал свою волю королям, перед избранием его папой имел за плечами два самых престижных высших образования: теологическое, полученное

им в Париже, и юридическое — в Болонье. Его последователи, папы Григорий IX и Иннокентий IV, получили соответственно высшее теологическое и юридическое образование в Парижском и Болонском университетах. Ученые степени, присуждаемые каким-либо одним университетом, признавались, за редким исключением, во всех университетах Европы. При этом вырабатывалась единая иерархия ученых степеней, которые первоначально неодинаково понимались в различных университетах и даже на факультетах.

Процесс обучения в средневековом университете

Главной отличительной чертой университетской корпорации стала ее уникальная деятельность, получившая позднее название интеллектуального труда. Начавшись как механическое накопление знаний, эта деятельность не только привела к созданию особой профессии, влияние которой век от века росло, но в конечном итоге стала двигателем прогресса общества. Первоначально она проявилась в формах преподавания в средневековых университетах.

В Средние века студенты не изучали курс какой-либо конкретной науки (например, римского права или философии), а слушали, как профессор читает ту или иную книгу. Знаменитый английский ученый XIII в. *Роджер Бэкон*, преподававший в Оксфордском и Парижском университетах, сформулировал это так: «Если некто знает текст, он знает все, что относится к науке, о которой толкует этот текст». Задача профессоров состояла в том, чтобы усвоить содержание трудов общепризнанных интеллектуальных авторитетов самим, а затем передать эти знания ученикам.

Основной формой передачи знаний была ***лекция*** (лат. *lectio* — чтение). Перед ее началом преподаватель делал краткое вступление, давая разъяснения по поводу изучаемой книги и не гнушаясь саморекламы, а затем в течение одного-двух часов читал студентам саму книгу. Записывать во время лекций запрещалось. Студенты должны были являться в аудиторию с текстами книги и внимательно следить за чтением. Книги студенты либо покупали (что было дорого), либо за небольшую плату брали в специальных архивах университетов и переписывали. В ходе лекции они изучали комментарии других ученых к данному труду, а также отвечали на вопросы по ранее изученным частям книги. Кстати, выражение «читать лекцию» сохранилось и до наших дней, хотя ныне далеко не все профессора пользуются на лекциях заранее написанными ими текстами.

Узкой специализации профессоров в средневековых университетах не было, и в каждом семестре они должны были преподавать новые предметы. Поэтому обычно получалось так, что в течение нескольких лет студент

слушал одного и того же преподавателя. Практика приглашения в университет специалистов по отдельным дисциплинам сложилась уже в Позднем Средневековье. В то же время существовала специальная инструкция, определявшая продолжительность изучения той или иной книги. «Метафизика» Аристотеля, как одна из его самых легких книг, читалась шесть месяцев, а его более сложные «Физика» или «Этика» — по девять месяцев.

Все преподавание проходило на латыни. Самые важные лекции назывались ***ординарными*** (стоящими в расписании), а менее важные — ***экстраординарными*** (выходящими за рамки расписания). Ординарные лекции читались магистрами по книгам, знание которых было обязательным для экзаменов. Экстраординарные — бакалаврами. Обычно лекция длилась 1—2 часа. В ходе чтения магистр выделял в тексте трудные для понимания места, давал объяснения. Он мог ставить и вопросы, вытекавшие из текста, и сам же давал ответы. Все лекции были платными, а за пропуск ординарной лекции полагался еще и штраф. За посещением лекций следил специальный служащий — ***визитатор*** (от лат. *visitatio* — проверка, осмотр).

Второй формой передачи знаний был ***диспут*** (по-латыни *disputare* — рассуждать, спорить). С помощью диспута студенты должны были научиться диалектике — умению вести спор и защищать полученные знания. Чаще всего диспуты проводились по методу pro et contra (за и против), когда предмет спора рассматривался с противоположных сторон. Перед диспутом преподаватель давал студентам тезисы по определенной теме для обсуждения. Нередко устраивались диспуты на свободные темы (они назывались «О чем угодно»). На обсуждение выносились не только серьезные вопросы, разделявшие всю средневековую философию на два противоположных лагеря реалистов и номиналистов (первые считали, что общие понятия существуют реально, а вторые утверждали, что они — только абстракции), но и шуточные темы. Например, могла обсуждаться тема: «Сколько чертей — шесть или девять — могут поместиться на кончике иглы?». Диспуты делились на ординарные и торжественные. На торжественные диспуты приглашали представителей других факультетов (и даже университетов), а также знатных горожан. Такие диспуты длились по нескольку дней. Особенно торжественным считался диспут на тему «О чем угодно», который в Парижском и Гейдельбергском университетах, например, устраивался ежегодно, а во многих других университетах — раз в несколько лет.

Победителем диспута считался тот, кто проявлял не только большую эрудицию, но также находчивость и остроумие. При этом руководство университетов стремилось к академизму и запрещало резкие выражения, крики и оскорбления. Но страсти часто брали верх над разумом и воспитанием, и тогда диспуты перерастали в настоящие сражения не только между школярами, но и поддерживающими их магистрами.

Взаимоотношения университетов с церковью, государством и обществом в XII—XV вв.

Университеты, как правило, возникали на базе «всеобщих школ», называвшихся так потому, что они были открыты не только для жителей данного города или государства, но и для иностранцев. Обучаться в них могли только мужчины. Разрешение на открытие светских школ давали коммуна или владетельный сеньор, а церковных и монастырских школ — местный епископ. Но университет был иным по масштабам и социальной значимости явлением. Его открытие санкционировал своими буллами (посланиями) лично папа римский. Не оставался в стороне и король, на чьей земле стоял университетский город. Он подтверждал папское разрешение своим королевским указом.

В Средневековье наука занимала подчиненное положение и предназначалась прежде всего для обоснования церковных догматов. Существовала даже пословица «Philosophia ancilla theologiae» — «Философия — служанка богословия». Поэтому папа римский был заинтересован в университетах как в средстве для подготовки квалифицированных теологов и проповедников, а также для обоснования верховенства своей духовной власти над светской (императорской и королевской).

Покровительство университетам со стороны папы римского имело немало положительных сторон. Святой престол помогал им добиться хозяйственной и административной автономии, устанавливал единообразную структуру университетов, а также методов преподавания и присвоения ученых степеней. Глава католической церкви как бы делился своим авторитетом с новыми учебными заведениями, поднимая их престиж в глазах общества. Но его покровительство имело и свою оборотную сторону.

Святой престол постоянно вторгался в университетскую жизнь. Так, Папа Римский Гонорий III (1216—1227) вмешивался в дела Парижского университета 82 раза, Григорий IX (1227—1241) — 46 раз. И таких случаев по отношению к каждому университету было множество. Кроме того, все преподаватели университетов долгое время считались клириками, т. е. членами церковной структуры. Они давали обет безбрачия, подчинялись распоряжениям папы римского и подлежали церковному суду. Папа римский ежегодно лично утверждал списки университетских преподавателей, имевших право на получение доходов от церкви (церковные бенефиции). Церковь строго следила за настроением умов профессоров и при возникновении ереси сурово карала отступников. Один из самых ранних подобных случаев произошел в 1210 г., когда шесть преподавателей Парижского университета — амальрикане, т. е. последователи *Амальрика*, французского ученого и профессора Парижского университета, — были объявлены еретиками, а затем сожжены на костре. Папа Римский Иннокентий III на Латеранском соборе 1215 г. настоял на запрете учения амальрикан. Уче-

ные Парижского университета в целом охраняли догматы церкви и осуждали ереси. В сложной политической ситуации, когда церковный суд в 1431 г. осудил как еретичку Жанну д'Арк (ставшую позже национальной героиней Франции) и она была сожжена на костре, Сорбонна отслужила по этому поводу благодарственный молебен.

Церковь диктовала программу преподавания в университетах. Так, в 1219 г. Папа Римский Гонорий III запретил изучать гражданское право, якобы богохульный предмет, в Парижском университете. Этот запрет действовал более полувека, так же как и запрет на изучение «Физики» и «Метафизики» Аристотеля, установленный в 1228 г. Теологический факультет Парижского университета фактически стал цензором правоверия христиан Западной Европы. В нем учился, а затем преподавал самый знаменитый католический богослов Средневековья Фома Аквинский.

Со своей стороны, императорам и королям также нужны были университеты. Монархи стремились к созданию сильных, централизованных государств, а для этого нужно было доказать независимость светской власти от Святого престола, обрести поддержку духовенства своей страны (а именно духовенство в Средневековье считалось первым сословием общества). Это было под силу только образованным, ученым людям. Не случайно уже в 1158 г. император *Фридрих I Барбаросса* особым указом взял под личное покровительство болонских студентов. Они были освобождены от круговой поруки по долговым обязательствам, выведены из-под юрисдикции магистрата и подчинены только своим профессорам и епископу Болоньи. Императорский указ гарантировал им и безопасное, свободное передвижение по всей территории Священной Римской империи. Английские короли в XII—XIV вв. также неоднократно издавали указы, устанавливавшие верховенство королевской власти над Оксфордом и Кембриджем и повелевавшие английским студентам обучаться именно в этих университетах. Первым же из европейских монархов, лично основавшим университет, считается *Фридрих II Штауфен*, император Священной Римской империи (он же сицилийский и германский король). Университет был основан в Неаполе в 1224 г.

Усиление королевской власти в Позднем Средневековье (XIV—XV вв.) и создание в Западной Европе ряда мощных централизованных государств привело к уменьшению в них папского влияния на университеты. Так, когда выдающийся английский мыслитель, профессор Оксфордского университета *Джон Виклиф* (*между 1320 и 1330—1384*) был обвинен папой римским в ереси, богословы Оксфорда взяли своего коллегу под защиту, заявив, что в его учении нет ничего еретического. Признания Виклифа еретиком церковь добилась лишь после смерти ученого.

Чтобы развиваться, университетам приходилось вступать в сложные, порой противоречивые отношения и с городскими властями. Существование университета было, безусловно, выгодно средневековому городу.

Университет приносил ему славу, а горожанам — хороший доход. Студенты — в основном приезжие — сами нанимали помещения для занятий, оплачивали труд преподавателей и оставляли в лавках и трактирах немалые деньги. В то же время университет — особый «ученый цех», в который входили и чужеземцы, — действовал в городской коммуне, не подчиняясь ей. Это неизбежно порождало противоречия между студенческой «республикой» и магистратом города, которые только усиливались из-за буйного нрава студентов и стремления горожан обмануть не знающих местного языка иностранцев.

В случае конфликта студентов с горожанами университет обычно апеллировал к папе римскому или императору. Те охотно выступали посредниками, стараясь при этом укрепить свою власть над университетом. Так, в 1253 г. коммуна Болоньи попыталась взять клятву со студентов и преподавателей, чтобы те не выселялись в другие города. Преподаватели — в основном местные жители — согласились, но этому воспротивились ректоры, избираемые студентами. В борьбу включился папа римский, как гарант студенческих свобод, причем настолько успешно, что вскоре экзамен на ученое звание в Болонском университете стал утверждать его представитель — епископ Болоньи.

Способы создания университетов

Существовали разные пути создания университетов после появления первых из них. В борьбе с произволом местных властей самым эффективным средством был переезд университета. Студенты и преподаватели (все или частично) в знак протеста покидали негостеприимный город. Это больно било по экономическим интересам горожан, которые всеми способами пытались препятствовать подобному переезду. Но соседние города, желая заполучить университет, зазывали студентов, обещая различные льготы. Через некоторое время ситуация могла повториться и на новом месте, в результате чего университет вновь оказывался перед выбором: смириться с произволом властей или переехать.

В результате колониями болонских школяров были основаны почти все университеты Северной Италии XIII в.: в городах Виченца (1204 или 1260), Ареццо (1215), Падуя (1222), Верчелли (1228), Сиена (1246) и др. В результате конфликта студентов и преподавателей с местными властями возникли также ***Кембриджский университет*** в Англии (когда в 1209 г. туда перебралась часть магистров из Оксфорда) и ***Орлеанский университет*** во Франции (1229—1231).

Однако большинство университетов Европы возникло все же не стихийно. Северная Италия — колыбель капиталистических отношений в Европе — в своем социально-экономическом развитии далеко опередила

все прочие страны Европы, где города были во многом зависимы от королевской власти, феодальной аристократии и папства. Поэтому и университеты в этих странах создавались, как правило, организованно, по решению высших церковных и светских властей. При этом начиная с XIV в., по мере ослабления папской власти, роль императора и королей в создании университетов постоянно возрастала. Усиливалась и политическая мотивация для их создания.

Для подготовки собственных юристов и чиновников в противовес Болонье в 1224 г. был открыт ***университет в Неаполе***. С такой же целью по решению короля Леона *Альфонса IX* в 1218—1219 гг. был основан ***университет в Саламанке*** — первый в Испании. В Тулузе, на юге Франции, в 1229 г. после крестового похода на еретиков-катаров был учрежден ***Тулузский университет***, призванный бороться с катарской ересью (а заодно с сепаратизмом южан). ***Римский университет*** (1303) был основан Папой Римским *Бонифацием VIII* в качестве своеобразного экспертного совета при нем, который быстро и компетентно мог бы квалифицировать любое новое веяние средневековой мысли и обосновать все притязания Святого престола.

Распространение университетов в Европе в XIV – XVI вв.

К XIV в. в Европе насчитывалось около 20 университетов, причем в некоторых обучалось по несколько тысяч студентов. Как правило, они открывались в городах с культурными традициями, где уже действовали церковные и светские всеобщие школы. Если же университеты создавались на пустом месте, где не было ни традиций, ни преподавателей, то часто этот опыт заканчивался неудачно. Так, университет в Гренобле, открытый в 1339 г., закрылся уже через несколько лет и смог возродиться лишь спустя полвека.

К концу XV в. закончилась эпоха независимости итальянских университетов. В городах установилась сильная власть, которая нашла способы управления непокорными университетами и накрепко привязала их к себе. Теперь не университет апеллировал к папе римскому, защищая свои права, а городской магистрат просил главу церкви поддержать университет деньгами. Мобильность университетов во многом была подорвана острой политической борьбой между городами Северной Италии. В ходе этой борьбы многие университетские города были захвачены более сильными противниками (Генуей, Флоренцией, Венецией), которые уже имели университеты. Не желая допускать конкуренции, победители оставляли только свой собственный университет, а все прочие закрывали. Такая судьба постигла в XIV в. университеты в Ареццо, Верчелли, Пизе и Парме. К упадку стала клониться и Болонья, присоединенная в 1506 г. к папским владениям.

В то же время прекращение дробления итальянских университетов помогало им накапливать интеллектуальные ресурсы, тем более что победившие государства стремились превратить их в символ своего могущества и процветания. В ***Падуанском университете*** (Венецианская республика) в пору его расцвета (XVI в.) обучалось около 36 тыс. студентов, в том числе 16 тыс. иностранцев.

Одним из самых знаменитых университетов Италии XV—XVII вв. стал ***Флорентийский университет***, или «Studio». Он был основан в 1321 г. на деньги Флорентийской республики на базе ранее действовавшей высшей школы. В 1373 г. читать лекции о творчестве А. Данте университет пригласил *Джованни Боккаччо*. Здесь в 1395 г. впервые в Европе стали изучать греческий язык и литературу, специально пригласив из Константинополя известного ученого *Мануила Хрисолара*. Это открыло для европейцев огромный пласт античного наследия. Блестящий знаток древнегреческого языка и латыни Мануил Хрисолар организовал перевод на латынь трудов многих античных мыслителей. Среди его учеников было немало видных гуманистов, в том числе Леонардо Бруни. Устав Флорентийского университета 1387 г. стал образцом для других университетов Италии. Именно университет превратил Флоренцию в первой половине XV в. в столицу Возрождения. В нем работали лучшие умы Италии того времени: *Лука Пачоли, Эванджелиста Торричелли*, а титул «первого математика университетета» носил *Галилео Галилей*.

Первым университетом Центральной Европы стал ***Пражский (Карлов) университет***, основанный в 1348 г. императором Священной Римской империи *Карлом IV* (он же король Чехии — *Карл I*). Взойдя на престол, он решил сделать Прагу — столицу своего наследственного владения — центром подготовки собственных юристов. План нового императора был поддержан Папой Римским Климентом VI, мечтавшим основать на восточных землях империи такой же мощный форпост католицизма, каким был Парижский университет на Западе. Поэтому с самого начала Пражский университет выступил как крупнейший научно-образовательный центр. Здесь сразу же начали действовать четыре факультета, в том числе и высший — теологический, разрешение на открытие которого мог дать только папа римский.

Карлов университет стал первым славянским университетом. В конце XIV в. там учились тысячи студентов не только из Германии и Чехии, но и соседних славянских стран. Уже в 1397 г. специально для студентов из Великого княжества Литовского при университете на деньги польской королевы *Ядвиги* была построена ***Литовская коллегия***. Ректором Пражского университета в начале XV в. дважды избирался знаменитый чешский реформатор *Ян Гус*.

Деятельность Карлова университета вызвала ревность соседних правителей, которые попытались затмить его славу. Так, австрийский герцог *Рудольф I Габсбург* открыл собственный университет в Вене (1365), а

польский король *Казимир Великий* — в Кракове (1364). Но Венский университет до 1384 г. влачил жалкое существование, а Краковский вскоре был закрыт и возродился только после реформ короля *Владислава Ягайло* (в 1397 г. или 1400 г.) под названием Ягеллонского. Только в конце XIV в. ***Венский***, а в начале XV в. ***Ягеллонский университеты*** получили от папы римского разрешение на открытие факультетов теологии.

Распространение университетов в средневековой Европе шло с юга на север, вслед за развитием городов и капиталистических отношений. На протяжении XIV в. только в Южной Европе было создано 15 университетов. Германская молодежь долгое время училась в Пражском университете, а также во Франции и Италии. Раскол в католической церкви 1378—1417 гг. (так называемый «Великий раскол», когда соперничавшие папы сидели в Риме и Авиньоне) был использован крупными германскими князьями и городами для того, чтобы переманить к себе часть преподавателей и студентов из Парижского университета. Так возникли первые немецкие университеты: ***Гейдельбергский*** (1386), ***Кёльнский*** (1388), ***Эрфуртский*** (1392), ***Лейпцигский*** (1409).

Во время гуситских войн 1419—1437 гг., когда чехи поднялись на борьбу против засилья немецких феодалов, Германия утратила Пражский университет. Однако взамен были учреждены Ростокский (1419), Грейфсвальдский (1456), Фрейбургский (1457) университеты, высшие школы в Ингольштадте и Трире (1472), Тюбингене и Майнце (1477). В 1502 г. курфюрст Саксонии основал университет в Виттенберге, где в 1512 г. получил степень доктора теологии *Мартин Лютер*. Именно на дверях (Schlosskirche) построенной курфюрстом Замковой церкви, которая являлась чем-то вроде зала для торжественных собраний коллектива ***Виттенбергского университета***, великий церковный реформатор вывесил в октябре 1517 г. свои знаменитые 95 «тезисов» против продажи индульгенций, положивших начало эпохе Реформации.

В конце XV в. в Европе насчитывалось около 70 университетов.

Университетские уставы

Деятельность каждого средневекового университета регулировалась уставами (или, как говорили в то время, «статутами», от латинского слова «statutum» — постановление, устав). Первые университетские уставы стали своеобразными «конституциями» студенческих корпораций, которые значили для них не меньше, чем «Великая хартия вольностей» для английского дворянства. Они знаменовали собой юридическое рождение новой средневековой корпорации. Утвержденные папой римским и королем, уставы гарантировали университетам нерушимость их прав и свобод, среди которых главной была беспрепятственная возможность заниматься интеллектуальным трудом для любого свободного человека.

История университетских уставов неразрывно связана с борьбой корпораций студентов и преподавателей за свои права. В 1136 г. парижский архиепископ дал первые статуты парижским высшим школам и назначил им начальника, так называемого ***схоластика***, который позже получил название канцлера. Во второй половине XII в. единая парижская университетская корпорация — universitas magistrorum et scholarium — уже руководствовалась собственными уставами и в 1170 г. повела борьбу с церковными и городскими властями за право свободного преподавания во всеобщих школах.

В 1179—1194 гг. Папа Римский Целестин III дал Парижскому университету первые права на самоуправление, которые впоследствии были утверждены и расширены Иннокентием III и Григорием IX. Парижский университет был выведен из-под управления местных церковных властей и подчинен только власти папы римского и своих профессоров. В 1200 г. эти привилегии подтвердил французский король Филипп II Август, освободив университет от юрисдикции парижского городского главы. В 1215 г. папский легат Робер де Курсон предоставил Парижскому университету права самоуправляющейся корпорации, что впоследствии стало примером для Оксфорда и Кембриджа.

В результате забастовки профессоров и студентов (1229—1231) Парижский университет добился полной автономии от королевских властей, что подтвердили *Людовик IX* и регентша *Бланка Кастильская* в 1231 г. С этого времени начинается расцвет Парижского университета. Здесь преподавали все великие схоласты и ученые Средневековья: *Альберт Великий, Бонавентура, И. Дунс Скотт, Р. Бэкон* и др.

В итальянских университетах уставы первоначально играли несколько иную роль. Города Северной Италии никогда не сомневались в своем праве открывать всеобщие школы и университеты. Поэтому городские власти заключали договор с университетом как с представительством иностранного государства. Суть этого договора сводилась к освобождению членов университетской корпорации от воинской повинности, налогов и от городской юрисдикции по гражданским и незначительным уголовным делам.

Власти итальянских городов рассматривали университет как выгодное коммерческое предприятие. Университетские уставы, утвержденные папскими буллами или императорскими указами, считались скорее хорошо продуманной рекламной акцией, чем «хартией интеллектуальных вольностей». Поэтому уставы итальянских университетов возникли на много лет, а то и столетий, позже, чем они сами. Так, Болонскому университету первый устав был дан только в 1158 г. императором Фридрихом I Барбароссой.

Уставы средневековых европейских университетов были также сводом профессиональных правил, детально регламентировавших все стороны жизни университетской корпорации. В них была подробно расписана

не только организационная структура университета и формы преподавания, но и книги, по которым разрешено было учиться, а также одежда и правила поведения студентов. По мере создания централизованных государств университетская жизнь подвергалась все большей и большей регламентации, что находило свое отражение и в уставах. Они постоянно редактировались, становились все более громоздкими и, образно говоря, из кольчуги постепенно превратились в смирительную рубашку для интеллектуалов Средневековья.

Учеба, быт и нравы студентов средневековых университетов

На примере Краковского (Ягеллонского) университета, где в 1504—1506 гг. учился и получил степень бакалавра, а затем и доктора свободных искусств Франциск Скорина, можно наглядно представить, как учились студенты в Средние века.

Учебный год состоял из двух частей, или периодов. «Большой период» начинался в середине сентября, после завершения полевых работ, и длился до праздника Пасхи. При этом расписание составлялось на целый год (понятие ***«семестр»*** появилось гораздо позже). После пасхальных праздников начинался второй, или «малый учебный период», длившийся по июль. В июле, когда на небе появлялась звезда Сириус — «canicula» (то есть «щенок» по-латыни), наступали ***каникулы***. Но и в это время профессора продолжали читать экстраординарные лекции для желающих.

В Краковском, как и в других университетах, школяры учились шесть дней в неделю. Занятия начинались с восходом солнца. В десять часов утра следовал часовой перерыв на завтрак, а затем лекции возобновлялись и шли зимой до 16, а летом до 17 часов. Обедали студенты после окончания занятий. Таким образом, учебный день длился 9—11 часов. Правда, в воскресенье и многочисленные церковные праздники студенты не учились, а это, не считая каникул, составляло 126 дней в году.

Самые сложные лекции проводились утром, пока студенты были полны сил. В аудиториях всегда стоял полумрак, потому что окна, затянутые слюдой, плохо пропускали свет. Вся мебель состояла из кафедры профессора (его стола и стула) под балдахином с одной свечкой. Студенты — в возрасте от 14 до 50 лет — сидели на полу, застеленном соломой, и внимательно следили за чтением профессора. Записывать лекции было невозможно — ни бумаги, ни ручек, ни карандашей у студентов не было, а главное — это не разрешалось.

Студенты Краковского университета жили в ***бурсах*** (общежитиях), причем даже местные жители, пожелавшие ночевать дома, должны были получить специальное разрешение. В бурсе находилась столовая, молель-

ня, библиотека. Ворота бурсы закрывались: летом — через один час после заката, а зимой — через три часа. В бурсе действовали строгие правила поведения: не допускались женщины и запрещались пирушки с участием посторонних. Нельзя было также столоваться вне бурсы, а каждый студент обязан был приносить с собой кружку и ложку.

В Кракове — городе строгих католических традиций — школяры носили простой кафтан или балахон темного цвета. В итальянских же университетах нравы были гораздо более свободными, а обучение — комфортным. В Падуе и Болонье, например, студенты щеголяли в нарядных камзолах и имели при себе небольшие шпаги, чтобы обороняться или задирать горожан. В отличие от других стран, в университетах Италии учились и женщины. Женщина также могла получить ученую степень и стать ***лектриссой*** (преподавателем). В итальянских аудиториях впервые появились возвышения для кафедр, с которых читали профессора, длинные скамьи с пюпитрами для книг, где располагались студенты, а для окон стали использовать не слюду, а стекло.

Учитывая «премудрости» схоластической науки и бытовые тяготы, можно было бы думать, что вся жизнь средневековых студентов состояла только из беспросветной учебы. Однако источники пестрят сообщениями об их остроумных проделках, грандиозных попойках, любовных похождениях и настоящих сражениях с горожанами. Студенты и сами создали себе нерукотворные памятники, воплощенные в поэзии вагантов, в творчестве французского поэта, магистра Сорбонны *Франсуа Вийона* (он написал поэму «Малое завещание» — насмешливую исповедь студента-бродяги), «отца английской поэзии» *Джефри Чосера*, в студенческом гимне «***Gaudeamus***». Студентов можно осуждать, но именно они, а не короли и епископы, были самыми свободными людьми средневековой Европы. Они овладевали «свободными искусствами», преклонялись перед разумом и остроумием, а не перед силой и золотом, могли странствовать по всей Европе — и всюду быть частью великого студенческого братства. Поэтому многие из них следовали совету оксфордского профессора: «Учись так, будто тебе суждено жить вечно; живи так, как будто ты должен умереть завтра». Этот совет был основан на античном изречении «carpe diem» (то есть «лови день»). В нем сочетался призыв к ежедневному упорному труду и понимание того, что этот труд принесет возможность раскрепощения во всем, и материальном, и духовном, а главное — даст возможность реализовать свой творческий потенциал.

Говоря о своем университете, все студенты и преподаватели называли его одинаково — «***alma mater***», что по-латыни дословно значит «питающая мать». Эти слова взяты из литургических текстов, посвященных Деве Марии, вскормившей Иисуса Христа. Они очень точно выражали отношение питомцев университета, и настоящих, и бывших, к своему учебному заведению. Университет был для них духовной матерью, питающей знани-

ями, помогающей познавать мир, а если надо — и берущей под свою защиту. Именно университет, а не город, где он расположен, был alma mater для профессоров и студентов.

Много веков минуло от появления первых университетов. Огромные изменения произошли в университетской системе обучения. Но часть традиций, заложенных в Средневековье, бережно сохраняется и по сей день в терминологии и ее сущностных параметрах (ученые степени, факультеты, деканы, ректоры, аудитории, кафедры и т. д.). Правда, далеко не всегда и сегодня университеты имеют полноценные — университетские — уставы. Сохранились и преумножаются студенческие песни, гимны и клятвы. Но самое главное, что почти у каждого преподавателя, студента, выпускника возникает потребность рано или поздно сказать с особой нежностью о своем университете как о своей alma mater.

Упадок университетского образования в середине XVI — первой половине XVII в.

До XVI в. университеты шли в авангарде интеллектуального развития Европы. Они фактически установили собственную монополию на высшее образование. Их авторитет покоился на великих достижениях свободной мысли, корпоративности ученого сословия и многовековых традициях, на ревностно охраняемых привилегиях. Но в XVI в. многие из этих качеств стали мешать университетам идти в ногу со временем. Корпоративность превращалась в кастовость, традиции обрастали предрассудками, а завоеванные привилегии становились синекурой. Свободная мысль билась в толстых стенах Университета, искала выход — и находила его. Золото, хлынувшее в Европу в эпоху Великих географических открытий, развитие производительных сил общества и распространение книгопечатания давали возможность заниматься интеллектуальными поисками вне университетов. К тому же с переходом образования из-под эгиды Церкви в ведение государства университеты начинали терять свою индивидуальность, приобретая черты госучреждений.

Формально внешние черты Университета — выборность ректоров и деканов, корпоративное устройство, самоуправление — сохранялись. Но суть их выхолащивалась: университетские статуты «редактировались», урезая автономию, появлялись особые факультетские уставы. Государство стало вмешиваться даже в учебный процесс, проводя ревизию учебных планов и пытаясь контролировать образ мыслей и политические симпатии преподавателей и студентов. Одновременно власть предоставляла солидное жалованье профессорам и немалое число стипендий беднейшим студентам.

В первой четверти XVI в. Европу расколола Реформация, повлекшая территориальное разделение церквей, вслед за которым университеты

также стали делиться на католические и протестантские. Свободное перемещение студентов и преподавателей прекращается. Католические университеты превратились в оплот ортодоксальных сил, а протестантские влачили довольно жалкое существование под властью скупых немецких курфюрстов.

К середине XVII в. в Европе уже действовало 75 (по другим данным — 86) университетов и высших школ. Эпоха Просвещения принесла в Университет новые идеи, расширила горизонты знания, а в центр мироздания поместила не Бога, а человека. Некоторые изменения произошли в университетской структуре и формах преподавания. Факультет свободных искусств превратился в философский факультет (он по-прежнему выполнял подготовительные функции, которые впоследствии будут переданы гимназиям). К лекциям и диспутам добавляется ***декламация*** — сочинение на заданную тему в стихах или прозе. Тем не менее до последней трети XVIII в. взгляд на задачи университетского образования не менялся. Вся совокупность знаний по-прежнему сводилась к известному числу древних и новейших сочинений, научные исследования не велись, а студента учили смотреть на мир глазами авторитетов.

Возрождение университетского образования

В конце XVIII в. в университетах Германии (их к тому времени насчитывалось около 30) произошло два события. Они радикально изменили взгляды на высшее образование, возвратили университетам интеллектуальное лидерство, что через столетие привело к взлету материально-технических сил человечества.

Первым из этих революционных событий стало провозглашение, а затем и реализация принципа свободы научного исследования. Задачей ученого становилось не овладение уже известной суммой знаний как истиной в последней инстанции, а поиск новых знаний. Этот поиск, конечно, должен был учитывать достижения предшественников и устоявшиеся мнения, но суть его состояла в сборе и проверке научных фактов, их анализе и обобщении. При этом должна была соблюдаться строгая объективность.

Логическим продолжением принципа свободы научного исследования стал принцип свободы преподавания и обучения. Профессора германских университетов не только самостоятельно вели поиск истины, но и приучали к такой же работе студентов. Возникли новые методы преподавания, основанные на эксперименте и творческом поиске, ориентированные на практические потребности человека. Стал складываться новый тип отношений между профессорами и студентами, основанный не на иерархической, а на творческой модели общения. Это способствовало раскрытию духовного потенциала студентов, имело огромное морально-психологическое значение.

Вторым решающим событием стал отказ германских профессоров от преподавания на латыни и переход на немецкий язык. В основе этого решения лежали как политические (стремление к реальной независимости и объединению Германии), так и культурно-социальные (распространение идей Просвещения и потребность общества в образованных людях) мотивы. Значение этого события было неоднозначным. На первых порах снизился общий уровень подготовки студентов, а также обособилось германское образовательное пространство. Однако преимущества — демократизация высшего образования и развитие национальных научных школ — были гораздо весомее недостатков.

Реализация новых принципов высшего образования позволила германским университетам преобразовать всю культурную жизнь страны. Колыбелью естественных наук в Германии стал ***Гёттингенский университет*** (основан в 1737 г., по другим сведениям — в 1734 или 1736 гг.). К концу XVIII в. он превратился в самый известный университет страны. Его математики — знаменитые *Карл Фридрих Гаусс и Вильгельм Вебер* — разработали систему электронных и магнитных величин и приборы для соответствующих измерений. В 1833 г. они построили первую в Германии телеграфную линию.

Год от года росла слава ***Берлинского университета***, связанная прежде всего с именами *Вильгельма Гумбольдта* — основателя университета (в 1809 г.) и его младшего брата *Александра Гумбольдта* — выдающегося ученого-естествоиспытателя и путешественника, а также филологов — братьев *Якоба и Вильгельма Гримм*, историка *Теодора Моммзена*, физиков *Германа Гельмгольца и Карла Якоби*. Широкую известность получила Берлинская школа восточных языков, заложившая основы египтологии и санскритологии.

Крупнейшими центрами гуманитарного образования в конце XVIII в. стали ***Йенский университет***, где кафедры философии возглавляли *Иоганн Фихте, Георг Гегель и Фридрих Шеллинг*, а также ***Кёнигсберг***, где жил философ *Иммануил Кант*. Центрами немецкой классической литературы были Веймар и Йена, где творили И. В. Гёте, Ф. Шиллер, И. Гердер. В начале XIX в. в Германии появились и первые технические институты (ныне университеты) — в Карлсруэ (1825), Дрездене (1828), Дармштадте (1836) и других городах.

В отличие от других стран, имевших один-два университетских научных центра, в Германии уже в середине XIX в. их насчитывалось несколько десятков. Появилось и большое число профессиональных ученых, которые свободно «мигрировали» из одного университета в другой. Это позволило университетам заняться интенсивной разработкой разнообразных прикладных и технических дисциплин и в короткие сроки добиться выдающихся успехов в самых различных отраслях науки и техники. К концу XIX в. Гёттингенский университет, где тогда работали ма-

тематики *Феликс Клейн и Бернхард Риман*, стал мировым центром математики. Позднее риманова геометрия будет использована А. Эйнштейном для создания теории относительности. По количеству научных журналов, особенно в области точных наук и медицины, в начале XX в. Германия не имела равных в мире.

Высочайший уровень университетского образования оказал влияние и на среднюю школу. Во второй половине XIX в. кандидаты на должность учителей математики немецких гимназий должны были иметь такие глубокие знания в высшей геометрии, математическом анализе и аналитической механике, чтобы самостоятельно заниматься научными исследованиями. К началу XX в. Германия стала страной поголовной грамотности. Обновленные университеты объединенной Германии явились тем локомотивом, который уверенно двигал страну к мировому промышленному лидерству.

Из Германии новая модель Университета распространилась сначала по Центральной и Восточной Европе, а затем по всему миру. К началу XX в. она стала классической, а ***идея академической свободы*** (то есть право свободного поиска истины и обучения ей, невзирая на любое давление изнутри и извне) превратилась в один из столпов университетского образования.

Высшее образование России, в состав которой тогда входили и белорусские территории, до 1917 г. также базировалось на немецкой модели, а лучшие российские студенты перед присвоением ученой степени стажировались в германских университетах. К сожалению, лишь немногие уроженцы Беларуси имели тогда возможность (да и то окольными путями) получать университетское образование, так как царское правительство лишило «Северо-Западный край» Российской империи своего — национального — университета.

Глава 3

ОБРАЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ, УКРАИНЕ И РОССИИ

Зарождение элементов образовательной практики в Древней Руси

Викинги (варяги) Древнюю Русь называли «Гардарика» — «страна городов». Идя по торговому пути «из варяг в греки», они видели, что города этой страны красивы и богаты, а многие купцы и даже простые люди — грамотны. Но особенно много грамотных было среди монахов. Со времен Крещения Руси (988) именно монастыри стали центрами учености и просвещения на землях восточных славян. Известными монастырями были Киево-Печерский в Киеве, Юрьевский и Антониев в Великом Новгороде, Спасо-Ефросиниевский в Полоцке (он был основан в начале XII в. внучкой полоцкого князя Всеслава Чародея Ефросинией).

Ефросиния Полоцкая (*ок. 1101 — 1167*) в 12-летнем возрасте добровольно стала монахиней и посвятила всю свою жизнь служению Богу и просвещению народа. Она была одной из самых образованных женщин Европы того времени: знала труды Платона и Аристотеля, католических и византийских богословов, «Повесть временных лет». С юных лет Ефросиния (в миру Предслава) переписывала рукописи и занималась переводами с греческого и латинского языков. После пострига в монахини она учредила в Полоцке мужской и женский монастыри (позднее Спасо-Ефросиниевский монастырь). В этих монастырях игуменья Ефросиния открыла ***скриптории*** — мастерские по переписыванию книг, а также монастырские школы, где учились не только дети князей и бояр, но и простых горожан. Ефросиния Полоцкая, прославившаяся среди современников также как справедливый судья, добрая советчица и миротворец, причислена православной церковью к лику святых. Сегодня она почитается и как покровительница образования на землях Беларуси.

В XI — начале XIII в. далеко за пределами Древней Руси славились также монахи-просветители *Феодосий Печерский, Кирилл Туровский, Авраамий Смоленский*. Возглавляемые ими монастыри стали крупными культурными центрами, где трудились переписчики и летописцы, вместе обучались дети бояр и простых горожан, юноши и девушки. Одновремено с православием Русь охотно и очень быстро перенимала от Византии и ее богатейшее культурное наследие. Не случайно дочь Ярослава Мудрого Анна, став королевой Франции, удивила Париж не только своей красотой, но и образованностью.

Татаро-монгольское нашествие превратило древнерусские города в руины, уничтожило очаги культуры и отбросило культурное развитие на столетия назад. В менталитете восточных славян укоренилось раболепное преклонение перед властью, что изначально противоречило духу Университета.

Начало высшего образования на украинских землях Великого княжества Литовского

В XIV в. на территории Руси сформировались два центра объединения славянских земель: Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское (ВКЛ) и Великое княжество Московское. Уже в XVI в. ВКЛ, не знавшее монгольского ига, в своем социально-политическом и культурном развитии далеко опередило Московскую Русь. Именно на землях ВКЛ возникли первые высшие учебные заведения в Восточной Европе.

Одна из самых ранних попыток создать православную высшую школу связана с именем князя *В. К. Острожского*, известного государственного деятеля и мецената. В 1576 г. в своем родовом городе Остроге на Волыни (ныне Ровенская область Украины) он основал православную ***Острожскую школу***. Обучение в ней было организовано по западным стандартам (изучали «семь свободных искусств», а также философию, медицину и теологию). Кроме того, в программе преподавания были церковнославянский, греческий, латинский, польский и еврейский языки. Создание Острожской школы стало первой попыткой объединить две культуры: византийскую и западноевропейскую. Именно с этого времени начинается расцвет собственно украинской культуры.

Богатство и высокое положение князя В. К. Острожского в короткий срок превратили Острожскую школу в один из главных центров образования ВКЛ, который современники прозвали академией. При ней действовала типография Ивана Федорова, где издавали греческие и славянские азбуки (в том числе первый украинский букварь, 1578), религиозные книги. В 1581 г. там же была напечатана первая славянская Библия на кириллице — знаменитая Острожская Библия. При ее подготовке был использован опыт работы Ф. Скорины.

Первым ректором Острожской школы стал религиозный деятель, поэт и педагог *Г. Д. Смотрицкий*. В академии преподавали: *Д. Наливайко* (брат известного казачьего атамана); получивший ученую степень в Падуанском университете грек *Кирилл Лукарис*, ставший позднее патриархом Константинопольским; математик и астроном *Ян Латош* (также выпускник Падуи); поэт и прозаик *Андрей Рымша*; печатник *Гринь Иванович* и другие восточноевропейские интеллектуалы.

За 60 лет существования Острожской школы в ней прошли обучение не менее 600 человек, многие из которых стали известными деятелями украинской и белорусской культуры. Среди ее выпускников — гетман П. Коношевич-Сагайдачный, первый ректор Киевской братской школы И. Борецкий, архимандрит Киево-Печерской лавры Е. Плетеневский. Сын первого ректора — Милетий Смотрицкий, также выпускник академии, издал первую славянскую грамматику (1619), которую М. В. Ломоносов впоследствии назовет «Вратами знаний».

Однако наследники князя В. К. Острожского изменили вере предков, перешли в католичество и отвернулись от академии. С 30-х гг. XVII в. преподаватели и учащиеся Острожской школы стали подвергаться гонениям со стороны иезуитов и в конце концов были разогнаны. В 1636 г. это учебное заведение закрылось, а его помещения и имущество были переданы иезуитскому коллегиуму. Но образовательные традиции Острожской школы не исчезли: переместились в Киев, а затем в Молдавию и Москву.

Киево-Могилянская академия

С начала XVII в. центром православного образования на восточнославянских землях становится Киев. В 1615 г. при типографии Киево-Печерского монастыря была основана Киевская братская школа, которая затем объединилась со школой Киево-Печерской лавры (1632). Новое учебное заведение получило название ***Киево-Братского коллегиума.*** Его руководителем и опекуном стал митрополит Киевский и Галичский *Петр Могила*. Учащиеся Киево-Братского коллегиума воспитывались в православном духе, но преподавание велось на латыни и было построено по образцу западноевропейских университетов. Это объяснялось тем, что в условиях XVII в. православному духовенству ВКЛ приходилось выдерживать серьезнейшую конкуренцию со стороны других конфессий, что требовало хорошего образования, умения публично дискутировать с идейными оппонентами и противниками (в том числе с такими искусными, как иезуиты).

Первоначально коллегиум, где училось 160 человек, имел семь классов: подготовительный, три низших и три высших. В низших классах изучали славянский, греческий, латинский и польский языки. В старших

классах преподавали «семь свободных искусств», а также философию, историю и географию. В Киево-Братский коллегиум принимали юношей всех сословий, без возрастных ограничений. Воспитанники (в младших классах их называли ***студиоскалами***, а в старших — студентами) каждую субботу упражнялись в диспутах. Студентов не наказывали и не отчисляли за плохую учебу, если это было вызвано тяжелым материальным положением или болезнью. Им предоставлялась возможность оставаться на второй и даже на третий год в том же классе, а общая продолжительность обучения могла составлять 12 лет и более.

Преподавателей — в младших классах их называли ***дидаскалами*** (учителями), а в старших профессорами — вначале готовили в университетах Европы, затем в стенах самого коллегиума. П. Могила лично обеспечивал преподавателей и неимущих студентов средствами и за свой счет выстроил новое каменное здание для занятий. Умирая, он завещал коллегиуму большую часть своего имущества, а также личную библиотеку (более 2100 книг). В честь П. Могилы Киево-Братский коллегиум позднее станет именоваться ***Киево-Могилянским***. В 1689 г. был открыт восьмой (богословский) класс, что подняло коллегиум на уровень высшего учебного заведения.

Официальный статус высшей школы Киево-Могилянский коллегиум получал дважды: в 1658 г. по Гадячскому договору — от правительства Речи Посполитой — и после присоединения Левобережной Украины к России. В 1701 г. указом Петра I Киево-Могилянскому коллегиуму был присвоен статус «Академия» и предоставлены соответствующие права. В начале XVIII в. появились и новые предметы: немецкий, французский и древнееврейский языки, архитектура, экономия и медицина. В 1724 г. академия насчитывала 1234 учащихся и 20 преподавателей. В XVII—XVIII вв. она была крупнейшим образовательным, научным и просветительским центром восточных и южных славян. Здесь готовили учителей не только для украинских и белорусских школ, но и для Сербии, Болгарии и России (в том числе для московской Славяно-греко-латинской академии, петербургской Александро-Невской семинарии и Казанской академии).

Из стен ***Киево-Могилянской академии*** вышли 14 гетманов Украины (И. Выговский, П. Дорошенко, И. Мазепа, И. Самойлович и др.), многие канонизированные церковью митрополиты (Д. Туптало, П. Конюшкевич, И. Максимович), философ Г. Сковорода, ученый, церковный деятель и литератор Ф. Прокопович, белорусский поэт и церковнослужитель Симеон Полоцкий и др. В академии учились и россияне: М. Ломоносов, К. Истомин (автор первого иллюстрированного русского «Букваря» и «Малой грамматики»), К. Зотов (военный деятель, автор первой русской книги по кораблевождению), сподвижник Петра I фельдмаршал Б. Шереметьев. Выпускники Киево-Могилянской академии основали церковные школы и духовные семинарии в большинстве городов России и на белорусских землях Речи Посполитой. Воспитанник, а затем ректор Киево-Могилянской

академии *Георгий Конисский*, впоследствии архиепископ Могилевский, открыл в 1756 г. Могилевскую духовную семинарию — один из центров православного образования в Беларуси.

После основания Московского университета (1755) значение академии снизилось, а с 1784 г. начался ее упадок. Именно тогда российские власти запретили читать в Киево-Могилянской академии лекции на «сельском диалекте», т. е. по-украински. Единственным языком преподавания стал русский. Попытки превратить академию в университет, создав дополнительные факультеты (права, медицины и математики), встретили отказ правительства Екатерины II. Открытие Харьковского университета (1805) окончательно лишило Киево-Могилянскую академию прежней роли. В 1817 г. она была закрыта, а в 1819 г. преобразована в Киевскую духовную семинарию (позднее академию) — сугубо богословское высшее учебное заведение. В этом качестве она существовала до 1917 г.

Зарождение высшего образования в Московской Руси

Первым высшим учебным заведением Московской Руси (а во второй половине XVII в. это уже было сформировавшееся на ее основе российское государство) стала ***Славяно-греко-латинская академия*** в Москве (такое название закрепилось за ней позднее — уже во второй половине XVIII в.). Следует отметить, что к XVII в. Россия все еще не смогла создать собственную образовательную систему и наладить «правильное» обучение. Образованность и ученость на Московскую Русь приходили в основном из украинских и белорусских земель ВКЛ и Речи Посполитой. Так, украинское православное духовенство, начиная со времен Петра I и вплоть до Екатерины II, играло главнейшую роль в организации духовных семинарий. Эти семинарии, которые условно можно считать средними учебными заведениями, стали наиболее распространенными «регулярными» школами России середины XVII — первой половины XVIII в. Уже к началу царствования Елизаветы Петровны в России было около 30 духовных семинарий. Одновременно создавались и светские учебные заведения: «навигацкие», «цифирные» и другие начально-профессиональные школы.

Славяно-греко-латинская академия была основана по проекту выпускника Киево-Могилянской академии, известного белорусского просветителя *Симеона Полоцкого* (*Петровского-Ситниановича*). В 1680 г. он составил «Академический привилей» — устав нового заведения, который в 1682 г. подписал царь Федор Алексеевич. Главная цель академии, отмечал Симеон Полоцкий, — «обучать наукам гражданским и духовным, как в западных университетах». Планировалось, что академию возглавит *Сильвестр Медведев* — игумен московского Заиконоспасского монастыря, сторон-

ник латинского образования и ученик Симеона Полоцкого. Именно он поднес «Академический привилей» царевне Софье уже после смерти своего учителя. Но Сильвестр Медведев оказался втянутым в политическую борьбу и в 1691 г. был казнен Петром I.

Эллино-греческая академия (так она называлась вначале) открылась в 1687 г. При московском Богоявленском монастыре для нее было построено специальное двухэтажное кирпичное здание. Возглавили академию братья *Иоанникий и Софроний Лихуды* — греческие монахи, получившие образование в Падуанском университете. Преподавание проходило на греческом языке, отчасти на латыни. В академии, соединявшей черты средней и высшей школы, действовало три класса (низший, средний, высший). В программе преподавания значились славянский, греческий и латинский языки, «семь свободных искусств» и богословие. Однако братья Лихуды успели поработать в академии только семь лет. По навету патриарха Иерусалимского Досифея они были обвинены в «латинстве» и отстранены от преподавания. Правда, Лихуды успели составить учебники по грамматике, поэтике, риторике, логике, психологии и физике, которыми учащиеся академии пользовались в дальнейшем.

После изгнания Лихудов академия несколько лет пребывала в упадке. Ее возрождение началось с 1701 г., когда Петр I приказал: «Завесть в Академии учения латинские». Под руководством *Палладия Роговского* и *Стефана Яворского* в ней были проведены реформы (по образцу Киево-Могилянской академии), а сама она стала называться Славяно-латинской академией. Среди предметов появились немецкий и французский языки, медицина, физика и философия, а само преподавание стало осуществляться в основном на латыни. Многие церковные иерархи были высокообразованными людьми, носителями «книжности», знаний: Феофан Прокопович, Феодосий Яновский и др.

До создания Московского университета академия была главным центром интеллектуальной жизни России. В ней обучались юноши всех сословий, среди учащихся было немало иностранцев: украинцев и белорусов, грузин, греков, македонцев. Первоначально в академии училось только 100 человек, но к началу XVIII в. их число увеличилось до 600, а в начале XIX в. — до 1600 учащихся. Академия не только готовила образованных людей для государственной службы и церкви, но и осуществляла цензуру религиозной литературы и суд над отступниками от православия.

Из стен Славяно-греко-латинской академии (это название она получила в 1775 г.) вышло большинство руководителей Русской православной церкви и такие выдающиеся деятели русской культуры XVII—XVIII вв., как К. Истомин, В. К. Тредиаковский, П. В. Постников, Л. Ф. Магницкий, первые профессора Московского университета Н. Н. Поповский и А. А. Барсов. В 1731—1735 гг. в академии учился М. В. Ломоносов. Первым русским, получившим степень доктора философии, был выпускник акаде-

мии Петр Постников. Окончив академию в 1694 г., он был послан на два года в Падуанский университет, где и удостоился этой высокой степени. П. Постников стал одним из сподвижников Петра I, участвовал в конце XVIII в. в «Великом посольстве» российского царя в Европу, а затем был назначен послом во Франции.

С середины XVIII в. Славяно-греко-латинская академия стала терять свое значение как общеобразовательное учебное заведение, постепенно превратившись в высшую богословскую школу. В 1814 г. она была преобразована в ***Московскую духовную академию*** и переведена в Троице-Сергиеву лавру.

Начало российского университета

Зарождение высшего светского образования в России связано с именем Петра I. Во время путешествий по Западной Европе он решает создать в Петербурге Академию наук, включив в ее состав гимназию и университет. Помощь в разработке новой модели высшего научного и образовательного центра Петру I оказал знаменитый немецкий математик и философ *Г. В. Лейбниц*. Для работы в Академии наук и преподавания в академическом университете в Петербург были приглашены крупнейшие европейские ученые: математики Н. Бернулли, Я. Герман и Ф.-Х. Майер, астроном И. Н. Делиль, физик Г. Бюльфингер и др.

Петербургский академический университет был открыт в декабре 1725 г., уже после смерти Петра I. Проект оказался неудачным: профессора-иностранцы не знали русского языка и читали лекции только на латыни, которую, в свою очередь, плохо понимали студенты. Отыскать же в России достаточное количество молодых людей, владевших латынью, в то время было довольно сложно. Поэтому студентов набирали принудительно из детей священнослужителей и солдат (в том числе из воспитанников Славяно-латинской академии). Петербургский академический университет быстро пришел в упадок. В 50-х гг. XVIII в. в нем обучалось всего 16—20 студентов и к этому времени он смог подготовить только несколько десятков специалистов с высшим образованием.

В 1736 г. в Петербургский академический университет был зачислен *М. В. Ломоносов* — один из лучших учеников Славяно-латинской академии. Природные способности и колоссальная работоспособность позволили ему стать выдающимся ученым и педагогом своей эпохи. Уже осенью 1736 г. М. В. Ломоносов был направлен для продолжения образования в Германию, а в 1745 г. стал профессором химии и был избран в члены Академии наук. Научная деятельность первого русского академика успешно сочеталась с педагогической работой. В 1746 г. он впервые в России стал читать публичные лекции для студентов Петербургского академического университета на русском языке, а в 1758 г. стал его ректором.

Однако усилий одного М. В. Ломоносова оказалось недостаточно, чтобы вдохнуть жизнь в угасающий университет. Не находя поддержки среди коллег — в основном немцев, перешедших на российскую службу, — М. В. Ломоносов разработал проект нового учебного заведения и подал его графу *И. И. Шувалову*, фавориту императрицы Елизаветы Петровны. Этот проект и послужил основой для создания Московского университета — первого полноценного высшего светского учебного заведения России. Петербургский академический университет после смерти М. В. Ломоносова в 1765 г. (а он находился на посту ректора до конца жизни) окончательно пришел в упадок и в конце XVIII в. был закрыт.

Основание Московского университета и его деятельность

25 января 1755 г., когда православная церковь отмечает день св. Татьяны, императрица Елизавета Петровна подписала указ об основании ***Московского университета***. С тех пор Татьянин день считается главным праздником российского студенчества.

Бессменным куратором Московского университета со дня основания на протяжении 42 лет был граф И. И. Шувалов. Он же назначал директора университета, который осуществлял текущее руководство. В соответствии с планом М. В. Ломоносова, в Московском университете были образованы три факультета: философский, юридический и медицинский. Все студенты начинали обучение на философском факультете, где им давалась фундаментальная подготовка по естественным и гуманитарным наукам. Затем они продолжали свое образование, получая специальные знания на юридическом, медицинском или на том же философском факультете. В отличие от университетов Европы, Московский университет не имел богословского факультета, потому что в России существовали специальные высшие богословские заведения (академии).

Московский университет выделялся демократическим составом студентов и профессоров. Уже в указе об учреждении университета отмечалось, что он создан «для генерального обучения разночинцев». В университет могли поступать юноши из всех сословий, за исключением крепостных крестьян (девушек в университеты России до начала XX в. не принимали). В то же время, за вторую половину XVIII в. из 26 русских профессоров Московского университета только трое были выходцами из дворян. Это объяснялось тем, что до начала XIX в. звание преподавателя было унизительно для дворянина. Разночинцами были и большинство студентов Московского университета.

Становление университета проходило трудно. Численность студентов росла медленно — в 1758 г. их насчитывалось лишь 100 человек. Толь-

ко 30 из них были так называемыми «казеннокоштными», т. е. получали казенные стипендии (40 рублей в год). Остальные жили на собственные средства и часто не могли обзавестись даже учебниками. Но обучение в университете открывало перед разночинцами блестящие перспективы. Заканчивая полный курс университета, его выпускник получал младший офицерский чин, что в соответствии с Табелем о рангах означало присвоение личного дворянства. Кроме того, лучшие студенты награждались маленькими позолоченными шпагами и внеочередными офицерскими званиями.

Государственные ассигнования лишь частично покрывали потребности университета, тем более что первоначально со студентов не взималась плата за обучение (в дальнейшем от нее стали освобождать неимущих студентов). Поэтому огромную материальную помощь оказывали меценаты (Демидовы, Строгановы, Е. Р. Дашкова и др.). Они покупали и дарили Московскому университету научные приборы, коллекции, книги, учреждали стипендии для студентов. Не забывали о своей alma mater и выпускники. Не раз в трудное для университета время они собирали средства по подписке. По установившейся традиции профессора завещали университетской библиотеке свои личные собрания. Среди них — богатейшие коллекции И. М. Снегирева, П. Я. Петрова, Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, Ф. И. Буслаева и др.

Московский университет играл выдающуюся роль в распространении и популяризации научных знаний. На лекциях профессоров и диспутах студентов могла присутствовать публика. В апреле 1756 г. при университете открылись книжная лавка и типография, положив начало российскому книгоизданию. Здесь начали издаваться первая в стране неправительственная газета «Московские ведомости» и первый литературный журнал «Полезное увеселение».

В 1756 г. для читателей открылась библиотека Московского университета. Свыше 100 лет она выполняла функции единственной в Москве публичной библиотеки. Просветительская деятельность университета привела к созданию Казанской гимназии (с 1804 г. — Казанский университет), Академии художеств в Петербурге (до 1764 г. — в ведении Московского университета), Малого театра и др. В XIX в. при университете были образованы первые научные общества: Испытателей природы, Истории и древностей российских, Любителей российской словесности. За первые полвека своей деятельности Московский университет превратился в крупнейший научный и образовательный центр России, воздействие которого на культурную жизнь страны росло с каждым годом.

В 1804 г. был принят первый устав, и Московский университет получил значительную автономию. К этому времени сеть российских университетов расширилась: появились ***Казанский*** (1804) и ***Харьковский*** (1805) университеты, а Главная Виленская школа была преобразована в Вилен-

ский университет (1803). На начало XIX в. (считая и старейший в Прибалтике, но основанный на полвека позже, чем Виленская иезуитская академия, Дерптский университет) в России действовало пять высших светских учебных заведений.

Согласно университетскому уставу 1804 г., ректора и деканов факультетов не назначали, а избирали из числа профессоров. Первым выборным ректором Московского университета стал профессор истории и словесности *Х. А. Чеботарев*. Был создан Совет профессоров — высший орган университета, который решал все вопросы университетской жизни, присуждал ученые звания. Книги, печатавшиеся с одобрения Совета в университетской типографии, освобождались от цензуры.

В Московском университете действовало четыре факультета (отделения, как их тогда называли): нравственных и политических наук, физических и математических наук, медицинских наук, словесных наук. Обучение продолжалось три года. Лучшим выпускникам университета присваивалась степень кандидата наук, остальным — звание «действительный студент». Усиливалась и преемственность различных ступеней образования. По уставу 1804 г. за каждым из российских университетов была закреплена обширная территория — учебный округ. Московский университет возглавлял Московский учебный округ и осуществлял общее руководство всеми средними и начальными учебными заведениями центральных губерний России.

Резюме. Таким образом, на земли восточных славян высшее образование пришло на три-четыре, а то и пять столетий позже, чем в Западную Европу. Причин тому было много: и татаро-монгольское нашествие, и постоянные войны между братьями-славянами, и более суровые, чем в Западной Европе, климатические условия, и религиозные распри. Развитию образования мешали также отсутствие крупных городов, деспотизм царской власти и своеволие магнатов, особый, рабский менталитет холопов и крепостных. Но когда, с огромным опозданием, университеты все-таки появились на восточнославянских землях, оказалось, что славяне не просто способны к ученью, но могут творить чудеса. Сыновья разночинцев, священников, казаков и «вольных хлебопашцев» сумели не только освоить азы университетской науки и обучиться иностранным языкам, но и достойно представлять свою страну в Европе, опровергая высокомерные заявления иностранцев о том, что славяне ленивы и неспособны к образованию.

Конечно, интеллектуалам в первом поколении было очень трудно: ведь за ними не стояли вековые традиции и опыт именно умственной работы многих поколений. Но благодаря упорству, труду и природной сообразительности они смогли преодолеть все трудности и стать если не выдающимися учеными, то просвещенными и честными людьми, хорошо

понимавшими свое дело и любившими свою страну. Уже через столетие после основания первых российских университетов, т. е. через три-четыре поколения, Россия по уровню развития науки смогла вплотную приблизиться к самым развитым европейским странам, а кое в чем и обойти их.

Но университеты в истории России значили гораздо больше, чем просто научные центры, притягивавшие творческие силы страны. В России они всегда были не только учебными и научными заведениями, но и средоточием культурной и общественной жизни. Именно в университетах шло становление нового типа личности, новых отношений между людьми. Это стало особенно важно для России, где не было политических свобод, а городской быт изобиловал предрассудками и косностью. Поэтому университеты были одним из немногих мест, где формировалась свободная человеческая личность и зарождались элементы гражданского общества.

Характеризуя качества «университетского человека», один из выпускников Московского университета спустя многие годы писал: «...студенты этого учреждения, вступившие на государственную службу, отличаются некоторою высотою характера, принципами честности, мягкости — столь редкими в подобной сфере. <...> Если среди подкупной толпы начальников, вероломных судей, которые тяготеют над Россией, случайно встречается какой-нибудь честный и просвещенный чиновник, то почти всегда можно быть уверенным, что он учился в Московском университете...»

Глава 4

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (XVI — начало XIX в.)

Католические учебные заведения на землях Великого княжества Литовского

С XVI в. территория ВКЛ становится ареной ожесточенной религиозно-политической борьбы между православием, католицизмом и протестантизмом. Белорусские земли, составлявшие ядро ВКЛ, оказались в центре этой борьбы. В культурной сфере она особенно ярко проявилась в стремлении католической церкви установить контроль над образованием и в попытках православной церкви, а также протестантских общин противостоять этому наступлению.

Принятие Люблинской унии 1569 г. создало возможности для широкомасштабной культурной экспансии католической церкви. На белорусско-украинских землях стали открываться многочисленные католические школы, или ***коллегиумы***. Они создавались монашескими орденами иезуитов, доминиканцев, а с XVII в. — также и пиаров. Наибольшую известность получили иезуитские коллегиумы — 5-классные гимназии с 6—7-летним сроком обучения. Эти средние учебные заведения бесплатно давали гуманитарное образование юношам из всех сословий, но прежде всего детям шляхты. В коллегиумы принимали не только католиков, но и православных — обращение в католичество подготавливалось всем ходом обучения.

Во главе коллегиума стоял ректор (из числа авторитетных членов ордена, обычно итальянец или поляк), а учебно-воспитательной работой ру-

ководил его помощник — ***префект***. В младших классах (они назывались *infima* — что по-латыни значит «низший») изучалась латинская грамматика и основы греческого языка. В старших классах (они назывались *suprema*, т. е. «высший») преподавали латинскую литературу, греческий и польский языки, давались сведения по истории, географии, физике, логике и астрономии. Теологию изучали только члены ордена и кандидаты на духовное звание. При этом выпускники иезуитских коллегиумов могли оставаться светскими лицами или быть членами других католических орденов.

Воспитанники коллегиумов практиковались в диспутах, устраивали спектакли на исторические сюжеты. Богатые библиотеки, разнообразные учебные пособия и опытные педагоги, владевшие новейшими методиками, делали иезуитские коллегиумы лучшими средними учебными заведениями того времени. В XVI—XVII вв. иезуитские коллегиумы появились в Бресте, Вильно, Витебске, Гродно, Минске, Полоцке, Пинске, Новогрудке, Несвиже, Орше, Риге, Слуцке, Смоленске и других городах. Кроме того, на белорусских землях действовало около 20 пиарских и доминиканских коллегиумов, также дававших среднее образование. Коллегиумы католического ордена пиаров пользовались большой популярностью среди шляхты ВКЛ благодаря менее строгой, чем у иезуитов, дисциплине.

Православные учебные заведения и просветители

Первыми заметили опасность «ополячивания» посредством коллегиумов православные магнаты, шляхта и горожане. Они поняли, что приобщение населения ВКЛ к европейской культуре идет путем отторжения всего национального: языка, обычаев, веры. Поэтому в своих владениях православные магнаты стали открывать собственные школы. Так появились православные школы князя *К. К. Острожского* в Турове и Владимире-Волынском, князя *Ю. Ю. Алельковича* в Слуцке, знаменитая Острожская школа князя *В. К. Острожского*. Однако большинство этих школ пришло в упадок вскоре после смерти своих основателей.

Более жизнеспособными оказались школы православных братств, которые мещане могли основать у себя в городе в соответствии с Магдебургским правом. Сеть братских школ быстро охватила белорусские и украинские города ВКЛ. Старейшей из них была ***Виленская школа*** (1584), где преподавали священники Свято-Духова монастыря *С. Зизаний, Л. Карпович, М. Смотрицкий*. Крупными братскими школами были ***Львовская*** (1586), ***Могилевская*** (1590), ***Брестская*** (1591), ***Минская*** (1612) и ***Киевская*** (1615). Их можно считать полноценными средними учебными заведениями того времени.

Каждая братская школа имела свой устав, ректора (он выбирался братством и отчитывался перед ним), двух ***провизоров*** — помощников ректора по хозяйственной части. Братство нанимало учителей (дидаскалов) и содержало типографию, где печатали учебники и религиозную литературу. Получив начальные знания по Псалтыри, Часослову и букварям, ученики переходили к освоению «семи свободных искусств». Изучались греческий и латинский языки (как и в иезуитских коллегиумах), устраивались театральные представления. В каждой школе был церковный хор, которым руководил ***регент***, а также архив и библиотека. Православные братские школы ВКЛ были хорошо организованы, сплочены и постоянно обменивались учителями, учебниками, светской и религиозной литературой. Их деятельность координировалась православным митрополитом и епископами.

Первым великим просветителем Восточной Европы времен Возрождения стал белорус (как тогда говорили, «литвин») *Франциск Скорина*, уроженец Полоцка. Он был православным по вере, гуманистом по убеждению и ученым-энциклопедистом по своему кругозору. Получив среднее образование в Полоцке (по другим сведениям, в Вильно) и овладев латынью, он в 1504 г. поступил на философский факультет Краковского университета. Одновременно с философией пытливый интеллектуал овладевал в Краковском университете и медицинскими науками.

В составе польско-литовского посольства Ф. Скорина попал в Данию, где несколько лет достойно исполнял обязанности королевского секретаря. Здесь он стал магистром свободных искусств (возможно, эта степень была получена им в Копенгагенском университете). В ноябре 1512 г. Ф. Скорина приехал в Падуанский университет, где в присутствии коллегии профессоров и докторов, архиепископа, жителей Падуи и Вероны блестяще выдержал экзамен на ученую степень «доктора врачевания и лекарских наук». Экзамен Ф. Скорина сдавал экстерном — без дополнительного обучения на медицинском факультете Падуанского университета — это допускалось только в исключительных случаях. Его талант и был тем самым исключительным случаем.

Обладая столь высокой ученостью, имея рекомендательное королевское письмо, Ф. Скорина мог быть желанным гостем в любом европейском университете, при дворе многих монархов. Но он избрал другой путь — тернистый путь просветителя родного народа, первого печатника Восточной Европы. Вернувшись в Вильно, Ф. Скорина весь свой талант, энергию, знания и сбережения употребил на создание типографии и издательскую деятельность. Он переводил, обрабатывал и комментировал латинские, чешские, древнееврейские и церковнославянские источники, путешествовал по Европе, знакомясь с новинками книгопечатания, сам изготавливал шрифт, орнамент и гравюры. Великий восточнославянский первопечатник оставил потомкам творения своего высокого интеллекта — книги как источник знаний и образованности. Белорусское и в целом восточнославянское книгопечатание началось с «Псалтири»,

которую Ф. Скорина издал в типографии в Праге в августе 1517 г. Там в 1517—1519 гг. были напечатаны и 23 книги Ветхого Завета. Первым же изданием, появившимся именно на белорусской земле — в виленской типографии Ф. Скорины, — стала «Малая подорожная книжка» (ок. 1522). Затем в 1525 г. был напечатан «Апостол» — сборник сказаний и гимнов на библейские сюжеты с философскими комментариями. Впервые Библия зазвучала на старобелорусском языке, впервые христианские проповедники и античные, европейские, византийские мыслители заговорили со страниц книг Ф. Скорины на языке жителей Княжества.

Знаменитыми православными просветителями конца XVI — начала XVII в. были братья *Лаврентий и Стефан Зизании*. Они оба закончили Острожскую школу и долгое время преподавали в братских школах Львова, Вильно, Бреста. Л. Зизаний был автором «Азбуки» и «Грамматики словенской...», где доказывалась необходимость изучения «семи свободных искусств» и содержалось много полезных сведений по истории, географии и естествознанию ВКЛ. Публикация этих книг принесла автору широкую известность. Он стал домашним воспитателем в семействах многих православных магнатов: кричевского старосты Богдана Соломерецкого, князей Александра Острожского и Яна Кароля Корецкого.

С 1619 г. Л. Зизаний преподавал в Киево-Печерской лавре, где занимался также переводами с древнегреческого языка. Распространяя идеи просвещения, в 1626 г. он уехал в Москву, где издал «Катехизис» — философское изложение своих взглядов в вопросах и ответах. Эта книга была в штыки принята ортодоксальным российским духовенством, но впоследствии пользовалась большой популярностью среди староверов. В XVIII в. староверы Гродно, бежав от преследований в Речь Посполитую, трижды переиздавали «Катехизис». Идеи бережного отношения к родному языку и культуре занимали важное место в педагогическом наследии Л. Зизания.

Его брат Стефан Зизаний получил широкую известность в ВКЛ не только как высокообразованный педагог, но прежде всего как религиозный реформатор. Он выступал против католицизма и церковной унии, но одновременно резко критиковал косность и невежество православных иерархов. Учение С. Зизания (так называемая «зизаниевская ересь»), толковавшее Библию с рациональных позиций и призывавшее к веротерпимости, пользовалось в конце XVI в. огромной популярностью в ВКЛ. Эта популярность стала причиной гонений на С. Зизания, его ухода в монастырь и убийства православного реформатора во время паломничества (1600).

Известными издателями и просветителями XVI—XVII вв. были купцы и предприниматели *Мамоничи* из Вильно. На их деньги в 1570 г. *Петр Мстиславец* — соратник бежавшего из Москвы русского первопечатника Ивана Федорова — открыл типографию в Вильно, где начал издавать православные книги. В конце XVI в. Мамоничи при поддержке канцлера ВКЛ Льва Сапеги получили монополию на издание в Вильно книг на старобе-

лорусском и церковнославянском языках. Их типография выпускала как религиозную, так и светскую литературу для различных слоев населения, в том числе книги с гравюрами высокого качества. В типографии Мамоничей работали известные белорусские печатники В. Гарабурда и Гринь Иванович, впервые применивший курсивный шрифт.

Образование на землях Великого княжества Литовского в условиях Реформации

С 20-х гг. XVI в. в ВКЛ начали проникать идеи Реформации. Ее идеолог М. Лютер считал, что для спасения души Церковь не обязательна, а достаточно следовать заповедям Священного Писания. Лютеране отрицали церковную иерархию и власть папы римского; считали грехом и мерзостью торговлю индульгенциями. Польский король и великий князь литовский Сигизмунд I Старый, отрицательно относясь к идеям Реформации, в 1520—30-х гг. ограничил обучение шляхетской молодежи Польши и ВКЛ в протестантских университетах, а также ввоз в страну протестантской литературы.

Однако со второй половины XVI в. Реформация стала стремительно распространяться по стране. Она была поддержана магнатами и шляхтой, которые хотели завладеть церковными богатствами, а также горожанами, желавшими освободиться от власти феодалов. Успех Реформации обеспечила также толерантная религиозная политика польско-литовского правительства Сигизмунда II Августа (он попал под влияние Радзивиллов) и Стефана Батория. Особенностью Реформации в ВКЛ стало то, что крестьяне не приняли в ней массового участия, зато в нее активно включились православные священнослужители.

Главным реформаторским течением в ВКЛ стал кальвинизм (евангелизм). В 60-е гг. XVI в. к нему примкнула большая часть магнатов (Николай Радзивилл (Черный), Сапеги, Кишки, Тышкевичи, Вишневецкие и др.) и зависимая от них шляхта. Для пропаганды идей кальвинизма они стали активно финансировать строительство типографий. Так возникли знаменитые Несвижская, Брестские, Лосская, Заблудовская протестантские типографии. Только Брестские типографии (их общее число неизвестно), которые опекал князь Н. Радзивилл (Черный), в 1560—1570 гг. напечатали более 40 наименований книг на польском и латинском языках. При каждой из протестантских типографий действовали школы с талантливыми проповедниками.

Самым известным представителем Реформации на белорусских землях ВКЛ был *Симон Будный* — мыслитель-гуманист, историк, педагог и книгоиздатель. Он окончил католический Краковский университет (1547),

затем продолжил обучение в Швейцарии — на теологическом факультете протестантского Базельского университета. В 1558 г. С. Будный приехал в Вильно, где начал преподавать на старобелорусском языке Катехизис в протестантской школе. Вскоре по личному приглашению Н. Радзивилла (Черного) и будущего канцлера ВКЛ Евстафия Воловича он переехал в Клецк, где стал главным протестантским проповедником города.

Продолжая дело Ф. Скорины, в 1560 г. С. Будный открыл типографию в Несвиже, которая в короткий срок приобрела широкую известность далеко за пределами ВКЛ. В ней был напечатан знаменитый «Катехизис» С. Будного и его «Про оправдание грешного человека перед Богом» — произведения, новаторские даже для философии Реформации. За свои взгляды (С. Будный выступал против любого религиозного фанатизма и считал Иисуса Христа не Сыном Божьим, а человеком выдающихся моральных качеств, вознесшимся после смерти на небо) он подвергался яростным нападкам как иезуитов, так и православных ортодоксов. С. Будному было запрещено проповедовать, и в 1584 г. он был выслан из Лоска. После девяти лет скитаний и гонений он умер в местечке Вишнево близ Воложина в полной нищете.

Другим известным деятелем Реформации в ВКЛ был *Василий Тяпинский*. Он происходил из семьи бояр Полоцкого уезда, участвовал в Ливонской войне, затем служил у Евстафия Воловича. В. Тяпинский дружил с С. Будным и также пришел от умеренного кальвинизма к радикальному крылу реформации — антитринитаризму. В своем имении Тяпино он открыл типографию (1570), где издал Евангелие на двух языках: церковнославянском и старобелорусском. Перевод Евангелия на старобелорусский язык, который сделал сам В. Тяпинский, отличался высокой точностью и литературной обработкой. Издатель выступал за образование на родном языке и порицал магнатов, которые предали веру предков и перешли в «латинство».

В. Тяпинский поддерживал С. Будного в книгопечатной деятельности и истратил на издание и распространение книг, а также на создание протестантских школ почти все свое состояние. В просветительской деятельности его всецело поддерживала жена — Софья Даниловна, из рода князей Жежемских. Она продала для этих целей доставшиеся ей в приданое поместья в Минском, Лидском, Ошмянском и Виленском уездах.

Образование на территории Великого княжества Литовского в условиях Контрреформации

Люблинская уния 1569 г. положила начало Контрреформации в ВКЛ. Католическая церковь перешла в наступление на протестантов, используя иезуитские учебные заведения в качестве главного средства борьбы за умы молодежи. К середине XVII в. большая часть протестантов вернулась

в католичество, остальные были ограничены в правах (как и православные) либо изгнаны из Речи Посполитой (антитринитарии).

В 1596 г. в Бресте было заключено соглашение между католической церковью и частью православных иерархов ВКЛ. Появилась новая униатская церковь, сохранившая православные обряды и белорусский язык в богослужении, но признавшая своим главой папу римского. Униатская церковь получила всемерную поддержку верхов Речи Посполитой. Для сближения униатов с католицизмом на землях ВКЛ был создан монашеский орден базилиан (конец XVI в.). Создатель ордена — униатский митрополит И. В. Руцкой — в 1615 г. получил разрешение на обучение униатских монахов в папских семинариях (алюмнатах) Вильно, Праги, Вены и Рима.

Орден базилиан активно занимался просветительской деятельностью и содержал многочисленные школы. Первые ***базилианские школы*** возникли в 30-х гг. XVII в. в Жировичах, Борунах, Новогрудке, Минске и Черее. Они были организованы по образцу иезуитских коллегиумов и считались средними учебными заведениями. В них училась и светская молодежь (папа римский еще в 1615 г. дал такое разрешение), а позже и молодежь разных вероисповеданий. Учителей для базилианских школ готовили сначала в иезуитских коллегиумах и зарубежных университетах, а с середины XVII в. — в базилианских семинариях. Они были знакомы с прогрессивной педагогической системой И. Г. Песталоцци, выступали против телесных наказаний в школах. Базилиане имели собственные типографии в Вильно, Супрасли, Минске, Львове, Почаеве. За 1628—1800 гг. они издали около 1080 наименований книг (на польском, латинском и церковнославянском языках), причем 40 % из них составила светская литература.

На сторону униатской церкви к середине XVII в. перешли и некоторые православные просветители: *М. Смотрицкий, Л. И. Мамонич*, а *Л. К. Мамонич* получил даже титул «печатника его королевского величества» и монопольное право издавать законодательные материалы Княжества на кириллице. Он добился закрытия православной братской типографии в Вильно, а свою собственную типографию передал базилианам.

Открытие Виленской иезуитской академии — первой высшей школы Восточной Европы

В 1570 г. виленский епископ Валериан Протасевич основал в городе иезуитский коллегиум, который в том же году принял 160 учащихся. Коллегиум возник не на пустом месте: уже в начале XVI в. в Вильно существовало несколько иезуитских и пиарских школ. Ко времени основания Виленского иезуитского коллегиума многие десятки уроженцев ВКЛ ежегодно отправлялись на учебу в европейские университеты. Самыми популярными у «литвинов» были Парижский, Падуанский и Пражский

университеты, а также университеты Германии: Кёльнский, Лейпцигский, Тюбингенский, Фрейбургский. Среди студентов-«литвинов» были и сыновья магнатов: например, знаменитый Николай Радзивилл (Сиротка) и будущий канцлер ВКЛ Лев Сапега. Они прекрасно понимали, что такое университетское образование и насколько важен университет для престижа и процветания своей страны.

В июле 1578 г. польский король и великий князь литовский *Стефан Баторий* издал привилей, который предоставил ***Виленскому иезуитскому коллегиуму*** права академии. После победы над войсками Ивана Грозного под Полоцком (в августе 1579 г., во время Ливонской войны) С. Баторий добился признания ***Виленской иезуитской академии*** Папой Римским *Григорием XIII*. Новая академия стала первой высшей школой Восточной Европы. Она получила право присваивать ученые степени и выбирать собственную администрацию, обладала судебной автономией.

Первым ректором Виленской иезуитской академии стал иезуит *Петр Скарга* — талантливый оратор и проповедник, известный деятель Контрреформации. Он получил образование в Краковском университете, затем совершенствовал его в Риме. П. Скарга сумел вернуть в лоно католической церкви немало отошедших от нее ранее магнатов и шляхты, в том числе такого влиятельного поборника кальвинизма, как Н. Радзивилл (Сиротка). П. Скарга участвовал в создании Виленского иезуитского коллегиума, а до этого — в создании коллегиумов в Полоцке, Риге и Дерпте. Перебравшись в Краков, он в 1588 г. стал придворным проповедником короля и великого князя Сигизмунда III Вазы.

Первоначально в академии действовало два курса (факультета): философский и теологический, где обучалось 200 человек. Однако к концу XVI в. в академии насчитывалось до 800 воспитанников и около 85 преподавателей. Обучение на философском факультете делилось на два цикла. Вначале воспитанники слушали гуманитарный (подготовительный) курс, состоявший из четырех классов: грамматики, синтаксиса, поэтики и риторики. За четыре года воспитанники последовательно изучали эти науки и приступали к философскому курсу. Он длился два года для светских студентов и три года — для иезуитов. После окончания философского курса образование можно было продолжить на теологическом факультете, где изучали Священное Писание, полемику, мораль, схоластику, каноническое право, казуистику. Теологический курс длился четыре года, но существовал и сокращенный, двухлетний курс.

До открытия Виленской иезуитской академии в ВКЛ не было высших учебных заведений (Львовский университет — старейший на украинских землях — был открыт только в 1661 г.). Экономическое, социально-политическое и культурное развитие государства требовало квалифицированных учителей, врачей, юристов, дипломатов и просто образованных людей. Выезд на учебу в зарубежные университеты уже не мог

удовлетворить спрос на них. Поэтому создание Виленской иезуитской академии было огромным шагом вперед по пути развития образования и науки.

Однако академия играла двойственную роль в культурно-политическом развитии страны. С одной стороны, она знакомила население белорусских земель ВКЛ с достижениями европейской культуры и готовила высококвалифицированных специалистов в самых различных отраслях. С другой — усиливала влияние католической церкви в ВКЛ, служила орудием борьбы с другими религиями и отрывала еще немногочисленных тогда интеллектуалов от своих корней. Эту опасность прекрасно понимал канцлер ВКЛ *Николай Радзивилл* (*Рыжий*) — глава протестантов Княжества и самый могущественный среди магнатов. Он хотел создать в Вильно светский университет, открытый для представителей всех конфессий, где преподавание велось бы на старобелорусском языке — государственном языке ВКЛ. По указанию канцлера уже был подготовлен проект университета и начат поиск профессоров, но представители влиятельных католических кругов опередили его.

Виленская иезуитская академия была гораздо менее демократичным учебным заведением, чем то, которое планировали создать Н. Радзивилл (Рыжий) и другие реформаторы. В академию принимали только сыновей католической шляхты, а все ее преподаватели были иезуитами. Для того чтобы академия начала действовать, Стефану Баторию пришлось оказать беспрецедентное давление на высших должностных лиц Княжества. Королю удалось сломить подканцлера ВКЛ *Е. Воловича*, который и поставил на привилее о создании Виленской иезуитской академии малую печать ВКЛ. Большую печать Княжества канцлер ВКЛ Н. Радзивилл (Рыжий) ставить отказался. Поэтому иезуитам в качестве уступки пришлось пойти на то, чтобы до середины XVII в. преподавание в Виленской иезуитской академии велось на старобелорусском языке.

Возрастание роли и авторитета Виленской иезуитской академии

В 1585 г. при академии была открыта Папская семинария (алюмнат), рассчитанная в основном «на русинов и московитов». В ней занималось около 20 человек, которые по окончании семинарии могли не принимать духовный сан, а оставаться светскими лицами. Это было еще одно средство для распространения католицизма в Восточной Европе. С 1625 г. Папская семинария сосредоточилась на подготовке католических священников.

Виленская иезуитская академия с момента своего открытия пользовалась щедрой финансовой поддержкой католического духовенства, магнатов и шляхты. При ней с самого начала действовали театр и аптека. В 1585 г. крупнейший магнат Н. Радзивилл (Сиротка) передал академии

знаменитую Брестскую типографию своего отца, где раньше печаталась протестантская литература. На деньги епископа В. Протасевича еще в конце XVI в. были построены два ***конвикта*** — общежития для богатых студентов. Два конвикта для бедных студентов были построены на средства каноника А. Бейнарта и лидского стольника Д. К. Шишки, а средства на «музыкальный конвикт» дал в 1651 г. декан одного из факультетов академии. Академическая библиотека к середине XVII в. стала богатейшей библиотекой ВКЛ. Она пополнялась за счет личных собраний В. Протасевича, Е. Воловича, М. Паца, кардинала Ю. Радзивилла, К. Л. Сапеги, короля Сигизмунда II Августа и многих шляхтичей Княжества. Часть библиотеки погибла в 1655 г. во время захвата Вильно казаками под командованием Ивана Золотаренко.

До открытия факультета права остро стоял вопрос о том, можно ли приравнивать Виленскую иезуитскую академию к классическому университету. Против этого выступали руководители и профессора Краковской академии. Поэтому подканцлер ВКЛ К. Л. Сапега пригласил на работу в Виленскую иезуитскую академию четырех профессоров-правоведов из Европы (в том числе уроженца Витебщины, профессора канонического права *А. Олизаровского*, работавшего до того в Падуанском университете) и выделил 12,5 тыс. злотых для оплаты их труда. В 1641 г. указом короля *Владислава IV Вазы* юридический факультет академии был открыт. На факультете действовали кафедры канонического и гражданского права, а с 1677 г. — кафедра политики.

Виленская иезуитская академия была основана в то время, когда белорусское Возрождение клонилось к закату. Она сыграла огромную роль в распространении польско-католической культуры, но остановила последователей Ф. Скорины и С. Будного. Не случайно особое место в деятельности профессоров академии занимало противостояние православию. В конце XVI в. развернулась борьба иезуитов с Острожской школой. Они стали инициаторами преследования православных просветителей М. Смотрицкого, Л. Зизания, Я. Белобоцкого, С. Полоцкого, Г. Конисского. Некоторые из представителей умеренного крыла православия предпочли вообще уехать за границу, чтобы не вступать в открытую конфронтацию с иезуитами. Ученые Виленской иезуитской академии боролись также и с протестантами (С. Будным, Я. Намысловским, И. Ф. Доманевским) и добились возвращения в лоно католицизма большинства протестантских магнатов и шляхты. По доносу иезуитов был арестован и казнен в 1689 г. *Казимир Лыщинский* — известный белорусский мыслитель, общественный деятель и педагог. Его вина состояла в том, что он, помощник ректора Брестского иезуитского коллегиума, порвал с орденом, сложил свои полномочия и написал трактат «О несуществовании Бога». Иезуиты выкрали рукопись, донесли на К. Лыщинского и добились, чтобы его — католика и дворянина — приговорили к сожжению на костре.

И все же развитие прогрессивной мысли остановить было нельзя. С XVIII в. началось вытеснение схоластики новой философией Просвещения. В Виленской иезуитской академии, а также в иезуитских коллегиумах вводилось преподавание истории, географии, французского и немецкого языков. В середине XVIII в. в преподавании стали преобладать практические дисциплины: экспериментальная физика, математика, архитектура, астрономия. Были созданы кабинеты ботаники, биологии, химии, а с 1752 г. началось преподавание высшей математики. В 1753 г. на деньги вдовы мстиславского старосты Л. Пузыни (в девичестве Огиньской) была построена академическая обсерватория, что дало возможность начать регулярные астрономические наблюдения.

Распространению правоведческих знаний способствовала издательская деятельность *С. Конарского и М. Догеля*, совместно опубликовавших «Дипломатический кодекс Польского королевства и Великого княжества Литовского». Известный юрист и государственный деятель ВКЛ *С. Бужинский* в 1736 г. издал сборник всех законов и постановлений, касавшихся Виленской иезуитской академии с момента ее основания.

Возрастал интерес к истории и географии ВКЛ. В первой половине XVII в. в Вильно был напечатан первый географический словарь Польши и ВКЛ *И. Карпинского*, исторические труды *Ш. Старовольского*, переводные западноевропейские издания. Профессор моральной теологии Виленской иезуитской академии (уроженец Пинщины) *К. Головка* опубликовал на латыни серию очерков по географии Речи Посполитой (1748), а также географические карты Польши и ВКЛ. С 1748 г. на протяжении восьми лет он издавал на польском языке «Исторический календарь», имевший просветительский характер. Большую известность ему принесла книга «Европа в сеймах» (1753), где государственное устройство Речи Посполитой сравнивалось с формами правления других европейских государств.

В 1736 г. король Август II подтвердил за Виленской иезуитской академией права Краковского университета и запретил открывать в столице ВКЛ другие высшие учебные заведения. Несмотря на это, академии постоянно приходилось вести борьбу за первенство со многими иезуитскими коллегиумами. В них преподавателями нередко работали квалифицированные ученые, не уступавшие по знаниям виленским иезуитам. Однако подобная конкуренция приносила ощутимую пользу. В XVII— XVIII вв. преподаватели-иезуиты (А. Бартошевич, А. Ростковский, А. Бромирский, И. Борейко) издали ряд оригинальных трудов по педагогике, где были изложены новые подходы к воспитанию и обучению молодежи. В середине XVIII в. в образовательные программы различных учебных заведений в больших объемах стали вводиться курсы естествознания, истории, географии, математики и физики, иностранных языков. Это еще больше подняло статус Виленской иезуитской академии как центра по подготовке учителей высшей квалификации.

За 1583—1781 гг. Виленская иезуитская академия присвоила 4076 научных степеней, в том числе 3500 — по философии, 149 — по праву и 417 — по теологии. Среди наиболее известных выпускников академии — А. Олизаровский, А. Боболя, А. Коялович, А. Нарушевич, С. Полоцкий, М. Смотрицкий, К. Вырвич, М. Сорбевский, Ф. Богуш и др. Многие из них впоследствии стали профессорами и умножили славу академии. Преподавателями академии в разное время были Ю. Бака, Ф. Богомолец, А. Бартошевич, К. Бартольд, К. Головка, Б. Добшевич, Т. Жабровский, М. Карский, М. Корицкий, З. Лауксмин, Б. Попроцкий, А. Скорульский и др.

От Главной школы Великого княжества Литовского к Главной Виленской школе

Роспуск ордена иезуитов (1773) совпал с широкомасштабными реформами, в том числе в области образования, к которым приступили польские патриоты после первого раздела Речи Посполитой. Целью этих реформ было вывести страну из глубочайшего внутриполитического кризиса, в котором она оказалась из-за необузданного своеволия магнатов и паралича власти.

Все имущество ордена иезуитов было передано ***Эдукационной комиссии***, в которую вошли лучшие педагоги и представители образованной шляхты. Этой комиссии была подчинена и Виленская иезуитская академия, хотя до начала 80-х гг. XVIII в. преподавание в ней продолжали вести бывшие иезуиты. В 1781 г. вместо Виленской иезуитской академии была создана ***Главная школа Великого княжества Литовского.*** Еще во время реорганизации академии, в апреле 1775 г., при ней была открыта специальная учительская семинария. Это четырехклассное учебное заведение, куда было набрано 50 воспитанников, должно было готовить учителей для приходских школ.

Главная школа ВКЛ (ее устав был утвержден в 1783 г.) стала высшим учебным заведением нового типа. Эдукационная комиссия попыталась избавить высшее образование от прямого влияния католической церкви. Богословские предметы были исключены из учебных программ, а факультет теологии закрыт. Еще одним важным шагом в демократизации высшего образования стала отмена преподавания на латыни. Отныне все предметы должны были излагаться по-польски.

Главная школа ВКЛ стала высшей ступенью новой системы образования и главным научным центром Княжества (в Короне эту роль выполнял Краковский университет). Ей подчинялись также все средние учебные заведения ВКЛ. Первоначально школа имела моральный (кафедры истории греческой и римской литературы, права, истории, теологии) и физический (кафедры точных и естественных наук) факультеты. После того как

из Гродно в 1781 г. в Вильно была переведена медицинская школа (или академия), открылся и медицинский факультет (или Медицинский коллегиум). В 1781 г. французским врачом и естествоиспытателем Ж. Э. Жилибером при школе был заложен ботанический сад.

Куратором Главной школы ВКЛ стал известный общественный деятель, просветитель и меценат граф *Иоахим Хрептович*, а первым ректором — математик и астроном *М. Почобут-Одляницкий*. Он родился в Гродненской области, учился в гродненском иезуитском коллегиуме, а затем в университетах Германии, Франции, Италии. М. Почобут-Одляницкий возглавлял Главную школу ВКЛ на протяжении 19 лет (1780—1799).

Преподавание и научная работа в Главной школе ВКЛ велись на очень высоком уровне. Ректор М. Почобут-Одляницкий был членом Лондонской и Парижской академий наук. На протяжении 34 лет он непрерывно вел астрономические наблюдения, описание которых составило 34 тома, и впервые определил географические координаты многих городов Беларуси, открыл ряд неизвестных небесных светил. На базе его наблюдений французский астроном Ж. Лаланд составил новые таблицы движения планеты Меркурий вокруг Солнца. Последний король Речи Посполитой Станислав Понятовский наградил М. Почобут-Одляницкого орденом Белого Орла и приказал отчеканить медаль с его портретом и надписью «Sie itur ad astra» («Так шагают к звездам»). Первый ректор Главной школы ВКЛ известен и как автор многочисленных учебников по астрономии, геометрии, алгебре.

На таком же высоком уровне велось преподавание и других наук. Профессор химии и фармакологии *А. Снядецкий* в 1800 г. на основе своих лекций издал двухтомный учебник. Это был один из первых университетских учебников по химии. Он получил высокую оценку специалистов и стал настольной книгой для студентов многих университетов Европы. Профессора ботаники *С. Юндил* и *И. Форстер* после отъезда Ж. Э. Жилибера во Францию продолжили его дело и превратили виленский ботанический сад в один из лучших в Европе. За свои книги «Описание растений в провинции ВКЛ» и «О соленых источниках и соли в Стоклишках» С. Юндил (уроженец Лидского уезда) был награжден королевскими золотыми медалями. Профессор натуральной истории И. Форстер в 1772—1775 гг. принимал участие в кругосветном плавании капитана Джеймса Кука.

Декан морального факультета, доктор философии *Д. Пильховский* (уроженец Гродненщины), был одним из самых деятельных членов Эдукационной комиссии. Он прославился не только научными трудами (переводами на польский язык древнеримского историка Саллюстия, философа Сенеки), но и своей гражданской позицией. На Четырехлетнем сейме 1788—1792 гг. Д. Пильховский выступил против крепостничества и издал книгу на польском языке «Ответ на вопрос...», где пропагандировал свои взгляды (Вильно, 1789). Находясь на посту генерального визитатора (ревизора) школ ВКЛ, он много сделал для демократизации образования в Княжестве.

Высокому уровню образования способствовали известные ученые, которые приглашались в Вильно из лучших европейских университетов.

Так, доктор медицины *Я. Бриотэ*, приглашенный из Франции в 1777 г., получил от Эдукационной комиссии патент на звание профессора хирургических операций и демонстратора анатомии. В этом же году он основал виленский анатомический музей.

Главная школа ВКЛ одновременно выполняла и функции высшей художественной школы. В 1793 г. в ней была учреждена кафедра архитектуры. Ее возглавил *Л. Гуцевич* (Стуока-Гуцявичюс) — сын простого литовского крестьянина, сумевшего стать лучшим архитектором Княжества. За свои заслуги он был возведен в шляхетство. Л. Гуцевич перенес в ВКЛ достижения французского классицизма и создал великолепные архитектурные ансамбли в Вильно, костелы и многочисленные загородные резиденции магнатов. Построенный им костел в д. Малятичи Кричевского района был уменьшенной в восемь раз копией собора св. Петра в Риме. Кафедру рисования Главной школы ВКЛ возглавлял известный живописец *Ф. Смуглевич* — автор росписи стен библиотеки школы, Михайловского дворца в Санкт-Петербурге, многих храмов Польши, Литвы и Беларуси.

Образовательная и научная деятельность Главной школы ВКЛ была высоко оценена современниками. В школе учились юноши не только из Княжества и Короны, но также студенты из Германии, России, других стран. Не случайно то, что в типографии Главной школы печаталась литература на семи языках. Шляхта ВКЛ, признавая это учебное заведение так же, как и Виленскую иезуитскую академию, предоставляла ей многочисленные и щедрые пожертвования (фундуши).

После второго и третьего разделов Речи Посполитой (1793 и 1795 гг.) Главная школа ВКЛ была подчинена российскому правительству. В 1796 г. оно преобразовало Главную школу ВКЛ в ***Главную Виленскую школу***. Таким образом российские власти вывели средние учебные заведения бывшего ВКЛ из-под контроля школы и попытались избавить учителей гимназий и уездных училищ от ее идейного влияния. В преподавании и кадровом составе Главной Виленской школы почти никаких изменений не произошло, несмотря на то, что многие из ее студентов и профессоров (М. Почобут-Одляницкий, Л. Гуцевич) приняли участие в восстании 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшко.

Гродненская медицинская академия (школа) в 1775–1781 гг.

Реформы в области образования, начатые после первого раздела Речи Посполитой, позволили создать на территории Великого княжества Литовского первое высшее учебное заведение по подготовке врачей. Им стала ***Гродненская медицинская академия (школа).*** Она была открыта по инициативе Эдукационной комиссии и известного политического

деятеля-реформатора, гродненского старосты графа *А. Тизенгауза*. Организатором и руководителем школы стал французский ученый, профессор медицины *Жан Эммануэль Жилибер*, приглашенный из Лионского медицинского коллегиума (колледжа).

Гродненская медицинская академия размещалась в трехэтажном здании, специально построенном для обучения медицине по проекту одного из видных архитекторов XVIII в. — итальянца Дж. Сакко. Академия сразу же была прекрасно оборудована: имела единственный в ВКЛ анатомический театр и музей анатомии, кабинет (музей) естественной истории, медицинскую научную библиотеку. При ней действовали больница на 60 коек и аптека, открытая еще в 1687 г.

Академия имела три отделения: высшее лечебное, провинциальных врачей и хирургов, акушерское. Высшее отделение готовило врачей для работы в городах, здесь обучались только юноши из шляхты (10 человек). На два остальных отделения учащихся набирали из крепостных крестьян королевских экономий Гродненского, Брестского и Шавельского уездов. Обучение на отделениях провинциальных врачей и хирургов (занималось 20 человек) и акушерском (5, затем 17 человек) было бесплатным, но выпускники после окончания школы должны были вернуться домой и там работать. Общая численность учащихся академии достигала 50 человек.

Обучение носило практический и клинический характер: воспитанники академии участвовали в сборе гербариев, минералов, готовили лекарства в аптеке, наблюдали за больными. Преподаванием занималось пять профессоров, два фельдшера и одна акушерка. Первый выпуск из 12 человек состоялся в 1778 г. Это были первые медики, подготовленные на белорусских землях ВКЛ.

Основатель Гродненской медицинской академии Ж. Э. Жилибер первым в ВКЛ стал проводить медико-топографические описания флоры и фауны Беларуси, применил микроскопирование, а также создал при академии первый ботанический сад на территории Речи Посполитой. Гродненская медицинская академия поддерживала научные связи с рядом университетов Европы, Российской академией наук.

Ж. Э. Жилибер и А. Тизенгауз планировали открыть высшие сельскохозяйственную и ветеринарную школы, а также учредить в Гродно Академию наук ВКЛ. Однако неудачи экономических реформ А. Тизенгауза и его отставка (1780) помешали реализации этого проекта. В 1781 г. Гродненская медицинская академия со всеми профессорами, учениками и оборудованием была переведена в Вильно. Там Ж. Э. Жилибер, при поддержке И. Хрептовича и М. Почобут-Одляницкого, создал медицинский факультет Главной школы ВКЛ.

Глава 5

ВИЛЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (первая половина XIX в.)

Создание Виленского учебного округа и Виленского университета

С 1803 г. в России стала осуществляться реформа народного образования, которое находилось в начальной стадии формирования. Многие элементы этой реформы копировали ту систему, которая была создана усилиями Эдукационной комиссии в 80 — начале 90-х гг. XVIII в. на землях Речи Посполитой (до второго и третьего ее разделов). В соответствии с реформой вся европейская территория России была разделена на шесть учебных округов. Самым первым (в мае 1803 г.) был создан ***Виленский учебный округ*** (ВУО), который служил своеобразным эталоном для организации системы народного образования империи. Во главе округа стал князь *Адам Чарторыйский*, прекрасно образованный человек и личный друг императора Александра I.

Бессменно занимая пост попечителя ВУО до сентября 1824 г., князь А. Чарторыйский считал своей главной задачей воспитание молодежи в патриотическом духе, что способствовало бы сближению народов Польши, Литвы, Беларуси и Украины. Князь мечтал возродить Польшу и Литву в их исторических границах, ввести в действие модернизированную Конституцию 1791 г. и Статут ВКЛ, создать 100-тысячную армию. Обновленная Речь Посполитая, находившаяся под скипетром российского царя, должна была, по замыслам А. Чарторыйского, благотворно повлиять и на

саму Россию, став катализатором широких общественно-политических реформ. Этим планам в значительной степени симпатизировал и Александр I, мечтавший дать России конституцию.

Создание Виленского учебного округа и университета было главным звеном начального плана А. Чарторыйского. В состав ВУО вошли все учебные заведения шести литовско-белорусских губерний (Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской) и трех украинских (Волынской, Киевской и Подольской), а с 1810 г. — еще и Белостокской области.

В организации и функционировании ВУО наиболее полно и последовательно воплотились прогрессивные педагогические принципы, разработанные Эдукационной комиссией Речи Посполитой. Этим ВУО выгодно отличался от других учебных округов России. Все средние учебные заведения округа, включая созданные монашескими орденами, были преобразованы в гимназии с семилетним сроком обучения (в остальных округах создавались только четырехлетние гимназии). Языком обучения в гимназиях ВУО был польский, а преподавание велось по учебникам, составленным профессорами Главной школы ВКЛ и Виленского университета. Изменения в системе образования привели к быстрому увеличению числа гимназий в белорусских губерниях (с 25 в 1803 г. до 32 в 1824 г.). Довольно высоким, по меркам того времени, был и уровень подготовки выпускников уездных училищ ВУО (неполных средних заведений), которые наравне с выпускниками гимназий получили право (единственные в России) поступать в университеты без экзаменов.

По указу Александра I в апреле 1803 г. Главная Виленская школа была преобразована в императорский ***Виленский университет.*** Он стал учебно-методическим и административным центром ВУО. Университет имел четыре факультета: моральных и политических наук, физико-математический, медицинский, а также литературы и свободных искусств. С самого первого дня он начал действовать как крупнейший научный и культурно-образовательный центр России. В то время, когда в большинстве учебных округов (кроме Дерптского и Московского) университеты еще надо было создать, за Виленским университетом уже стояли 224 года академических традиций и огромный научный потенциал.

На момент основания Виленский университет был самым богатым среди университетов России. Кроме штатной суммы в 130 тыс. рублей, выделявшейся каждому университету Министерством народного просвещения, Виленский университет получал еще 105 тыс. рублей в год за счет доходов от бывших иезуитских имений, а также 30—70 тыс. рублей дополнительных ежегодных субсидий от правительства.

Первым ректором Виленского университета (1803—1806) стал известный просветитель и юрист, ксендз *Иероним Стройновский*. Еще работая на кафедре натурального права Главной школы ВКЛ, он написал университетский учебник по праву и политэкономии (1785), который выдержал

пять изданий, в том числе на русском языке. И. Стройновский принимал участие в работе Эдукационной комиссии, а с 1799 г. возглавлял Главную Виленскую школу. Уроженец Украины, И. Стройновский занимал умеренно-патриотическую, «пролитовскую» позицию, поэтому польские просветители критиковали его за близость к российской власти, а духовенство — за слишком светские взгляды. В 1806 г. «польской партии» удалось отправить И. Стройновского в отставку.

Вторым ректором Виленского университета (1806—1815) стал *Ян Снядецкий* — философ и просветитель, известный польский астроном и математик. Он закончил Краковский университет, совершенствовал свои знания в университетах Гёттингена, Лейдена, Утрехта и Парижа. Прежде чем стать ректором Виленского университета, Я. Снядецкий заведовал кафедрами математики и астрономии в Краковском университете, был директором Краковской обсерватории. Как ректор он сделал очень много для того, чтобы естественнонаучные дисциплины стали приоритетными в Виленском университете. Он был инициатором создания Виленской астрономической школы, проводил наблюдения за Солнцем, Луной и малыми планетами. Учебники Я. Снядецкого по математике, астрономии и географии много лет были основными в гимназиях Беларуси и Литвы. За свою научную деятельность Я. Снядецкий был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1808).

Я. Снядецкий был не только ученым, но и польским патриотом, горячим сторонником независимости Речи Посполитой. Он понимал, что без развития польского языка и литературы, польской истории воспитание студенчества в патриотическом духе невозможно. Поэтому вместе с попечителем округа А. Чарторыйским он приложил немало усилий для того, чтобы в Виленском университете работали лучшие польские филологи и историки, а дух польской культуры стал родным для каждого студента.

Слава и гордость университета — его профессора

В состав преподавательского корпуса Виленского университета в 1803 г. входили 34 профессора и 12 адъюнктов (помощников профессоров). Многие из них были учеными с европейской известностью, поэтому научные исследования и преподавательская работа велись на уровне лучших мировых достижений того времени. Благодаря щедрому финансированию и заботам князя А. Чарторыйского, из-за рубежа было приглашено еще 17 профессоров, которые были необходимы университету для его полноценной деятельности.

Профессор химии и медицины *А. Снядецкий* (брат ректора) в двухтомном труде «Теория органических веществ» одним из первых в Европе обо-

сновал идею круговорота веществ в природе. Его книга была переведена на французский и немецкий языки. А. Снядецкий был также редактором виленской газеты «Wiadomości brukowe» («Уличные новости»), на страницах которой подвергались критике религиозный фанатизм, моральная деградация шляхты, поднимались вопросы улучшения тяжелой крестьянской жизни.

С 1803 г. в университете было начато преподавание курса геологии и минералогии, которое сразу было организовано на очень высоком уровне. Университетская коллекция минералов (около 20 тыс. экспонатов) была на тот момент богатейшей в Европе, а занятия велись по новому учебнику геологии профессора *Я. Яковицкого*. Профессор *С. Стубелевич* составил новый учебник по физике. Высшую математику в университете читал уроженец белорусского Полесья, талантливый ученый *Ю. Твардовский* (ректор в 1823—1824 гг.). Профессор сравнительной анатомии *Г. Боянус* в своих трудах приблизился к эволюционной теории Ч. Дарвина. Автор 40 работ по анатомии домашних животных и их заболеваниям, он стал одним из основоположников ветеринарии в России, был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1815).

Выдающихся успехов добились ученые медицинского факультета. В 1804 г. из Вены в Вильно были приглашены *Иоганн П. Франк* — теоретик медицины и прославленный терапевт, а также его сын — профессор *Иосиф Франк*. Иоганн П. Франк пробыл в Вильно чуть больше года, но смог коренным образом перестроить подготовку врачей в университете, сделав ее самой передовой в России. Если в 1803 г. на медицинском факультете училось 82 студента, то в 1830 г. их было уже 400. За 1803—1832 гг. университет присвоил степень доктора медицины 240 выпускникам, большую часть которых составляли уроженцы Беларуси и Литвы. Многие из них основали впоследствии собственные научные школы.

Доктор медицины *Ф. Рымкевич* написал первую в России научную работу о применении стетоскопа и выслушивании сердца и сосудов. Профессор патологии, философии и гигиены *А. Бэкю* был первым медиком, начавшим проводить прививки против оспы в Беларуси и Литве. Перед тем как приступить к этому революционному по тому времени мероприятию, он был командирован Виленским университетом в Шотландию (1804) для изучения опыта английских врачей. А. Бэкю заложил основы больничного дела и гигиены в Беларуси.

Профессор *Я. Бриотэ* в 1808 г. создал при университете хирургическую клинику. Он стал одним из основателей Виленского врачебного общества, был избран членом Парижской медицинской академии. Профессор *Б. Барсук* стал основателем курса судебной медэкспертизы в российских университетах. Одна из первых диссертаций в Европе, посвященная раковым заболеваниям, была написана доктором медицины *А. Савицким* (1812), уроженцем Минщины.

М. Очаповский (уроженец Копыльщины) был в числе первых ученых-почвоведов России, автором фундаментального 10-томного труда «Сельское хозяйство» (1834—1844). В этой работе, а также в опубликованных ранее книгах он исследовал особенности земледелия в Беларуси и предлагал наиболее рациональные методы ведения сельского хозяйства. В 20-е гг. XIX в. профессор М. Очаповский вел работу по открытию при Виленском университете земледельческого института. По его замыслу, этот институт должен был готовить управляющих и экономов для помещичьих имений, а также проводить агрономические исследования. Только закрытие Виленского университета помешало реализации этого плана.

Выпускник Виленского университета, а затем профессор ботаники и директор университетского ботанического сада *С. Горский* с честью продолжил дело ученых Ж. Э. Жилибера и Г. Юндила. Под его руководством ботанический сад Виленского университета стал не только одним из богатейших в Европе (около 7 тыс. растений), но и превратился в крупный научный центр. Он поддерживал научные контакты и обменивался экзотическими видами растений с университетами Вены, Неаполя, Женевы, Палермо и Флоренции. С. Горский известен также как автор первого каталога и иллюстрированного атласа флоры Беларуси.

Европейскую славу Виленскому университету принесли и исследования профессоров гуманитарных наук. Первое место среди них принадлежит *Иоахиму Лелевелю*, воспитаннику университета, а затем профессору кафедры всеобщей истории. Он стал основателем и главным представителем романтической школы в польской историографии. В его работах, проникнутых антифеодальным духом и антиклерикализмом, осуждалось национальное угнетение белорусского и украинского народов в Речи Посполитой. Вместе с тем И. Лелевель стал одним из символов польского патриотического движения против царского деспотизма, автором знаменитого лозунга, обращенного к русским революционерам, «За нашу и вашу свободу!». Он же был и идейным вдохновителем студенческих обществ филоматов и филаретов, редактором демократической газеты «Tygodnik Wileński» («Виленский еженедельник»).

И. Лелевель, независимо от французских историков О. Тьерри и Ф. Гизо, пришел к пониманию истории как борьбы классов и постоянно подчеркивал творческую роль масс в истории. Исследуя раннюю славянскую историю, он дал высокую оценку Полоцкой средневековой «республике», ставя ее рядом с Новгородской республикой. Вместе с профессором Виленского университета И. Н. Даниловичем И. Лелевель впервые издал Статут Великого княжества Литовского 1529 г. на языке оригинала.

М. К. Бобровский, исследователь славянской и древней истории, за свои заслуги был избран членом Археологической Римской академии, Парижского и Лондонского обществ азиатских наук, Общества истории и древностей российских при Московском университете. Находясь в длительной заграничной командировке (1817—1822), Михаил Бобровский открыл и ввел

в научный оборот ценнейшие исторические материалы, считавшиеся утраченными, в том числе Супрасльскую рукопись и первую печатную книгу на глаголице (ныне хранится в Ватиканской библиотеке). Вернувшись на родину, он занял кафедру экзегетики и герменевтики Виленского университета. Эта кафедра занималась переводом и расшифровкой древних текстов (египетских, древнееврейских, древнегреческих, старославянских и т. д.).

Достигнув высших ученых степеней, М. К. Бобровский посвятил свою жизнь поиску и сбережению памятников древней белорусской и славянской культуры. Именно он, потомок древнего белорусского шляхетского рода, стал основателем белорусоведения и заново открыл для истории имя Ф. Скорины. При жизни ученому удалось опубликовать только малую часть своих исследований, а его главная рукопись «История славянских книгопечатен в Литве» считается безвозвратно утерянной.

Историк и правовед *И. Н. Данилович* одним из первых стал исследовать белорусские и литовские летописи и законодательные памятники. Он впервые отыскал все Статуты ВКЛ. Своими работами профессор доказал существование летописания в ВКЛ, а также то, что у белорусов и литовцев уже в XV в. были собственные историки. Он описал, пересказал и частично опубликовал содержание 2500 письменных источников по истории Беларуси (от выписок из Геродота до актов 1569 г.).

Огромной популярностью у студентов пользовались лекции профессора философии *Ю. Голуховского* (ученика немецкого философа Ф. Шеллинга), профессора греческого языка и римской литературы *Г. Э. Гродека*. Учебники профессора Г. Э. Гродека неоднократно переиздавались; его семинары посещали студенты — известные в будущем литераторы и политические деятели Адам Мицкевич и Томаш Зан. Профессор права *И. Ярошевич* публиковал многочисленные статистические материалы о белорусско-литовских губерниях, исследовал влияние христианства на славянскую цивилизацию.

Профессором рисования в университете работал известный портретист *Ян Рустэм*, работы которого хранятся во многих музеях Европы. Его учениками были почти все представители романтического направления живописи Беларуси и Литвы: В. Ванькович, Ю. Олешкович, В. Смоковский, Я. Дамель. Событием в культурной жизни страны стала художественная выставка воспитанников Я. Рустема, организованная в 1820 г. в стенах университета. В ней приняли участие 25 художников, представивших 130 картин.

Творческий уровень Виленского университета

Достижения ученых Виленского университета публиковались в ежемесячном научно-литературном журнале «Dziennik Wileński» («Виленский дневник»), выходившем с 1805 г. Полемика, развернувшаяся в начале XIX в. на страницах этого и других виленских изданий с одной стороны и печатным органом Полоцкой иезуитской академии — «Полоцким еже-

месячником» — с другой, будила и развивала общественную мысль. В глазах интеллектуалов Беларуси и Литвы Виленский университет выступал как светоч разума, в то время как Полоцкая иезуитская академия считалась «гнездом обскурантизма».

Ученые Виленского университета поддерживали связи с коллегами из университетов Москвы, Петербурга, Кракова и Варшавы, Российской и зарубежных академий. При университете действовали медицинский, ветеринарный, агрономический институты, обсерватория, первый в России зоологический музей. В 1808—1809 гг. при медицинском факультете были открыты уникальные учебные подразделения: Институт вакцины и Институт материнства. Они стали прообразами современных научно-исследовательских медицинских институтов. В учительской семинарии при университете готовились квалифицированные педагоги, профессора университета разрабатывали учебные программы и составляли учебники для гимназий округа.

Библиотека Виленского университета, фонды которой были основаны еще иезуитской академией, уже в 1772 г. насчитывала 11 тыс. томов и пополнялась с каждым годом. Она имела свои каталоги, разделенные на 18 отделений в соответствии с научной тематикой. В ней хранились такие редкие книги, как рукописи Птолемея, Аристотеля, древняя Псалтирь, написанная на пергаменте, первые издания Н. Коперника, Р. Декарта, оригинал Статута ВКЛ 1529 г. и др. С 1805 г. в библиотеку стали допускаться посторонние лица. При этом на каждом факультете создавались собственные библиотеки.

В последние годы существования университета в нем работало 47 профессоров, 36 из которых были уроженцами Беларуси и Литвы. Быстро росло и число студентов. Если в 1804 г. в Виленском университете обучалось 290 человек, то в 1830 г. их было уже 1321. Образование, получаемое в Виленском университете, не уступало тому, что давали в лучших университетах Европы.

Студенты и питомцы Виленского университета как смысл его деятельности

Воспитанниками Виленского университета (правда, не все его смогли закончить) были великие поэты Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий, известный польский писатель Юзеф Игнацы Крашевский, историки Игнатий Данилович и Леонард Ходько (он опубликовал 125 томов документов по истории Польши, Литвы и Беларуси), востоковед Осип Сенковский, врач Август Бекю, поэты Антон Эдвард Адынец, Александр и Игнатий Ходьки, Ян Чечот и многие другие. Они — основа и творцы белорусской национальной культуры Нового времени.

Выпускник университета 1821 г. *Иосиф Ходько* (уроженец Мядельщины) — путешественник, военный геодезист и генерал-лейтенант российской армии. Он был первым, кто составил карту Кавказских гор (ею пользуются и поныне), и одним из первых европейцев, поднявшихся на гору Арарат (1850). За свои научные достижения он был избран почетным членом Российского географического общества, а за спортивные — членом Французского клуба альпинистов.

Врач *Вильгельм Гинденбург*, окончивший Виленский университет в 1821 г., все последующие 56 лет посвятил медицинской работе в Минске, своем родном городе. Врач-гуманист, он участвовал в работе благотворительных организаций, боролся за создание бесплатной больницы, раздавал собственные деньги неимущим и бесплатно лечил бедняков. Его знал весь Минск. В. Гинденбург умер в бедности и был похоронен на средства благодарных пациентов (1877). На смерть врача откликнулся Ф. М. Достоевский, а городская дума учредила в Минской гимназии стипендию его имени.

Благодаря своим выпускникам, Виленский университет стал известен в самых отдаленных уголках мира. Так, выпускник медицинского факультета *С. Голензовский* после поражения восстания 1830—1831 гг. был вынужден эмигрировать в Мексику, где 10 лет самоотверженно занимался медицинской практикой.

Генрик Дмоховский, выпускник 1828 г., уехал в США и стал известным скульптором, автором памятников Т. Костюшко и Т. Джефферсону. Вернувшись в Париж, он, несмотря на материальное благополучие (Г. Дмоховский получил также известность как живописец-график) и преклонный возраст, принял участие в восстании 1863—1864 гг. Г. Дмоховский погиб в бою с царскими войсками — на родной земле.

Осип Ковалевский после окончания в 1821 г. факультета литературы и вольных искусств работал учителем гимназии, но за «политическую неблагонадежность» был выслан в Казань. Он стал основателем монголоведения в России, совершил путешествие в Монголию и был одним из первых европейцев, встречавшихся с далай-ламой. О. Ковалевский побывал и на Алтае, на озере Байкал. Он стал одним из первых этнографов и просветителей бурятского народа, не боялся поднять голос в его защиту от произвола русских купцов и местных властей. За свою научную деятельность неоднократно награждался золотыми медалями Российского географического общества, и только из-за личной неприязни Николая I не получил звание академика.

Уроженец Новогрудского уезда *Игнатий Домейко*, окончивший физико-математический факультет, из-за преследований за свою революционную деятельность вынужден был покинуть родину и эмигрировать в Южную Америку. Попав в Чили, он организовал широкомасштабные

геолого-разведочные работы в Андах, пустыне Атакама и степях Араукании, чем ранее никто в этом крае не занимался. Белорусский ученый основал чилийскую минералогию, создал этнографический музей, ввел в стране метрическую систему измерений. Став ректором столичного университета в Сантьяго, он подготовил проект всеобщего школьного образования, написал учебники по химии и минералогии. Научные труды этого всемирно известного геолога были изданы в пяти томах, а один из горных минералов, открытый уже после его смерти, получил название домейкит. Огромную популярность снискала и просветительская деятельность И. Домейко. После смерти он был объявлен национальным героем Чили и на одной из площадей Сантьяго ему был установлен памятник. Его именем в Чили назван город, приморский поселок и горная цепь длиной 1000 км — Кордильера Домейко.

В борьбе за свободу и справедливость. Закрытие Виленского университета

Большинство студентов Виленского университета, из-за своего происхождения и воспитания, всегда находились в оппозиции к царским властям. Они не могли простить им разделов 1772—1795 гг. своей родины — Речи Посполитой. В войне 1812 г. многие из студентов приветствовали захват французскими войсками Вильно, а 200 человек даже вступили в созданную Наполеоном Национальную гвардию. Ректор же Я. Снядецкий по личному указу французского императора вошел в состав так называемого «Временного правительства» Литвы. Из-за этого российские власти после войны даже хотели перевести Виленский университет (кроме медицинского факультета) в Полоцк, а в его стенах открыть кадетский корпус. Князю А. Чарторыйскому с большим трудом удалось отговорить российского императора от этих планов и оставить университет в Вильно. Но Я. Снядецкий в начале 1815 г. вынужден был подать в отставку с поста ректора.

Вскоре общественная жизнь в Виленском университете вновь забурлила. В 1816 г. появилось литературно-просветительское ***общество «шубравцев»*** (дословно — «негодников»), куда вошли многие преподаватели университета и представители либеральной виленской интеллигенции. Общество, которое возглавили профессора Якуб Шимкевич и позже Анджей Снядецкий, было организовано по примеру масонских лож и действовало совершенно легально. Целью «шубравцев» были борьба с невежеством, содействие просвещению народа, развитию науки и моральному усовершенствованию каждого члена общества. «Шубравцы» ставили также задачу разъяснять необходимость отмены крепостного права и бороться против жестокого обращения с крестьянами. Общество существовало до 1822 г., когда указом Александра I все масонские ложи были запрещены.

С похожими целями — подготовка молодежи к служению Отчизне на разных поприщах — в 1817 г. возникло студенческое общества ***филоматов*** (т. е. любителей знаний), а в 1820 г. — студенческое ***общество «лучистых»***. Во главе их стояли получившие впоследствии известность деятели польской и белорусской культуры: Адам Мицкевич, Томаш Зан, Ян Чечот, Александр Ходько, Онуфрий Петрашкевич. Эти общества, организованные по образцу масонских лож (имевших различные степени посвящения, особую символику и деление на звенья), выполняли также функции студенческой взаимопомощи. Их члены помогали отстающим в учебе товарищам и друг другу в трудоустройстве, оказывали материальную помощь бедным студентам. В начале 20-х гг. XIX в. общества «лучистых» и филоматов, тесно связанные между собой, объединяли до 40 % студентов Виленского университета.

Консервативная профессура университета с неодобрением относилась к деятельности студенческих обществ. Она считала, что общественная деятельность отвлекает от учебы и рано или поздно члены общества нарушат закон. Поэтому в 1820 г. консерваторы добились запрещения «лучистых», а в 1822 г. и общества филоматов. В ответ наиболее радикальная часть студенчества создала тайное общество ***филаретов*** (любителей добродетели), которое ставило задачу бороться за независимость родины и против крепостного права. Президентом этого общества, которое насчитывало 215 человек, был избран выпускник физико-математического факультета Т. Зан.

В 1823 г. тайное общество филаретов было раскрыто полицией. Около 20 его участников, в том числе А. Мицкевич, И. Домейко, А. Ходько, О. Петрашкевич, Я. Чечот были арестованы и высланы, а Т. Зан приговорен к тюремному заключению. Были также уволены из университета и высланы из Вильно профессора М. Бобровский, Ю. Голуховский, И. Данилович, И. Лелевель, симпатизировавшие арестованным студентам. За филаретов попытался вступиться попечитель округа А. Чарторыйский, но, ничего не добившись, он вынужден был подать в отставку.

И все-таки вытравить крамольный дух из стен Виленского университета оказалось невозможно. В восстании 1830—1831 гг. приняли участие треть студентов университета. Это решило участь и этих студентов, и самого университета. Студенты — участники восстания — были отправлены в тюрьмы, на каторгу, сосланы рядовыми на Кавказскую войну, а из 52 профессоров Виленского университета 21 человек был уволен. По решению Николая I 1 мая 1832 г. Виленский университет был закрыт (формально — переведен в Киев), и на 89 лет университетская жизнь на территории Беларуси прервалась. На тот момент это был крупнейший университет Российской империи (в нем обучался 1321 студент, тогда как в Московском университете было всего 734 студента).

На базе закрытого университета в Вильно были созданы две академии: духовная римско-католическая и медико-хирургическая. При этом большая часть библиотеки Виленского университета (51 837 томов) была вы-

везена в Петербург, Киев и Харьков. Все редкие книги и рукописи (около 7 тыс. единиц), собранные десятками поколений ученых и меценатов, власти передали Петербургской публичной библиотеке и университетам двух российских столиц.

Последним ректором Виленского университета (1826—1831) стал уроженец Слонима доктор медицины и хирургии *Венцеслав Венцеславович Пеликан*. Он закончил Виленский университет (1809) и Петербургскую медико-хирургическую академию (1813). С 1817 г. В. В. Пеликан работал профессором, затем деканом медицинского факультета Виленского университета и многое сделал для развития медицины в Беларуси и Литве. Он был автором медицинских справочников, изобретателем различных хирургических инструментов. Ему выпала горькая участь закрывать Виленский университет после 253 лет его славного существования: фактически университет был продолжателем дела, начатого Виленской иезуитской академией. Ректор заботился о подготовке к дальней дороге вывозимых из Вильно книг, оборудования, наглядных пособий, хлопотал за профессоров и студентов, которых направляли в разные уголки России. Университета на белорусской земле не стало.

Деятельность Виленской медико-хирургической академии (1832 – 1842)

Царское правительство не сразу решилось полностью ликвидировать высшее образование в белорусско-литовских губерниях. После закрытия Виленского университета на базе его морального факультета была создана Виленская духовная римско-католическая академия, а медицинский факультет преобразован в ***Виленскую медико-хирургическую академию***.

Виленская медико-хирургическая академия стала наследницей славных традиций Виленского университета. Из всех учебных заведений Российской империи того времени она одна наиболее полно соответствовала стандартам, принятым в университетах Западной Европы. Академия в значительной мере строилась на принципах самоуправления. Ей были предоставлены права самостоятельно разрабатывать учебные планы и курсы лекций по отдельным дисциплинам, выбирать заведующих кафедрами, беспошлинно ввозить книги и оборудование из-за рубежа, а также посылать своих лучших выпускников на стажировки в зарубежные университеты.

Обучение в академии велось на латинском, русском и польском языках. Это позволило создать коллектив профессоров, известных своими научными достижениями: *С. Горский* (ботаника), *И. Лабойка* (русская литература), *Ф. Рымкевич* (терапия), *Ю. Кореневский* (хирургия), *А. Адамович* (ветеринария). Профессор *И. Франк* написал в стенах академии многотом-

ный труд, своего рода терапевтическую энциклопедию, воспитал плеяду талантливых учеников: А. Абихта, А. Белькевича, В. Герберского, М. Гомолицкого, Я. Нишковского. Выдающийся естествоиспытатель и просветитель, профессор *Э. Эйхвальд* позднее издал 4-томный труд «Палеонтология России» — первую подобную работу в стране.

Библиотекой академии заведовал *П. Кукольник*, брат известного литератора. При академии работал Ветеринарный институт, одним из первых в России занявшийся проблемами лечения домашних животных. За десять лет своего существования Виленская медико-хирургическая академия подготовила почти 800 врачей, в том числе около 300 военных хирургов.

Студенты академии продолжили революционные традиции филоматов и филаретов и попытались бороться против царского правительства. В 1836 г. в академии начало действовать тайное «***Демократическое товарищество***». В 1838 г. оно было обнаружено и разгромлено. Царское правительство поняло, что бунтарский дух никогда не удастся вытравить из виленских студентов, как бы ни называлось их учебное заведение. В 1839 г. было остановлено издание научного журнала (вышел только первый номер), а в 1840 г. распущены первые три курса академии. Окончательно Виленская медико-хирургическая академия была закрыта в августе 1842 г.

Формально медико-хирургическую академию перевели в Киев, где на ее базе был создан медицинский факультет ***Киевского университета***. Туда же перевезли учебные кабинеты, богатейшие гербарии и библиотеку (20 тыс. томов). Профессора академии были переведены в другие университеты России, а студенты получили право закончить образование в любом университете страны, кроме Киевского. В том же 1842 г. в Петербург была переведена Виленская духовная римско-католическая академия.

Многие преподаватели и студенты медико-хирургической академии были арестованы, отправлены в ссылку и на каторгу. Так, талантливый профессор математики *З. Ревковский* за связь с повстанцами был разжалован и отправлен рядовым на Кавказ, где велись военные действия. За свою отвагу он не только получил боевые награды, но и заслужил офицерский чин, стал военным инженером и руководил строительством фортов, мостов и дорог. Вернувшись через много лет на родину, З. Ревковский вновь начал заниматься математическими исследованиями, стал одним из основоположников статистической науки Беларуси и Литвы.

Полоцкие иезуитские коллегиум и академия (1580–1820)

Вторым крупнейшим католическим образовательным центром на белорусско-литовских землях в XVI — начале XIX в. был ***Полоцкий иезуитский коллегиум***. Его основал король Стефан Баторий в 1580 г. после освобождения Полоцка от войск Ивана Грозного. Первым ректором кол-

легиума стал известный идеолог контрреформации иезуит *Петр Скарга*. Полоцкий коллегиум сразу получил от властей 72 деревни (720 дворов), а также 423 дома в Полоцке. Первоначально коллегиум размещался в Полоцком замке, но в 1598 г. его перевели в отдельное помещение. В 1600 г., после изгнания иезуитов из Риги, Полоцк был выбран ими в качестве центра ордена в ВКЛ. Иезуиты развернули в городе активное строительство. Для коллегиума был построен костел (1738), трехэтажное каменное здание для занятий (1749). Строительство учебных корпусов продолжалось до начала XIX в.

После первого раздела Речи Посполитой (1772) Полоцк перешел во владение России. К этому времени взаимоотношения российских властей с орденом иезуитов уже имели богатую историю. Царь Алексей Михайлович после взятия российскими войсками Полоцка закрыл коллегиум (1656). Однако уже через год, по ходатайству ряда его авторитетных выпускников, Полоцкий коллегиум был восстановлен. В 1719 г. Петр I издал указ о навечном изгнании иезуитов из России. Однако в 1773 г. Екатерина II вернула иезуитов в Россию. Это произошло в самый тяжелый для них момент, когда Папа Римский Климент XIV официально объявил о роспуске ордена и иезуиты стали изгоями во всем мире. Разрешая деятельность ордена в России, Екатерина II объявила, что хочет использовать богатый педагогический опыт иезуитов. Кроме того, некоторые деятели Просвещения (Ш. Монтескьё и др.), мнение которых императрица уважала, положительно оценивали деятельность иезуитов по приобщению народов к цивилизации (например, индейцев Южной Америки).

Покровительство ордену иезуитов оказывали и императоры Павел I и Александр I. В конце XVIII — начале XIX в. иезуиты имели в Беларуси шесть коллегиумов и 10 миссий. Особенно много иезуитов было в Полоцке. Из 674 членов ордена иезуитов, действовавших в России в 20-х гг. XIX в., в Полоцке находилось 112 (в то время как в Петербурге — 26, а в Могилеве и Витебске — по 12—16). В Полоцке иезуиты имели шесть костелов. Богатейшие владения принадлежали и Полоцкому иезуитскому коллегиуму. В 1772 г. он владел 5 тыс. волоков земли, более 16 тыс. крепостных в деревнях и 286 мещанами. Только девять крупнейших поместий коллегиума (Мосар, Экимания, Туровля, Вяжыщи, Казимирово и др.) давали около 64 тыс. злотых прибыли в год.

Преподавание и воспитание в Полоцком иезуитском коллегиуме велось по программе, общей для всех иезуитских коллегиумов. Именно они считались в XVII—XVIII вв. лучшими средними учебными заведениями Европы. Полоцкий коллегиум был prima inter pares (лучшим среди равных) среди всех коллегиумов ВКЛ. В 1796—1811 гг. в нем обучалось от 244 до 441 воспитанника. При коллегиуме с 1787 г. действовала собственная типография. Имелся также конвикт (общежитие), библиотека, театр, музей (с 1780-х гг.), аптека (с 1641 г.), больница для бедных, сукнодельная фабрика (с 1797 г.).

Формально Полоцкий иезуитский коллегиум подчинялся Виленскому университету. Недовольное откровенно профранцузской позицией его студентов, российское правительство решило противопоставить Виленскому университету учебное заведение иезуитов (в войне с Наполеоном те проявили полную лояльность к российским властям). Указом от 12 января 1812 г. Александр I преобразовал Полоцкий иезуитский коллегиум в академию и предоставил ей все права университета. Таким образом, на территории России по существу возник особый иезуитский учебный округ, центром которого стала ***Полоцкая иезуитская академия***.

Занятия в академии начались в январе 1813 г., сразу после изгнания армии Наполеона из России. Они проходили на трех факультетах: теологическом, философском, свободных наук и древних и современных языков. В штате академии было 39 преподавателей. Наряду с профессорами из Италии, Франции, Германии и Швейцарии в академии работали и уроженцы Беларуси: профессора *И. Цитович* (физика), *В. Бучинский* (философия), *Н. Гаврилевич* (греческий язык), *И. Залесский* (русский язык и литература). Во главе академии стоял ректор, которому помогали четыре советника; факультетами руководили деканы.

В академии обучалось около 700 студентов. Формально обучение было бесплатным и открытым для юношей всех конфессий и сословий. Однако все воспитанники должны были проживать только в конвикте, за что взималась плата — 600 рублей в год. Это была огромная сумма, которую не могли заплатить даже шляхтичи средней руки, не говоря уже о мещанах или крестьянах. Поэтому академия очень скоро превратилась в элитное учебное заведение, доступное лишь детям знати и членам ордена иезуитов. Ее выпускники получали 14-й (низший) классный чин и могли поступать на любую государственную службу. Академия имела право присваивать звания магистров свободных наук и философии, докторов теологии и права.

На факультете свободных наук и древних и современных языков изучали русский, французский, немецкий, итальянский, польский языки. Изучались также древние языки: латынь, греческий, сирийский и древнееврейский (с чтением оригинальной литературы на этих языках). На философском факультете преподавали логику, метафизику, диалектику, этику, политэкономию, геометрию, физику, химию, математику, астрономию, архитектуру, ботанику, зоологию. Академия имела две библиотеки: на польском языке и на прочих языках, включая русский (в ней насчитывалось 40 тыс. томов). Действовали кабинеты физики, химии, зоологии и минералогии, которые не уступали учебным кабинетам Виленского университета. Имелась также картинная галерея и собрание архитектурных моделей.

Студенты старших курсов факультета свободных наук посвящали 20 часов в неделю изучению естественных дисциплин и столько же изучению

языков. Преподавание шло по учебникам европейских университетов, а также по собственным, которые печатались в академической типографии. В старших классах практиковались семинары, отчеты о которых публиковались в печатном органе академии — «Полоцком месячнике» (выходил на польском языке). В 1780—1820 гг. типография Полоцкого иезуитского коллегиума (академии) выпустила около 500 наименований книг. Большая часть из них была на польском и латинском языках, но печатались также книги на русском, итальянском, немецком и французском.

Среди преподавателей академии было много ярких имен. Архитектуру преподавал известный итальянский педагог и архитектор *Каэтан Ангиалини*. Профессор *И. Цитович* подготовил учебники по химии и зоологии, получившие высокую оценку современников. Заведующий академической аптекой *Ф. Бранденбург* был членом-корреспондентом Российской академии наук. Философ и поэт *М. Сарбевский*, драматург и историк *Н. Мусницкий*, ученый-энциклопедист и будущий ректор Виленского университета *М. Почобут-Одляницкий* также в разное время преподавали в Полоцке.

Среди выпускников Полоцкой иезуитской академии были *Ян Борщевский* (один из основателей новой белорусской литературы, автор знаменитого сборника «Шляхтич Завальня»), известный художник *Валентий Ванькович*, философ *Анёл Довгирд* и др.

Образовательная программа иезуитов была широкой и хорошо продуманной, а преподаванием занимались опытные педагоги. Но в целом Полоцкая иезуитская академия находилась под сильным клерикальным влиянием и шла вразрез с направлением развития научной и общественно-политической мысли того времени.

Однако была еще одна причина, из-за которой деятельность Полоцкой иезуитской академии беспокоила власть. Академия привлекала многих отпрысков знатных российских фамилий, успешно конкурируя с высшими учебными заведениями России, особенно духовными. Сюда отдавали своих детей полоцкий воевода Н. Дорогостайский, царский вельможа А. К. Разумовский, князья Голицыны, Голенищевы-Кутузовы, графы Толстые. Педагогические успехи иезуитов, их политические интриги и пропольская, католическая направленность деятельности вызывали серьезное недовольство у православных иерархов. «Общество Иисуса», вновь набиравшее силу (папа римский восстановил орден в 1814 г.), становилось опасным для российского правительства.

В 1817 г. было запрещено принимать в Полоцкую иезуитскую академию воспитанников, не принадлежавших к католической вере, а еще через три года иезуиты были окончательно изгнаны из России. В 1820 г. академия была закрыта. Часть студентов перевели в Петербургский университет, открытый в 1817 г., а имущество академии было распределено между учебными заведениями Петербурга, Витебска и Полоцка.

Полоцкое высшее пиарское училище

После закрытия Полоцкой иезуитской академии католическое духовенство, заручившись поддержкой местного дворянства, добилось учреждения в Полоцке нового учебного заведения. Им стало ***Полоцкое высшее пиарское училище***, принадлежавшее католическому ордену ***пиаров*** и находившееся ранее в Витебске. Оно открылось в 1822 г. и разместилось в здании бывшей иезуитской академии. В его состав входили начальное приходское училище, 4-классное уездное дворянское училище (среднее учебное заведение), а также трехлетние «Курсы высших наук». Финансировалось новое заведение за счет вкладов иезуитов, попавших в российскую казну (28 тыс. рублей в год). Пиарскому училищу была передана также часть библиотеки (24 тыс. томов), физический и минералогический кабинеты, типография бывшей Полоцкой иезуитской академии.

Преподавание в училище велось на польском языке. Администрация состояла из ректора, его помощника (префекта) и 13 преподавателей, большую часть которых составляли выпускники Виленского университета. Для того чтобы приблизить обучение к университетскому курсу, учебные программы были расширены, а вместо уроков введены лекции.

«Курсы высших наук» Полоцкого пиарского училища имели два отделения: литературное и математическое. На курсах изучали математику, физику, гражданское право, латынь, греческий и польский языки, географию, историю. Кроме того, на обоих отделениях преподавали танцы, музыку, рисование и фехтование, что привлекало в училище дворянскую молодежь. Имелось общежитие на 40 человек.

Полоцкое высшее пиарское училище поддерживало тесную связь с Виленским университетом. Лекции по всеобщей истории приезжал читать профессор И. Лелевель. В училище действовал филиал тайного общества филоматов. В декабре 1823 г. оно было раскрыто полицией, а члены, в том числе преподаватели училища К. Львович и М. Бродович, арестованы.

Попечитель Виленского учебного округа А. Чарторыйский хотел добиться для Полоцкого высшего пиарского училища статуса лицея, т. е. высшего учебного заведения, но не успел. В связи с делом филоматов он вынужден был в начале 1824 г. подать в отставку, а восточно-белорусские земли отошли к Санкт-Петербургскому учебному округу.

В 1825 г. Полоцк посетил профессор Петербургского университета *О. И. Сенковский*, направленный для ревизии учебных заведений Витебской и Могилевской губерний. По его инициативе в 1825—1826 гг. Полоцкое высшее пиарское училище было «реформировано». Лекции как форма обучения были запрещены, программы урезаны, а преподавание в младших классах переведено на русский язык. Накануне «реформы» в училище насчитывалось 239 человек, после ее окончания увеличилось до 273 че-

ловек (за счет младших классов). Полоцкое высшее пиарское училище превратилось в обычное среднее учебное заведение, а летом 1830 г. было и вовсе закрыто. Пиары переехали в Вильно, где создали свою гимназию, большая часть оборудования была перевезена в Москву, Киев и Петербург, а костел училища переделан в православную церковь. В учебных корпусах училища разместился ***Полоцкий кадетский корпус***.

«Зигзаги» образовательной политики российского царизма

Период нахождения во главе Виленского учебного округа князя А. Чарторыйского (1803—1824) стал временем расцвета польской культуры и образования на белорусских, украинских и литовских землях бывшей Речи Посполитой. Личный друг царя и один из самых могущественных людей России князь Адам не жалел для этого сил и средств. Польская культура должна была стать «плавильным котлом» для создания из разноплеменного населения края единой нации. Это позволило бы, по его замыслу, обосновать притязания на белорусско-литовские территории как на «исконно польские земли». Поэтому попечитель округа, католическое духовенство и дворянство всемерно поддерживали Виленский университет, Полоцкий иезуитский коллегиум и академию, Полоцкое высшее пиарское училище и другие «польские» учебные заведения в белорусско-литовских и украинских губерниях.

В то же время администрация ВУО выступала против распространения «русских» учебных заведений в крае и даже начала их вытеснение из округа. Так, в 1807 г. князь А. Чарторыйский добился, чтобы Гродненское и Виленское военные училища, где обучались в основном дети российских офицеров, были переведены в Смоленск. В 1817 г., когда граф Н. П. Румянцев захотел открыть в принадлежавшем ему г. Гомеле «русское» дворянское училище или лицей, попечитель округа решительно воспротивился этому. Он предпочитал открывать новые учебные заведения только в тех городах, где жителей-католиков было больше, чем православных. Графу Н. П. Румянцеву не помогли ни титул, ни настойчивость, ни обязательство на свои средства построить здание для Гомельского лицея, а затем выделять на него по 4 тыс. рублей в год. Через несколько лет энергичных запросов (в 1823 г.) граф получил официальный ответ из Петербурга. В создании дворянского лицея ему было отказано по причине того, что Гомель — всего лишь «уездный центр Могилевской губернии, далеко отстоящий от крупных городов».

Однако с началом царствования Николая I положение изменилось. Уже в 1825 г. визитатор учебных заведений Витебской и Могилевской гу-

берний О. И. Сенковский выступил против развития польского образования в Восточной Беларуси. Он стал инициатором «реформирования» (а фактически — перевода в низший разряд) Полоцкого высшего пиарского училища. Взамен О. И. Сенковский предложил открыть в Витебске русское высшее учебное заведение — Белорусский лицей. Он должен был стать первой ступенью будущего русского университета в крае. Белорусский лицей, по замыслу визитатора, имел бы два факультета (отделения): физико-математический и морально-словесный. Обучение должно было идти только на русском языке, а преподавателей для лицея предлагалось набирать из выпускников Петербургского университета, Главного педагогического института в Петербурге, а также из учителей местных гимназий. Проект имел четкую антипольскую направленность, но правительство Николая I не доверяло его автору, подозревая в антиправительственном, демократическом образе мыслей. Поэтому проект Белорусского лицея, несмотря на авторитет профессора О. И. Сенковского в научных кругах (он был одним из основателей российского востоковедения), власти отвергли.

Восстание 1830—1831 гг. заставило царское правительство задуматься об усилении русского культурного влияния в «Северо-Западном крае». Одновременно с закрытием Виленского университета Николай I издал указ об основании лицея в г. Орше. Этот лицей должен был играть роль университета для созданного в 1829 г. Белорусского учебного округа, включавшего Витебскую и Могилевскую губернии. Предполагалось, что Оршанский лицей станет главным проводником русского культурного влияния в белорусских губерниях. Финансироваться это заведение должно было за счет сумм, предназначавшихся ранее Виленскому университету. Деньги должны были делиться поровну между Киевом и Оршей.

Однако открытие Оршанского лицея, который намеревались разместить в бывшем базилианском монастыре, натолкнулось на непредвиденные трудности. У российских властей не нашлось архитекторов, которые смогли бы переделать огромный униатский монастырь с очень высокими сводами под студенческие аудитории. Кроме того, попечитель Белорусского учебного округа *Г. И. Карташевский* — типичный бюрократ николаевского времени — не желал создавать себе лишних проблем и в вопросе Оршанского лицея занял абсолютно пассивную позицию. В результате все суммы, предназначавшиеся новому лицею, были переданы энергичному попечителю Киевского округа и использованы для создания университета св. Владимира в Киеве (Киевского университета), открытие которого состоялось в 1834 г. Дворянство белорусско-литовских губерний вынуждено было посылать своих детей за рубеж или в российские университеты, а дети мелкой шляхты лишились возможности получать высшее образование.

В середине 30-х гг. XIX в. власти приступили к «унификации» учебных заведений белорусских губерний с общеимперскими. В ходе этой процедуры только в 1832 г. был закрыт 191 из 304 существовавших монастырей. А при многих из них действовали учебные классы, школы и даже духовные семинарии. Взамен было открыто только несколько десятков начальных (приходских) школ, пара уездных училищ и четырехклассная ***Витебская учительская семинария.*** Эта семинария открылась в 1833 г. по инициативе попечителя Белорусского учебного округа Г. И. Карташевского и должна была готовить учителей приходских училищ и подготовительных классов гимназий. Однако из-за нехватки средств в 1839 г. Витебская учительская семинария закрылась, успев подготовить только 62 учителя.

В то же время российское правительство не препятствовало деятельности в белорусско-литовских губерниях высших еврейских духовных заведений — ***ешиботов,*** или ***иешив*** (от древнеевр. — сидение, заседание), которые существовали здесь еще с XVI в. Самым известным из них стал ***Воложинский ешибот***. Он был основан в г. Воложине в 1802 г. *Хаимом бен Ицхаком Воложинером* на добровольные взносы еврейских общин и был назван в его честь «Эц Хаим» (то есть «дерево Хаима»). Этот ешибот действовал до 1892 г. и стал мировым центром по подготовке еврейских священников (раввинов). Евреи называли его «матерью ешиботов мира», а российские власти считали главу Воложинского ешибота одним из руководителей российского еврейства. В этом заведении обучалось около 400 студентов не только из России, но также из Англии, Германии, Ближнего Востока.

В Воложинском ешиботе обучали еврейской вере и еврейскому языку, а в процессе преподавания использовали в основном Тору и Талмуд. Это вызывало неудовольствие российских властей, которые трижды закрывали это заведение (в 1824, 1858 и 1892 гг.), предписывая ввести в число изучаемых предметов русский язык, русскую историю и математику. Глава Воложинского ешибота раввин Берлин, отказавшийся сделать это, в 1893 г. был выслан за пределы России с большинством учеников. Тем не менее через несколько лет Воложинский ешибот возобновил свою деятельность и просуществовал до 1939 г. В нем преподавали раввины Нафтали Цви Иехуда Берлин, Йосеф Бер Соловейчик, учились такие деятели еврейской культуры, как писатели М. И. Бердичевский и Х. Н. Бялик. Последние 64 ученика Воложинского ешибота были расстреляны фашистами во время оккупации Беларуси.

Вторым крупнейшим центром еврейского образования на территории Беларуси был ***Мирский ешибот***, основанный в 30-е гг. XIX в. в местечке Мир Новогрудского уезда известным талмудистом *Ш. Х. Тиктинским* (по другим сведениям — в 1815 г. торговцем Ш. Тикимским). Этот ешибот также действовал до 1939 г., а затем переехал в Шанхай. Название «Мир-

ский» сегодня носит ряд высших еврейских учебных заведений в Нью-Йорке и Иерусалиме. В XIX — начале XX в. существовали также ешиботы в Лиде и Радуни.

Резюме. Таким образом, в первой половине XIX в. белорусские земли стали ареной ожесточенного противоборства польской и русской культур. Эта борьба была вызвана прежде всего внутриполитическими причинами. Используя культуру и образование, представители и «польского», и «русского» лагеря стремились обосновать свое право на обладание белорусскими землями соответственно как на «врожденно польскую» или «исконно русскую» территорию. Первоначально преимущество было на стороне «польского» лагеря, куда входило подавляющее большинство местного дворянства, католическое и униатское духовенство. «Польскому» лагерю во главе с А. Чарторыйским покровительствовал российский император Александр I. В результате на белорусских и украинских землях в первой четверти XIX в. польская культура достигла такого расцвета, которого она не знала даже во времена Речи Посполитой, а русская культура и образование оказались в угнетенном состоянии.

Расцвет польской культуры воплотился прежде всего в деятельности Виленского университета — крупнейшего высшего учебного заведения России своего времени. Виленский университет, а также Полоцкая иезуитская академия и ряд других учебных заведений края воспитали многих замечательных ученых, общественных деятелей и деятелей культуры, заложили основу для развития просвещения в Беларуси. В то же время противостояние двух культур привело к распылению интеллектуальных сил белорусского народа. Православная молодежь, желавшая получить высшее образование (в основном это были дети местных священнослужителей), вынуждена была либо уезжать в центральные губернии России, либо, поступив в Виленский университет, испытывать там сильнейший психологический прессинг со стороны «польских» студентов. В результате православная молодежь начинала крайне негативно относиться ко всему польскому, в том числе и к польской культуре.

С другой стороны, невмешательство правительства Александра I во внутренние дела Виленского учебного округа, который при попечителе А. Чарторыйском стал «государством в государстве», породило у молодежи, воспитанной в «польском» духе, опасную иллюзию. Она стала считать, что вслед за культурной автономией края можно добиться и автономии политической, а если применить силу, то, может быть, и независимости.

Восстание 1830—1831 гг. показало всю ошибочность подобных взглядов. После его поражения ситуация зеркально изменилась. Теперь уже польская культура и образование оказались в роли униженных и гони-

мых падчериц, с той только разницей, что их гонители использовали всю мощь императорской России.

Закрытие Виленского университета в 1832 г. и Виленской медико-хирургической академии в 1842 г. стало культурной катастрофой для белорусского народа. Тонкий слой нарождавшейся интеллектуальной элиты был вышвырнут царизмом в эмиграцию, в Сибирь и на Кавказ, в глушь уездных российских городов. Талантливая белорусская молодежь — и католики, и православные — не могла теперь получить на родине высшего образования и вынуждена была уезжать в университетские города России или в эмиграцию. Так другие народы стали прирастать умом и талантом белорусов, используя их открытия и изобретения. Белорусские земли на 89 лет остались без университета, а после восстания 1863—1864 гг. — вообще без высших учебных заведений. Царские власти боялись, что высшее образование, тем более университетское, повлечет за собой формирование белорусской интеллигенции, интеллектуальной элиты, которая в конечном итоге захочет идти своим путем и сможет повести за собой народ Беларуси.

Глава 6

СТРЕМЛЕНИЕ БЕЛОРУСОВ К УНИВЕРСИТЕТУ И ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В «СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ» (30-е гг. XIX в. — 1917 г.)

Политика российских властей в области университетского образования в «Северо-Западном крае» в 30—50-е гг. XIX в. Деятельность Горы-Горецкого земледельческого института

После восстания 1830—1831 гг. правительство Николая I, осуществляя целенаправленную русификаторскую политику, неуклонно стремилось уничтожить в так называемом «Северо-Западном крае» (в 1840 г. было запрещено использовать название «Беларусь» в официальном делопроизводстве) всякие следы прежней самостоятельности в политике и культуре. Как отмечал историк В. И. Пичета, первый ректор Белорусского государственного университета, «белорусские земли, по мысли российского правительства, должны были стать опорой православия и российской народности». Однако, уничтожая все искры «крамолы и сепаратизма», царские чиновники не смогли создать в крае даже русских центров науки и культуры (императорский указ о создани лицея в г. Орше, который мог бы со временем заменить Виленский университет, так и не был исполнен).

Единственным высшим учебным заведением на территории Беларуси в 1840-е — начале 1860-х гг. был Горы-Горецкий земледельческий инсти-

тут. Еще в 1836 г. в г. Горки была основана ***Горы-Горецкая земледельческая школа***. Занятия в школе начались в августе 1840 г. Она состояла из двух разрядов: первого (низшего) и второго (высшего). Срок обучения в каждом разряде составлял три года. В школу принимали юношей 16—20-летнего возраста. Они изучали земледелие, животноводство, садоводство, лесоводство, общеобразовательные предметы, выполняли различные практические работы. Выпускники низшего разряда (кроме детей крепостных крестьян) принимались в высший, на уровне которого готовились агрономы. В 1842 г. высший разряд был реорганизован в самостоятельное учебное заведение — ***Высшую сельскохозяйственную школу***. В 1848 г. на ее базе был основан ***Горы-Горецкий земледельческий институт***.

В институт принимались выпускники гимназий или те, кто успешно сдал экзамен за гимназический курс. Срок обучения составлял четыре года. Выпускники получали специальность агронома. В разные годы в институте обучались от 112 до 222 студентов. Велось преподавание физики, химии, ботаники, зоологии, луговодства, животноводства, лесоводства и других специальных дисциплин. Изучались также гуманитарные науки (русский язык, история русской литературы, иностранный язык, право, логика и др.), на которые отводилась почти четверть учебного времени. В летние месяцы были организованы агрономические путешествия в губернии Российской империи. Студенты и преподаватели института принимали участие в сельскохозяйственных съездах и выставках.

При институте были открыты заводы по производству кирпича и дренажных труб, мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин, сыроварня, учебная пасека, ботанический сад (его коллекция насчитывала более 3800 растений), библиотека (содержала более 7 тыс. томов). Были организованы музеи: зоологический, анатомический, сельскохозяйственных машин. В институте велись научные исследования по самому широкому кругу проблем: развитию кормопроизводства, льняной промышленности, изучению эффективности разных видов удобрений, защите растений от вредителей, осушению земель и др. Была выведена новая порода тонкорунных овец, приспособленных к климатическим условиям средней полосы России: шерсть данной породы была отмечена золотыми медалями в Москве (1852) и Петербурге (1860), бронзовыми в Лондоне (1857 и 1862). Результаты исследований публиковались в «Записках Горы-Горецкого земледельческого института», других научных изданиях Российской империи. Среди выпускников института было много известных ученых в области сельскохозяйственной науки: А. П. Людоговский, Ю. Ю. Жабенко, А. Н. Козловский, С. С. Косович и др.

За участие студентов и преподавателей в восстании 1863—1864 гг. занятия в институте были прекращены. В 1864 г. он был переведен в Петербург (Петербургский земледельческий институт). В 1877 г. его объедини-

ли с Петербургским лесным институтом. Горы-Горецкий земледельческий институт возобновит свою деятельность только в 1919 г. в составе четырех факультетов: агрономического, мелиоративного, лесного, сельскохозяйственного машиноведения. Позднее он станет основой для создания Белорусской сельскохозяйственной академии.

В отсутствие высшего учебного заведения детям мелкой белорусской шляхты, стремившимся продолжать свое образование, путь к вершинам знаний стал практически недоступным. А тем более для низших сословий. В меньшей мере это касалось средних и крупных землевладельцев, которые имели возможность посылать своих детей на учебу в университеты Российской империи и за границу. Проблему возобновления в крае деятельности университета понимали некоторые российские сановники, в частности виленский генерал-губернатор В. И. Назимов. Однако, встретив неприятие этой идеи Александром II и его окружением, он ограничился предложением основать в Вильно Высшую реальную школу. Осенью 1858 г. проект поддержало дворянство Виленской губернии, считая его первым шагом в деле возобновления деятельности университета. Но и на этот раз дальше обсуждений и проектов дело не пошло.

Уроженцы Беларуси — студенты российских университетов

После подавления восстания 1863—1864 гг., закрытия Горы-Горецкого земледельческого института в условиях жесткого террора не приходилось и мечтать о возрождении университета. Как ни парадоксально, этот вопрос был поднят представителем официальной власти, главным «душителем» восстания на белорусских землях виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым. По его мнению, университет должен был стать одним из средств русификации края, центром борьбы с национально-освободительным движением в нем. По плану, университет создавался только для уроженцев западных губерний. В другие университеты Российской империи молодежь этих губерний поступать не могла. Такой план, по мысли губернатора, должен был, с одной стороны, изолировать местную молодежь от Польши, с другой — оградить российские университеты от революционного духа студентов — уроженцев бывшей Речи Посполитой. Однако попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов посчитал открытие университета делом несвоевременным. Положение в крае принципиально не изменилось и после указа Александра II от 8 июня 1869 г. о возобновлении деятельности Варшавского университета. Последний получил статус «императорского» и «русского», а соответственно особо контролируемого на предмет лояльности к властям. Косвенно это

свидетельствовало о том, что положение в Беларуси и Литве российское правительство считало более опасным, чем даже в собственно Польше.

Отсутствие университета крайне отрицательно сказывалось на развитии белорусских территорий, которые ранее были центром науки, просвещения и культуры, а стали едва ли не самыми отсталыми в культурном и экономическом отношении в Российской империи. Белорусская молодежь была вынуждена ехать в Петербург, Москву, Киев, Варшаву. Лучшие культурные силы покидали Беларусь, как правило, работали далеко за пределами родины, в отрыве от нее. Такое положение довольно быстро оказало свое негативное влияние на развитие культурного окружения, в котором шло становление белорусского общества. Во второй половине XIX — начале XX в. высшие учебные заведения России, ее украинских, прибалтийских, польских территорий сделали серьезный вклад в подготовку целого пласта национальной белорусской интеллигенции. В подготовке специалистов для белорусских губерний доминировали ведущие университеты Российской империи: Петербургский, Московский, Киевский, Казанский, Харьковский, Варшавский. Но особенно много белорусской молодежи в конце XIX в. ехало учиться в Дерптский (Юрьевский) университет. Пользовался популярностью среди уроженцев Беларуси Петербургский Технологический институт, окончание которого гарантировало стабильный материальный и профессионально-правовой статус. Выпускники этих учебных заведений становились преподавателями и организаторами средних учебных заведений Беларуси, юристами, врачами, техническими и сельскохозяйственными специалистами.

Назвать точную численность белорусских студентов в Российской империи не представляется возможным из-за отсутствия сформированной базы статистических данных. Анализируя «Памятную книжку Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического Института за 1902—1912 гг.», можно определить (на основании предыдущего места обучения), что среди его выпускников белорусские студенты составляли 16 человек (7,17 %). За скупыми цифрами скрываются судьбы людей талантливых, мужественных, трудолюбивых, которые отдали свои силы развитию науки и культуры далеко за пределами своей «малой» родины.

Примеры вклада белорусской интеллигенции в мировую науку

Уроженец Могилева, выпускник Могилевской гимназии *Николай Константинович Судзиловский* (1850—1930) учился в Петербургском, Киевском и Бухарестском университетах. Он вошел в историю как участник общественных движений России, Швейцарии, Англии, Франции, Румынии, Болгарии, США, Японии, Китая. С его именем связаны достиже-

ния в области хирургии, теории и практики лечения туберкулеза, других серьезных заболеваний. Н. К. Судзиловский — первый путешественник, который познакомил российских читателей с флорой и фауной островов центральной части Тихого океана. Он автор публицистических работ (псевдоним — Руссель), высоко оцененных М. Горьким, В. Короленко, Р. Тагором. Философ и социолог, этот белорусский интеллектуал знал восемь европейских языков, а также японский и китайский. Как специалисту в области этнографии, энтомологии, химии, биологии, агрономии ему были присвоены звания члена Американского общества генетиков, члена научных обществ Японии и Китая. В 1900 г. Н. К. Судзиловский был избран сенатором, в 1901 г. — президентом Гавайских островов.

Географ, геодезист-топограф, переводчик — *Михаил Павлович Вронченко* (1801—1885) родился в г. Копысь в семье священника. Учился в Московском и Дерптском университетах. Он составил первую достоверную карту Малой Азии, основой которой стали 100 определенных исследователем геодезических пунктов. В литературе М. П. Вронченко, владевший восемью иностранными языками, известен переводами на русский язык прозведений Дж. Байрона, И. Гёте, В. Шекспира, А. Мицкевича.

Еще один естествоиспытатель — *Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля* (1864—1937), зоолог и зоогеограф, член-корреспондент Академии наук СССР — родился в Оршанском уезде Могилевской губернии. Он окончил Петербургский университет и в 1899 г. участвовал в экспедиции на архипелаг Шпицберген. В 1900—1902 гг. был членом экспедиции полярного исследователя Э. В. Толля, которая искала гипотетическую Землю Санникова. В ходе экспедиции А. А. Бялыницкий-Бируля впервые описал редкую птицу — розовую чайку, растительность Таймыра и прилегающих островов. В настоящее время его имя носят залив и гора на побережье полуострова Таймыр.

Уроженец Гомельщины *Дмитрий Евдокимович Лаппо* (1861—1936) после окончания гимназии поступил на юридический факультет Киевского университета. Во время учебы он являлся активным членом местной группы народовольцев, за что в 1885 г. был сослан в Тобольскую губернию. В ссылке написал «Белорусские повести», основанные на впечатлениях детства и юности. В 1898 г. Д. Е. Лаппо экстерном сдал экзамены в Казанском университете на звание юриста. Работал мировым судьей, прокурором окружного суда. За активное участие в общественной жизни его избирали гласным Красноярской городской думы. В качестве председателя училищной комиссии при Красноярской городской управе уроженец Беларуси много сделал для развития образования в крае, мечтал о введении в Красноярске всеобщего образования. Д. Е. Лаппо изучал быт и нравы коренного сибирского населения, отстаивал его права, предлагал создать в Томском университете кафедры степного права и тюркско-монгольских

наречий. Как член партии кадетов он участвовал в революционных событиях 1905 г., а после Октябрьской революции 1917 г. активно включился в культурное строительство в Сибири.

Рассказ о судьбах тех, кто преодолел все преграды на пути к высшему уровню знаний и внес свою интеллектуальную и практическую лепту в сокровищницу общечеловеческой культуры, можно продолжать очень долго.

Самоопределение белорусской интеллигенции и эволюция ее национально-государственных идеалов

Жестокое подавление восстания 1863—1864 гг., массовые репрессии против его участников, режим исключительных законов, русификация надолго приостановили развитие белорусского национально-освободительного движения. Возрождается оно только в конце 1870 — начале 1880-х гг., благодаря усилиям нового поколения белорусской интеллигенции. Причем проявилось это возрождение в деятельности ряда подпольных студенческих кружков в Петербурге и других городах России, где существовали университеты. Среди участников этих кружков выделялся студент Петербургского Технологического института *Игнатий Гриневицкий*, который стал одним из основателей белорусской фракции «Народной воли». 1 марта 1881 г. он в составе группы из четырех террористов исполнил смертный приговор руководства «Народной воли» императору Александру II: бомбой, брошенной И. Гриневицким, царь был убит. Погиб и сам революционер.

В 1881—1883 гг. белорусы-народовольцы издали несколько обращений и брошюр: «Белорусской молодежи», «К белорусской интеллигенции», «Письма о Беларуси», «Послание землякам-белорусам», а также два номера журнала «Гомон» (1884). Руководителями кружка, подготовившего первый номер «Гомона», были студенты Петербургского университета, выпускники Витебской гимназии *А. Марченко* и *Х. Ратнер*. В созданный ими в Петербурге кружок входили также студенты *В. Крупский, М. Стацкевич, С. Нестюшка-Буйницкий*. После издания первого номера журнала Х. Ратнер и А. Марченко были арестованы. Несмотря на это, второй номер «Гомона» все-таки вышел в свет. Его издатели, как и состав других кружков, подготовивших вышеперечисленные произведения, остаются до сих пор неизвестными. Общим для всех этих изданий являлось признание существования самобытного белорусского народа как «особой ветви славянского племени», стремление авторов к сближению с ним и служение его интересам, протест против русификации и полонизации белорусов. Однако задачи национального движения они формулировали по-разному: одни —

с либерально-народнических, другие — с революционно-демократических позиций.

После разгрома студенческих кружков, связанных с «Гомоном», белорусских национальных политических организаций до начала XX в. не существовало. В конце 1880 — начале 1890-х гг. революционно настроенные студенты-белорусы входили в интернациональные студенческие организации земляческого типа, созданные в Петербурге и Москве. Они объединяли студентов белорусско-литовских, польских и украинских губерний, которые учились в этих городах. На идеологии и деятельности организаций в определенной степени сказывалось влияние марксизма. Одним из руководителей петербургского кружка польско-литовско-белорусской молодежи был студент технологического института, белорусский поэт-демократ *Адам Гуринович*. В июне 1893 г. за распространение нелегальной литературы он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В конце ноября его выпустили из-под стражи по причине тяжелой болезни и отправили под надзор полиции в отцовское имение, где А. Гуринович вскоре умер от черной оспы. По воспоминаниям родственников, «еще в последние минуты своей жизни, имея надежду преодолеть страшную болезнь, он строил планы будущей работы на ниве родного края с мыслью будить и звать к жизни язык и литературу белорусского народа...».

Студенческая организация, подобная петербургской, существовала в Московском университете. С деятельностью одного из ее руководителей, студента математического факультета *Марьяна Абрамовича,* связано нелегальное издание в 1892 г. агитационной брошюры на белорусском языке «Дядька Антон, или разговор обо всем, что болит, а почему болит, не знаем».

В 1899—1901 гг. в Петербурге по инициативе студента технологического института *Вацлава Ивановского* был создан нелегальный студенческий кружок белорусской молодежи. Среди кружковцев вызрела мысль о создании Белорусской революционной партии (создана в 1902 г.). Осенью 1902 г. от имени этой партии было издано обращение «К интеллигенции» (на польском языке). В обращении резко критиковалась ассимилированная белорусская интеллигенция за службу другим народам, звучал призыв к широкой просветительской и культурно-возрожденческой деятельности на пользу своего народа, как пример приводилась успешная работа в этом направлении чешских, литовских, сербских, хорватских, болгарских интеллигентов.

Осенью 1903 г. на учебу в Петербургский университет приехали братья *Антон и Иван Луцкевичи*, активно включившиеся в работу белорусского землячества столицы. Его представители объединились в «Круг белорусского народного просвещения» с целью развертывания широкой национально-культурной деятельности. Обсуждение воззвания «К ин-

теллигенции» вызвало в землячестве серьезные разногласия по вопросу о том, в каком направлении должна развиваться дальнейшая деятельность — национально-возрожденческом или революционном. В. Ивановский отстаивал первое направление, братья Луцкевичи — второе. Горячие споры закончились расколом Белорусской революционной партии. В. Ивановский сосредоточился на работе в «Круге белорусского народного просвещения» (издание и распространение литературы на белорусском языке), а Луцкевичи занялись созданием новой партии — Белорусской Социалистической Громады. Первый съезд этой партии состоялся в декабре 1903 г. в Вильно. В разработке своей концепции государственного самоопределения Беларуси члены партии прошли длинный путь — от концепции краевой автономии, восстановления на конфедеративной основе государственной унии Беларуси и Литвы к провозглашению в 1918 г. государственной независимости Беларуси.

Резюме. Таким образом, белорусское студенчество в наиболее трудные для национального развития Беларуси годы последней трети XIX в. сумело сохранить тонкую ниточку национального самосознания, крепнущего уважения к родному языку и культуре, надежду на возможность самостоятельного развития в будущем. Из студенческих кружков в университетских городах выросли Белорусская революционная партия и Белорусская Социалистическая Громада. Именно Белорусская Социалистическая Громада в начале бурного XX в. возьмет в свои руки инициативу по возрождению и развитию национально-культурного самосознания белорусского народа.

Вторая половина XIX в.: проекты возобновления высшего образования в Беларуси

Отмена крепостного права, широкие разноплановые реформы, осуществленные в период правления Александра II, дали мощный толчок экономическому развитию, оживлению общественно-политической активности Российской империи. Новое время настойчиво требовало людей образованных, специалистов высокого уровня, новой ментальности. В 1869 г. попечитель Виленского учебного округа П. Н. Батюшков предложил открыть в Вильно университет в составе двух факультетов — богословского и филологического. Министр народного просвещения империи граф *Д. А. Толстой* положительно отнесся к этому предложению. Он высказался за создание полного университета в составе четырех факультетов, но только не в Вильно, а в Полоцке, где в 1872 г. была открыта учительская семинария. Александр II на этот раз поддержал проект. Од-

нако на пути его реализации встали события российско-турецкой войны 1877—1878 гг. Затянувшиеся военные действия, сложная международная обстановка, значительный дефицит государственного бюджета отодвинули вопрос об университете на неопределенный срок.

В конце 1880-х гг. вопрос о высшем учебном заведении в «Северо-Западном крае» стал предметом дискуссий, развернувшихся в печати. Одни высказывались за университет, другие — за политехникум, третьи отстаивали необходимость открытия в Вильно православной духовной академии. Однако эта полемика не вышла за рамки газетных страниц.

В 1890-х гг. в Российской империи начался экономический подъем, затронувший и Беларусь. Развитие промышленности и сельского хозяйства было невозможно без специалистов соответствующей квалификации. Вопрос о высшей школе становился все более актуальным не только для дворянства, но и для формировавшейся буржуазии. Местные сельскохозяйственные общества и их съезды, городские и земские органы местного самоуправления начали ходатайствовать перед правительством об открытии в северо-западных губерниях высшего учебного заведения.

В 1901 г. руководству Виленского учебного округа поступило ходатайство от местных помещиков об открытии в Минске высшего сельскохозяйственного заведения. Попечитель округа *В. Попов* поддержал предложение. По его мнению, целью подобного учреждения должно было стать исследование возможностей развития сельского хозяйства в крае, поставленное на научную основу. Положительно отнеслись к проекту и в Минской городской думе, которая еще в 1897 г. создала специальную комиссию для решения вопроса об открытии в городе института земледелия и лесоводства. Однако и эти устремления в который раз не нашли поддержки в правительстве.

В августе 1901 г. на съезде представителей сельскохозяйственных обществ в Вильно и на заседаниях Виленской городской думы обсуждался вопрос об открытии в городе высшего учебного заведения типа политехникума как наиболее соответствующего нуждам края. Но и это предложение не было воспринято правительственными кругами.

В 1903 г. вопрос о высшей школе вновь горячо обсуждался на страницах печати. Толчок дискуссии был дан областным сельскохозяйственным съездом, проходившим в Двинске. Участник съезда *П. Стрельцов* сделал доклад «О высшем учебном заведении в Северо-Западном крае». Делегаты съезда единодушно высказались за открытие в Беларуси университета. Виленский учебный округ оставался единственным в европейской части России, не имевшим ни одного высшего учебного заведения. Принимая во внимание местные особенности, съезд одобрил обязательное открытие в составе университета сельскохозяйственного отделения, как наиболее необходимого для экономического развития края. Средства для практического осуществления проекта должны были быть выделены местными

фондами (пожертвования городов, земств, самообложение, благотворительность и т. п.). Вопрос о местонахождении нового университета съезд оставил открытым, предоставив его решение руководству системой образования и заинтересованным городам.

Практически одновременно с постановлениями Двинского областного съезда вопрос о высшей школе подняли Витебская и Минская городские думы, которые взяли на себя инициативу обратиться с ходатайством к правительству о создании в Беларуси университета. Гласный Минской городской думы *В. Янчевский* выступил с предложением об открытии университета именно в Минске. Городская дума поддержала его предложение, считая, что новое высшее учебное заведение положительно повлияет не только на общее культурное развитие края, но и станет стимулом к дальнейшему развитию города. В принятом постановлении городская дума обязывалась выделить для университетских зданий участок земли, а также денежную субсидию в размере 500 тыс. рублей. В то же время представители местной власти, ставившие на повестку дня вопрос о создании университета, отводили ему роль проводника российской политики, убеждали правительство, что университет будет «прочным оплотом русского начала против иноплеменного влияния». Однако правительство, как и ранее, боялось того, что университет разбудит общественную активность в крае, станет центром национально-освободительного движения.

Революции начала XX в. в России и активизация движения за Белорусский университет

Революционные события 1905—1907 гг. коренным образом изменили общественно-политическую ситуацию в Российской империи. 17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест о провозглашении демократических свобод, созыве Государственной думы с законодательными полномочиями. Политические партии получили возможность легальной деятельности, участия в представительных органах власти. Революция заставила царизм пойти на уступки и в области национальных требований народов Российской империи. Под нажимом общественности правительство создало комиссию по основанию новых учебных заведений на территории страны. Однако с этого времени проблема открытия университета в «Северо-Западном крае» неожиданно приобрела новый аспект. Свои претензии на историко-культурное наследие Великого княжества Литовского начали высказывать литовские (летувиские, жмудинские) общественные деятели. Они видели ВКЛ исключительно как «литовское» (в современном понимании этого слова) государство и именно в таком русле пред-

ставляли себе возрождение Виленского университета. При этом игнорировался тот факт, что в период существования Виленского университета в первой трети XIX в. среди его студентов около 40 % были выходцами из Западной Беларуси и Виленщины, приблизительно столько же — из Восточной Беларуси и Смоленщины, остальные — из Украины, Литвы, Польши и европейских государств. Литовские либеральные деятели проявили значительную активность. В частности, группа литовской интеллигенции обратилась к председателю Совета министров России С. Ю. Витте с меморандумом об автономии Литвы. С этого времени берет начало спор о том, какой город должен в перспективе стать университетским центром Беларуси — Вильно или Минск.

Вопрос о развитии высшей школы не мог не обсуждаться в белорусских национально-возрожденческих кругах, центром которых в начале XX в. была газета «Наша Нива» — еженедельная общественно-политическая и литературно-художественная газета, которая издавалась на белорусском языке в Вильно с 1906 по 1915 г. Она объединяла вокруг себя авторов всех вероисповеданий и направлений, которые выступали за национально-культурное развитие Беларуси. В программной статье первого номера была выражена позиция газеты: «“Наша Нива” — газета не редакции, а всех белорусов и всех тех, кто им сочувствует...» На страницах газеты складывались лексические и грамматические нормы белорусского литературного языка. В ней были впервые опубликованы многие произведения Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, А. Пашкевич (Тётки), А. Гаруна, З. Бядули, Т. Гартного и других белорусских писателей и поэтов. На ее страницах не раз появлялись статьи, посвященные необходимости открытия высшего учебного заведения в крае. Несмотря на то что газета являлась ярким пропагандистом возрождения белорусского языка, резко выступала против «обрусительства», в вопросе об открытии университета она занимала толерантную позицию. «Нехай у гэтым унивэрсытэце будуць учыць на усих мовах, якие у нашым краю ёсць: па расейску и па польску, па беларуску, па литоўску, як хто захочэ», — писала «Наша Нива».

Проблема открытия университета в «Северо-Западном крае» неожиданно вышла за границы империи и получила определенный резонанс в Центральной Европе. Она обсуждалась на Всеславянском съезде прогрессивных студентов 11 июня 1908 г. Инициаторами созыва съезда стали чешские студенты. Присутствовали на съезде и шесть представителей от Беларуси. По результатам заседаний было принято постановление, четвертый и пятый пункты которого требовали от российских властей открытия университета в Вильно, а также немедленного создания (пока университет не открыт) кафедр белорусской истории и этнографии в других российских университетах. Но ни правительство, ни депутаты Государственной думы Российской империи не стали обсуждать проект открытия университета.

Что касается преподавания на белорусском языке, то речь об этом не шла даже на уровне начальной школы.

21 апреля 1908 г. в Вильно состоялось собрание представителей белорусских и литовских городов, в котором приняли участие также представители общественности, редакторы виленских газет. Собрание было посвящено обсуждению вопроса об открытии высшего учебного заведения в крае. Пришли к мнению, что наиболее удобным местом для высшей школы является Вильно. Спорили о том, какого типа должно быть это высшее учебное заведение — университетом, политехническим институтом или сельскохозяйственной школой. Часть присутствовавших поддерживала проект политехнического института, другие утверждали, что в крае слабо развита фабрично-заводская промышленность, поэтому инженеров много не требуется. Во многих выступлениях говорилось об отсутствии квалифицированных врачей, учителей, юристов, в связи с чем необходимо создавать университет с полной структурой факультетов.

Наболевший вопрос был поднят в 1911 г. на очередном заседании Минской городской думы. Его обсуждение поддержал также губернский земский комитет. Было принято решение ходатайствовать перед правительством об открытии только медицинского факультета. При этом отмечалось, что таким образом позднее легче будет добиться разрешения на создание полного университета. Городская дума постановила передать под новое учебное заведение хутор Людомонт и провести к нему «электрический трамвай». Однако и это ходатайство не было удовлетворено. Попытки членов Государственной думы, избранных от белорусских губерний, поддержать ходатайство были проигнорированы российским правительством.

Превращение в начале XX в. Минска в развитый торгово-промышленный центр вынуждало городские власти заботиться о подготовке специалистов с экономическим образованием. В 1913 г. минская лесная биржа вышла с ходатайством о создании в Минске коммерческого института. Чтобы легче было добиться соответствующего разрешения, открытие института связывали с 300-летием царствования дома Романовых. Однако и этот проект был отвергнут. По мнению властей, существовавшие в Петербурге, Москве и Киеве коммерческие институты вполне могли удовлетворить «незначительный спрос Минска на интеллигентных и образованных коммерческих деятелей». Минский губернатор разъяснял, что институт «совершенно не нужен для лиц русского происхождения, имеющих беспрепятственный доступ во все существующие в Империи учебные заведения <...> и будет обслуживать исключительно лиц иудейского происхождения».

Земское собрание Минской губернии также попробовало воспользоваться празднованием 300-летия царствования дома Романовых и выдвинуло проект создания в Минске сельскохозяйственного института, ко-

торый предполагалось со временем реорганизовать в политехнический институт. Проект встретил поддержку со стороны Минской городской управы. Положительно отнесся к нему и губернатор, правда, в основном по причинам политического характера. Он считал, что «учреждением этого заведения <...> будет вызван приток в губернию русского элемента как из губерний черты оседлости, так и внутренних, что не может не ослабить вредного влияния здесь инородческих классов населения».

В начале 1914 г. при Государственной думе было организовано Особое совещание с целью выработки общего плана основания высших сельскохозяйственных учебных заведений в основных земледельческих центрах Российской империи. Минск как центр огромного сельскохозяйственного края с особыми хозяйственными, историческими и культурно-бытовыми традициями был включен в план создания высших сельскохозяйственных школ страны. В городе планировалось открыть сельскохозяйственный институт, но начавшаяся в августе 1914 г. война не дала возможности осуществить этот план.

Резюме. Таким образом, практически столетняя борьба органов самоуправления и общественности белорусских губерний за создание на родной земле университета не принесла желаемого результата. Население так называемого «Северо-Западного края» не вызывало доверия царского правительства, которое хорошо понимало силу воздействия образования высшего уровня не только на разум, способности молодых людей, но и на внутренний мир человека. Именно университетское образование раскрепощало этот мир, делало студентов не только специалистами-интеллектуалами, но и свободными людьми. Людьми, которые стремятся к свободе, не приемлют насилия над собой в любой форме. Людьми, готовыми вести борьбу за свою (и не только свою) свободу.

Глава 7

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Попытки реализации идеи Белорусского университета в условиях Первой мировой войны

На рубеже XIX—XX вв. международные противоречия приобрели глобальный характер. Два блока крупнейших государств вступили в войну за передел мира. С 1 августа 1914 г. в мировой конфликт было втянуто 38 государств с населением в 1,5 млрд человек. Для белорусских земель Первая мировая война явилась очередным разрушительным «цунами». Западная часть Беларуси оказалась оккупированной германскими войсками, восточная — стала прифронтовой зоной, на которой дислоцировалась полуторамиллионная российская армия. В годы Первой мировой войны Беларусь покинули около 1,5 млн человек. Разруха в экономике привела к резкому росту цен на основные товары, нарастанию социальной напряженности.

Между тем даже в тяжелейших военных условиях потребность в существовании высшего учебного заведения на территории Беларуси была настолько высока, что в 1916 г. практически одновременно Могилевское губернское земское собрание, Витебская губернская земская управа и Минские губернские земские органы ходатайствовали перед царским правительством об открытии университета в одном из этих городов. Однако они в очередной раз получили отрицательный ответ. Основанием для отказа послужило то, что ни Витебск, ни Могилев не являлись центрами «Северо-Западного края», а Минск находился слишком близко к линии фронта.

Первая мировая война, приведшая к большим человеческим жертвам, хозяйственной разрухе, вызвала массовые народные выступления против власти. По мере назревания в Российской империи революционной ситуации все шире начинало развиваться белорусское национальное и революционное движение. В Минске 25—27 марта 1917 г. состоялся I съезд белорусских национальных организаций. Съезд избрал Белорусский национальный комитет (БНК) во главе с бывшим депутатом Государственной думы Р. А. Скирмунтом. В мае БНК начал издавать газету «Вольная Беларусь». На съезде отмечалась необходимость открытия при первой же возможности высшего учебного заведения в одном из белорусских городов.

8—10 июля 1917 г. в Минске состоялся II съезд белорусских национальных организаций. На съезде была избрана Центральная рада белорусских организаций во главе с И. Ю. Лёсиком. На съезде прозвучало требование, обращенное к членам Временного правительства, о необходимости создания на белорусских землях университета и сельскохозяйственного института.

После прихода к власти в Петрограде в октябре 1917 г. большевиков надежды деятелей белорусского национального движения на положительное решение вопроса об открытии университета усилились. Генеральный секретариат Великой Белорусской Рады (ВБР) 17 ноября 1917 г. обратился с письмом к народному комиссару просвещения советской России *А. В. Луначарскому*, в котором предложил возродить Виленский университет и временно разместить его в Минске. *И. Я. Воронка* (он вел переговоры) 26 ноября 1917 г. сообщил, что А. В. Луначарский дал свое согласие и будет решать вопрос о выделении средств на эти цели. Однако на тот момент вопрос быстро решить не удалось из-за отрицательной позиции И. Сталина, занимавшего пост наркома по делам национальностей РСФСР.

В ходе заседаний I Всебелорусского съезда (5—17 декабря 1917 г.) академик *Е. Ф. Карский* сделал доклад, в котором озвучил свой крупномасштабный проект создания университета. Он считал, что именно Минск как значительный экономический и культурный центр должен стать университетским городом. Проект предусматривал создание отдельного университетского городка, библиотеки, общежития на 1000 человек, больницы, ботанического сада. Одновременно к рассмотрению был представлен проект создания университета, подготовленный историком, уроженцем Речицы, профессором Киевского университета *М. В. Довнаром-Запольским*. Однако обсудить до конца оба проекта не удалось, так как в ночь с 17 на 18 декабря 1917 г. съезд был разогнан по распоряжению местного большевистского руководства.

В декабре 1917 г. советское правительство приняло решение подписать сепаратный договор с Германией и Австро-Венгрией. Переговоры об этом начались в Брест-Литовске. Воспользовавшись отказом руководителя со-

ветской делегации Л. Д. Троцкого продолжить переговоры, германское командование 18 февраля 1918 г. перешло в наступление на Восточном фронте. В первые же дни наступления противник захватил Двинск, Минск, Полоцк, Оршу и ряд других городов. Свободными от иноземных захватчиков остались только шесть уездов Могилевской и Витебской губерний.

В период немецкой оккупации вопрос об открытии университета неоднократно обсуждался в белорусской прессе. По мнению профессора М. В. Довнара-Запольского, будущий университет должен был открыться в Минске и состоять из историко-филологического, физико-математического, юридического, экономического, медицинского и богословского (теологического) факультетов. 25 марта 1918 г. была провозглашена независимость Белорусской Народной Республики (БНР). А уже в апреле 1918 г. ее руководством была создана комиссия с целью подготовки открытия университета. В состав комиссии вошли А. А. Смолич, М. В. Довнар-Запольский, Е. Ф. Карский и другие. В начале июня М. В. Довнар-Запольский сообщил правительству БНР, что занять кафедры в новом университете дали согласие академики и профессора из Киева, Варшавы, Дерпта, Москвы и Петербурга. Профессора М. В. Довнар-Запольский и Е. Ф. Карский подготовили свои проекты университетского устава. За основу был взят проект М. В. Довнара-Запольского. Исходя из того, что в провозглашенной республике практически отсутствовали высококвалифицированные педагогические кадры, способные вести преподавание на белорусским языке, а также соответствующая научная литература, комиссия предложила разрешить преподавание в университете на белорусском, русском и польском языках с постепенным переходом на белорусский. Однако осуществить эти планы не удалось. Политические разногласия внутри руководства БНР, отсутствие финансов, интервенция делали планы об открытии университета эфемерными. А 10 декабря 1918 г. Минск был занят войсками Красной Армии.

25 февраля 1919 г. — первый реальный шаг к созданию Белорусского университета

В Смоленске 30 декабря 1918 г. VI Северо-Западная областная конференция РКП(б) объявила себя Первым съездом Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. А 1 января 1919 г. был обнародован Манифест о создании Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ). Правительство республики во главе с Д. Ф. Жилуновичем переехало в Минск 5 января 1919 г. Но уже 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) принял решение о переходе Смоленской, Витебской и Могилевской губерний в состав РСФСР и объединении Минской и Гродненской губерний с Литовской ССР.

Первоначальная работа по подготовке открытия белорусского университета, в том числе осуществленная правительством БНР, не осталась без последствий. Революционный вихрь, который вынес на вершины власти большевиков, диктовал необходимость учитывать стремление народов бывшей Российской империи к реализации своих национальных задач, сохранению и обогащению национальных особенностей. Поэтому неудивительно, что одним из первых законодательных документов советской республики был ***декрет от 25 февраля 1919 г.***, который определял конкретные меры по созданию в Минске университета. Были выделены средства в размере 1 млн рублей, создана специальная комиссия из восьми человек при губернском комиссариате народного просвещения под руководством Е. Ф. Карского. Дело создания белорусского университета, прежде всего по причинам политического характера, центральные органы власти в Москве решили держать под непосредственным контролем. При Народном комиссариате просвещения РСФСР была создана также московская комиссия во главе с членом коллегии отдела вузов *В. Т. Тер-Оганесовым*. В нее вошли *А. Ф. Мясников, В. П. Волгин, Ф. Ф. Турук* и представитель минской комиссии по организации университета. Обе комиссии на протяжении весны 1919 г. разрабатывали учебные планы, подбирали научно-педагогические кадры, обсуждали структуру будущего университета. Оккупация Беларуси польскими войсками летом 1919 г. прервала эту деятельность. Формально комиссии продолжали существовать, однако реальных действий не осуществляли.

В июле 1920 г. Минск был освобожден от польских войск. Уже 31 июля в городском театре состоялось торжественное провозглашение независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии. Постепенно восстанавливалась мирная жизнь. 18 марта 1921 г. был подписан советско-польский Рижский мирный договор. Договор подписали Россия и Украина, с одной стороны, и Польша — с другой. Но без представителей Беларуси. Одним росчерком пера ее территория была разрезана на две части. Советская Беларусь потеряла более половины этнической территории. В очередной раз судьба белорусского народа решалась без его участия. Республика существовала в рамках Бобруйского, Борисовского, Игуменского, Мозырского, Минского и Слуцкого уездов с численностью населения около 1,6 млн человек.

Тем не менее подготовительная работа по открытию университета в Беларуси была возобновлена. Одним из важнейших решений в этом направлении стало создание 7 марта 1921 г. ***Временного правления БГУ*** в составе *В. И. Пичеты, Ф. Ф. Турука и З. Г. Гринберга*. Правление возглавил Владимир Иванович Пичета. Первое не временное, а постоянное полномочное ***Правление БГУ*** было утверждено постановлением коллегии Наркомата просвещения ССРБ 8 июля 1921 г. в составе *В. И. Пичеты* (ректор)*, В. М. Игнатовского, Ф. Ф. Турука, М. Я. Фрумкиной*. В августе эта же

коллегия ввела в состав университетского руководства представителя от студенчества.

Учитывая низкий образовательный уровень тех, кто мог претендовать на поступление в первый белорусский университет, особое внимание члены Правления БГУ обратили на необходимость скорейшего создания так называемого рабочего факультета — ***рабфака***, где можно было бы подготовить рабоче-крестьянскую молодежь к учебе по университетским специальностям. Уже 17 июня 1921 г. начались занятия на этом факультете. К учебе приступили 160 человек. Осенью 1921 г. по итогам дополнительного набора на рабфак было зачислено 125 человек. Общее количество учащихся рабфака составило 285 человек.

Создание БГУ — от торжеств к сложным будничным делам

В Минске в городском театре 11 июля 1921 г. состоялось торжественное заседание, посвященное открытию Белорусского государственного университета. На заседании выступили председатель СНК БССР А. Г. Червяков и секретарь ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорин, ректор БГУ В. И. Пичета, нарком просвещения БССР В. М. Игнатовский.

Одной из первоочередных задач, требовавших решения, было обеспечение университета подходящими для проведения занятий помещениями (найти их в разрушенном иностранными оккупантами Минске было чрезвычайно сложно). Среди целого ряда строений, переданных в ведение университета, особое место принадлежит зданиям ***гимназии К. О. Фальковича*** и ***училища Э. М. Хайкина***. В историю университета здание бывшей гимназии Фальковича на углу улиц Скобелевской (совр. — Красноармейская) и Магазинной (совр. — им. Кирова) вошло как «***Первый дом БГУ***» (ныне здание исторического факультета). Именно в нем работал и жил ректор, действовали библиотека и канцелярия, велись занятия на рабочем факультете. Интересно, что Константин Осипович Фалькович после конфискации его собственности для нужд БГУ не покинул стен своей, теперь уже бывшей, гимназии. Он был принят на работу в университет, преподавал русский язык на рабочем факультете и одновременно заведовал мастерскими. В здании бывшего реального училища Эммануила Моисеевича Хайкина 31 октября 1921 г. состоялась первая лекция для студентов БГУ на тему «О культуре Средиземноморья в эпоху господства Рима», которую прочитал профессор *Дмитрий Петрович Кончаловский*. Не случайно в 1922 г. Магазинная улица была переименована в Университетскую. Здесь были расположены главные здания БГУ: «Дом № 1 БГУ», «Дом № 2 БГУ» — здание бывшей фабрики «Виктория», «Дом № 3 БГУ» — здание бывшего училища Хайкина и др.

30 октября 1921 г. состоялось торжественное собрание, посвященное началу занятий в университете. На собрании выступили руководители партии и советского белорусского государства (В. Г. Кнорин и А. Г. Червяков), представители наркомата просвещения, педагогического техникума, рабфака, Смоленского археологического института, Московского Центрального пединститута. К научно-педагогической деятельности в БГУ приступили 14 профессоров, 49 преподавателей, 10 ассистентов, 5 заведующих кабинетами, 3 препаратора. Учебные планы всего лишь трех факультетов формировались спонтанно — по мере привлечения к работе в БГУ преподавателей, пополнения фонда учебной литературы и т. д. Постоянно шел поиск необходимого минимума знаний, которые должны были усвоить первые белорусские студенты. По предложению профессора В. Н. Ивановского чуть было не приступили к чтению курса истории высшего образования. В. И. Пичета вскоре напишет работу «Пытанне аб школе на Беларусі ў мінулым», которую опубликует в «Працах БДУ» (1928).

Перед студентами университета распахнули свои двери три факультета: ***рабочий, общественных наук и медицинский***. На этнолого-лингвистическое, общественно-педагогическое, правовое и экономическое отделения факультета общественных наук (ФОН) было принято 736 студентов разных национальностей, среди них: белорусов — 26 %, евреев — 67, русских — 3,7, поляков — 0,5, представителей других национальностей — 2,8 %. Важной составляющей первого студенческого коллектива БГУ была их партийная принадлежность: членов РКП(б) насчитывалось 98, комсомольцев — 19, эсеров — 10, социал-демократов — 3, беспартийных — 531 человек.

К декабрю 1921 г. на два факультета (без рабфака) было зачислено 1124 человека, образовательный уровень которых был следующим: 675 — окончили гимназии, 173 — реальные и коммерческие училища, 143 — школы второй ступени, 56 — педагогические курсы, 26 — духовные семинарии, 14 — учительские институты и 1 — кадетский корпус. Без среднего образования было принято 37 человек, 289 студентов пришли в университет с командных должностей Красной Армии, 226 человек служили красноармейцами.

Решение кадровых, организационных и учебно-методических проблем

Факультеты университета возглавили известные ученые, назначение которых было прерогативой Правления БГУ. Так, первым деканом медицинского факультета решением Правления БГУ от 31 октября 1921 г. был утвержден профессор *Б. М. Беркенгейм,* однако он фактически не приступил к исполнению своих обязанностей, и временно факультетом руководил

А. В. Федюшин, в дальнейшем ставший известным ученым-биологом. Но через короткое время факультет возглавил профессор-медик *М. Б. Кроль* — уроженец Минска. Первым деканом факультета общественных наук стал историк *В. М. Игнатовский*. Осенью 1922 г. провели первую реорганизацию структуры университета, в ходе которой был создан ***педагогический факультет*** с отделениями: социально-историческим (бывшее общественно-педагогическое отделение ФОНа), литературно-лингвистическим, естественно-историческим, физико-математическим. На ФОНе остались только экономическое и правовое отделения. Деканом нового факультета был назначен В. М. Игнатовский, который в это время был наркомом просвещения ССРБ (поэтому вскоре деканом стал историк-профессор *Н. М. Никольский*). Факультет общественных наук возглавил *С. З. Каценбоген* — профессор-социолог. (Следует подчеркнуть, что в первые годы деятельности БГУ его Правлением должность профессора предоставлялась многим преподавателям без учета наличия у них научных степеней и опыта преподавания в высших учебных заведениях: главное, чтобы имелось высшее образование и некоторые научные работы. Так что из вышеперечисленных университетских профессоров только Н. М. Никольский был «настоящим» профессором — еще дореволюционной подготовки.)

Таким образом, первое руководство факультетов состояло исключительно из профессоров. Среди преподавателей университета был целый ряд выдающихся деятелей белорусской науки и культуры. Так, 3 ноября 1923 г. в университет на должность преподавателя белорусского языка был зачислен *Якуб Колас* (К. М. Мицкевич). С 3 декабря он был утвержден в звании доцента для чтения курсов белорусского языка и методики его преподавания на литературно-лингвистическом отделении педфака. Якуб Колас стал первым председателем государственной экзаменационной комиссии по литературоведческим и лингвистическим дисциплинам.

В декабре 1922 г. в университете училось 2758 студентов. В сентябре 1923 г. в приемную комиссию университета на 100 мест было подано 1500 заявлений. Впервые были введены вступительные экзамены для абитуриентов, а также производственная практика студентов. Обязательным экзаменом для всех поступающих в университет было обществоведение. Абитуриенты, начиная со второго набора, должны были также показать знания по русской истории XIX в. и Конституции РСФСР. Остальные экзамены проводились по дисциплинам природоведческого цикла, а также языковым. Особое внимание уделялось владению белорусским языком (писали сочинение). Позднее, когда схлынула волна белорусизации, в БГУ стали больше внимания обращать на изучение студентами русского языка, к которому, как заявило университетское руководство, ранее «враги народа специально культивировали неуважительное отношение». Прием в университет осуществлялся по так называемой куриальной системе, когда в каждой социальной группе абитуриентов определялся определен-

ный процент первокурсников. Явное предпочтение отдавалось выходцам из рабочей и крестьянской среды.

В соответствии с Постановлением СНК БССР от 1 сентября 1925 г. был открыт ***факультет права и хозяйства*** в составе двух отделений — правового и экономического. Деканом назначен профессор-философ *С. Я. Вольфсон*.

Во время открытия Белорусского государственного университета в основу его управления был положен новый ***университетский устав***, разработанный Наркоматом просвещения РСФСР в Москве. Но так как в уставе были намечены только общие принципы, первое Правление БГУ под председательством В. И. Пичеты его переработало применительно к местным условиям, и 21 октября 1921 г. «конституция БГУ» была введена в жизнь. Центром учебной и научной жизни становились ***предметные комиссии***, в состав которых входили как преподаватели, так и представители студенчества. В частности, для разработки учебных планов, программ и осуществления руководства учебно-научной работой на факультете общественных наук был создан ряд предметных комиссий: по правовым и экономическим дисциплинам, по философским дисциплинам, литературная и лингвистическая. Необходимо отметить, что в 1920-е гг. не существовало кафедр в их современном понимании, хотя такие административные единицы и имелись в штатном расписании. Например, на педагогическом факультете в 1923/24 учебном году было 25 ***кафедр***. Однако каждая кафедра была представлена личностью профессора, который и воплощал определенное направление знаний.

Система и принципы управления Белорусского государственного университета

Административное руководство университетом осуществляли Правление БГУ во главе с ректором, деканы факультетов, а также Совет университета и Советы факультетов. Тем не менее в учебном процессе была очевидной ведущая роль предметных комиссий (они будут ликвидированы только весной 1930 г.). Нередко практиковались объединенные заседания этих комиссий. На заседаниях Советов решались вопросы более общего характера. Например, Совет БГУ вынес резолюцию о польской позиции в отношении условий Рижского мирного договора, в которой было отмечено, что архивные материалы, имеющие «главное значение для истории Беларуси» (такие, как Литовская метрика и др.), ни в коем случае нельзя передавать Польше.

В соответствии с Уставом БГУ 1921 г. в Совет университета и Советы факультетов наряду с академической элитой вводились представители от студентов, партийных, профессиональных и общественных организаций. Таким образом, государство и правящая партия оказывали прямое воздействие

на работу всех подразделений БГУ, сводя к минимуму всякую университетскую автономию. Согласно Уставу, 17 января 1922 г. было заново избрано руководство университета в следующем составе: ректор В. И. Пичета, заместители ректора В. Н. Ивановский (по академической части) и С. З. Каценбоген (по административно-хозяйственной части), преподаватель рабфака И. В. Герчиков и студент-военком медицинского факультета С. И. Боркусевич. Переизбрание Правления БГУ с 1923 г. проходило затем ежегодно, и до 1929 г. Владимир Иванович Пичета сохранял свой ответственный пост, что подтверждало уважительное отношение к нему и к результатам его работы не только со стороны коллег и студентов, но и властных органов. В дальнейшем ректор БГУ назначался (но не избирался коллективом университета) руководством республики по согласованию с Москвой.

Владимир Иванович ПИЧЕТА — первый ректор Белорусского государственного университета

Владимир Иванович Пичета вошел в белорусскую историю не только как талантливый организатор, «отец-основатель» БГУ, но и как исследователь-универсал, который достиг значительных вершин в разных направлениях исторической науки. Его творческие интересы были чрезвычайно широки: история России, Беларуси, Украины (В. И. Пичета в документах указывал национальность «украинец», хотя отмечал, что по отцу является герцеговинцем — тот был родом из Сербии). Он активно разрабатывал проблемы истории южного и западного славянства, архивного дела, педагогики. В. И. Пичета одним из первых поставил белорусскую историю на мощный фундамент исследования источников, что нашло отражение, в частности, в его докторской диссертации «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве», которую защитил в Московском университете в 1918 г. Из почти 500 работ ученого около 150 посвящены белорусской проблематике. Серьезный научный потенциал, богатый преподавательский опыт (историк преподавал в Московском, Тамбовском, Смоленском университетах) позволили Владимиру Ивановичу стать признанным педагогом-лектором и на многих кафедрах БГУ. Так, в качестве профессора кафедры истории России он читал будущим историкам, юристам, экономистам, лингвистам курсы по различным периодам и проблемам российской истории, по истории польской культуры, культуры Беларуси XVI в., истории Беларуси XVII—XVIII вв., истории народного хозяйства Беларуси, истории Польши. Для В. И. Пичеты лекторская деятельность, работа в аудитории была не простым дополнением к должности ректора, а жизненной необходимостью, сущностью его мировоззрения. Большое значение он придавал преподаванию на белорусском языке, которым овладел самостоятельно и постоянно пользовался.

Рутина административных дел не прервала его научное творчество. Каждый год в период своей работы в БГУ В. И. Пичета готовил по 15—25 книг, брошюр, статей, докладов. И все его труды несли печать высокого профессионализма и ответственности. Владимир Иванович активно популяризировал белорусскую историю, причем занимался этим практически везде: на заседаниях государственных органов, публичных лекциях, в ходе своих многочисленных зарубежных командировок (в Германию, Польшу, Чехословакию, Литву, Норвегию и др.). Еще в 1922 г. прозвучала мысль В. И. Пичеты о том, что белорусские историки должны направить свои усилия на «создание истории белорусского народа, отказавшись от взглядов на историю Беларуси как на часть истории Москвы, Польши или Литвы».

Первое заседание Научного общества БГУ под председательством ректора состоялось 18 марта 1922 г. Ректор-историк заложил основание для серьезной исследовательской работы студенчества. Не может не вызывать уважения тот факт, что известный профессор, ректор лично готовил аудитории для проведения первых занятий в БГУ — носил столы, вывешивал объявления, представлял студентам приглашенных из российских и украинских университетов и институтов преподавателей. Можно сказать, что Владимир Иванович буквально с пеленок выпестовал БГУ.

В бытность В. И. Пичеты на посту ректора (а он был беспартийным) для противовеса ему, как и всей «старой» профессуре, на должность заместителя ректора выдвигались преподаватели-партийцы. Сначала это был бывший заместитель наркома просвещения ССРБ С. З. Каценбоген, затем заведующий рабфаком (будущий заместитель наркома) С. З. Слоним. Партийцы во главе с заместителем ректора составляли особую коммунистическую фракцию Правления БГУ. Ее члены проводили свои собственные заседания, куда беспартийного В. И. Пичету не приглашали и о решениях которых чаще всего его не информировали. В первое пятилетие университета, пока партийная линия благоприятствовала белорусскому возрождению, коммунистическая фракция Правления и партийная ячейка БГУ активно содействовали работе университета.

В. И. Пичета как ректор БГУ все годы становления и развертывания деятельности университета находился в непосредственной связи с государственными, партийными, профессиональными и общественными структурами Беларуси. Особенно плодотворными для решения первоочередных материальных и хозяйственных проблем были его деловые и чисто человеческие отношения с представителями ЦИК и СНК БССР, Минского горисполкома. В частности, с председателем ЦИК БССР А. Г. Червяковым у Владимира Ивановича сразу установилась взаимная симпатия, переросшая затем в крепкие дружеские отношения. На этот счет в своих воспоминаниях выпускник БГУ, историк *Н. Н. Улащик* отмечает: «Авторитет его <...> в правительственных кругах был очень высок, и тогдашний предсе-

датель ЦИК Червяков почти безотказно выполнял просьбы и заявки Владимира Ивановича, отводя дома для занятий, квартиры для профессоров, ассигнуя средства на приобретение оборудования, книги». В. И. Пичета с конца 1921 по 1925 г. каждую неделю делал доклады о состоянии дел в университете лично председателю ЦИК и СНК БССР. Он неоднократно выступал на заседаниях этих государственных органов, а также съезда Советов Беларуси, где знакомил общественность с нуждами БГУ и нередко получал необходимую помощь.

Материально-техническое и финансовое обеспечение университета

Материально-техническое обеспечение БГУ во время его открытия можно оценить как удовлетворительное. Правительство ССРБ, горисполком Минска, используя чисто революционные методы (например, конфискацию имущества), смогли передать университету ряд зданий, лабораторное оборудование, книги. С трудностями, но находили средства для оплаты работы сотрудников, на стипендии студентам, на ремонт, бытовые потребности и др. Но уже через год существования университета, когда прошел второй прием студентов, резко ухудшились условия ведения учебного процесса. Здания, которые были переданы БГУ летом 1921 г., не могли вместить ни студентов, ни преподавателей, ни администрацию. Иногда приходилось даже отменять занятия, так как из-за большого скопления студентов в аудиториях «профессора изнемогают в буквальном смысле этого слова». Поэтому стало правилом принимать зачеты прямо на профессорских квартирах. Правление университета всячески этому препятствовало и 20 ноября 1922 г. обратилось в Особую комиссию при ЦИК БССР по распределению продовольственного фонда с просьбой восстановить продовольственное снабжение сотрудников университета, которые «влачат жалкое существование, но стойко переносят все лишения и безропотно выполняют свои обязанности».

В первые годы деятельности университета (особенно зимой) не хватало дров для того, чтобы натопить печи. И студенты, и преподаватели сидели в аудиториях в верхней одежде: шубах, шинелях, фуфайках. Когда подходили вагоны с дровами, студенты разгружали их, подвозили к факультетам, пилили, кололи. Иногда сами организовывали бригады для заготовки дров в лесу. Часто занимались при свечах. Недоставало учебников. Приходилось на лекциях записывать каждое слово. Не хватало не только тетрадей, но и простой бумаги. Писали карандашами или ручками, пользовались чернильницами «непроливайками».

Одной из наиболее сложных проблем для Правления БГУ была острая нехватка студенческих общежитий. Те, что были предоставлены универси-

тету на улицах Комсомольской, Энгельса, Белорусской, Ленинской, представляли собой картину, талантливо изображенную авторами «Золотого теленка». Помещение, увиденное великим комбинатором в Москве, вполне соответствовало студенческим общежитиям и города Минска: «Большая комната мезонина была разрезана фанерными перегородками на длинные ломти». Отсутствовали элементарные бытовые условия: водопровод и канализация, помещения для кухни. Еду готовили кто как мог.

Университет практически с первых дней существования был вынужден взять курс на частичное финансовое самообеспечение. В связи с тяжелым материальным положением постановлением от 8 марта 1922 г. БГУ ввел плату за обучение. Это была крайняя мера, однако материальный вопрос стоял так остро, что В. И. Пичете из Москвы дважды настойчиво предлагали закрыть университет. На заседании коллегии Наркомата просвещения БССР 10 марта 1922 г. был выработан порядок взимания платы со студентов. Она устанавливалась от 5 до 15 рублей золотом в год в зависимости от социального происхождения студента и размера доходов его родителей. На протяжении 1920-х гг. размеры оплаты варьировались. Однако подавляющее количество студентов университета (до 60 %) по причине бедности не попадали под категорию тех, кто оплачивал свою учебу. Деньги, полученные от взимания платы со студентов, шли в основном на учебное оборудование (70 %), пополнение фондов университетской библиотеки (20 %) и нужды студенческой профсоюзной организации (10 %). Практиковалось и самообложение студентов (плата, взимавшаяся с каждого студента в пользу университета, от 1 до 5 рублей золотом за каждые полгода). Все эти выплаты шли на оборудование кафедр, лабораторий, клиник БГУ.

Минский горисполком с 6 мая 1922 г. взял на себя все расходы БГУ по оплате воды и электричества. Кроме того, в начале 1923 г. городские власти выделили университету 10 млрд рублей на покрытие коммунальных услуг. Немалую материальную помощь получал университет от благотворительных организаций. За счет американских благотворителей в 1923 г. для студентов были открыты бесплатные столовые на улице Богодельной (совр. Комсомольская). В 1925 г. университетские медики получили от организации «Джойнт» 5 тыс. долларов для клиники нервных заболеваний. Только в 1924 г., когда университет перешел под начало Наркомата просвещения БССР, он был включен в общегосударственную смету, что благоприятно отразилось на его финансовом положении. В 1924/25 учебном году у БГУ появился постоянный бюджет.

Большинство студентов объединяла профсоюзная организация университета, которая довольно активно выступала в качестве защитника их бытовых и материальных интересов. При непосредственном участии профсоюзной организации были созданы кассы взаимопомощи. На льготных условиях для студентов работали парикмахерские, швейные мастерские, прачечные. Иногда удавалось организовать продуктовые пайки для сту-

дентов: в них входили мука, сахар, сало, масло. Университет выделял средства на экскурсии студентов, причем даже для тех, кто выезжал за пределы республики. Практиковалась система кредитования, направленная прежде всего на обеспечение студентов теплой одеждой. Кредиты выдавались в счет стипендии. Существовали и государственные льготы для студентов: ежемесячные талоны в баню (их можно было реализовать в четверг и пятницу в Ляховской бане — район современного стадиона «Динамо»), дешевые билеты в театр, кино, 75-процентная скидка на проезд по железной дороге.

В 1920-е гг. «студенческими болезнями» были туберкулез, анемия, невропатия, вызванные полуголодным существованием молодых людей при активной учебе. Не случайно бюджетом университета предусматривалось выделять на санаторно-курортное лечение студентов ежегодно около 10 тыс. рублей, что было значительной суммой в то трудное время.

Молодой белорусский университет не мог плодотворно осуществлять учебную и научно-исследовательскую деятельность без библиотеки. Именно поэтому его организаторы прилагали особые усилия для формирования основательного библиотечного фонда. Причем Правлением БГУ сразу ставилась задача создания библиотеки университета как фундаментальной, рассчитанной стать «центральным книгохранилищем края, Государственной библиотекой Белоруссии». Библиотека БГУ начала свою работу уже в апреле 1921 г., разместившись в «Доме № 1 БГУ». Ей были переданы фонды бывшей духовной семинарии, большое количество книг прислали из Москвы. За средства, выделенные ЦИК ССРБ, были приобретены личные библиотеки Е. Ф. Карского, Н. А. Янчука, И. П. Корнилова, А. П. Сапунова, П. Н. Жуковича, О. Л. Дыло, часть библиотеки Янки Купалы. Много книг поступило от И. Гурвича из Нью-Йорка (он был родом из Минска), а также от Наркомата внешней торговли Беларуси. К октябрю 1921 г. фонды библиотеки насчитывали около 100 тыс. томов. В читальном зале ежедневно занималось более 100 человек. В 1924 г. в библиотеке БГУ имелось уже более 200 тыс. томов. Количество посетителей увеличилось до 500 человек в день.

Белорусский государственный университет как важный фактор в проведении политики белорусизации

Первые годы деятельности Белорусского государственного университета невозможно понять без событий, связанных с реализацией так называемой политики белорусизации. Под этим термином понималась политика национально-государственного и национально-культурного строительства, осуществлявшаяся в БССР в 1920-е гг. Ее истоки — в белорусском национально-освободительном движении, в идеях белорусского

национального возрождения. Политика белорусизации могла проводиться в БССР только при условии, что ее идеи были восприняты КП(б)Б. Выработка правящей партией национальной программы проходила сложно и противоречиво, в жесткой внутрипартийной борьбе. Сторонники идеи всемирной пролетарской революции, которая должна была в самом ближайшем будущем разрушить границы между странами, выступали против существования на территории бывшей Российской империи новых государственных образований, в том числе и БССР. Но верх одержала линия сторонников создания и федеративного объединения советских республик.

Одним из направлений государственного строительства в Беларуси стало возвращение этнических белорусских земель. Искусственный раздел белорусской территории был осуществлен в соответствии с доктриной большевиков о мировой революции. Беларуси отводилась всего лишь роль буфера в процессе экспорта революции. После создания 30 декабря 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР) в составе России, Украины, Беларуси и Закавказской Федерации руководство БССР более активно занялось вопросом расширения территории республики. И 3 марта 1924 г. ЦИК РСФСР принял постановление о передаче БССР 16 уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. Территория Беларуси увеличилась более чем в два раза, а население выросло до 4,2 млн человек. В мае 1926 г. руководство Компартии Беларуси обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой о возвращении БССР пяти уездов Гомельской и трех уездов Псковской губерний. В декабре 1926 г. в состав БССР были включены только территории Гомельщины. Население республики увеличилось до 5 млн человек. В результате укрупнений был значительно усилен экономический потенциал республики, созданы условия для консолидации белорусской нации.

Население республики было многонациональным: белорусы составляли 80 % населения, евреи — 8,2, русские — 7,7, поляки — около 2 %. Белорусы проживали преимущественно в деревне, евреи и русские — в городах и местечках. Это вносило специфику в языковую ситуацию, сложившуюся в республике: город был русскоязычным, а деревня — белорусскоязычной. Относительно низкий уровень экономического развития Беларуси, послевоенная разруха в переплетении с многовековой политикой полонизации и русификации имели результатом неразвитость форм национального самосознания, формировали у населения комплекс неполноценности родного языка как холопского и мужицкого. Кроме того, в республиканском партийном и советском активе, хозяйственных органах представительство белорусов было невысоким (иногда меньше четверти). Все эти факторы усложняли проведение национальной политики.

Многие идеи белорусизации вызрели и начали осуществляться еще в годы Гражданской войны (создание белорусских школ и одновременно

школ для представителей других народов, перевод делопроизводства на белорусский язык). В 1920 г. при Наркомате просвещения БССР открылись курсы белорусоведения для подготовки учителей. По инициативе наркома В. М. Игнатовского тогда же на белорусский язык стали переводить делопроизводство Наркомата земледелия, а с 1921 г. — наркоматов просвещения и иностранных дел. Открытие в 1921 г. Белорусского государственного университета, создание в 1922 г. Института белорусской культуры (на его базе в 1929 г. будет организована Академия наук) стали важнейшими этапами на пути национально-культурного строительства.

В марте 1923 г. на VII съезде КП(б)Б были сформулированы основные принципы политики белорусизации. А в июле 1924 г. II сессия ЦИК БССР приняла постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики». Речь шла о развитии белорусской культуры, переводе делопроизводства на белорусский язык, выдвижении белорусов в органы управления и общественные организации. В то же время в Беларуси равноправными языками были признаны белорусский, русский, еврейский (идиш) и польский. В результате проведения политики белорусизации к 1927 г. около 80 % работников центральных учреждений республики знали белорусский язык, издавались 3 газеты и 4 журнала на белорусском языке, около 80 % школ вели преподавание на белорусском языке.

В БГУ пионерами в преподавании учебных курсов на белорусском языке стали профессор *В. М. Игнатовский* и доцент *И. Ю. Лёсик*. Университет разработал собственную программу белорусизации. Имел такую программу и каждый факультет. Наиболее детальной и рассчитанной на скорейшую реализацию была программа на педагогическом факультете. Все зачеты следовало принимать (и сдавать) на белорусском языке. Для выпускников был введен новый экзамен — на знание белорусского языка. Кто его не выдерживал, мог быть оставлен еще на один год для изучения языка.

В 1924/25 учебном году в университете велось преподавание на белорусском языке по 13 дисциплинам, а в следующем учебном году — уже по 57 учебным предметам, в том числе и на медицинском факультете. Конечно, на пути белорусизации университету приходилось решать серьезные проблемы. В первую очередь, хронически не хватало учебников на родном языке. Большие сложности возникали с использованием научной терминологии. Тем не менее университет оптимистично (возможно, слишком) заявлял о своей готовности создать в течение одного-двух лет новые оригинальные учебники на белорусском языке или осуществить их перевод с других языков.

Ориентированной на белорусскую историю была исследовательская работа преподавателей — как историков, так и представителей других гуманитарных дисциплин. Например, филологи занимались изучением различных направлений в истории литературы, языка, театра Беларуси

(*П. А. Бузук, И. Ю. Лёсик, И. В. Волк-Леванович, А. В. Богданович, И. И. Замотин* и др.). Это был плодотворный период в деятельности таких известных историков, как *В. И. Пичета, В. М. Игнатовский, М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Довгялло, И. А. Сербов* и др. Они многое сделали для разработки разнообразных тем по истории Беларуси, издания первоисточников, проведения и публикации результатов археологических, археографических и краеведческих экспедиций.

Общественная жизнь студенчества

В университете кипела общественная жизнь, нацеленная на создание и усвоение новых, советских форм и традиций. Уже 19 февраля 1922 г. состоялся первый массовый воскресник, а 21 февраля 1924 г. вместо Татьянина дня студенты праздновали День революционного студенчества. В марте 1924 г. в университете была создана организация общества «Долой неграмотность». К началу 1926 г. члены общества обучили грамоте 1015 человек, при этом продолжали обучение еще 1718 человек. Студенты активно участвовали в пропагандистских мероприятиях советской власти, разъясняя партийные директивы на предприятиях и организациях республики; организовывали митинги в поддержку внутри- и внешнеполитических решений советского правительства. Проводились так называемые «клубные недели», на которые приглашалась молодежь подшефных деревень. Белорусский государственный университет шефствовал также над пехотными командными курсами, школой милиции и даже над кавалерийской дивизией.

К общественной активности студентов подталкивали прежде всего партийные и комсомольские организации университета. Они вовлекали молодежь в работу самых разнообразных кружков и организаций, таких как: лекторский коллектив, «Авиахим», «Эсперанто», «Кружок любителей радио», «Культурная помощь деревне» и многие другие. Однако существовали и студенческие объединения полулегального характера. Первым стало «Всебелорусское студенческое объединение БГУ», в состав руководства которого входил преподаватель-историк *Ф. И. Забелло*. Объединение быстро запретили, и только по разрешению ректора В. И. Пичеты некоторое время действовал кружок по изучению анархизма как продолжатель разогнанного общества. На первых порах студенты (особенно гуманитарии) активно и с интересом включались в разнообразные диспуты на политические, философские, исторические темы. Однако быстро такие дискуссии зашли «не туда» и начались «чистки» тех, кто в своих взглядах разошелся с очерченной партийными органами «генеральной линией». Так, студент-историк *Н. Одериха* организовал кружок, где с товарищами пробовал критично анализировать политику властей. Члены кружка были

выявлены и арестованы. Известны еще несколько попыток университетской молодежи противопоставить себя официальной идеологии. В особенности это проявлялось в творчестве студентов-литераторов. Все эти попытки закончились одинаково — арестами, ссылками, тюрьмой.

Первый университетский музей — музей истории первобытной культуры и религии — открылся 3 марта 1924 г. В начале 1925 г. секретарь ЦК КП(б)Б А. И. Криницкий в статье «Задачи студенчества Беларуси» призвал студентов «высоко поднять краеведческую работу», чтобы хорошо знать «исторические условия Беларуси». В 1925/26 учебном году в университете при активном участии ректора и доцента-географа *А. А. Смолича* было организовано студенческое научно-исследовательское краеведческое общество на основе 6 студенческих краеведческих кружков, объединявших 43 члена и 27 сочувствующих. Через год было избрано его правление под председательством ректора В. И. Пичеты. До конца 1927 г. в составе общества работали 5 секций, две из которых имели историческую направленность: культурно-историческую и социально-историческую. Культурно-историческая секция работала наиболее активно по сравнению с остальными. На ее заседаниях были прочитаны доклады студентов: «История милиции», «Исследование течения реки Свислочь», «Батлейка в Минске», о результатах археологических раскопок в Заславле и другие. Несмотря на ограниченность в средствах, общество в 1926/27 учебном году организовало научную экспедицию в Туровский район Мозырского округа. Студенты вместе с преподавателями составили серьезные описания экономики края, его быта и культуры, собрали интересные исторические материалы. Ректор БГУ большое внимание уделял деятельности краеведческого общества, в частности, сам выезжал с его членами в окрестности древнего Полоцка.

Учеба, сопряженная с наукой и производством, как смысл Белорусского государственного университета

Главной обязанностью студентов, безусловно, оставались учебные занятия. Правда, в первые годы деятельности университета из-за крайне низкого начального уровня подготовки студентов при переводе с курса на курс применялась так называемая система «минимум». Принимались в расчет те обстоятельства, что молодой человек не имел возможности усвоить учебный материал «на максимум»: отсутствовали учебники, часто срывалось проведение занятий из-за участия в строительных и других общественных работах. Кроме того, многие преподаватели вели занятия буквально «с колес», так как приезжали в БГУ из Москвы и других городов на несколько дней, чтобы после быстрой «вычитки» своих учебных курсов вернуться домой к семьям и основной работе. Таким образом,

учебный процесс в университете зависел от преподавателей, работавших «наездами», от того, какими возможностями и временем они располагали. Однако постепенно картина менялась. И уже в 1926/27 учебном году около 40 % студентов смогли показать знания, отвечавшие «максимуму» требований преподавателей.

Государственные экзамены для выпускников не обходились без экзамена по науке-наук — основам марксизма-ленинизма. По окончании учебы студентов ожидала также защита дипломных работ, темы которых они выбирали на третьем курсе. После подготовки работ на соответствующей кафедре происходило их обсуждение, а затем публичная защита. При условии сдачи всех необходимых зачетов (именно зачетов, так как экзаменов просто не существовало), которые можно было сдать и после защиты, студенты получали дипломы.

В 1925 г. был подготовлен первый выпуск специалистов. Выпускнику БГУ *Владимиру Михайловичу Каракулько* выпала честь стать первым дипломированным специалистом советской Беларуси. Его дипломная работа была подготовлена по актуальной для того времени теме — «Сельское хозяйство и фабрично-заводская промышленность СССР в их рыночных взаимоотношениях». На защите работы студенту оппонировали ректор В. И. Пичета и преподаватель-экономист И. Я. Герцик. Защита носила публичный характер: в обсуждении участвовало большое количество людей, и прежде всего те, кто сам готовился защищать дипломную работу. Комиссия, заслушав все «за» и «против», решила поставить «вполне удовлетворительную» оценку и выдать В. М. Каракулько диплом под номером 1. В списке первого выпуска факультета общественных наук, а значит первого выпуска БГУ, названы фамилии 26 правоведов и 34 экономистов. В целом за пять первых лет работы университет подготовил 273 педагога, 130 юристов, 125 экономистов, 170 врачей.

Резюме. Таким образом, одним из первых постановлений советской власти, установившейся на территории Беларуси, стал декрет от 25 февраля 1919 г., в котором были определены мероприятия по созданию в Минске первого белорусского университета. Процесс его становления, прерванный польской оккупацией, был возобновлен весной 1921 г., а уже 31 октября 1921 г. состоялась первая лекция для студентов Белорусского государственного университета. В сложных условиях послевоенного времени (голод, холод, отсутствие самых элементарных бытовых условий) рождался новый университет. Тем не менее он был создан. Огромную роль в этом сыграла самоотверженная работа ректора БГУ В. И. Пичеты, широкого круга первых профессоров и преподавателей. Университет состоялся как учебное заведение классического образца, в котором и учебный процесс, и научно-исследовательская работа, и кадровый состав, и материально-техническая база, и, главное, всеобщая заинтересованность в своей работе соответствовали самым высоким современным стандартам.

Глава 8

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР (1925–1941)

Изменение университетской структуры во второй половине 1920-х – 1930-е гг.

В 1926 г. Белорусский государственный университет отметил свое пятилетие. Партийно-советские лидеры БССР высоко оценили его вклад в дело строительства социалистического государства. Руководство же самого БГУ охарактеризовало статус учебного заведения следующим образом: «...ун-т з'яўляецца ў сучасны момант вялікім культурным асяродкам Беларусі, які ня толькі падрыхтоўвае кваліфікаваных працаўнікоў для культурна-гаспадарчага адраджэння Сав. Беларусі, але і вядзе шырокую палітасветную працу. Ун-т з працягам часу стаў настолькі папулярным, што збірае ў сваіх мурах ня толькі моладзь Сав. Беларусі, але прыцягвае да сябе і закардоннікаў-беларусаў...» Однако это были только первые шаги на пути становления БГУ как центра притяжения всех интеллектуальных сил Беларуси и центра формирования этих сил. В области организации учебной и научной жизни ему предстояло решить еще много неотложных задач.

Во второй половине 1920-х гг. университетская структура претерпела изменения, отражавшие политическое и экономическое развитие БССР. В 1925/26 учебном году из четырех факультетов БГУ (рабочего, общественных наук, педагогического, медицинского) был ликвидирован один — факультет общественных наук. Вместо него открылся факультет права и хозяйства, на котором сконцентрировалась подготовка для республики экономистов и юристов. Он состоял из юридического и экономического отделений. Экономическое отделение делилось на три

цикла: административно-промышленный, кооперативный и банковско-финансовый. Будущие специалисты проходили практику в судебных и хозяйственных учреждениях республики. В 1929 г. факультет права и хозяйства разделился на два самостоятельных — ***факультет народного хозяйства*** и ***факультет права и советского строительства***. В этом же году в составе БГУ открылся новый — ***химико-технологический*** — факультет. Создание новых факультетов было вызвано необходимостью приспособления деятельности БГУ к возраставшим потребностям народного хозяйства республики.

На педагогическом факультете действовало четыре отделения: социально-историческое, литературно-лингвистическое, физико-математическое и природоведческо-историческое. В каждом отделении были белорусская, польская и еврейская секции. Факультет готовил преподавателей для школ. Например, в 1928 г. он выпустил 33 языковеда, 88 обществоведов, 60 математиков, 125 природоведов. При педагогическом факультете существовали ***научно-исследовательские институты:*** ботаники, физики, зоологии и др. На заседании Правления БГУ 5 ноября 1929 г. было решено открыть ***заочное отделение***. Первые студенты-заочники (250 человек) обучались именно на педагогическом факультете.

Медицинский факультет готовил докторов, практических работников для лечебного и санитарно-профилактического обслуживания населения, научных работников в медицинской сфере. Кроме этого, факультет разрабатывал научные вопросы охраны здоровья, вел большую исследовательскую работу в различных медицинских отраслях. Важную роль в деятельности факультета играли открытые при нем ***институты***: гистологический, биологической химии, фармакологии и фармации, Пастеровский и др. При факультете работала серия ***клиник*** — детская, психиатрическая, терапевтическая, хирургическая, акушерско-гинекологическая, кожных болезней и пр. Непосредственной целью медицинского факультета было обслуживание белорусской деревни, с которой поддерживалась тесная связь — как факультетом, так и отдельными кафедрами. Будущие доктора проходили в университете основательную подготовку, о чем свидетельствовали положительные отзывы о работе выпускников.

Рабочий факультет только за первые шесть лет своего существования подготовил к поступлению в вузы 488 человек. Из них 250 продолжили учебу в вузах БССР и других союзных республик. На факультете действовали дневное и вечернее отделения.

Потребности студентов в научной и учебной литературе удовлетворяла библиотека университета, фонды которой увеличивались год от года. На основании правительственного декрета в октябре 1926 г. на ее базе была образована Белорусская государственная библиотека. Одновременно она являлась и фундаментальной библиотекой университета.

В 1926 г. Народный комиссариат просвещения БССР инициировал подготовку ***нового Устава БГУ***. Но только 30 января 1929 г. Устав БГУ был принят. В нем определялся статус университета как высшего учебного и научно-исследовательского учреждения, воспитывающего «борцов за интересы рабочего класса и строителей социалистической культуры и хозяйства». Согласно Уставу, университет решал задачу подготовки работников высшей квалификации для разных отраслей народного хозяйства, государственного и культурного строительства. Еще одной задачей выступала подготовка научных работников и проведение исследований в тех отраслях знаний, которые изучались в университете. Устав определял подчинение БГУ Наркомату просвещения БССР. В главном университетском документе прописывался статус студентов и преподавателей, функции Правления БГУ и др. Уже в октябре 1929 г. управление университетом стало осуществляться на основе принципа единоначалия. Этот принцип предполагал персональную ответственность ректора за состояние дел в университете, а также деканов — за состояние дел на факультетах. Были расформированы советы отделений. Члены Правления БГУ и деканы назначались на свои должности.

В 1930/31 учебном году в истории университета произошло знаковое событие, получившее название ***«разукрупнение БГУ»***, которое предполагало превращение ряда факультетов в самостоятельные высшие учебные заведения. В августе 1930 г. на базе медицинского факультета был основан Минский медицинский институт. С 1931 г. ведут отсчет своей истории Институт народного хозяйства (на базе факультета народного хозяйства), Политехнический институт (на базе химико-технологического факультета), Высший педагогический институт (на базе социально-исторического и литературно-лингвистического отделений педагогического факультета), Институт советского строительства и права (на базе факультета права и советского строительства).

После разукрупнения в структуре БГУ осталось всего три факультета: физико-математический, химический и биологический. Для университета это преобразование стало его фактическим разрушением. Он был низведен до уровня спецшколы по подготовке кадров для средних учебных заведений (техникумов, рабфаков, фабрично-заводских училищ), младших научных работников, младших преподавателей вузов. Высококвалифицированных научных работников для вузов и научно-исследовательских институтов готовили только по физико-математическим и природоведческим дисциплинам. Предполагалось, что таким образом система образования в республике приводилась в соответствие с интересами исторически эфемерной «диктатуры пролетариата». Разукрупнение БГУ было вызвано не только объективными потребностями развития сферы высшего образования в БССР, но и политическими соображениями. Несколько тысяч студентов, собранных вместе, по мнению партийного руководства стра-

ны, являлись неконтролируемой и непредсказуемой массой, которая могла представлять опасность для власти.

Однако постепенно БГУ стал возрождаться, вновь приобретая классические очертания своей структуры. Ведь без гуманитарного образования университета как такового быть не может. В 1934 г. в БГУ были открыты ***исторический и географический факультеты***. С 1939 г. стал действовать ***филологический факультет*** в составе двух отделений — русского языка и литературы, белорусского языка и литературы. В этом же году закрылся рабочий факультет. Он выполнил свою задачу, подготовив за время своего существования около 2 тыс. слушателей, способных поступить в вузы СССР.

Накануне Великой Отечественной войны в университете работало шесть факультетов и 33 кафедры. Кроме того, в состав БГУ входил ботанический сад, заложенный в декабре 1930 г., зоологический, геологический и историко-археологический музеи.

Профессорско-преподавательский состав Белорусского государственного университета во второй половине 1920-х гг.

На протяжении первых шести лет существования университета состав преподавателей постоянно пополнялся. По состоянию на 1 октября 1927 г. в БГУ работало 49 профессоров, 51 доцент, 44 преподавателя, 74 ассистента, 39 ординаторов, а всего — 302 сотрудника. Из них 34 % по своей национальной принадлежности являлись белорусами, 16 % состояли в РКП(б). Костяк преподавательского коллектива составляла «старая» университетская профессура — те, кто начинал свою трудовую деятельность еще в университетах Российской империи. Белорусские власти старались создать для приезжих ученых приемлемые условия жизни и работы. В 1925 г. оклад профессора составлял от 160 до 200 рублей, тогда как оклад преподавателя — 50 рублей. Семьям научно-педагогических работников выделялось жилье, для их детей функционировал специальный детский сад. В 1938 г. профессор получал оклад уже в размере 1100—1300 рублей, доцент — 700—800 рублей, ассистент — 500 рублей.

Преподаватели обязаны были принимать активное участие в общественно-политической жизни, откликаясь на острые социальные проблемы как своей республики, так и зарубежных стран. Так, в мае 1925 г. преподаватели БГУ в знак поддержки забастовочной борьбы горнорабочих Англии постановили отчислять в фонд помощи 25 % дневного заработка, в пользу углекопов Англии — 1 %. На борьбу с беспризорностью передавались деньги, вырученные от культурных мероприятий, организованных домочадцами преподавателей. В 1928 г. клиника БГУ начала вести в Минске профилактическую работу против алкоголизма.

Со второй половины 1920-х гг. профессорско-преподавательский коллектив БГУ был вовлечен в процесс радикальных политических изменений, происходивших в стране. В СССР формировался культ личности И. Сталина, который последовательно расправлялся со своими политическими соперниками. Шло свертывание новой экономической политики, установилась однопартийная политическая система. В самой партии большевиков преследовалось проявление малейшего инакомыслия. Государственная идеология одной из своих задач ставила достижение так называемой «всенародной поддержки» политического и экономического курса, определенного И. Сталиным. А это предполагало беспощадное отношение ко всем несогласным, на которых ставилось клеймо «врага народа». На протяжении 1930-гг. в СССР набирал обороты огромный маховик репрессий, унесший жизни и сломавший судьбы миллионов людей. Политические репрессии затронули все социальные группы страны. В советских республиках был нанесен страшный удар по национальной интеллигенции. В Беларуси большие потери понесли творческая интеллигенция, политическая элита республики, крестьянство. Не стали исключением и преподаватели БГУ.

Уже в 1928/29 учебном году из университета были уволены 7 профессоров и 32 преподавателя. Это было связано с реализацией поставленной руководством страны задачи по замене «старой», а значит буржуазной, профессуры на советскую. Преподавателей увольняли с различными формулировками: «за проявление великодержавного шовинизма», «за несоответствие занимаемой должности», «за вредное освещение преподаваемых дисциплин», по обвинению в догматике. Ректор В. И. Пичета пытался противостоять увольнениям сотрудников, предупреждая Наркомат просвещения БССР о возможных негативных последствиях: «Калі ні навуковыя заслугі, ні ўкараненне на Беларусі, ні Палажэнне аб навуковых працаўніках не замацоўваюць становішча працаўніка ва ун-це, то кожны з працаўнікоў будзе думаць так: сягоння так паступілі з маімі таварышамі, заўтра са мною — трэба пакідаць ун-т».

Трагизм 1930-х годов

На рубеже 1920—30-х гг. в СССР развернулась борьба с так называемой «нацдемовщиной» и «уклонами в партии». Так, в приветствии ЦК КП(б)Б Белорусскому государственному университету в связи с его десятилетием отмечалась «мощная» роль вуза в деле развития белорусской культуры. Наряду с этим делался акцент на необходимость усиления борьбы со всеми проявлениями «классово-враждебной идеологии», с «великодержавным шовинизмом», «контрреволюционным нацдемократизмом». В ходе этой борьбы многие представители профессорско-преподавательского состава БГУ были объявлены врагами народа и репрессированы. Среди них —

академики *П. Я. Панкевич* и *Ц. Л. Бурстин,* профессора *В. К. Дыдырко, В. Д. Дружчиц, А. А. Смолич, М. Н. Пиотухович, И. И. Замотин, Н. Н. Дурново* и др. Регулярные чистки приводили к тому, что в аудиториях университета становилось все меньше квалифицированных преподавателей. Это, в свою очередь, негативно отражалось на качестве подготовки студентов.

Трагичной стала судьба всех довоенных ректоров БГУ. Фигура руководителя университета в первую очередь находилась под прицелом возможных преследований. Не остались незамеченными партийной властью независимость мыслей первого ректора БГУ Владимира Ивановича Пичеты, его принципиальность и упорный труд на ниве белорусского возрождения. Ученого арестовали в сентябре 1930 г. по «делу историка С. Ф. Платонова». Ему было предъявлено ложное обвинение в связях с белой эмиграцией, в передаче сведений «с целью ускорения интервенции против СССР». В августе 1931 г. В. И. Пичета был сослан в Вятку, в 1934 г. переведен в Воронеж, в 1935 г. освобожден. В БССР он уже не вернулся: работал в Институте истории Академии наук СССР, преподавал в Московском университете. Умер Владимир Иванович в 1947 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

На место В. И. Пичеты был назначен *Иосиф Петрович Кореневский*. Его арестовали в 1937 г. как участника «контрреволюционной национал-фашистской организации» и по приговору суда расстреляли. *Иван Федотович Ермаков*, сменивший И. П. Кореневского на посту ректора, был арестован в 1938 г. как член «контрреволюционной организации». Правда, в 1939 г. его освободили. Трагично сложилась судьба *Анания Ивановича Дьякова*, утвержденного в должности ректора после И. Ф. Ермакова: его арестовали в 1937 г. как «руководителя национал-фашистской организации» и расстреляли. Ставший в июле 1937 г. ректором *Никифор Михайлович Бладыко* был заключен под стражу уже в 1938 г. по обвинению в участии в «контрреволюционной национал-фашистской организации» и приговорен к восьми годам ссылки на Колыме. Назначенный на должность ректора в январе 1938 г. *Владимир Степанович Бобровницкий* был освобожден от нее в июле этого же года. На него было заведено «дело», но судьба оказалась к нему благосклонна. В декабре 1938 г. ректором стал *Парфён Петрович Савицкий*. Он руководил университетом и в «сходненские» военные годы, оставив должность в декабре 1946 г.

После разукрупнения БГУ его профессорско-преподавательский состав сильно сократился. В 1931 г. он включал 13 профессоров, 24 доцента, 23 ассистента. По состоянию на 1 июля 1934 г. в БГУ работало 17 профессоров и 23 доцента. Несмотря на малую численность преподавателей, «чистки» среди них продолжались. Ужасным сейчас кажется тот факт, что некоторые преподаватели писали доносы на своих коллег, а студенты — заявления на собственных педагогов. Преподавателей отстраняли от работы с такими формулировками, как «преподавание на лекциях буржуазных теорий», «подмена ленинизма революционным троцкизмом» и пр. Послед-

ствием «чисток» явилась острая нехватка квалифицированных преподавателей, которая особенно негативно отражалась на работе исторического и географического факультетов. Ректорат неоднократно предпринимал попытки пригласить в БГУ ученых из вузов Москвы и Ленинграда, но они не желали ехать в Минск. Накануне 1937/38 учебного года университет оказался в сложном положении. На географическом факультете не было ни одного ученого со званием профессора, преподавательский состав представляли ассистенты и кандидаты в доценты. То же наблюдалось на историческом и физико-математическом факультетах.

Наука как смысл деятельности университета и его подразделений

В 1938 г. численность преподавателей в БГУ увеличилась. В университете трудилось 16 профессоров и 57 доцентов и старших преподавателей, 45 ассистентов и преподавателей. Престиж профессорско-преподавательского состава БГУ возрос в связи с тем, что вновь, как и в конце 1920-х гг., несколько его профессоров были избраны академиками и членами-корреспондентами Академии наук БССР: *Т. Н. Годнев, В. Н. Перцев, Н. А. Прилежаев, Б. В. Ерофеев, М. П. Томин*. Их имена вошли не только в историю университета, но и в историю Беларуси как символ высокого профессионализма, творчества, служения науке и образованию.

Несмотря на периодические «чистки», сложные бытовые условия жизни, слабую материальную базу университета, фактический распад научно-педагогического коллектива после его разукрупнения, преподаватели активно занимались научными исследованиями. Именно это позволило БГУ оставаться центром научной жизни в республике. Еще в 1924 г. было основано ***Научное общество БГУ*** (*НО*). В состав его первого правления вошли В. И. Пичета, Н. М. Никольский, Н. А. Прилежаев, М. О. Гредингер, И. В. Герчиков. Задачами Научного общества являлись организация проведения исследований, разработка проблем в различных научных отраслях, популяризация научных знаний и др.

В составе Научного общества БГУ появились такие секции, как социально-историческая, литературно-языковедческая, юридическая, природоведческая, математическая, медицинская, педагогическая. Заседания секций были открыты для всех, кто интересовался обсуждавшимися проблемами, практиковались публичные лекции. Природоведческая секция, например, сотрудничала с преподавателями и учеными почти всех учреждений Минска, врачами городских клиник и больниц. Историки в составе социально-исторической секции распространяли в массах знания по всеобщей, российской и белорусской истории. Несколько десятков публичных лекций прочитал сам ректор — В. И. Пичета. Члены НО участвова-

ли в разработке новых принципов организации и оценки научного труда. Сложилось тесное сотрудничество с Инбелкультом, в состав которого входили практически все активные члены НО.

Во второй половине 1920-х — 1930-е гг. научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава организовывалась не только в рамках НО БГУ, но в первую очередь через университетские ***научные институты***: физики, социальной и экспериментальной гигиены, судебной медицины, нормальной и патологической анатомии, педагогики и педологии (занимался преимущественно изучением вопросов интернационального и атеистического воспитания) и др. Кроме того, действовало большое количество отдельных ***научных лабораторий***: неорганической и органической химии, зоологическая, анатомии и физиологии и др.

Важными формами научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава в 1920—30-х гг. являлись научные контакты с зарубежными учеными, научные публикации и участие в республиканских, союзных и международных конференциях и съездах. Сам университет нередко выступал организатором конференций и съездов. В его стенах состоялись I Всебелорусская физико-математическая конференция, I Всебелорусская научно-педагогическая конференция по естествознанию, Всебелорусская литературно-лингвистическая конференция, Всебелорусская психолого-педагогическая конференция, I Всебелорусский съезд хирургов и гинекологов, I Всебелорусская конференция историков и др.

Общение с исследователями-иностранцами значительно ограничивалось напряженными отношениями СССР с капиталистическими странами. И хотя наука не знает границ, самые тесные научные связи у преподавателей БГУ были налажены с учеными стран — ближайших соседей: Польши, Литвы, Чехословакии, Германии. Контакты поддерживались через регулярные научные командировки профессоров и преподавателей. Командировки дали возможность ряду университетских работников начать либо завершить свои научные труды. Белорусский государственный университет обменивался научными изданиями с университетами и научными учреждениями Польши, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Германии, Франции, Англии, США и даже Японии. Укреплялись творческие связи с Краковской академией наук, Обществом имени Т. Г. Шевченко во Львове, Варшавским научным обществом, Виленской публичной библиотекой, Институтом славянской филологии в Париже, Славянским институтом в Лондоне и др. Ученые БГУ принимали регулярное участие в международных конгрессах.

Во время работы в университете многие преподаватели подготовили и опубликовали серьезные монографии, некоторые из научных трудов были опубликованы и за рубежом. Профессиональное и общественное осмысление научно-исследовательской деятельности университетских преподавателей осуществлялось и через публикацию полученных результатов в университетском периодическом издании «***Труды Белорусского государственного***

университета»: первый номер издания увидел свет в апреле 1922 г. До 1930 г. вышло 25 выпусков. Затем ректорат решил издавать «Труды БГУ» отдельными сборниками по факультетам. В результате в 1939—1940 гг. выходили «Ученые записки Белорусского государственного университета» в нескольких сериях: исторической, физико-математической, филологической.

Преподаватели БГУ разрабатывали научные темы как прикладного, так и фундаментального характера. После временного спада научной активности в начале 1930-х гг., что объяснялось трагическими причинами, число тем стало возрастать на протяжении второй половины 1930-х гг. Так, если в 1937 г. реализовывалось 50 научных тем, то на 1941 г. было запланировано 72. Полученные результаты находили практическое применение. Например, ряд сконструированных аппаратов (термостат для транспортировки крови, прибор для непрерывного контроля сушки древесины и др.) использовались в народном хозяйстве республики. Перспективные методики внедрялись в кожевенную, деревообрабатывающую, металлургическую отрасли промышленности, в строительство и мелиорацию.

В 1927 г. университет получил право принимать к защите докторские диссертации. Первая докторская диссертация была защищена доцентом кафедры оперативной хирургии *Е. В. Корчицем*.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, в 1940 г., в БГУ работало 17 профессоров, 41 доцент, 42 старших преподавателя, 28 преподавателей и 23 ассистента. Несмотря на произошедшие в конце 1920 — начале 1930-х гг. необоснованные увольнения, репрессии по отношению к ряду преподавателей и членов их семей, ослабление университетской корпоративной этики, коллектив БГУ сохранился и продолжал учебную и научно-исследовательскую работу. С именем университета связана деятельность Я. Коласа, З. Бядули, выдающегося военачальника Г. К. Жукова. Далеко за пределами БССР были известны фамилии академиков Н. М. Никольского (древняя история), В. Н. Перцева (история средних веков), Т. Н. Годнева (физиология растений), О. М. Липатова (коллоидная химия), доктора литературоведения Е. В. Петухова, доктора биологических наук М. Е. Макушка и др.

Студенты БГУ во второй половине 1920-х — 1930-е гг.: быт, заботы, проблемы

В 1927/28 учебном году в БГУ обучалось 2672 студента. По социальному составу 15 % относилось к рабочим, 32 — к крестьянам, 41— к служащим и 12 % — к представителям других социальных групп. По национальной принадлежности преобладали белорусы — 54 %, евреи составляли 37,5 %,

русские — 5, поляки — 1,5, представители других национальностей — 2 %. Характерен рост численности студентов-белорусов в течение пяти предыдущих лет (в 1922 г. их было всего 28,6 %). В гендерном отношении среди студентов преобладали мужчины — 63 %, женщины составляли 37 %. Среди студенчества 19 % являлись комсомольцами, 13 % — членами РКП(б).

Во второй половине 1920-х гг. в стенах БГУ стали проводиться так называемые «чистки» студентов. В 1924/25 учебном году в университете приступили к реализации решения XIII съезда РКП(б) и постановления СНК БССР о сокращении контингента учащихся. Отчисляли студентов за неуспеваемость и по социальному происхождению. Так, из 1030 студентов, обучавшихся на факультете общественных наук, исключили 496 человек, т. е. 48 % от общего состава. На педагогическом факультете из 919 студентов исключили 344 (более 37 %). На медицинском факультете численность студентов сократилась на 23 %. В результате «чисток», во-первых, снижалось число студентов, не имевших рабоче-крестьянского происхождения, во-вторых, сокращалось представительство национальных меньшинств. Данный процесс вошел в историю под названием «***пролетаризация БГУ***». В 1928—1929 гг. «пролетаризация» получила невиданный размах. В это время газеты пестрели заголовками: «Вынікі праверкі студэнтаў ВНУ БССР», «Чуждый элемент получает стипендию в БГУ», «Пролетарское студенчество дает отпор национал-шовинистам» и т. д.

После разукрупнения БГУ численность студентов сильно упала — в университете осталось учиться всего 437 человек. На 1 июля 1934 г. в его стенах находилось 525 студентов. Администрация стремилась увеличить количество студентов, но приемную кампанию 1935 г. осложнило постановление ЦК КП(б)Б, согласно которому руководители вузов несли персональную ответственность за каждого принятого студента. Причем речь шла не об уровне знаний, а о социальном происхождении абитуриентов. Дорога в БГУ открывалась только перед людьми пролетарского происхождения. После зачетов поступавшего вызывали на заседание приемной комиссии, которая в беседе его «прощупывала», подчас выявляя «личностей из классово чуждых элементов, пробовавших пролезть в БГУ». Да и в ходе обучения практиковались исключения с разных курсов, причем студенты нередко сами писали доносы на своих товарищей. Парторгов факультетов принуждали использовать своих собеседников в качестве информаторов о настроениях в общежитиях. В середине 1930-х гг. исключали за «утаивание социального происхождения», «одобрение врагов пролетариата Зиновьева и Каменева», «распространение контрреволюционных анекдотов» и т. д.

Тем не менее численность студентов в университете постепенно возрастала, так как увеличивалось число факультетов и специальностей. К 1938 г. она достигла 1249 человек. В 1940/41 учебном году в БГУ училось 1337 студентов. Чуть больше половины (51,6 %) составляли белорусы.

Материальное положение студентов во второй половине 1920-х — 1930-е гг. было сложным. Важным подспорьем являлась стипендия: в 1927 г. ее получали 1037 человек. Размер стипендии составлял 15 рублей, на рабфаке — 17 рублей. Этих денег едва хватало для удовлетворения минимальных потребностей в пище и одежде. Вместе с тем уже с самого начала деятельности БГУ его студенты пользовались рядом льгот. Учащаяся молодежь помогала друг другу через профсоюзную организацию, проявляя студенческую корпоративную самостоятельность. Так были открыты дешевые студенческие столовые. С 1926 г. ими стало заведовать Правление БГУ, прикладывавшее максимум усилий для улучшения питания студентов. На каждом факультете работала касса взаимопомощи. Ее члены вносили ежемесячный взнос. Из сформировавшейся кассы взаимопомощи член общества мог получить либо ссуду, либо безвозвратное пособие. С 1 января 1934 г., согласно постановлению СНК БССР, для студентов устанавливались скидки на билеты в кино (40 %) и в театр (50 %), бралась 10-копеечная плата за проезд в трамвае. Студенты имели право на 50-процентную скидку при оплате железнодорожных билетов во время каникул и практики. В середине 1930-х гг. около 75 % студентов БГУ получали стипендию в размере 70—80 рублей на 1-м курсе и до 130 рублей — на 4-м курсе (в зависимости от успеваемости). По-прежнему хорошим подспорьем для студента являлось дешевое питание в студенческой столовой (например, обед стоил 70 копеек).

Самой сложной проблемой для иногородних студентов была жилищная. К 1927 г. руководство университета значительно продвинулось в ее решении. Общежитием были обеспечены все студенты рабочего факультета. Кроме этого, в интернате предоставлялись места для 500 обучавшихся на других факультетах. Во время строительства университетского городка ситуация с жильем вновь обострилась. Из-за отсутствия свободных мест в общежитиях студенты ночевали в скверах и на вокзале. Не решилась данная проблема и после завершения строительства университетского городка. Здания под общежития то предоставлялись, то отбирались Минским горсоветом. Чаще всего они не были приспособлены для проживания студентов.

В 1934 г. по инициативе ректора *В. Н. Дьякова* под студенческое общежитие был отдан физкультурный зал университета. Однако студенты продолжали жаловаться на тесноту и неприспособленность помещений (в среднем на одного человека приходилось 3,75 м^2 жилой площади). В то же время в ходе проведенной проверки выяснилось, что студенты неделями не убирали свои комнаты, вечерами, вместо того чтобы готовиться к занятиям, устраивали танцы. Разумеется, были приняты «твердые административные меры», и положение в общежитиях вошло в установленное русло.

К 1937 г. в очередной раз обострилась ситуация с проживанием студентов. В выделенном Минским горсоветом доме под общежитие БГУ не

было воды и электричества. Многие студенты не выдерживали «спартанских» условий быта и бросали учебу. Ректор Н. М. Бладыко даже вынужден был под жилье студентов отдать все общественные помещения. Кроме того, была сделана попытка увеличить прием заочников, что предполагало снижение нагрузки на общежития. Настоящим ударом для студентов стало постановление СССР (октябрь 1940 г.), в соответствии с которым вновь вводилась плата за обучение в вузах. На дневном отделении плата за полугодие составляла 200 рублей, на заочном отделении — 100 рублей. Те, кто не мог заплатить, подлежали исключению.

Студенты БГУ в общественно-политической жизни страны

Несмотря на все сложности, бытовую неустроенность, студенты БГУ, как и во все времена, вели активную, насыщенную делами жизнь. В 1920—30-х гг. они участвовали в реализации важных социальных проектов. С 1924 г. при университете действовала организация общества «Долой неграмотность». В течение 1926 г. студенты привлекались к работе 200 пунктов по ликвидации неграмотности. Позже они помогали в организации колхозов, работали в просветительских кружках, шефствовали над детскими домами беспризорных, над деревнями. Например, в 1929 г. студенты собрали для подшефных деревень 2,5 тыс. рублей, закупили шесть библиотечек с литературой по сельскому хозяйству, отремонтировали сельскохозяйственный инвентарь, организовали показательные огороды.

Студенчество поддерживало международное рабочее движение. Так, в октябре 1928 г. было принято решение отчислить в фонд помощи бастующим рабочим Лодзи (Польша) 30 % своей стипендии. В мае 1929 г. более 700 комсомольцев сделали отчисления из стипендии в пользу жертв расстрела демонстрантов в Берлине. В августе этого же года студенты, узнав о событиях на Китайско-Восточной железной дороге, отдали 2 % стипендии в пользу красноармейцев-дальневосточников, а также организовали студенческий полк в количестве 150 человек. На их добровольные пожертвования был построен самолет «Красный студент». В 1930 г. комсомольцы БГУ постановили отчислять от стипендии 1 % для оказания помощи жертвам фашизма.

Молодежь наладила выпуск студенческих газет «Голас рабфакаўца», «Красный студент», «Беларускі студэнт», студенческих журналов «Чырвоны сцяг», «Шлях студэнцтва». Эти издания, как и многочисленные стенгазеты, создаваемые на факультетах, подготовили почву для выпуска в 1929 г. многотиражной университетской газеты, название которой до 1941 г. не раз менялось — «***Ленінскім шляхам***», «***За пролетарские кадры***», «***За ленінскія кадры***».

На факультетах действовали различные общественные организации, имевшие общеуниверситетские руководящие органы. Ведущую роль в жизни студентов играли комсомол и профсоюз. Численность комсомольцев в университете постоянно росла. Если в 1926 г. их насчитывалось 359, то в 1930 г. — уже 740 человек. В 1936 г. 920 членов объединяла организация Осоавиахима БГУ (Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству), из них 410 были «ворошиловскими стрелками». Университетская организация МОПР (Международная организация помощи борцам революции) в 1937 г. насчитывала около 5 тыс. человек.

Внеучебная жизнь в стенах университета протекала в форме различных мероприятий. Устраивались встречи с большевиками, участниками Гражданской войны, рабочими, колхозниками, летчиками, а также деятелями культуры, литературы и искусства. Живой интерес вызывали интернациональные встречи — с зарубежными коммунистами, антифашистами. Студенты организовывали обсуждения новых книг, кинофильмов, спектаклей. На факультетах была широко развернута художественная самодеятельность: студенческая театральная труппа давала представления для рабочих и красноармейцев, действовали кружки народных танцев, домровый, хоровой (под руководством композитора Н. Соколовского) и др.

В предвоенные годы в стенах университета активизировалась спортивно-оборонительная работа. Среди молодежи стал востребованным лозунг «Каждому комсомольцу — военную специальность!». В БГУ действовали спорткружки, организовывались спортивные олимпиады, военизированные походы, вело- и мотопробеги. Студенты готовились по комплексу ГТО («Готов к труду и обороне») I и II степени, ПВХО («Противовоздушная и противохимическая оборона»), ГСО («Готов к санитарной обороне»). Большой популярностью пользовались курсы пилотов, открывавшиеся при аэроклубах; школы мотоциклистов, автомобилистов, стрелков, пулеметчиков, химиков, санитаров, парашютистов; спортивные школы и секции. В университете стали ежегодно проводиться оборонно-физкультурные соревнования. Команда БГУ занимала первые места на городских стрелковых соревнованиях, на городских лыжных соревнованиях по буксировке за автомашиной. В 1939 г. БГУ занял первое место среди вузов по оборонительно-массовой работе. В 1938—1939 гг. в стенах университета было подготовлено более 800 «ворошиловских стрелков», 1539 значкистов ПВХО, 52 конника, 170 водителей автомобиля, 130 мотоциклистов, 280 парашютистов. На волне успехов ***«военизации»*** возникла идея охватить ею 100 % студентов и преподавателей и превратить БГУ в «крепость обороны».

Таким образом, выпускник БГУ в предвоенный период проходил подготовку не только как специалист в своей области, но и как общественник, политически грамотный советский гражданин, физически и идейно подготовленный к защите свой социалистической родины.

В целом за 20 довоенных лет университет подготовил ***5240 специалистов***. Из его стен вышли известные ученые. В БГУ сформировалась плеяда выдающихся белорусских поэтов и писателей: *К. Крапива, П. Трус, А. Дудар, Т. Кляшторный, П. Бровка, П. Глебка, А. Сологуб, М. Лужанин, С. Дорожный, Н. Чернышевич, Н. Хведорович* и др.

Совершенствование учебно-методической работы во второй половине 1920 — начале 1930-х гг.

Развитие советской высшей школы в 1920-х гг. характеризовалось поиском оптимальных учебно-методических решений в области организации учебного процесса, подготовки за короткий срок грамотных советских специалистов. Не составлял исключения и БГУ, хотя содержание его учебных планов во второй половине 1920-х гг. определялось не только потребностью в специалистах, но и возможностями преподавателей. Для учебных планов была характерна многопредметность, что мешало углублению знаний по основным специальностям. Например, будущие физики и математики обязаны были изучать анатомию и физиологию человека, педологию, историю классовой борьбы, государственное право, географию Беларуси, систему народного образования, историю белорусской и польской культур.

Каждый год учебные планы, в силу ряда причин, значительно менялись. Составлявшие их предметные комиссии, которые действовали на каждом факультете, стремились не только минимизировать последствия нехватки кадров, командировок преподавателей, но и следовать научно-методическим новациям в советской высшей школе. Приходилось учитывать и требования «сверху» к подготовке не просто интеллигенции, а пролетарских специалистов. К преподаванию привлекали партийных и государственных деятелей. Например, будущим экономистам читал лекции белорусский партийный лидер В. Г. Кнорин, а курс белорусской истории — заместитель наркома просвещения В. М. Игнатовский, социологию — еще один замнаркома С. З. Каценбоген.

В 1920-е гг. учебный процесс в БГУ организовывался с учетом дореволюционного опыта. Кадровый состав в большинстве своем был представлен профессорами и преподавателями «старой» закалки, которые работали еще в дореволюционных российских университетах. Первый ректор БГУ В. И. Пичета неоднократно заявлял о необходимости применять на практике лучшие достижения дореволюционной высшей школы. Непосредственно влияли на учебный процесс и его личные предпочтения. Так, он выступал против экзаменов, полагая, что они излишни для студентов, хорошо занимавшихся на протяжении учебного года. Некоторое время в университете доминировали зачеты как форма контроля знаний.

Вместе с тем в советской высшей школе шел поиск новых форм и методов преподавания. Его стимулировали и развитие педагогической науки, и интересы студентов, многие из которых совмещали учебу и работу, и потребности советского народного хозяйства в специалистах. Так, одно время первоочередной задачей было доскональное изучение учебной дисциплины за более короткий срок. Ее решение виделось через углубление междисциплинарных связей, опору на твердое расписание занятий, но осложнялось тем, что в БГУ не существовало четких временных рамок семестров и сессий. Многие занятия проводились стихийно, так как расписание «подгонялось» под профессоров, приезжавших в Минск читать лекции, причем достаточно нерегулярно.

В 1927 г. учебные планы были пересмотрены в связи с началом кампании за повышение академической успеваемости. В планах ликвидировалась многопредметность, усиливалось внимание к практическим занятиям. Контроль знаний по-прежнему проводился по зачетной системе, которая отличалась от современной. Практиковалось деление на зачеты-max и зачеты-min. В целом студенты относились к зачетам как к формальной повинности, показывали достаточно низкий уровень подготовки. Слабая успеваемость во многом определялась излишней учебной нагрузкой. Так, студенты педагогического факультета сдавали до 50 зачетов в год. На изучение же одной дисциплины уходило не более трех недель (а иногда и три дня).

С 1929 г. сущность учебного процесса в высшей школе стал определять лозунг «За форсированную подготовку пролетарских кадров!». Часть дисциплин была отдана студентам для самостоятельного изучения, некоторые курсы осваивались коллективно, без участия преподавателя. В университете не приветствовалось строгое отношение к студентам на зачете. Излишне принципиальные преподаватели даже получали замечания за это. В результате снижалась объективность в индивидуальной оценке знаний студентов. Когда в 1929 г. в БГУ возникло заочное отделение, преподаватель должен был уметь объективно оценивать знания студентов по дисциплине во время конференции заочников.

Все эти «новации» не только не содействовали повышению качества подготовки студентов, а напротив, его ухудшали. Отрицательно влияли на подготовку будущих специалистов «чистки» среди преподавателей и студентов. Нельзя не учитывать и слабый уровень подготовки поступавших в университет, характерный в первую очередь для детей рабочих и крестьян, нормы приема которых увеличивались Наркоматом просвещения. Низкие показатели успеваемости фиксировались и среди студентов — комсомольцев и членов партии, которые участвовали в определении кандидатур на исключение из вуза и, пользуясь этим, настаивали на уменьшении для себя норм учебной нагрузки.

В 1930 г. были упразднены предметные комиссии, подчинявшиеся Правлению БГУ и руководившие учебным процессом на факультетах.

Центром учебно-методической работы стала кафедра. До сих пор кафедры университета являются сердцем не только учебно-методической, но и научной работы. В 1936 г. в БГУ работали 23 кафедры, в 1941 г. их число достигло 33.

В начале 1930-х гг. учебный процесс претерпел ряд изменений, незамедлительно сказавшихся на качестве подготовки выпускников. В 1929/30 и 1930/31 учебных годах учебные планы и программы подверглись очередным изменениям. В основу учебного процесса был положен семинар как форма занятий в высшей школе. Посещение лекций приобрело необязательный характер. Отменялись зачетная система проверки знаний, подготовка дипломных работ. Вводился непрерывный учебный год (без каникул). Ведущим методом преподавания стал так называемый бригадный. Поток студентов делился на бригады по четыре-пять человек, которым преподаватель читал вступительную обзорную лекцию. Затем каждая бригада получала задания, которые выполнялись коллективно. Проходили бригадные консультации, преподаватель проверял знания студентов. Изучение курса завершалось заключительной беседой.

Бригадный метод обладал рядом недостатков. Прежде всего, он требовал наличия аудиторий для занятий каждой бригады. Кроме того, использование этого метода не давало возможности обеспечить высокий уровень усвоения теоретических знаний — студенты просто заучивали параграфы учебников, которых на всех не хватало. Роль преподавателя была сведена до уровня простого репетитора, хотя консультации бригад не позволяли контролировать каждого студента и дифференцированно оценивать его знания. Постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. лабораторно-бригадный метод обучения был осужден. Срок обучения в вузах увеличивался до пяти лет. Вводились новые учебные программы и планы, согласно которым в основу учебного процесса легли лекции, семинары и лабораторная практика. В вузы возвращалась практика подготовки дипломных работ, темы которых должны были отражать «актуальные проблемы социалистического строительства».

Новые эксперименты с учебным процессом

Ректорат БГУ 1 октября 1932 г. ввел твердое расписание занятий: учебный год состоял из 50 учебных недель. В зависимости от курса устанавливалось время обучения, каникул, сессий, защиты дипломных работ. Учебный год делился на два семестра с двумя сессиями. Вводилась шестидневная рабочая неделя — воскресенье являлось единственным выходным днем и для преподавателей, и для студентов. В университете вступили в силу «Правила внутреннего распорядка и нагрузки студентов», созданные в целях укрепления дисциплины. В частности, они регулировали нор-

мы времени на аудиторную, самостоятельную (3 часа в день), общественную работу студентов, устанавливали продолжительность академического часа (50 мин). Правила запрещали проводить во время занятий собрания и общественные мероприятия, курить в помещениях, находиться в аудитории в верхней одежде и калошах.

Реализовать новшества в полном объеме оказалось непростой задачей. Так, продолжительность уже 1932/33 учебного года была сокращена на 15 %. Студентов постоянно отрывали не только от самоподготовки, но и от аудиторных занятий. Они помогали советской деревне убирать урожай, организовывать колхозы. «Твердое» расписание пересматривалось ежемесячно, а на рабочем факультете — еженедельно. Не смогли исправить ситуацию ни производственные совещания студентов, ни взятый курс на социалистическое соревнование и ударничество. Не принесли ожидаемого эффекта июньско-июльские конференции, благодаря которым планировалось решать все сложные вопросы подготовки студентов на заочном отделении.

В 1933 г. сложилась катастрофическая ситуация с набором студентов. На трех основных факультетах университета для абитуриентов было выделено 225 мест (и 400 — отдельно на рабфаке), но подали заявления только 129 человек. После популяризации университета в печати, вербовки абитуриентов в городах Беларуси удалось зачислить 170 человек. Таким образом, предпринимавшиеся на рубеже 1920—30-х гг. попытки реформирования организации учебного процесса оказались провальными. Разукрупнение БГУ только усугубило ситуацию.

Знаковым в жизни БГУ стало решение о превращении его в ведущее учебное и научное учреждение Беларуси, принятое СНК БССР в мае 1934 г. Обучение было организовано согласно первым типовым учебным планам, подготовленным Наркомпросом. Общественная работа студентов не должна была мешать обучению. На изучение специальных и общенаучных дисциплин отводилось 80 % учебного времени. Появились такие новые дисциплины, как педагогика и общая методика преподавания. С 3-го курса начиналась специализация. На 1-м и 2-м курсах студенты стали проходить академическую, а на 3-м и 4-м — производственную практику. В июне 1936 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в очередной раз модернизировавшее учебный процесс в высшей школе. Были скорректированы нормы учебной нагрузки: на 3—4-м курсах вводился один день для самостоятельной работы, на 5-м курсе — два дня. Отменялся текущий учет успеваемости, а знания студентов оценивались в ходе зачетов и экзаменов. Выпускники вместо защиты дипломной работы должны были сдавать государственные экзамены.

Преподаватели БГУ с оптимизмом восприняли вводимые новшества, особенно отмену порядком надоевшего текущего контроля знаний. Вместе с тем о практике репетиторства, «прожевывании» пройденного материа-

ла, «вытягивании» отстающих студентов единого мнения не сложилось. Так, радикально настроенные преподаватели биологического факультета предлагали отказаться от всех обозначенных методов, что, по их мнению, позволило бы активизировать работу преподавателей и освободить время для самостоятельной работы студентов. Часть преподавателей, напротив, настаивала на дальнейшем применении методов репетиторства, «проработок», считая их необходимыми на младших курсах из-за слабой подготовки абитуриентов.

Проблемой для университета с середины 1930-х гг. являлась плохая посещаемость студентами аудиторных занятий. В 1937/38 учебном году ситуация обострилась. В осеннем семестре пропуски составили 17 020 часов, из них по неуважительным причинам — 5838 часов. После зимних каникул 1/9 часть студентов опоздала к началу занятий на несколько дней. В университете развернулась дискуссия о том, как сделать лекции привлекательными и полезными для студентов, поднять их уровень. Некоторые преподаватели предлагали отменить обязательное посещение лекций, полагая, что у хорошего лектора в аудитории всегда будут сидеть слушатели. Администрация же пошла по пути укрепления учебной дисциплины, благодаря чему количество пропусков снизилось. Однако решить проблему полностью в довоенный период не удалось.

Напротив, определенных успехов достигла «борьба за успеваемость», которая начала разворачиваться с 1935 г. Качеством подготовки выпускников все больше интересовались в научных кругах и промышленности. В 1941 г. количество отличных и хороших оценок на государственных экзаменах составило 56,5 %, в весеннюю экзаменационную сессию — 64 %.

Сложным для руководства и профессорско-преподавательского состава БГУ оказался и процесс привлечения студентов к научно-исследовательской работе. На факультетах были организованы студенческие научные общества, но студенты неохотно в них участвовали. Сказывались и невысокий уровень знаний многих студентов, и материально-бытовые проблемы, вынуждавшие подрабатывать в свободное от занятий время. В середине 1930-х гг. и сами студенты, и преподаватели констатировали застой в области студенческой науки. Научные кружки существовали не при всех кафедрах. На заседаниях действовавших кружков преобладали доклады реферативного характера. Слабо разворачивалась самостоятельная экспериментальная и исследовательская работа. Студенты-отличники кружки практически не посещали.

Наиболее инициативные преподаватели искали пути оживления студенческой науки, предлагая как принудительные меры (например, исключение из отличников молодых людей, не занимавшихся наукой), так и поощрительные (премирование преподавателей за руководство кружками, студентов — за участие в них, публикация сборников лучших студенческих работ и др.). В 1930-х гг. наиболее активные студенты вели экспериментальную работу в лабораториях. Результатами трудов как

студентов-естественников, так и гуманитариев стали выступления на общеуниверситетских научных сессиях, участие в конкурсах на лучшую студенческую работу, публикации исследований в «Трудах БГУ».

Для поддержки наиболее талантливых выпускников и в целях подготовки собственных научных кадров в 1927 г. в БГУ открылась аспирантура. К началу Великой Отечественной войны ее окончили 98 человек, еще 60 продолжали учиться. С 1937 по 1941 г. 39 выпускников БГУ защитили кандидатские диссертации. В 1941 г. 60 представителей профессорско-преподавательского состава являлись выпускниками университета.

В 1938 г. руководство страны поставило перед высшей школой две ключевые задачи — по подготовке новых советских учебников и по укреплению учебной дисциплины. Новый ректор БГУ П. П. Савицкий выдвинул требование о необходимости развертывания социалистического соревнования среди преподавателей и студентов. Были продолжены поиски эффективных форм и методов преподавания, причем как преподавателями, так и студентами. Велись дискуссии по соотношению обязательной аудиторной и самостоятельной работы студентов, по учебно-методическим параметрам лекций, по направлениям сближения академических занятий и практических потребностей социалистического производства. Совершенствование учебно-методической работы объективно содействовало повышению качества учебного процесса. Большую роль сыграло и укрепление учебной дисциплины студентов: посещение лекций строго контролировалось. В студенческой среде развернулась борьба с пьянством, кражами, хамством, грубостью. Одним из положительных последствий предпринятых усилий стал рост привлекательности БГУ в глазах абитуриентов (в 1938 г. конкурс для поступавших составлял два человека на место).

Очередной попыткой укрепить позиции родного языка в БГУ стало решение Ученого совета, созванного в марте 1941 г. по инициативе ректора П. П. Савицкого. Ректор был возмущен тем, что в последние два года делопроизводство велось на русском языке. Совет постановил перевести на белорусский язык ведение делопроизводства, общественной работы, выпуск стенгазет, а в следующем учебном году преподавать часть дисциплин по-белорусски. К сожалению, реализации планов ректора и решений Ученого совета помешало начало Великой Отечественной войны.

Университетский городок: надежды и огорчения

Для любого вуза важными являются вопросы материального обеспечения. И хотя самый сложный для БГУ период становления к середине 1920-х гг. оказался позади, проблем материального плана, требовавших решения, осталось много. На протяжении всего довоенного периода остро

ощущалась нехватка помещений. Изначально факультеты разместились в зданиях, принадлежавших до революции учебным заведениям (коммерческому училищу, мужской гимназии, духовной семинарии, женскому духовному училищу), военному госпиталю, губернской земской больнице и др. Многие из этих зданий располагались в районе современной улицы Кирова (до 1922 г. — Магазинная), которая до 1934 г. имела название ***Университетской***. В течение нескольких лет университету передали еще ряд зданий, а также в 1926 г. построили корпус для физико-математического отделения педагогического факультета (сейчас — здание ректората). Однако проблему нехватки помещений решить не удалось. Так, факультеты педагогический и общественных наук занимались в зданиях 14 школ вместе с учениками, медицинские кафедры находились в общежитии. Ощущался острый недостаток учебного оборудования, пособий. В. И. Пичета не раз поднимал перед властями вопрос о необходимости возведения комплекса зданий, в котором разместились бы все структурные подразделения разраставшегося БГУ: в 1927 г. в его составе действовало четыре факультета, обучалось 2900 студентов.

Наконец, в феврале 1926 г. среди архитекторов Минска был объявлен конкурс на проект здания университета, в котором одержали победу *И. Запорожец* и *Г. Лавров*. В мае 1927 г. VIII Всебелорусский съезд Советов принял решение о строительстве университетского городка. Под застройку городские власти выделили участок в районе улиц Советской, Ленинградской, Бобруйской и прилегавших к ним переулков. Размещавшийся в обозначенном районе частный сектор подлежал сносу. Согласно утвержденному проекту, предусматривалось строительство 12 корпусов (главного аудиторного, природоведческого, химического, медицинского, анатомического, астрономического, терапевтической и хирургической клиник и др.), студенческого общежития на 1200 мест, двух домов под квартиры преподавателей и еще двух — для университетских работников, а также оранжереи, бани, прачечной, гаража. Под строительство университетской библиотеки, четырехсоттысячный фонд которой не помещался на занимаемых площадях, отдали участок между улицами Красноармейской и Университетской.

Не только радость, но и неприятные хлопоты принесла коллективу университета и студентам стройка. Не дожидаясь ее окончания, БГУ стали выселять из занимаемых помещений. Между тем возведение объектов затягивалось. Не помогали и периодические субботники с участием студентов. Первоначальный архитектурный проект пришлось менять, отказываясь от наиболее затратных решений. Несмотря на удешевление стоимости строительства (первоначальная смета составляла огромную сумму — 6,4 млн рублей), денег в республике на его завершение все равно не хватало. В 1930 г. расходы на стройку пришлось включить в союзный бюджет.

Долгожданное открытие университетского городка было приурочено к 13-й годовщине Октябрьской революции. Однако это важное для истории университета событие быстро потеряло свою значимость. Во-первых, ряд зданий получили самостоятельные вузы, выделившиеся из состава БГУ в ходе его разукрупнения. Во-вторых, эти вузы и БГУ заняли только часть сданных в эксплуатацию площадей. Управление городком сконцентрировалось в руках отдельной самостоятельной администрации. Тем самым университет стал всего лишь одним из пользователей нового комплекса зданий.

Совсем скоро БГУ стал ощущать нехватку помещений — еще более острую, чем до начала строительства. Расписание страдало из-за срыва занятий в холодное время года, когда не хватало топлива для обогрева зданий нового университетского городка. Ухудшилось положение иногородних студентов, после того как городской совет Минска забрал у БГУ несколько общежитий. Половина студентов проживали в бараках, расположенных в районе частного сектора за железнодорожным вокзалом. В 1939 г. университет занимал на территории городка три корпуса — биологический (современный геофак), химический (современный НИИ ядерных проблем) и физико-математический (современный ректорат). Так, в биологическом корпусе были сконцентрированы биологический, исторический, рабочий факультеты, вся администрация, библиотека и студенческие организации. Студенты истфака вынужденно занимались в химических лабораториях и зоологическом музее.

В июле 1940 г. ректор П. П. Савицкий обратился к председателю СНК СССР с целью недопущения дальнейшего сокращения базы БГУ. Главный корпус, в котором занимались студенты-гуманитарии, собирались передать военным. Прачечная, душ и медпункт изымались в пользу радиозавода. СНК БССР намеревался занять часть химического корпуса. В общежитиях университета не хватало мест для более чем половины студентов нового приема. Лучшее общежитие передавали виленским трудящимся. К концу 1930-х гг. БГУ ощущал настоятельную потребность в отдельном комплексе зданий, который не только мог снять проблемы организации учебного процесса и создания приемлемых условий для проживания студентов, но и стать средоточием формировавшихся традиций передового советского вуза.

Резюме. В целом Белорусский государственный университет внес весомый вклад в развитие сферы высшего образования, науки и культуры довоенной БССР. Для современников он являлся ведущим высшим учебным заведением республики. Правительство Беларуси неоднократно отмечало заслуги университета в развитии народного хозяйства и научной жизни. С 1921 по 1941 г. из стен вуза вышло 3 тыс. специалистов. На базе БГУ был создан ряд вузов и исследовательских институтов республики.

Глава 9

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1941–1953)

Оккупация Минска и разграбление Белорусского государственного университета

В марте 1941 г. СНК БССР принял решение о праздновании в июле 20-летнего юбилея БГУ. Последние приготовления к торжеству закончились 21 июня, а утром 22 июня началась Великая Отечественная война. Территория Беларуси лежала на пути основного стратегического направления немцев — на Москву. На западный участок фронта фашистское командование бросило почти миллионную группировку войск. Через четыре дня после начала войны, 26 июня, немецкие танки подошли к Минску. К началу сентября была оккупирована вся Беларусь.

Уже в первые дни войны преподаватели и студенты БГУ стали приходить на призывные пункты и вступать в ряды Красной Армии. Всего из университета в действующую армию было призвано 450 человек, в том числе около 50 преподавателей. Как и остальные советские граждане, охваченные патриотизмом, возмущенные вероломным нападением Германии, минчане верили в мощь Красной Армии, ожидали быстрого разгрома немецких войск и перенесения военных действий на территорию врага. Поэтому в БГУ в понедельник 23 июня учебный процесс продолжился — студенты химического факультета сдавали экзамен. На 24 июня было намечено вручение дипломов выпускникам, но в связи с непрерывными бомбардировками столицы БССР занятия решили приостановить, опять

же временно. Однако когда через пять дней после начала войны, 27 июня, в Минск вошли немецкие войска, университет прекратил свою деятельность.

Стремительность вражеского наступления затрудняла, а подчас делала невозможной эвакуацию людей, предприятий и организаций. К сожалению, БГУ, как и другие вузы, эвакуироваться не успел. В руках немцев оказалась вся университетская материальная база. Университетский городок немцы заняли 29 июня. В его зданиях по ул. Советской разместились части СД, подвалы приспособили под тюрьму, во дворе установили виселицу. Здание физико-математического корпуса БГУ заняла железнодорожная связь. В биологическом корпусе вначале находился армейский штаб, затем — комиссариат города и области.

Захватчики начали вывозить в Германию самое ценное научное и учебное оборудование, книги, музейные коллекции БГУ. Оставшееся в университете учебное и научное оборудование, а также мебель, документы и прочее имущество было уничтожено и разграблено. После ухода из Минска летом 1941 г. военных частей в университете царил полный разгром. Об этом, в частности, сообщал германский генеральный комиссар Белоруссии В. Кубе в одном из своих писем от 29 сентября 1941 г. Сотрудники БГУ, оказавшиеся в начале августа 1941 г. в здании химического корпуса, вспоминали: «...лаборатории, кабинеты, аудитории превратились в сплошной хаос и представляли картину кабака низшего пошиба, в котором справляли оргии банды разбойников. Бутылки из-под вина, водки валялись везде; объедки, окурки украшали подоконники; столы, стулья разбросаны, диваны оборваны; книги, записи, приборы разобраны, порваны, поломаны, загажены; стекла побиты; ящики в столах, углы в лабораториях, бутыли превращены в уборные».

В июле 1941 г. из оставшихся в Минске университетских работников была создана группа по охране имущества и ценностей университета. Однако спасти удалось немногое. С приходом оккупационных властей остатки университетского оборудования были собраны в химическом корпусе, который представлял собой «свалку университетского городка». Весной 1942 г. корпус приспособили под немецкий госпиталь, в результате мебель оказалась уничтоженной, а оборудование, химикаты, часть пособий географического факультета, уцелевшие после разграбления библиотеки книги сотрудники университета увезли в подвал Политехнического института, оттуда — в дом по ул. Витебской.

Еще до вторжения немецкое командование заготовило приказ, в котором указывалось, что все вузы на оккупированной территории необходимо закрыть. В комиссариат просвещения и культуры, созданный по распоряжению оккупационных властей для ликвидации учебных заведений в Беларуси, немцы попытались привлечь работников белорусских вузов. Однако ученые не стремились сотрудничать с немцами. Вместе с тем, согласно решению оккупационных властей, все научные работники и преподаватели должны были устроиться на работу. В Минске и других белорус-

ских населенных пунктах осталось около 780 преподавателей, сотрудников и студентов БГУ. Устроиться работать по специальности имели возможность только медики. Остальные представители научной интеллигенции вынужденно трудились учителями в школах, машинистками, прачками, уборщицами, чернорабочими и т. д. Работать не по специальности заставляли угроза голодной смерти и возможная отправка в Германию. Многие так и не смогли найти хоть какую-либо работу и влачили жалкое существование. Тем не менее некоторые ученые сознательно от нее уклонялись, например академик Н. М. Никольский, живший с продажи своих вещей.

В 1942 г., когда стало очевидным, что война, планировавшаяся как молниеносная, превратилась в затяжную, немцы на оккупированных территориях предприняли очередную, причем более настойчивую, попытку привлечь к сотрудничеству научную интеллигенцию. В июне 1942 г. было объявлено о создании «Белорусского научного товарищества», почетным президентом которого стал В. Кубе. Похожие научные группы планировалось организовать не только в Минске, но и других крупных белорусских городах. Однако стремление немцев оживить под своим контролем научную жизнь наталкивалось на пассивность ученых.

Преподаватели, выпускники и студенты БГУ в антифашистском подполье, партизанских отрядах и на фронтах Великой Отечественной войны

Большинство преподавателей, сотрудников и студентов БГУ, отказавшись сотрудничать с оккупантами, приняли активное участие в подпольной работе. Уже в первые дни оккупации начало создаваться Минское антифашистское подполье, среди членов которого были преподаватели, студенты и выпускники БГУ. В 1941 г. в Минске и его окрестностях действовало более 50 подпольных групп, в 1942 г. — уже 100, в которые входило более 3200 человек. Одной из выпускниц университета являлась подпольщица *Мария Федоровна Молокович*. Профессор Н. М. Никольский вспоминал: «В числе моих учениц по БГУ была одна минчанка, перед войной уже читавшая лекции по истории ВКП(б) на истфаке педагогического института, звали ее Машей. <...> Она была втянута в партизанскую работу, была связной. Она же и вывезла всю мою семью из Минска». В оккупированном Минске *Н. М. Никольский* находился в бедственном положении, голодал. Благодаря подпольщице профессор попал в расположение партизанского отряда имени С. Лазо бригады «За Советскую Белоруссию». М. Ф. Молокович переправила из Минска в партизанские отряды несколько групп советских граждан, среди них были профессор А. А. Кравцов, профессор И. А. Ветохин и др. М. Ф. Молокович являлась

лидером антифашистской организации Колодищенского сельсовета. Она вела активную агитационно-пропагандистскую работу, руководила сбором для партизан армейского обмундирования, оружия, сведений о расположении немецких войск. В конце 1943 г. М. Ф. Молокович была схвачена и замучена в гестапо.

Активными участниками подпольной группы, руководимой профессором *Е. В. Клумовым*, были профессора БГУ *Н. А. Прилежаев* и *И. А. Ветохин*. Когда возникла угроза их ареста, М. Ф. Молокович помогла им выбраться из города. В состав Минской подпольной организации входила группа во главе с доцентом БГУ *Е. М. Зубковичем*. Ее члены собирали и передавали в Москву сведения о расположении фашистских войск. В конце июня 1944 г., за несколько дней до освобождения Минска, руководитель группы Е. М. Зубкович, ее члены — ассистент БГУ *А. В. Вязович*, аспирантка *З. Завистович* — были схвачены и расстреляны. В июне 1941 г. членом подпольной группы, возглавляемой М. Б. Осиповой, стал доцент БГУ *И. Г. Некрашевич*. Он выполнял задания по разведке военных объектов, дислокации и перемещения войск врага в Минске и Минском районе, по изысканию боеприпасов, медикаментов и радиодеталей для партизанских отрядов.

Связной Минского подполья была преподаватель биологического факультета *А. А. Езубчик*. Она переправила многих людей из Минска в партизанские отряды. В столице подпольщица распространяла газеты, радиосводки и другую литературу, в которых размещались правдивые сведения о ходе военных действий. Работая в здании Академии наук уборщицей, А. А. Езубчик приносила оттуда различные химикаты, с помощью которых подпольщики портили сырье, продукты, предназначенные для немецкой армии. Через некоторое время она ушла в партизанский отряд. Посещая Минск по заданию командования, партизанка добывала агентурные данные о городских укреплениях, о работе предприятий и их охране, о расположении немецких военных объектов, о движении поездов и др. Осенью 1943 г. ее переправили на самолете в Москву. Не всем преподавателям, связанным с подпольем, удалось уцелеть. Так, профессор *Н. А. Столяров*, участник Минского подполья, был схвачен после того, как отказался сотрудничать с немцами. После пыток фашисты его казнили.

Не менее активное участие в подпольной деятельности принимали студенты БГУ. Студент университета *В. Михневич* входил в подпольную комсомольскую организацию «Андрюша», которую возглавлял будущий Герой Советского Союза М. А. Кедышко. Позднее он стал руководителем группы «Виктор», действовавшей на Минском заводе имени К. Е. Ворошилова. В состав группы входила и студентка химфака *В. Кахомская,* которая передавала партизанам технические характеристики немецкого оружия, ремонтировавшегося на заводе. Подпольной группой комсомольцев руководил еще один студент химфака — *Г. Фалевич*. Группа имела конспиративную квартиру под видом аптеки. Ее члены снабжали Минский под-

польный обком КП(б)Б медикаментами, шрифтами и сведениями об оккупантах. В состав группы входили студенты БГУ *С. Гуляев, Н. Ярмоленко, Д. Моисеев, А. Сума.* В мае 1942 г. члены группы были схвачены и казнены.

Студентка 2-го курса геофака *Н. Абрамович* создала подпольную группу из своих однокурсников. Ее участники устроились работать на нефтебазу и передавали информацию партизанам и подпольщикам. Члены группы были раскрыты и арестованы. Сама Н. Абрамович умерла в концентрационном лагере Освенцим. Студент 3-го курса физмата *Г. Лобач* по заданию Минского подполья работал стрелочником на станции «Минск-товарная», собирал сведения о перемещении немецких эшелонов. Его жена *М. Зубкова*, также третьекурсница физмата, распространяла листовки, собирала медикаменты и оружие. В составе Минского подполья боролась студентка истфака *З. Коренькова*.

Студенты и выпускники БГУ участвовали в организации и деятельности подполья и в других белорусских городах. Выпускник физмата *А. С. Федоринчик* работал заведующим паспортного стола в г. Борисове. Он обеспечивал местных партизан и подпольщиков поддельными документами. Студент истфака *В. Позняк* участвовал в организации комсомольского подполья на Витебщине. В начале войны он был ответственным организатором комсомольской работы по оршанской зоне, в 1943 г. — секретарем Витебского подпольного обкома ЛКСМБ. Студентка филфака *В. Вырвич* являлась секретарем Добрушского подпольного райкома ЛКСМБ. За ее поимку фашисты обещали 3 тыс. марок, пять пудов соли и надел земли. Студентка филфака *Л. Костецкая* состояла в подпольной организации Полоцка. Устроившись на работу в немецкую комендатуру, она снабжала партизан информацией. В октябре 1942 г. ее расстреляли. В составе подполья в Копыльском районе боролся студент *С. Александрович*, в Слуцком районе — студент физмата *Ф. Китунович*.

Многие преподаватели и студенты БГУ ушли в партизанские отряды. По свидетельству профессора Н. А. Прилежаева, с каждым днем войны все больше и больше белорусов стремилось уйти к партизанам, не желая влачить унизительное существование, терпеть зверства оккупационных властей. Среди белорусских партизан известно имя выпускника физико-математического факультета БГУ *В. А. Парахневича*, Героя Советского Союза. Вначале он входил в состав Бобруйского подполья, затем перешел в партизанский отряд, где возглавил диверсионную группу, занимался уничтожением немецких эшелонов. При его личном участии подрывники пустили под откос 20 эшелонов, уничтожили большое количество вражеской техники и солдат.

Выпускник университета *И. В. Гуторов* заведовал отделом агитации и пропаганды в штабе Объединенных партизанских отрядов южных и юго-западных районов Орловской области. Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, медалями, а в послевоенный период стал профес-

сором БГУ. После войны Иван Васильевич писал о том, что, работая среди населения лесных поселков оккупированных территорий, он усвоил множество партизанских песен, поговорок, частушек, сказов. Все это послужило в дальнейшем материалом для его статей о партизанском фольклоре.

Выпускника химфака *С. В. Маркевича* война застала в рядах Красной Армии. С остатками отступавших войск он оказался в Витебской области, где вступил в партизанскую группу. Через некоторое время с товарищами перебрался в Ушачский район, где участвовал в создании подполья, затем являлся заместителем командира партизанской бригады. После войны он стал доктором химических наук.

Выпускница физмата *Н. Л. Федоркович* (Правильщикова) закончила курсы разведчиков и была заброшена на оккупированную территорию Беларуси. Она успешно выполнила все полученные задания и впоследствии была награждена орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Еще одна выпускница физмата — *Е. Я. Ризова* — сражалась в составе партизанского отряда «Непобедимые» 3-й Минской бригады. Выпускник этого же факультета *В. И. Неведомский* с января 1942 г. являлся парторгом отряда «Бесстрашный», действовавшего в Оршанском районе, одновременно исполнял обязанности заместителя комиссара штаба партизанских отрядов Оршанской зоны. Студент 4-го курса физмата *В. Шаховец* сражался в партизанском Бегомльско-Борисовском соединении. Партизанской связной стала студентка физмата *Я. Овсянская*. Оставшись в Минске, она передавала партизанам медикаменты и оперативные сведения.

В первые дни войны в г. Березино студенты исторического факультета супруги *Ф. Глинский* и *В. Витковская* создали подпольную группу, распространявшую рукописные листовки. В конце 1941 г. при активном участии Ф. Глинского был создан партизанский отряд. В апреле 1942 г. по доносу он был схвачен и повешен. В. Витковскую арестовало и расстреляло гестапо в 1944 г. — всего за несколько дней до прихода Красной Армии. Студент истфака *А. Вашкевич* стал подрывником. За свои боевые заслуги он получил несколько наград, в том числе орден Красного Знамени. Уже после войны А. Вашкевич закончил университет, защитил кандидатскую диссертацию, занимался преподавательской деятельностью.

Четверокурсница *А. Борисевич*, оказавшись в начале войны в Стародорожском районе, стала связной партизан. В 1943 г. она вступила в партизанскую бригаду № 161 имени Г. И. Котовского. Активное участие в партизанской борьбе принимали студенты *Н. Поляк, Р. Плащинская, М. Метельский, А. Царюк* и др. Студенты БГУ боролись с фашизмом и за пределами СССР. Так, *Н. Лисовец*, учившаяся до войны на геофаке, сотрудничала с Минским подпольем. В январе 1944 г. ее арестовали немцы и отправили в концлагерь. В мае она смогла убежать из лагеря вместе с другими узницами и возглавила созданный ими женский партизанский отряд «Родина», действовавший на территории Франции. За боевые заслуги бе-

лоруске было присвоено звание лейтенанта французской армии, а французское правительство наградило ее орденами и медалями.

Мужество и героизм проявили работники, выпускники, аспиранты и студенты БГУ на фронте. Часть студентов вступила в Красную Армию, находясь далеко от дома. Это — студенты исторического факультета, в начале войны проходившие археологическую практику в Крыму, и студенты биологического факультета, проходившие практику в Беловежской пуще. Прославил университет его выпускник 1937 г. *М. П. Котловец*. Он воевал на различных фронтах, участвовал в Сталинградской битве, в освобождении Украины и Молдавии, Румынии и Болгарии. В октябре 1944 г. на румынско-венгерской границе после гибели командира танкового батальона М. П. Котловец принял командование на себя. Батальон уничтожил пять орудий, более ста повозок с боеприпасами и другую военную технику, много живой силы противника. В этом бою мужественный пулеметчик погиб. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Выпускник исторического факультета и его аспирант *П. З. Савочкин* воевал на фронте офицером в штабе дивизии, затем корпуса. Он участвовал в боях под Сталинградом, в форсировании Днепра, дошел до Берлина. Студент истфака *А. Сидоренко* (после войны Алексей Исаевич был деканом исторического факультета) в боях под Ленинградом, будучи заместителем командира танкового батальона по политической части, получил тяжелое ранение. Оба историка были награждены орденами Отечественной войны и Красной Звезды, а после войны работали в БГУ доцентами, в разные годы занимали должность декана истфака. Выпускник истфака *К. К. Герман* служил политработником в действующей армии, участвовал в Курской битве, форсировании Днепра и Припяти, освобождении Киева и Ровно, в боях под Прагой. После войны он стал профессором.

На фронтах Великой Отечественной воевали выпускники физмата *Л. А. Толстик* и *Н. А. Лемельман*. От Москвы до Берлина прошел войну выпускник истфака *К. М. Станкевич*. Командиром радистов был выпускник истфака *А. С. Степаненко*. Аспирант БГУ *Г. М. Трухнов* служил офицером дивизионной, затем корпусной разведки, участвовал в Сталинградской битве, в освобождении Беларуси, Украины, Польши. Аспирант биофака *М. М. Драко* воевал в боях под Москвой, освобождал Беларусь.

Студент университета *И. Лущицкий* был старшим инструктором политотдела дивизии, затем корпуса, лектором политотдела армии. За мужество и героизм, проявленные в боях, он получил ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медали. После войны, став профессором, Иван Николаевич преподавал в БГУ. Студент физмата *Ю. Мендрожицкий* командовал пулеметным взводом, конец войны встретил в должности заместителя начальника разведки корпуса. Студент химфака *Я. Рубинчик* служил в саперном батальоне, участвовал в освобождении Кубани, Донбасса, Кие-

ва, Западной Украины, в боях на территории Германии. Студент биофака *Б. Сосновский* ушел на фронт добровольцем, был командиром минометного взвода, участвовал в освобождении Беларуси, в боях с японскими войсками в Маньчжурии. Студент истфака *С. Скопцов* служил стрелкомрадистом, освобождал Украину и Крым. Воевали на фронте студенты истфака *М. Соболь, В. Бобровский, Ю. Драгун, П. Назаров, Т. Щасный, Б. Довгулевич, И. Капелевич*, студенты химфака *В. Беляев, А. Клецкин, Ф. Аврамчик, И. Старобинец, Б. Недвинский* и др.

В составе действующей армии воевали *Н. И. Мицкевич*, в будущем академик Академии наук БССР, *И. Г. Тищенко*, впоследствии член-корреспондент Академии наук БССР, профессор *И. А. Прусов*, доцент *Р. Л. Старобинец*, преподаватели *А. Ш. Блох*, *С. В. Колишевич* и др.

Не всем посчастливилось остаться в живых. Студент геофака *К. Некрашевич* встретил войну в составе факультетской экспедиции на Пинщине. Он ушел на фронт добровольцем и в июле пал смертью храбрых под г. Гомелем. В начале войны погиб выпускник химфака *П. Чугунов*. Студент истфака, секретарь комсомольской организации *И. Рыбаков* ушел на фронт добровольцем в первый день войны. Он стал разведчиком и действовал на территории Беларуси. Иван погиб в сентябре 1943 г., когда возвращался в Москву после успешного выполнения боевого задания. Под Ленинградом пали смертью храбрых студенты *Н. Кукареко, Б. Довгулевич, И. Капелевич*. В Венгрии погиб студент химфака *И. Горелик*. В действующей армии встретили свою смерть студенты истфака супруги *Г. Млотин* и *Т. Залуцкая, А. Фердер, Н. Бобчинский, А. Наливайко, Л. Сокол*. Погибли смертью храбрых доценты БГУ *И. Ф. Лочмель, В. Е. Зудилин, С. М. Мопсик, В. Л. Нисневич*, аспиранты *Т. С. Столярова, Л. И. Жуховицкий, лаборант И. С. Красников*.

Силами студенческих отрядов и на средства, заработанные студентами, на территории университета в 1970-х гг. был сооружен мемориальный знак в честь тех, кто не вернулся с Великой Отечественной войны. Он представляет собой значок-ромбик, который не успели получить выпускники БГУ, рассеченный посередине контурами винтовки. На знаке можно прочитать следующие слова: «Светлой памяти тех, кто из родного университета пошли на священную битву с фашизмом и смертью героев полегли в сражении, чтобы вечно светило над нашей Родиной солнце свободы».

По данным за 1945 г., из студентов и выпускников университета трое были награждены медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, 7 — орденом Славы, 13 — орденом Ленина, 34 — орденом Красного Знамени, 101 — орденом Отечественной войны, 164 — орденом Красной Звезды, более 200 — медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны». В обороне Москвы участвовало 47 человек, Ленинграда — 36, Сталинграда — 28. Берлин штурмовало 39 человек, Кёнигсберг — 39, освобождали Варшаву — 34.

Профессиональный труд во имя Победы

Преподаватели и сотрудники БГУ приближали победу и самоотверженной работой в тылу. Только 620 сотрудникам университета удалось эвакуироваться. Естественно, их научные изыскания в эвакуации оказались сориентированными на проблемы, связанные с военным временем. Профессор *Т. Н. Годнев* заведовал кафедрой растений в Свердловском сельскохозяйственном институте. Он занимался, в частности, поиском дополнительных ресурсов питания, повышением продуктивности растений. Большое значение имели его работы по сохранению витаминов в продуктах, подлежащих длительному хранению. Научные исследования, важные для оборонной промышленности, проводили профессор *М. М. Павлюченко* (в Казани), профессор *Н. Ф. Ермоленко*, профессор *В. А. Дементьев* (в Западной Сибири и Казахстане). М. М. Павлюченко разработал способ выделения из костей жира, который использовался в фотожелатиновом производстве. Н. Ф. Ермоленко занимался исследованием очистки бензина. Исследования В. А. Дементьева позволили расширить сырьевую базу советской промышленности. Профессор *М. Н. Смирнов* занимался проблемами развития и размещения предприятий пищевой промышленности. Заведующий кафедрой геологии БГУ *А. М. Жирмунский* руководил разведкой полезных ископаемых. Начальником геолого-поисковых разведывательных партий в Челябинской области работал будущий проректор БГУ *А. Я. Малышев*. Профессор БГУ, академик *Ю. А. Вейс* разработал новую модель зерноуборочного комбайна.

Часть преподавателей продолжили педагогическую деятельность в различных учебных заведениях. Так, ректор БГУ *П. П. Савицкий* работал директором Нижнетагильского учительского института, проректор *Л. М. Шнеерсон* был его заместителем. Профессор *В. Н. Перцев* преподавал вначале в Курском, затем в Удмуртском педагогических институтах. Доцент *И. М. Ильюшин* заведовал кафедрой Ташкентского финансово-экономического института. Доцент *Г. М. Лившиц* преподавал в Кзыл-Ордынском педагогическом институте, участвовал в строительстве городского канала, за что получил благодарность Президиума Верховного Совета Казахской ССР. *В. И. Степанов* преподавал в Сталинградском педагогическом институте. *Л. И. Фигловская, М. П. Баранова* и другие стали в тылу директорами школ.

Жизнь в эвакуации была достаточно тяжелой. Преподаватель БГУ *Д. К. Мицкевич*, оказавшийся в Узбекистане, вместе с другими преподавателями и студентами трудился на прокладке Северного канала недалеко от Ташкента. Он вспоминал, что многие люди от изнурительного ручного труда теряли сознание, замерзали в палатках. Вместе с сотрудниками и студентами Ташкентского университета Д. К. Мицкевич выезжал на уборку хлопка. Перед эвакуированными ставилась задача прокормить себя, до-

быть дополнительное продовольствие с помощью работы на земле, разведения огородов. С этой целью для преподавателей были организованы обязательные занятия по сельскому хозяйству. Даже ректор П. П. Савицкий был вынужден вскопать огород для пропитания своей семьи.

Таким образом, победу на фронте, в силу своих знаний и способностей, в условиях советского тыла приближали и члены большой семьи довоенного Белорусского государственного университета — преподаватели, сотрудники, студенты, аспиранты, выпускники.

Станция Сходня: возрождение Белорусского государственного университета

Уже в июне 1942 г. в среде партийного руководства БССР стал обсуждаться вопрос о возобновлении деятельности БГУ в составе трех факультетов — филологического, исторического и географического. В июле 1942 г. СНК БССР направил во Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР докладную записку «О необходимости возобновления работы БГУ». Однако решение вопроса было отложено из-за тяжелого положения на фронтах. В конце 1942 г. из Красной Армии была отозвана группа вузовских работников. ЦК КП(б) Беларуси поручил им разработать мероприятия по восстановлению БГУ и других вузов. В январе 1943 г. СНК БССР обратился в СНК СССР с ходатайством, в котором обосновывал восстановление БГУ до окончания войны острой потребностью разрушенной республики в высококвалифицированных специалистах. Восстановление университета имело и политическое значение. На территории Беларуси оккупационные власти создали сеть школ и гимназий, пытались наладить научно-исследовательскую работу. Сотрудничавшие с режимом белорусы стремились добиться разрешения на открытие университета. Поэтому восстановленный БГУ должен был противостоять немецкой образовательной системе, превратившись в один из аргументов советской антифашистской агитационно-пропагандистской деятельности.

П. П. Савицкого вызвали в Москву и в феврале 1943 г. восстановили в должности ректора. А вскоре, 15 мая 1943 г., вышло постановление СНК СССР «О возобновлении работы Белорусского государственного университета». Некоторые факультеты и курсы БГУ разместились в зданиях Московского государственного университета. Главный учебный корпус расположился в помещении средней школы на *станции Сходня* Октябрьской железной дороги. Преподаватели и студенты поселились в 40 дачных домиках на этой же станции. МГУ и другие московские вузы передали белорусскому университету учебное и научное оборудование, учебники и наглядные пособия. Так, только МГУ выделил 18 тыс. томов различной литературы.

К концу июля 1943 г. правительство БССР установило связь с 25 профессорами, 55 доцентами, 24 старшими преподавателями из Беларуси. Из них на должности в БГУ предварительно пригласили 65 человек. Для

работы в возрожденном университете некоторых преподавателей отозвали из действующей армии. Из партизанских отрядов переправили академика Н. М. Никольского, профессора И. А. Ветохина, профессора Н. А. Прилежаева. Филологический факультет и кафедру белорусской литературы возглавил фронтовик М. Г. Ларченко. Лекции по теории литературы и русской литературе читал И. В. Гуторов, бывавший в БГУ наездами из партизанского леса. Военное дело преподавал будущий известный писатель *Иван Мележ*. В целом ректорат стремился укомплектовать штат прежними, довоенными, преподавателями. Лекции читали также ученые МГУ — профессора *Б. А. Рыбаков, А. А. Савич, И. И. Полосин*, академик *А. М. Панкратова*.

Сообщение о возобновлении деятельности БГУ было опубликовано в «Правде» и «Учительской газете», а также в местной печати. За короткое время поступило несколько сотен заявлений от бывших студентов, оказавшихся на неоккупированной территории СССР, с просьбой о восстановлении. Студенты, восстанавливавшиеся либо поступавшие в университет, экзамены не сдавали. Всего было подано более 1380 заявлений, в том числе и от ранее не обучавшихся в БГУ молодых людей. В результате удалось сделать отбор среди поступавших, возродить старшие курсы и осуществить набор на первый курс всех шести довоенных факультетов. Всего зачислили 562 человека. Среди них были и успевшие эвакуироваться студенты, и демобилизованные по ранению или болезни, а также молодые люди, окончившие среднюю школу во время войны.

Занятия начались с опозданием, 11 октября 1943 г., из-за задержек студентов (в военные годы было сложно куда-либо переехать). К занятиям на шести факультетах (филологическом, историческом, биологическом, географическом, физико-математическом и химическом) приступили 40 преподавателей и 289 студентов. Вплоть до декабря подъезжали опоздавшие студенты. По данным на 1 декабря 1943 г., в БГУ училось 582 студента и работало более 90 преподавателей, в том числе ряд московских ученых.

Учебный процесс проходил в сложных условиях военного времени. Государство смогло выделить небольшую сумму денег, которых хватило на обеспечение начала учебного года и налаживание обязательного питания в университетской столовой. Один из студентов, В. Москаленко, вспоминал: «Не забудутся никогда ни первый звонок, ни первая лекция в 1943 г. Пусть классные комнаты можно было назвать аудиториями только условно, пусть не хватало оборудования, а в аудиториях не всегда было на чем сидеть. Главное, мы получили возможность учиться».

Условия для учебы были самые скромные. В цокольном кирпичном этаже школьного здания находились кухня и столовая. Верхний, деревянный, этаж занимали аудитории, библиотека, ректорат с администрацией. Вместо парт и скамеек в аудиториях стояли березовые столбики. Вечером аудитории превращались в читальные залы, а ночью здесь спали студенты, поскольку в дачных домиках было слишком холодно. Само помещение школы не отапливалось, студенты грелись в столовой. В разное вре-

мя года они получали одноразовое либо двухразовое питание. Меню, как правило, состояло из одного блюда и чая. Кроме того, студенты получали по карточкам хлеб (500 граммов в день). Ежедневно 7—8 студентов в мешках привозили его из хлебозавода на пригородном поезде. Молодым людям постоянно хотелось есть. Небольшой стипендии (около 100 рублей) на продукты не хватало. Некоторые студенты продавали получаемый по карточкам хлеб и покупали картошку, которую не чистили, а мыли, нарезали ломтиками и запекали на плите.

Учились студенты добросовестно. Не хватало бумаги, вместо нее использовались газеты, обои, канцелярские книги. Студентка 2-го курса химфака Г. Лазерко вспоминала: «Шпаргалок не знали. Это было бы предательством перед воюющими и погибающими сверстниками». И преподаватели, и студенты, кроме своих непосредственных обязанностей, занимались обустройством жилья, перевозкой университетского имущества, работали в канцеляриях и библиотеках. Каждый студент отрабатывал один день в лесу, заготавливая дрова для кухни. Кроме того, студенты и преподаватели собирали подарки для советских солдат и белорусских партизан, а также деньги на строительство авиаэскадрильи «Освобожденная Беларусь», танковой колонны «За Советскую Беларусь!». Некоторые студенты сдавали кровь для раненых бойцов Красной Армии.

Возобновление работы Белорусского государственного университета в Минске

Так прошел 1943/44 учебный год. Когда на станции Сходня узнали об освобождении 3 июля 1944 г. Минска, состоялся университетский митинг, на котором ректор поздравил присутствующих с огромным праздником. Многие преподаватели и студенты плакали от радости. Вскоре была освобождена вся территория БССР. В конце июля в Минск выехала группа студентов и преподавателей (75 человек) для восстановления и подготовки университетских зданий к учебному году. Вторая группа студентов (26 человек) отправилась в столицу БССР 11 августа. Перед прибывшими предстала страшная картина — город был разрушен, отсутствовали свет и вода. Уцелевшие заборы и стены украшали надписи «Восстановим тебя, родной Минск!». Не менее тяжкое впечатление производил и университетский городок. От главного корпуса остались одни стены, на некоторых из них было написано: «Заминировано». На стенах трехэтажного здания, в котором размещались части СС, студенты увидели надписи «Отомстите за нас», «Мы умираем за Родину», «Не вынес пыток, но не выдал». Масштабы разрушений зданий БГУ были чудовищны. До войны университет размещался в четырех учебных корпусах, которые не пострадали от первой бомбардировки в 1941 г. При университете работало три богатых музея, огромная библиотека. Университет располагал семью общежитиями.

В августе студенты увидели разрушенные до основания учебные корпуса, общежития и жилые дома. Научное и учебное оборудование, библиотека, архив, музейные фонды были вывезены либо уничтожены. В целом ущерб составил 37 млн рублей (без стоимости помещений).

Пришлось все начинать сначала. Администрация разместилась в двухэтажном «красном» корпусе физико-математического факультета, разрушенном частично (современное здание ректората). Студенты приступили к восстановлению этого здания, а также общежития на ул. Немига, дома по ул. Витебской (здесь были откопаны ящики с посудой, приборами, спрятанные в годы войны преподавателями). В течение двух месяцев студенты смастерили лавки для аудиторий и стеллажи для библиотеки.

Начало учебного года намечалось на 15 октября, но в этот день к занятиям приступили только первокурсники (420 человек). С опозданием, 22 октября, прибыл эшелон со Сходни, в котором ехали преподаватели, студенты, находилось учебное и научное оборудование. Для вновь прибывших учебный год начался в первых числах ноября. Приехавшие преподаватели вместе с семьями разместились в доме по ул. Клары Цеткин.

В послевоенной истории БГУ 1944/45 учебный год стал самым трудным. Ощущалась острая нехватка учебных площадей. Химический, физико-математический факультеты, администрация, ректорат, хозяйственная часть, читальный зал, библиотека расположились в восстановленном двухэтажном корпусе на территории университетского городка. Каждая кафедра занимала по одной комнате, где преподаватели читали лекции, вели лабораторные занятия. Занятия на филфаке и истфаке проходили в школе № 2 по ул. Энгельса. Географический и биологический факультеты занимались в здании техникума по ул. Витебской. Не хватало не только помещений, но и мебели, не работало отопление, не было освещения. Сказывался недостаток высококвалифицированных кадров: учебный процесс обеспечивали только 20 профессоров и 40 доцентов. На филологическом, географическом, физико-математическом факультетах не было ни одного штатного профессора или доктора наук.

В конце первого полугодия 1944/45 учебного года в университете училось 732 студента. Среди них абсолютное большинство составляли девушки — 92 %. По национальному составу в студенческой массе преобладали белорусы — 56,3 %. Иногородние студенты остро нуждались в жилье. Отведенные под общежития два дома по ул. Немига вмещали не более 180 человек. Часть студентов поселили в бараках на территории университетского городка. Проживали молодые люди скученно, в комнатах практически не было мебели, кроме кроватей. Свет и отопление отсутствовали. Зимой студенты готовились к занятиям в кроватях под одеялами, для освещения использовали самодельные светильники на керосине. Ночами их донимали крысы, которых приходилось отпугивать палками.

Постепенно университетская база восстанавливалась. Большая роль в этом принадлежала студентам, которые трудились не только на территории

университета, но и помогали отстраивать Минск, участвуя в общегородских субботниках и воскресниках. В 1944 г. Минский горсовет обязал каждого студента отработать на восстановлении города ежемесячно по 15 часов. Студенты, в свою очередь, приняли повышенное обязательство — отработать по 20 часов. Каждый из них считал, что своим трудом, старанием в учебе приближает долгожданный день победы. Всеобщее ликование охватило БГУ, как и всю страну, 9 мая 1945 г. У дома правительства состоялся митинг. Постепенно с фронта возвращались преподаватели и студенты. В январе 1946 г. на торжественном собрании университета его сотрудникам вручали медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В первые послевоенные годы университет по-прежнему страдал от нехватки аудиторий, спортзалов. В БГУ не было клуба, работал только один читальный зал на 160 мест. Вот как описывает условия подготовки к занятиям бывшая студентка исторического факультета Идея Коренчук: «...библиотека ютилась в одной большой комнате. Мест было очень мало, приходилось рано утром бежать и занимать место. А потом по очереди берегли это место. Книг тоже надо было дождаться. Поэтому очень дорожили конспектами, старательно их писали. Подружки писали по очереди, чтобы записать как можно подробнее. А во время сессий конспекты берегли как зеницу ока».

К началу 1948/49 учебного года при помощи студентов был восстановлен разрушенный биологический корпус, в котором разместились биологический, географический, филологический и исторический факультеты. В 1949/50 учебном году начались занятия в химическом корпусе. Летом 1949 г. были отремонтированы общежития, расположенные на улицах Немига, Московская, Витебская, а также дома для преподавателей по ул. Кирова и Клары Цеткин.

Восстановление университетской библиотеки, начавшей обслуживать читателей в ноябре 1944 г., шло с помощью МГУ, Московского государственного педагогического университета, Ленинградского государственного университета, Государственного фонда литературы. Так, к моменту открытия библиотеки вузы Москвы, Ленинграда и других городов подарили ей около 25 тыс. книг. Кроме того, книги закупались в букинистических магазинах и у частных лиц. Довоенного уровня библиотечный фонд достиг к 1952 г. Позднее уже сама библиотека помогала книгами другим вузам республики.

Белорусский государственный университет восстанавливает достигнутое

В 1946 г. в состав БГУ входило семь факультетов. Факультет журналистики, созданный в сентябре 1944 г., просуществовал недолго и был преобразован осенью 1947 г. в отделение филологического факультета. Одно-

временно на этом факультете открылись отделения логики, психологии, русского языка, а на историческом факультете — отделение философии. В 1948 г. на шести факультетах работало семь отделений. В 1950 г. географический факультет был переименован в геолого-географический в составе двух отделений, а биологический факультет — в биолого-почвенный, также состоявший из двух отделений. В декабре 1947 г. в университете был основан Научно-исследовательский институт химии. Кроме этого, работал Научно-исследовательский институт биологии.

В 1952 г. БГУ по-прежнему состоял из шести факультетов, на которых работало 13 отделений. В университетскую структуру входило 14 кабинетов, 15 лабораторий, два музея (зоологический и минералогии), ботанический сад, размещавшийся в университетском городке, биостанция в Красном Урочище, библиотека, типография. С 1948 г. функционировали медпункт и зубоврачебный кабинет. С 1947 г. все события в жизни БГУ освещала университетская многотиражная газета «За сталінскія кадры».

Организация учебного процесса постепенно подчинялась логике мирного времени. В ноябре 1946 г. был восстановлен сокращенный в период войны пятилетний срок обучения. Появился конкурс при поступлении, который в 1949 г. составлял два человека на место. Основными проблемами, волновавшими педагогический коллектив, как и до войны, являлись посещаемость занятий и успеваемость студентов. Уровень знаний студентов с каждым годом становился более высоким. Например, в 1950/51 учебном году 255 студентов получали стипендию отличников, 9 — имени Сталина, 2 — имени Калинина, 2 — имени XV-летия ВЛКСМ. В зимнюю экзаменационную сессию 1952/53 учебного года 603 студента сдали экзамены только на «отлично».

Вместе с тем повысить эффективность учебного процесса не позволяла слабая материальная база университета. Несмотря на восстановление в 1950 г. ее довоенного уровня, не хватало помещений, учебного и научного оборудования. Так, в биологическом корпусе размещались биолого-почвенный, исторический, филологический факультеты, ректорат, библиотека, читальный зал, зоологический музей, клуб. Более половины площади химического корпуса использовалось под общежитие: часть вестибюля была отгорожена фанерными листами, за которыми стояли десятки кроватей. В этом же корпусе проводили занятия химический и геолого-географический факультеты и спецкафедры. В физическом корпусе находились физико-математический факультет, типография и редакция университетской газеты. На химфаке работала только одна лекционная аудитория, часть лекций читалась в лабораториях. Биофак имел три учебные аудитории, остальные являлись лабораториями. НИИ химии занимал одну комнату, НИИ биологии — три. Рост количества студентов усугублял проблему нехватки аудиторий. Занятия проходили в 2—3 смены. В целом лабораторные площади в университете составляли только половину от довоенных. Не хватало даже элементарного оборудования.

В октябре 1946 г. БГУ был выведен из структуры Наркомата просвещения БССР и переведен в распоряжение созданного Министерства высшего образования СССР. Это негативно отразилось на его состоянии. Во-первых, финансирование начало поступать из Москвы и белорусское правительство мало влияло на судьбу университета. Объемы денежных средств были недостаточными, о чем свидетельствовали неоднократные обращения в министерство *Ивана Саввича Чимбурга*, ставшего ректором БГУ в июле 1949 г., с просьбами о выделении денежных средств для удовлетворения учебных и научных потребностей. Во-вторых, после переподчинения Москве значительно усложнилось решение текущих проблем. В-третьих, организация учебного процесса оказалась сориентирована на всю территорию СССР. Так, базами практики для студентов-естественников стали заводы в Ленинграде, Харькове, Сталине (Донбассе), для гуманитариев — музеи Москвы и Ленинграда.

На рубеже 1940—50-х гг. БГУ постепенно утрачивал свой национальный облик. Вся документация оформлялась на русском языке. В библиотеке в 1950/51 учебном году было более 130 тыс. книг на русском языке и только 6,5 тыс. — на белорусском. Кафедру истории БССР объединили с кафедрой истории СССР. Тем не менее ректорат стремился отстоять перед Министерством высшего образования СССР белорусский язык и элементы белорусской культуры, национального наследия. В 1950/51 учебном году руководство университета внесло в утвержденные в Москве учебные планы изменения. На отделении журналистики появились такие дисциплины, как белорусский язык, история БССР, история белорусской литературы, белорусский фольклор, история белорусской советской печати, на филфаке — история белорусской литературы. Ректорат даже выступил с предложением к министерству разрабатывать два вида учебных планов — для университетов РСФСР и для университетов союзных республик.

Учебный процесс в БГУ в 1947/48 учебном году обеспечивал профессорско-преподавательский коллектив из 163 человек. В ноябре 1950 г. на 35 кафедрах работали 170 преподавателей, среди них 14 профессоров и 60 доцентов. В университете обучалось более 1700 студентов. К концу 1950 г. довоенные параметры БГУ были восстановлены, хотя ощущался острый недостаток в научно-педагогических кадрах, особенно профессорах и доцентах (среди преподавателей были совместители, а также работавшие на условиях почасовой оплаты). Одним из главных препятствий для привлечения в университет научных кадров являлась невозможность обеспечить их квартирами. В тот период основная часть семей преподавателей ютилась в студенческих общежитиях, бараках университетского городка. Неоднократно ректорат обращался в Министерство высшего образования СССР с просьбой выделить средства для строительства 50-квартирного жилого дома (в жилье нуждалось более 80 семей сотрудников), но каждый раз безрезультатно.

Способствовать решению кадровой проблемы могла деятельность аспирантуры БГУ, но ее успехи были достаточно скромными. Несмотря

на то, что количество аспирантов возросло с 38 (в 1949 г.) до 89 (в 1952 г.), защит диссертаций проходило мало. Так, с 1948 по 1952 г. были защищены только одна докторская и семь кандидатских диссертаций. Конкурс в аспирантуру практически отсутствовал. Ректорат предпринимал меры для повышения престижа, качества и результативности обучения в аспирантуре.

Белорусский государственный университет в общественно-политических кампаниях конца 1940 — начала 1950-х гг.

После Второй мировой войны оживились международные контакты Беларуси, что было связано с принятием республики в Организацию Объединенных Наций. 26 июня 1945 г. среди представителей 50 стран мира БССР подписала Устав ООН. В состав делегации входили и два профессора БГУ — *В. Н. Перцев* и *Ф. П. Шмыгов*. С 1945 г. белорусские делегации присутствовали на всех заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, участвовали в международных конференциях под ее эгидой. В состав делегаций входили также ученые и преподаватели БГУ.

Однако только начавшиеся укрепляться международные научные связи пострадали в ходе очередной идеологической кампании, предпринятой в первое послевоенное десятилетие, когда в стране стал опускаться так называемый «железный занавес». Советское руководство стремилось ликвидировать все контакты советских граждан с западным миром, не допустить проникновения в СССР информации о жизни за рубежом. Повсеместно, в том числе и в БГУ, развернулась борьба с «низкопоклонством и раболепием перед Западом и его буржуазной культурой».

В августе 1947 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло решение по вопросу пропаганды советского патриотизма. Одним из проявлений «низкопоклонства и раболепия перед Западом в условиях БССР» являлись «неизжитые вредные и лживые взгляды, утверждающие, что будто бы свет культуры в Белоруссию проникал не с востока, из России, а с запада, через литовское и польское государства, через римско-католическую церковь». Проявлением этих взглядов являлась «националистическая теория» о «золотом веке», который якобы переживала Беларусь в XV—XVI вв. Был подвергнут критике ряд литературных произведений и учебников, в том числе книга преподавателя БГУ *М. Г. Ларченко* по истории белорусской литературы. Отмечалось, что в работе вузов прослеживается «чрезмерное увлечение глубокой древностью и связями стародавних деятелей белорусской культуры с представителями западноевропейской культуры». Осуждалось и «преклонение» некоторых советских ученых перед авторитетом буржуазных исследователей.

В сентябре 1948 г. в республике развернулась кампания «по внедрению мичуринской агробиологии». Ряд ученых БССР (*А. Р. Жебрак, Г. Г. Винберг, С. М. Вакар* и др.) были объявлены ЦК ВКП(б) «воинствующими

вейсманистами-морганистами». Обвинения выдвинули и в адрес БГУ. Так, в 1947 г. на работу в университет был приглашен активный противник мичуринского направления в биологии Г. Г. Винберг, который, как утверждали власти, при попустительстве со стороны руководства университета и особенно декана биофака развернул активную пропаганду реакционной теории. Центральный Комитет КП(б)Б потребовал от ректората БГУ уволить нескольких ученых. С работы были сняты профессор Г. Г. Винберг, заведовавший на тот момент кафедрой зоологии, декан биофака *В. Д. Акимова* и другие.

На состоявшемся в феврале 1949 г. XIX съезде ЦК КП(б)Б критиковалось проникновение буржуазной идеологии в «окружение части интеллигенции», осуждались проявления «безродного космополитизма» (под которым понималось отречение от культуры и традиций своего народа и превращение в так называемого «человека мира»). В БГУ началась реализация решений съезда, в ходе которой осуществлялся поиск «безродных космополитов» среди преподавателей, студентов и даже административно-хозяйственного персонала. Регулярными стали партийные собрания, на которых звучала «принципиальная» критика в адрес отдельных попавших под определение космополита преподавателей, осуждалось содержание ряда лекционных курсов. Для преподавателей были открыты кружки по изучению биографий Ленина, Сталина, «Краткого курса истории ВКП(б)». На факультетах проводились комсомольские собрания, в ходе которых обсуждалась идеологическая линия партии, осуждалась гражданская позиция некоторых студентов.

В 1950—1952 гг. идеологический диктат власти достиг своего пика. В БГУ (впрочем, как и в других советских вузах) содержание и учебного процесса, и научных исследований должно было определяться «гениальными указаниями товарища И. В. Сталина, решениями Совмина СССР и ВКП(б) о грандиозных стройках коммунизма». Под особо бдительным контролем оказалась деятельность кафедр марксизма-ленинизма, истории философии и логики, диалектического и исторического материализма, политэкономии. Учебные программы, тематика спецсеминаров, курсовых и дипломных работ утверждались в свете работ И. Сталина.

Наука, учеба и быт студентов — все для блага Родины

Несмотря на сложность и неоднозначность общественно-политических процессов, от БГУ ждали реальных результатов, применимых прежде всего в народном хозяйстве. На рубеже 1940—50-х гг. укреплялись связи ряда кафедр БГУ с белорусскими промышленными предприятиями, такими, например, как минские автозавод, табачный завод, велозавод,

обувные фабрики. С 1943 г. по 1953 г. университет подготовил 2517 специалистов, из которых 575 окончили заочное отделение.

В послевоенные годы одной из сложных задач, как и ранее, являлась организация студенческой науки. Согласно указанию ректора при каждой кафедре должен был действовать студенческий научно-исследовательский кружок, но работа большинства кружков имела формальный характер. Однако в марте 1948 г. состоялась первая послевоенная студенческая научная конференция. Сформировалась идея о необходимости создания общества, которое смогло бы объединить все кружки, разработать тематику научно-исследовательской работы студентов, проводить конкурсы на лучшие научные работы, осуществлять издание научных работ студентов и др. Уже осенью 1948 г. было организовано ***Студенческое научное общество*** (СНО) БГУ, на каждом факультете открылись его отделения. К 1950 г. численность СНО достигла 243 человек. В 39 научных кружках занималось более 800 студентов. Впоследствии студенческие конференции проводились ежегодно. В 1951 г. увидел свет первый сборник студенческих научных работ. Среди студенческих исследований того времени были действительно перспективные и очень качественные. Например, научные разработки студентов химического факультета И. Ермоленко и М. Мазеля позволили добиться на производстве экономии в сотни тысяч рублей. В марте 1952 г. этих студентов наградили грамотами Министерства высшего образования СССР.

Во второй половине 1940-х гг. возобновились научные экспедиции студентов. Осенью 1947 г. студенты и сотрудники географического факультета отправились в экспедицию для изучения Полесья. Зимой следующего года была организована экспедиция по изучению производительных сил Полесской низменности. К 1951 г. практика научных студенческих экспедиций расширилась. Студенты собирали материал в Полесской области для составления атласа белорусского языка, изучали рыбное хозяйство крупных водоемов Беларуси, ландшафты юго-восточной части Полесья и т. д.

Все послевоенные годы студенты продолжали принимать участие в восстановлении и благоустройстве Минска, но часто это препятствовало нормальной учебе. Так, ректор БГУ *Владимир Антонович Томашевич* (назначен 1 декабря 1946 г.) отмечал, что всех студентов практически ежедневно мобилизовывали на разборку руин и расчистку улиц. По предложению ректора студенческий труд был нормирован. В 1948 г. по решению властей Минска каждый столичный житель обязывался отработать пять дней в пользу города. По ходатайству В. А. Томашевича коллектив БГУ использовал эти дни для обустройства университетских зданий. В 1951 г. студенты закладывали детский парк возле минского театра оперы и балета, благоустраивали парк имени М. Горького. Тон в общественной работе задавали комсомольцы. К 1952 г. комсомольская организация БГУ насчитывала 1576 человек. Доброй традицией был выпуск факультетских стенгазет. В 1953 г. в конкурсе на лучшую стенгазету первую премию получила газета отделения журналистики «За перадавую навуку».

Бытовые условия жизни студентов оставались скромными. Основной проблемой являлась жилищная. Мест в общежитиях для всех студентов не хватало, поэтому часть из них снимала комнаты за 100—200 рублей в месяц. В 1952 г. закончилось строительство общежития по ул. Свердлова на 500 мест, в котором активное участие приняли и студенты. В 1953 г. началось строительство двух общежитий по ул. Бобруйской.

После войны в университете развернулась шефская работа. Студенты химического факультета шефствовали над обувной фабрикой имени Э. Тельмана, комсомольцы — над молодыми строителями и рабочими Минского автомобильного завода. Кроме того, БГУ шефствовал над Минским железнодорожным узлом, железнодорожным училищем, детскими домами и даже над всем Дзержинским районом Минской области. Студенты выезжали в составе агитбригад в подшефные колхозы, во время каникул занимались просветительской работой среди населения, осенью помогали колхозникам убирать картофель.

Развивалась художественная самодеятельность. В декабре 1945 г. были созданы университетский хор и оркестр народных инструментов, состоялась первая репетиция танцевального коллектива университета. В 1949 г. на базе факультетских драмкружков возник общеуниверситетский драматический коллектив. В 1951 г. был создан второй общеуниверситетский театральный коллектив. В октябре 1948 г. открылся студенческий клуб БГУ. В 1950 г. в художественной самодеятельности участвовало 250 студентов. Только за год (1951—1952) клуб провел 96 концертов, 42 тематических вечера, 14 спектаклей, 5 творческих встреч. При клубе действовало 26 коллективов и кружков художественной самодеятельности.

Большое внимание в БГУ уделялось физкультуре и спорту. Проводились спортивные соревнования: эстафеты по легкой атлетике, первенство по тяжелой атлетике и др. Некоторые студенты-спортсмены добивались высоких результатов. Так, в 1948 г. студентка Н. Русалович стала чемпионкой БССР по велоспорту, в 1949 г. студентка Б. Шерешевская — чемпионкой БССР по шашкам. Наставники не отставали от своих студентов. Например, преподаватель кафедры физвоспитания Б. Щербаков в 1952 г. завоевал звание чемпиона БССР по боксу. В 1953 г. начала проводиться ежегодная общеуниверситетская спартакиада с участием команд других вузов.

Резюме. Достижения БГУ в научной, образовательной и общественной сферах не оставались незамеченными партийно-советским руководством. Совет Министров СССР 1 января 1949 г. присвоил Белорусскому государственному университету имя В. И. Ленина. Ряд преподавателей были награждены орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знаком Почета», медалью «За трудовую доблесть».

В октябре 1951 г. БГУ отметил свое 30-летие. К этому времени он уже вновь превращался в крупный научно-образовательный центр республики. Успехи, достигнутые в послевоенные годы, свидетельствовали о безусловном возрождении университета.

Глава 10

РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БГУ В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ (1953–1989)

Дальнейшая эволюция организационной структуры БГУ

Смерть И. Сталина (5 марта 1953 г.) и приход к власти нового партийного лидера Н. С. Хрущева вызвали в стране перемены, образно охарактеризованные как «оттепель». После XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) в стране начался процесс реабилитации жертв сталинских репрессий. Оживилась общественная жизнь, в стороне от которой не могли остаться студенты и преподаватели высших учебных заведений.

Перемены в жизни БГУ не сразу стали заметными и существенными. Тем не менее уже первые события 1953 г. были показательными. Так, был снят партийный выговор за выступления в защиту «космополитов» с преподавателя Д. Е. Факторовича, осуждено решение об увольнении преподавателя М. Извековой (только на том основании, что она родилась в Лондоне) и т. д. Высказывалась и критика в отношении работы ректората (ректором в 1952—1957 гг. являлся *Константин Игнатьевич Лукашев*) за принятие решений по существенным вопросам без совещания с партийными и общественными организациями, за отсутствие подписки на газеты и журналы на белорусском языке и т. д. Разоблачение культа личности Сталина нашло выражение в том, что университетская газета «За

сталінскія кадры» была переименована в «Беларускі універсітэт». Однако по-прежнему в Беларуси партийное руководство продолжало строго контролировать ситуацию. Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» не было обсуждено на общеуниверситетском и факультетских партсобраниях.

На 1953 г. БГУ единственный в БССР имел статус университета. С полным основанием его, как и ранее, называли «флагманом высшей школы Белоруссии». Между тем положение БГУ некоторое время было довольно нестабильным. После объединения ряда союзных министерств БГУ 15 марта 1953 г. оказался в подчинении Министерства культуры СССР. Менее чем через год, 9 марта 1954 г., снова было создано Министерство высшего образования СССР. Университет перешел в его распоряжение.

Еще 19 февраля 1953 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по улучшению подготовки профессорско-преподавательских кадров для высших учебных заведений СССР». Решить этот вопрос в некоторой степени должна была реорганизация управления университетом. Так, было создано два Ученых совета — гуманитарных и природоведческих наук, при этом по-прежнему действовал и общий Ученый совет. Кроме того, ректорат превратился в постоянно действующий орган со строго очерченными полномочиями и составом — ректор, проректоры, деканы, представители парторганизации и месткома. Ректорат собирался ежемесячно для обсуждения организационных вопросов, научной и учебной работы. Новая структура позволила более эффективно решать различные внутренние вопросы, в том числе получить право на защиту кандидатских диссертаций едва ли не по всем отраслям науки. В то же время были значительно расширены права деканатов: именно они призваны были осуществлять непосредственное руководство учебной и научной работой на факультетах.

Новации в учебном процессе

Важнейшей проблемой оставалось обеспечение университета собственными научными кадрами. По-прежнему значительным был процент совместителей, особенно остро недоставало ученых-профессоров по математике, истории Беларуси, русскому и белорусскому языкам, географии, геологии. В 1953/54 учебном году три заведующих кафедрами не имели научного звания. Эту проблему пытались решить главным образом за счет подготовки ученых через аспирантуру.

В 1955 г. в БГУ были введены новые учебные планы, которые позволили университету готовить специалистов широкого профиля, укреплять связи учебной и научной работы с практикой. Большая работа была проделана по выявлению и устранению параллелизма, повторов в препода-

вании отдельных дисциплин. Некоторые дисциплины были переведены из числа обязательных в факультативные. Министерство высшего образования СССР в своем постановлении от 14 апреля 1955 г. также нацеливало на сокращение многопредметности, количества экзаменов в сессию. Благодаря утвержденным в БГУ новым учебным планам из программ был исключен лишний материал, устранена перегрузка студентов отчетностью. Была предусмотрена тематика практических занятий, особенно по тем дисциплинам, которые имели непосредственное отношение к сельскому хозяйству. Все это в целом положительно сказалось на учебном процессе. Однако студенты не всегда могли правильно использовать время, высвободившееся в результате сокращения лекционных часов.

В сентябре 1956 г. во всех университетах СССР был введен новый экзамен по истории КПСС, кроме того, на философских факультетах — государственный экзамен по курсу диалектического и исторического материализма, а на экономических — по курсу политической экономии.

В том же году много разговоров велось о крупной реорганизации БГУ. Так, обсуждалась возможность закрытия отделений геологии и почвоведения, распространялись слухи о слиянии БГУ и Минского педагогического института. Однако дальше разговоров дело не пошло.

В конце 1950-х гг. руководителем партии и государства Н. С. Хрущевым была инициирована новая реформа системы образования, предусматривавшая осуществление политехнического обучения, трудового воспитания, усиление связи учебы и производства. Реформа, начатая в результате принятия Закона СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (декабрь 1958 г.), непосредственно затронула и БГУ. Была признана необходимость значительного увеличения выпуска специалистов по новым направлениям математических, биологических, физических, химических наук, усиления теоретической и практической подготовки студентов, повышения роли университетов в решении важных проблем природоведческих и гуманитарных наук. В 1958 г. были утверждены новые правила приема в вузы, дававшие существенные льготы при поступлении лицам, имевшим стаж работы не менее двух лет, демобилизованным и участникам войны. Им выделялось 80 % мест в вузах. В то же время в очередной раз менялись учебные планы и программы. Они имели целью «приблизить учебу к жизни, к производству, связать теорию с практикой».

Важные перемены в вузах произошли в 1960 г. Согласно указу Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 21 октября 1960 г. вводилось новое положение о кафедрах вузов. С этого времени кафедры превращались в основные учебные и научные организации вузов, призванные обеспечивать все виды обучения.

Постановлением Совета Министров СССР от 22 сентября 1968 г. были четко очерчены функции университета: осуществлять подготовку высоко-

квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства, науки, техники, культуры, просвещения и органов государственного аппарата, владеющих глубокими теоретическими и необходимыми практическими знаниями по специальности, марксистско-ленинской теорией, новейшими достижениями отечественной и иностранной науки и техники, навыками массово-политической и воспитательной работы.

Таким образом, БГУ, занимая важное место в белорусском обществе, находился под пристальным вниманием государственных и партийных органов. Это систематизировало его работу в рамках установленных организационных норм и правил, обеспечивало необходимое финансирование и т. д. Однако не могло быть и речи о проявлении каких-либо самостоятельных инициатив, отступлении от указаний «сверху».

Новые факультеты и их кадровый потенциал

Как отмечалось, в структуре БГУ в начале 1950-х гг. насчитывалось шесть факультетов. Послевоенное восстановление и развитие страны определяло необходимость создания новых факультетов, которые должны были готовить специалистов по все большему числу специальностей. Структурные перемены в университете происходили неоднократно: можно говорить, что они и в будущем станут одной из важнейших характеристик развития БГУ.

В 1954 г. на филологическом факультете было закрыто отделение логики, психологии и русского языка, а исторический факультет прекратил подготовку специалистов на философском отделении. Но в том же году в БГУ появился новый факультет. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 10 октября 1954 г. Минский юридический институт был преобразован в ***юридический факультет*** БГУ. Соответственно в структуре университета появились новые кафедры: теории и истории государства и права, государственного международного права, общественных правовых дисциплин, криминального права и процесса.

В 1958 г., уже в период ректорства *Антона Никифоровича Севченко* (с 1957 по 1972), в БГУ был создан ***вечерний факультет*** (с 1960 г. — вечернее отделение). Вечерняя форма обучения давала возможность получить высшее образование в свободное от работы время. Предполагалось, что она позволит эффективно сочетать теорию с практикой, применять полученные в университете знания в трудовой деятельности. Первоначально преподавание велось по специальностям «математика», «физика», «химия» и «журналистика», затем число специальностей было доведено до 10. Остро стоял вопрос об обеспечении вечернего отделения профессорско-преподавательскими кадрами. Но, несмотря на сложности, в 1961 г. на вечернем отделении работало 102 преподавателя, в том числе 15 профессоров и докторов наук (среди них и сам ректор А. Н. Севченко).

В 1960-е гг. в БГУ создаются новые факультеты. Особый статус имел ***факультет общественных профессий*** (с февраля 1963 г.), который работал во внеучебное время. Факультет готовил студентов различных факультетов БГУ по специальностям, дополнительным к основным: хормейстер, руководитель танцевального коллектива, дирижер оркестра народных инструментов, режиссер самодеятельного и драматического театра. Здесь также можно было получить квалификацию лектора, судьи, общественного инструктора по спорту, пионерского вожатого. Эта подготовка не была приравнена к высшему образованию, но позволяла выпускнику активно включиться в общественную жизнь по месту распределения. Занятия на этом факультете вели главным образом преподаватели университета на общественных началах.

В 1966 и 1968 гг. в БГУ появились такие учебные подразделения, как ***факультеты повышения квалификации.*** Впоследствии они станут называться факультетами (или институтами) последипломного образования. В университете действовали факультет повышения квалификации преподавателей общенаучных дисциплин вузов по специальности «физика и математика» и факультет повышения квалификации преподавателей общественных дисциплин учебных заведений. В отличие от других факультетов, здесь возникли сложности с организацией приема слушателей. Явно завышенный план приема регулярно не выполнялся.

С августа 1967 г. снова начал работу ***факультет журналистики*** БГУ (с 1944 г. он уже был в составе БГУ, но потом его преобразовали в отделение журналистики филологического факультета). Деканом восстановленного факультета стал доцент *Г. В. Булацкий*. На факультете была создана новая кафедра теории и практики радио и телевидения. Выросло число кафедр и на других факультетах. В целом, в 1967 г. действовало уже 76 кафедр (вместо 43 в 1957 г.). К числу новых относились: кафедры научного коммунизма, марксистско-ленинской философии, теоретической механики, ядерной физики, радиофизики и электроники, вычислительной математики, прикладной математики, общей химии, высокомолекулярных соединений, нефти и химических технологий, биохимии и биофизики, физической географии зарубежных стран, истории журналистики, истории СССР, истории государства и права и др.

В 1971 г. БГУ торжественно отмечал свое 50-летие. К этому времени в университете насчитывалось 15 факультетов, из них 10 так называемых «основных», на которых и велась подготовка специалистов с высшим университетским образованием: физический, математический, ***прикладной математики*** (открыт 1 апреля 1970 г.), биологический, географический, химический, исторический, юридический, филологический, журналистики. Университет имел 91 кафедру, более 150 научно-исследовательских и учебных лабораторий, ***Научно-исследовательский институт прикладных физических проблем*** (создан 1 марта 1971 г.), 9 учебно-производственных мастерских, биологическую станцию на оз. Нарочь, учебно-опытное хо-

зяйство «Щемыслица». Профессорско-преподавательский состав насчитывал 1109 человек, из них 76 профессоров и докторов наук и 453 доцента и кандидата наук.

Структурные изменения в БГУ продолжились и в период ректорства *Всеволода Михайловича Сикорского* (1972—1978). В 1975 г. в связи с началом подготовки кадров по специальности «механика» математический факультет был переименован в ***механико-математический***. Затем в 1976 г. физический факультет был разделен на два — ***физический*** и ***радиофизики и электроники***. Деканом нового факультета стал доцент *А. А. Лабуда*. Продолжилось создание новых кафедр (например, психологии, теории функций и функционального анализа). В соответствие с потребностями развития науки приводились названия старых кафедр (так, кафедра физической и коллоидной химии была переименована в кафедру физической химии, кафедра общей химии — в кафедру общей химии и методики преподавания химии и т. д.).

Студенты Белорусского государственного университета: учеба, наука, быт, общественная работа

Студентов 1950—80-х гг. волновали те же проблемы, что и наших современников. Учеба, участие в научно-исследовательской и общественной деятельности, работа и праздники составляли содержание повседневной жизни студентов.

Вместе со структурным ростом университета возрастало и число его студентов. Так, если в начале 1952/53 учебного года в БГУ училось 2009 студентов, в 1953/54 — 2220, то в 1954/55 — уже 3506. Численность студентов росла и в новом десятилетии: в 1961/62 учебном году только на дневном отделении училось 3210 студентов, в 1964/65 — 5139, а в 1972/73 — уже 9396. Из-за крайнего недостатка аудиторий (что еще более усугублялось ростом числа студентов, а также кафедр и лабораторий), перегруженности учебных планов занятия проводились в 2—3 смены. Это приводило к тому, что на некоторых курсах студенты занимались по 10 и более часов в день.

Университет чрезвычайно нуждался в строительстве нового учебного корпуса. В отчете за 1955/56 учебный год отмечалось, что «согласно существующим нормативам университету необходимо было 22—25 тыс. $м^2$ учебных площадей, а имелось же только 8 тыс. $м^2$». Тяжелым было положение и со студенческими общежитиями. Хотя в 1952 г. было построено новое общежитие по ул. Свердлова, известная для всех поколений студентов-историков «копейка», это существенно не поправило ситуацию. При норме в 440 человек в общежитии проживало 645 студентов. В сентябре 1954 г. еще два общежития по ул. Бобруйской приняли студентов. Тем

не менее более 950 студентов вынуждены были снимать места в частных квартирах. В 1957 г. в распоряжении БГУ было пять общежитий. Согласно существовавшим нормам в них могло разместиться 1060 человек, однако реально проживало 1728 студентов, а также 59 аспирантов и 17 преподавателей. Ситуация значительно улучшилась после открытия в апреле 1960 г. нового общежития на 831 «койко-место» по ул. Димитрова. Значительную помощь в строительстве этого общежития, как и по ул. Свердлова, оказали сами студенты: на протяжении 1958—1959 гг. юноши и девушки 1—4-х курсов группами по 50—100 человек ежедневно работали на строительстве во внеучебное время по 4 часа. Все заработанные средства шли в «комсомольскую копилку».

Вместе с принятием новых учебных планов в 1955 г. было вновь обращено внимание на самостоятельную работу студентов. Оказалось, что студенты привыкли в большей степени готовиться по конспектам лекций и неохотно пользовались учебниками и учебной литературой. Это обнаруживалось на экзаменах: как правило, хорошие ответы были на те вопросы, которые подробно рассматривались на лекциях. Но стоило преподавателю задать вопрос, которому в лекции уделялось меньше внимания, и ответы оказывались на низком уровне. В связи с этим в университете на всех курсах были организованы регулярные индивидуальные и групповые консультации по работе с литературой. На историческом факультете в 1955 г. даже была проведена конференция студентов, на которой опытные преподаватели прочитали лекции о планировании внеурочного времени. Все это способствовало тому, что уже по итогам 1955/56 учебного года существенно вырос уровень дипломных работ. А результаты некоторых дипломных работ находили практическое применение в сельском хозяйстве и промышленности, докладывались на научных конференциях (например, разработка студентом Гуриновичем новой методики по изучению поляризации флюоресценции хлорофилла — на Всесоюзном совещании по спектроскопии 1956 г.).

Со временем вклад студентов БГУ в развитие народного хозяйства становился все более ощутимым. Так, студенты-биологи проходили учебно-производственную практику не только на территории БССР (в Беловежской пуще, на оз. Нарочь, опытной станции АН БССР в Боровлянах), но и на Кавказе. Зональная практика почвоведов проходила по маршрутам от Минска до Симферополя. Геологи бывали на базах геологических управлений и разведки России, Украины, химики — на калийных комбинатах Соликамска, Калуги и др. И распределение выпускников БГУ было тогда общесоюзным, т. е. в масштабах всего СССР. Пленумы ЦК КПСС прямо нацеливали на вовлечение всех студентов в научно-исследовательскую работу, на оказание практической помощи промышленности и сельскому хозяйству. В этом отношении знаменательным стал 1954 г. В сентябре этого года состоялась первая поездка студентов всех курсов в колхозы с целью

помочь в сборе урожая. В условиях низкой эффективности советской экономики очередной способ использования внеэкономического рычага для поддержания сельского хозяйства был принят руководством, и практика «трудового» семестра для студентов стала регулярной. Активно участвовали студенты БГУ и в освоении целины, и в работе строительных отрядов.

Студенты умели трудиться, но умели и отдыхать. Впервые Международный день студентов широко отмечался 17 ноября 1960 г. В СССР он приобрел официально-идеологический характер: на формально организованных мероприятиях говорили исключительно о проблемах жизни студентов капиталистических и развивающихся стран. Поэтому молодые люди не могли проявить себя, наполнить мероприятия праздничным настроением. В 1966 г. Минский горком комсомола обратился к руководству вузов с предложением по-новому организовать проведение этого праздника. Ректорат БГУ одним из первых поддержал эту инициативу, и 16 октября 1966 г. на Центральной площади столицы студенты организовали театрализованное представление, завершившееся грандиозным факельным шествием.

В 1970-х гг. учеба в БГУ все больше совмещалась с научно-исследовательской работой, когда студенты в той или иной степени участвовали в выполнении многих госбюджетных и хозяйственно-договорных работ как в студенческих научно-исследовательских лабораториях (СНИЛ), так и на кафедрах. Их привлекали к участию в научных экспедициях, конференциях, семинарах, они читали лекции населению. Признанием успехов кафедры радиофизики и электроники в организации деятельности СНИЛ стало ее награждение в 1978 г. Почетным дипломом Совета по научно-исследовательской работе студентов БГУ. В 1977/78 учебном году 542 курсовые и дипломные работы выполнялись на производстве, а 42 работы были внедрены или предложены для использования их результатов в производстве. Десять студентов кафедры неорганической химии во время производственной практики провели работу, результаты которой были использованы производственным объединением «Интеграл». Во второй половине 1970-х гг. в БГУ действовало 112 научно-исследовательских кружков и групп, которые объединяли 3130 студентов. Их работу направляли лучшие ученые университета: академики *Л. В. Володько, В. П. Платонов*, член-корреспондент *В. Д. Ткачев* и многие другие.

Воспитательная и культурно-массовая работа в университете

Воспитательной и идеологической работе в учебных заведениях СССР партийное руководство всегда придавало огромное значение. В советской системе образования эти направления являлись приоритетными, даже в

ущерб основной ее задаче — приобретению знаний и профессии. Разнообразная культурная жизнь в особенности оживилась в период «оттепели». Привычным явлением стали литературные вечера по случаю выхода в свет новых книг (например, повести И. Эренбурга «Оттепель», давшей название периоду советской истории), встречи с писателями, поэтами, которые уже в те годы считались классиками белорусской литературы: Я. Коласом, А. Кулешовым, М. Лужаниным, М. Лыньковым, Я. Брылем, И. Шамякиным и др. В обсуждении их произведений принимали участие студенты А. Мальдис, Н. Гилевич, Р. Бородулин, Г. Буравкин — в будущем знаменитые белорусские литераторы. Дважды в БГУ побывали К. Симонов и А. Твардовский.

В рамках воспитательной и культурной работы осенью 1954 г. университетский радиоузел силами студентов был не только переоборудован, но и по-новому стал осуществлять свои передачи. После серьезной официальной информации по радио звучала музыка. Активное участие в налаживании работы радиоузла принял будущий профессор и проректор БГУ, а в то время студент физмата С. Шушкевич.

В 1970 г. в БГУ произошли события, всерьез обеспокоившие органы власти. Группа студентов-филологов потребовала перевести обучение на белорусский язык. За это их обвинили в национализме и, как следствие, исключили из университета или перевели в другие вузы подальше от столицы. Была скорректирована вся воспитательная работа. В соответствии с решениями XXIV съезда КПСС (март — апрель 1971 г.) в БГУ был разработан план коммунистического воспитания студентов, рассчитанный на весь период обучения. В нем предусматривались такие направления воспитательной работы, как формирование марксистско-ленинского мировоззрения, патриотическое, интернациональное, трудовое, эстетическое и атеистическое воспитание, воспитание коммунистической нравственности, коммунистического сознания, воспитание студентов как активных строителей коммунизма и т. д.

Основная нагрузка в деле формирования марксистско-ленинского мировоззрения, признававшегося «единственно верным и научным», ложилась на кафедры общественных наук: истории КПСС (гуманитарных и природоведческих факультетов), научного коммунизма, марксистско-ленинской философии, а также на курс истории СССР, который читался студентам всех гуманитарных факультетов. Как отмечалось в университетских отчетах, «неослабевающее внимание преподаватели кафедр общественных наук придавали показу реакционной антигуманной сущности современного империализма, его теории, стратегии и тактики в борьбе против СССР <...> раскрытию экономических и социально-политических истоков национализма и шовинизма, “правого” и “левого” ревизионизма, привитию будущим специалистам умения активно вскрывать подкопы буржуазной и ревизионистской идеологии и морали». Только в

1971/72 учебном году было проведено более 30 теоретических конференций на тему «Антикоммунизм — главное идейно-политическое оружие империализма».

Не случайно в тот год, когда торжественно отмечался 50-летний юбилей БГУ, именно кафедра истории КПСС гуманитарных факультетов вышла на первое место в соревновании между кафедрами и получила переходящий вымпел. Денег на идеологическую работу в те времена не жалели. Огромные средства были затрачены на оборудование кабинета истории КПСС природоведческих факультетов, который занимал вестибюль и несколько аудиторий на четвертом этаже нового химического корпуса, имел читальный зал и кинолекторий. Кабинет был оформлен художниками, приглашенными из Москвы, и не имел аналогов во всем Советском Союзе. Повышенное внимание, которое уделялось идеологической работе, определялось также тем, что заведующий кафедрой истории КПСС гуманитарных факультетов профессор *Всеволод Михайлович Сикорский* в октябре 1972 г. был назначен новым ректором БГУ.

Под руководством В. М. Сикорского к середине 1970-х гг. в БГУ была создана стройная система марксистско-ленинского образования и политической учебы. В 1974/75 учебном году в БГУ работало 48 семинаров высшего звена, 5 семинаров среднего звена, 19 начальных партшкол. Кроме того, действовал филиал вечернего университета марксизма-ленинизма при Минском горкоме КПБ для повышения идейно-теоретического уровня партийных, комсомольских, профсоюзных работников, преподавательских кадров, партийных и беспартийных активистов. Кураторы студенческих групп обязаны были регулярно, по два раза в месяц, проводить политинформации по тематике, разработанной парткомом БГУ (например: «Основные задачи Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1975 год», «Забота о благосостоянии народа — главная задача политики КПСС», «Письмо Л. И. Брежнева комсомольцам г. Москвы — победителям социалистического соревнования» и др.).

Именно в 1970-е гг. основной единицей учебно-воспитательного процесса становится студенческая группа. Предполагалось, что костяк группы составят комсорг, профорг и староста. Однако часто выдвижение на эти должности было формальным.

Одной из характерных форм воспитательной и идеологической работы являлась деятельность всесоюзного общества «Знание», которое существовало и в БГУ, объединяя 12 первичных организаций. Основное внимание в лекциях, организуемых этим обществом, придавалось пропаганде решений съездов КПСС и КПБ, партийных пленумов, чествованию юбилейных дат — 50-летия СССР, 30-летия победы в Великой Отечественной войне и др. Общество «Знание» БГУ осуществляло свою деятельность и вне стен университета: его преподаватели читали лекции среди населе-

ния БССР. Формой лекционной пропаганды был выезд ученых университета на промышленные предприятия Минска и Минской области. Так, БГУ являлся шефом г. Борисова и Борисовского района, Столбцовского, Дзержинского, Смолевичского районов, МАЗа и ряда других предприятий. Лекторов готовили на специальном семинаре по методике лекционной пропаганды (работал с 1975 г.).

Большое внимание в университете уделялось военно-патриотическому воспитанию. Оно осуществлялось в разных формах и по различным направлениям, но цели были общими: формирование марксистско-ленинского мировоззрения, преданности коммунистической партии и советской родине. В университете проводились встречи с участниками Октябрьской революции 1917 г., ветеранами Гражданской и Великой Отечественной войн. Приглашались также офицеры и солдаты Белорусского военного округа, проводились митинги, походы по местам боев, возложение венков на могилы солдат и партизан, посещение музеев и т. д. Особое место в этом ряду занимали соревнования по военно-прикладным видам спорта, которые проводились совместно кафедрой физвоспитания и спорта и комитетом Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ). Проводились также кинофестивали — просмотры художественных и документальных кинофильмов на военно-патриотическую тематику. Однако патриотизм того времени был исключительно советского характера. Ни о каких национальных корнях, традициях, основанных на богатом и славном историческом прошлом белорусского народа, не могло быть и речи. При этом тематика мероприятий повторялась из года в год и сами они все чаще приобретали формальный характер.

Реально заинтересовать студентов могли литературные конференции, которые организовывались совместно с университетской библиотекой. Действительно существенной в сфере военно-патриотической работы была деятельность группы «Долг» по обнаружению имен студентов и преподавателей БГУ, погибших в годы войны. Значительным событием стало открытие 7 мая 1975 г. памятного знака профессорам и преподавателям, студентам, аспирантам, рабочим и служащим БГУ, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

В наши дни в отношении воспитательной работы тех лет чаще всего звучат негативные отзывы. Надо признать, что вся эта работа была частью политики правящей коммунистической партии, установившей в стране тоталитарный режим, характеризовавшийся крайней нетерпимостью к инакомыслию и навязыванием признававшейся единственно правильной марксистско-ленинской идеологии. Тем не менее воспитательная работа имела, несомненно, и положительную сторону. Она способствовала укреплению учебной дисциплины, привитию высоких моральных качеств, формированию чувства сопричастности общему делу, в которое было вовлечено население всей огромной страны.

Феномен «студенческой целины» и студенческие строительные отряды

Одной из форм активного участия студенчества в жизни страны была работа в студенческих строительных отрядах (ССО) и освоение целины. Не остались в стороне и студенты БГУ.

Инициатива по освоению целинных и залежных земель (главным образом на территории Казахстана) принадлежала главному лицу в партийной иерархии — первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. Предполагалось, что урожай с новой территории позволит раз и навсегда решить продовольственную проблему в стране и увеличить экспорт зерна. Первоначально эффект от освоения ранее не задействованных в сельском хозяйстве земель был обнадеживающим, однако уже вскоре ошибки в организации сева, сбора, хранения и транспортировки зерна привели к продовольственному кризису в начале 1960-х гг.

Руководство страны умело использовало трудовой энтузиазм населения, особенно молодежи, с готовностью откликнувшейся на призыв партии: 12 марта 1954 г. 170 комсомольцев Минска, среди которых были и студенты БГУ, отправились в Казахстан. В 1955 г. 275 студентов БГУ участвовало в уборке урожая на целине, а в следующем году здесь работало уже до 700 студентов-комсомольцев. В БГУ 16 сентября 1956 г. прошла торжественная встреча первой группы студентов, которые принимали участие в сборе урожая в Казахстане. Студенты находились в зерносовхозе имени Фрунзе с 28 июля по 15 сентября, им приходилось работать по 16—18 часов в сутки, несмотря на тяжелые климатические условия. В Минске секретарь комсомольской организации БГУ *Е. Бабосов* вручил проректору *Г. А. Поветьеву* сноп целинной пшеницы, как символ того, что университетская молодежь смогла преодолеть все трудности и внесла свою лепту в продовольственную программу страны.

В целом за 1956—1968 гг. на землях Казахстана побывало около 1500 студентов БГУ. С их помощью только в 1958 г. два совхоза Рузаевского района собрали 3,1 млн пудов зерна. На целине студенты становились также и строителями. Вместе с отрядами других белорусских вузов было отремонтировано 67 домов и общежитий, 16 школ, 89 животноводческих помещений, построено 46 домов и общежитий и др. Участие студентов в «целинной эпопее» было исключительно добровольным, но влекли их не только романтика и энтузиазм. На целине можно было заработать деньги, что для многих студентов было хорошим способом улучшить свое материальное положение.

Неудача с «целинной эпопеей» вынудила партийное руководство страны искать новые пути по исправлению ситуации в сельском хозяйстве, которое оставалось малоэффективным. В расчет брались и трудовые возможности студенчества, и новые формы привлечения молодежи к работе

на селе. Инициатива исходила снизу, а власти подхватывали ее и направляли в нужное русло: так возникло движение студенческих строительных отрядов. Решение о создании первого студенческого отряда было принято 13 октября 1958 г. на 9-й отчетно-выборной конференции комсомольской организации физфака МГУ. Первые же профильные ССО были сформированы в СССР только в 1963 г. В Кремлевском Дворце съездов 13 декабря 1966 г. открылся первый Всесоюзный слет студенческих строительных отрядов. Пик развития движения в СССР пришелся на 1985 г.: от министерств и ведомств были поданы заявки на привлечение 2 млн студентов. Численность Всесоюзного студенческого отряда составила 830 тыс. человек. С 1959 по 1985 г. школу ССО прошли около 13 млн студентов СССР.

В БГУ формирование ССО началось несколько позднее. Первоначально, после мартовского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС, стали создаваться трудовые лагеря. На заседании бюро комитета комсомола БГУ, который занялся непосредственной организацией работы студентов на стройках, в колхозах и совхозах Беларуси, был создан штаб трудовых дел. Приоритет сохранялся за работой на целине, однако акцент делался не на уборке урожая, а на строительстве различных объектов.

В деле создания студенческих строительных отрядов в БГУ решающим оказался 1963 г. В этом году 282 студента университета работали в Уральской области на строительстве коровников, теплиц, жилых домов, школ. При этом если раньше строительные работы не были основными, то теперь студенты занимались исключительно ими. Для координации работ был создан штаб целинников БГУ, занимавшийся координацией деятельности студенческих отрядов не только на целине, но и в Беларуси, в том числе и на университетских стройках. Именно тогда, весной 1963 г., впервые и прозвучало название «студенческий строительный отряд» — ССО. В июле того же года был опубликован Устав ударного студенческого строительного отряда Беларуси, который определял задачи и структуру отряда, обязанности его членов.

В следующие годы количество ССО росло. Формировались не только сводные, но и отдельные отряды факультетов. К числу наиболее значимых трудовых свершений ССО Белорусского государственного университета на казахских землях можно отнести строительство в 1960-е гг. животноводческого городка в совхозе «Алгабаски», застройку улицы в совхозе «Блищанский», возведение центральной усадьбы в совхозе «Калиновский» по ул. Университетская, поселка «Юбилейный» с улицей «Белорусская», строительство главного шлюза «Лиман-53» Урало-Кушумского водного канала и др.

Между студенческими строительными отрядами развивалось соревнование, из которого победителем часто выходили отряды из БГУ. Так, в 1966 г. целинники привезли флаг «Лучшему студенческому строительному отряду», в том же году студенты-строители исторического факультета БГУ заняли второе место среди 72 отрядов, работавших в Уральской

области. За заслуги в формировании ССО Президиум Верховного Совета Казахской ССР в марте 1970 г. наградил БГУ Почетной грамотой.

Со временем студенческие отряды, хотя их персональный состав периодически менялся, приобретали традиции, появились особые праздники («Закапывание зеленого змия», «Целинный Новый год», «День спорта», «День вежливости», «День Нептуна», «День строителя», «День розыгрыша», «День анархии», «ДМБ — день молодого бойца»), отряды обзаводились собственными именами («Зубренок», «Аэлита», «Виктория», «Эврика» и др.).

С каждым годом росла численность ССО и география их деятельности. В 1971 г. в БГУ было сформировано 67 отрядов. Они проявили себя на стройках в Казахстане, Сибири, Дагестане, Коми АССР, г. Тольятти, в составе интеротрядов в ГДР, Чехословакии, вели строительство в Минске, Минской и Гомельской областях, в Речице и Солигорске, восстанавливали разрушенные землетрясением города Кизляр (1970) и Джамбул (1971).

«Студенческая целина» и ССО остались яркой страницей в истории СССР, но их традиции не были забыты и находят продолжение — в том числе в современной истории БГУ.

Новый этап в развитии международного сотрудничества

До середины 1950-х гг. международные связи Белорусского государственного университета были крайне ограничены. Фактически они сводились только к личной переписке сотрудников университета (например, В. И. Пичеты) с иностранными коллегами, а также участию профессоров В. Н. Перцева и Ф. П. Шмыгова в Международной конференции по принятию Устава ООН в 1945 г. Такая ситуация была обусловлена международным положением СССР, фактически находившегося в изоляции.

Вместе с началом разрядки в международных отношениях после прихода к власти Н. С. Хрущева начался новый этап в развитии международных связей БГУ. Однако они по-прежнему носили главным образом персональный характер. Так, в августе 1955 г. профессора, академики А. Н. Севченко, Т. Н. Годнев, Б. И. Степанов присутствовали на Международной конференции по мирному использованию ядерной энергии в Женеве, а в 1956—1957 гг. А. Н. Севченко и Ф. И. Федоров участвовали в разработке Устава и программ деятельности Международного агентства по мирному использованию атомной энергии при ООН. Осенью 1956 г. ректор БГУ академик К. И. Лукашев в качестве делегата от АН БССР принимал участие в работе XX Международного геологического конгресса в Мексике, академик И. С. Лупинович выступил с докладом на VI Всемирном конгрессе почвоведов в Париже.

Получить разрешение на выезд за рубеж было очень сложно. Существовала строгая и длительная процедура отбора кандидатов. Так, летом 1956 г. была сформирована одна из первых туристических студенческих групп для поездки в Чехословакию. Список студентов (в том числе 9 человек из БГУ) утверждался на самом высоком уровне — в ЦК КПБ. Нередки были случаи запрета выезда за рубеж. В 1957 г. за неделю до выезда в Польшу из состава делегации был исключен аспирант БГУ Н. С. Гилевич, а в начале 1970-х гг. не смогла воспользоваться путевкой за рубеж, врученной за победу в международном конкурсе, писательница С. Алексиевич. В декабре 1959 г. были созданы специальные комиссии при ЦК и обкомах Компартии БССР, которые занимались отбором кандидатов для зарубежных поездок. Главным критерием отбора кандидатур была «благонадежность». После возвращения из зарубежных поездок руководители делегаций и туристических групп должны были представлять подробные отчеты о поведении членов групп. В то же время выезжающим за границу давались строгие инструкции, как себя вести, что отвечать на задаваемые вопросы.

Тем не менее, несмотря на все ограничения, международные контакты становились все более частыми и разнообразными. В 1955 г. появилась новая форма международного сотрудничества — обучение иностранных студентов. В августе 1955 г. на учебу в БГУ приехало 10 студентов из Польши, а в следующем году — один студент из далекой Канады (он проходил обучение по индивидуальной программе на филологическом факультете). В первой половине 1960-х гг. получила развитие такая форма межуниверситетских контактов, как обмен студентами. Отбор кандидатур для обмена был очень строгим. Студентам даже приходилось ездить в Москву для личного собеседования. В 1964 г. только 4 студента БГУ получили возможность в течение года проходить обучение в Чехословакии и 6 студентов — в ГДР.

Характерной для 1960-х гг. формой международного сотрудничества стал обмен опытом и обобщение результатов научных поисков в тех или иных отраслях науки на различного рода конференциях и симпозиумах. Но представительство ученых от советских республик на данных научных мероприятиях было ограниченным. В конце 1960-х гг. в БГУ состоялся II симпозиум по истории озер северо-востока СССР с участием представителей РСФСР, Литвы, Латвии, Эстонии, Карелии и Польши; прошел I Республиканский симпозиум славистов, в работе которого принимали участие филологи из Москвы, Ленинграда, РСФСР, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши и др.; были проведены IV Международная конференция историков-славистов с участием ученых из 46 городов СССР, а также из ГДР, Болгарии, Югославии и III конференция биохимиков Беларуси и прибалтийских стран.

В это время устанавливались связи БГУ с университетами других стран. В августе 1965 г. партийное руководство республики приняло ре-

шение о вступлении БГУ в Международную ассоциацию университетов. Кроме того, белорусские вузы получили право заключать двусторонние соглашения с организациями-партнерами в социалистических странах. В результате БГУ в 1965 г. заключил договор о культурном и научном сотрудничестве с Люблянским университетом (Югославия). В 1967 г. были подписаны аналогичные соглашения с Йенским университетом (ГДР) и Софийским университетом (Болгария). В дни торжеств по случаю 50-летия в БГУ побывали делегации Московского, Ленинградского, Варшавского, Люблянского, Ягеллонского, Киевского, Казанского и других университетов. В ноябре 1969 г. в ГДР состоялось первое совместное совещание ректоров СССР и ГДР. В состав советской делегации входил и ректор БГУ А. Н. Севченко. Подобная встреча состоялась в 1977 г. в Минске между ректорами вузов СССР и Югославии.

В 1970-е гг. международные связи БГУ значительно расширились и приобрели многообразные формы. Однако по-прежнему сотрудничество развивалось исключительно с социалистическими странами. Группы студентов БГУ проходили ознакомительно-производственную практику в Йенском и Гальском, Софийском, Люблянском университетах. Особенно тесным было сотрудничество с Софийским университетом имени К. Охридского. В 1973 г. ректор БГУ (в то время В. М. Сикорский) возглавил отделение Товарищества советско-болгарской дружбы. Ежегодно в БГУ отмечались Дни болгарской культуры, просвещения, славянской письменности и печати, День болгарского студента и т. д. Стало традицией взаимное участие в научных конференциях, симпозиумах, в исследованиях по литературе, языкознанию, физике полупроводников и другим отраслям знаний. Болгарская тематика стала привычной в научных исследованиях преподавателей исторического, филологического, географического, юридического факультетов. Профессора БГУ читали лекции в Софийском университете, помогали в подготовке специалистов в области прикладной математики.

Активно развивались связи и с другими университетами. В 1970-е гг. БГУ заключил соглашения о взаимном сотрудничестве с Йенским (ГДР), Люблянским (Югославия), Ягеллонским (Польша), Камагуэйским (Куба) университетами. Постоянными были контакты БГУ с Карловым университетом в Праге, университетом в Галле (ГДР), Шлёнским университетом в Катовицах (Польша). Ученые БГУ выезжали за границу для чтения лекций, участия в научных конференциях, обмена опытом и т. д. В свою очередь, ученые из ГДР и Польши стажировались в БГУ. Все чаще университет посещали делегации из Вьетнама, Кубы, Индии, Бирмы, Непала, Японии, Австрии, Франции, ФРГ. В БГУ учились студенты из Болгарии, ГДР, Польши, Афганистана, Бангладеш, Вьетнама и других стран.

Рост разнообразных международных связей привел к созданию в 1975 г. Клуба интернациональной дружбы (КИД) «Планета» — на базе интернациональных клубов филфака, истфака, физфака, матфака, фа-

культета прикладной математики. Его задачами являлись координация работы землячеств иностранных студентов, которые учились в БГУ, осуществление интернационального воспитания студентов, поддержка контактов с КИД других вузов СССР. В 1977 г. в БГУ отмечалось 15-летие с начала подготовки специалистов с высшим образованием для иностранных государств. В это время в БГУ училось 544 студента, стажера и аспиранта из 59 стран Европы, Азии, Африки и Южной Америки. В том числе из таких далеких стран, как Республика Чад, Экваториальная Гвинея, Малагасийская Республика, Шри-Ланка и др.

Связи с другими странами находили выражение и в выступлениях университетских коллективов художественной самодеятельности на гастролях в других странах. Наибольшую известность приобрел университетский ансамбль танца «Крыжачок», представлявший белорусское хореографическое мастерство в республиках СССР, в ГДР, Польше, Австрии, Англии. В 1974 г. «Крыжачок» получил почетное звание народного ансамбля.

Резко активизировались международные контакты БГУ с университетами мира во второй половине 1980-х гг. Связано это было с политикой «нового мышления» в международных отношениях, которую проводило руководство СССР. Вузы в это время получили право заключать договоры о сотрудничестве с партнерами из капиталистических стран. Западные страны проявляли пристальный интерес к развитию советской высшей школы в целом и белорусской в частности. Это объяснялось высоким уровнем образования и науки в СССР: в рейтинге университетов мира, подготовленном американской организацией «National Education Standards» в 1989 г., БГУ среди крупнейших университетов мира (кроме США) занял 3-е место.

А. Н. Севченко во главе Белорусского государственного университета: время стремительного роста университета

В 1952—1957 гг. ректором БГУ являлся профессор, доктор геолого-минералогических наук *Константин Игнатьевич Лукашев*. В январе 1957 г. он был избран вице-президентом АН БССР. В связи с этим возник вопрос о новом ректоре БГУ. В соответствии с существовавшей тогда практикой данный вопрос решался в ЦК КПБ. В итоге выбор руководителя Компартии БССР К. Т. Мазурова остановился на кандидатуре А. Н. Севченко.

Антон Никифорович Севченко (1906—1978), выпускник БГУ 1931 г., к этому времени состоялся как ученый в Ленинграде. Он был известным специалистом по люминесценции и оптике, за свои достижения в науке имел правительственные награды. В марте 1952 г. А. Н. Севченко защитил докторскую диссертацию и в ноябре того же года был приглашен на рабо-

ту в АН БССР. Уже 8 января 1953 г. он получил звание академика. Ученый возглавил сектор физики и математики Физико-технического института, а с марта 1955 г. — созданный незадолго до этого Институт физики и математики АН БССР. С 1953 г. А. Н. Севченко был связан и с БГУ: в университете он стал во главе созданной по его же инициативе кафедры физической оптики. На заседании Бюро ЦК КПБ 9 апреля 1957 г. Антон Никифорович был утвержден ректором БГУ.

На первом заседании Ученого совета БГУ, которым руководил новый ректор, отмечались и успехи, и существенные недостатки в организации учебной и научно-исследовательской работы. В своем выступлении А. Н. Севченко определил круг задач, требовавших первоочередного решения. Он говорил о необходимости повышения уровня научной работы, расширении связи кафедр с промышленным и сельскохозяйственным производством, концентрации научных сил на решении крупных научно-теоретических проблем. Выступавший на заседании Ученого совета БГУ секретарь ЦК КПБ К. Т. Мазуров обещал новому ректору поддержку.

Важнейшая проблема, требовавшая скорейшего решения, заключалась в необходимости значительного расширения учебных и жилых площадей для студентов и преподавателей. В мае 1957 г. Совет Министров БССР принял постановление о строительстве в 1957—1959 гг. главного корпуса университета. Но уже вскоре, в июле 1957 г., в новом совместном постановлении ЦК КПБ и Совета Министров БССР предусматривалось строительство, кроме главного корпуса, общежития на 800 мест, жилого дома для работников БГУ и студенческой столовой. На многие годы реализация этого проекта стала главной заботой ректора.

А. Н. Севченко крайне серьезно отнесся к своим новым обязанностям и с головой погрузился в работу. «Вопрос о Белорусском государственном университете ставится как вопрос национальной политики», — заявил он на заседании ректората 12 октября 1957 г.

Открытие главного корпуса БГУ (правда, значительно позже намеченных сроков) стало вехой в развитии университета. Были созданы условия для расширения старых и создания новых факультетов, кафедр и лабораторий.

За период ректорства А. Н. Севченко, наряду с завершением многочисленных строек, были изменены учебные планы, появилась новая форма обучения — вечерняя, на новый уровень поднялась научно-исследовательская работа. Заслуги ректора в деле подготовки специалистов и развития науки были высоко оценены: 15 ноября 1961 г. он был награжден орденом Ленина. В феврале 1963 г. широко отмечался 60-летний юбилей А. Н. Севченко и 30 лет его научной деятельности. Этому событию было посвящено специальное заседание Ученого совета университета и Президиума Академии наук БССР, где было подчеркнуто возрастание авторитета и престижа самого БГУ.

В 1960-е гг. БГУ окончательно приобретает классическую форму высшего учебного заведения Беларуси. Это была заслуга как всего коллектива БГУ, так и его руководителя — ректора А. Н. Севченко. Успехи университета отметили на самом высоком уровне. За заслуги в развитии науки и подготовке специалистов 7 января 1967 г. указом Президиума Верховного Совета СССР БГУ был награжден ***орденом Трудового Красного Знамени***. Через некоторое время (16 декабря 1968 г.) решением ЦК КПБ, Верховного Совета БССР, Совета Министров БССР и Белсовпрофа за успехи в подготовке высококвалифицированных специалистов БГУ был награжден Памятным знаменем. Значимой была в этом и заслуга ректора университета.

В 1971 г. с широким размахом прошли чествования БГУ по случаю его 50-летия. В том же году завершилось создание Научно-исследовательского института прикладных физических проблем БГУ. В июле 1972 г. А. Н. Севченко обратился к секретарю ЦК КПБ П. М. Машерову с письмом, в котором просил освободить его от должности ректора БГУ по состоянию здоровья. Этот вопрос был окончательно решен постановлением Бюро ЦК КПБ от 13 сентября 1972 г. А. Н. Севченко был утвержден директором созданного его стараниями НИИ ПФП БГУ. Этим институтом он руководил до последних дней своей жизни (сегодня институт носит его имя). После себя ученый оставил серьезную научную школу, многие его ученики выросли в самостоятельных исследователей: 30 из них защитили кандидатские диссертации, 9 — докторские. Академик АН БССР, заслуженный деятель науки Беларуси, Герой Социалистического Труда Антон Никифорович Севченко умер 26 сентября 1978 г.

Укрепление материально-технической базы Белорусского государственного университета

Вопрос об улучшении материально-технической базы БГУ стал первоочередным в период ректорства А. Н. Севченко. Именно за 1957—1972 гг. были построены и оборудованы учебные корпуса и общежития БГУ, которые остаются основной его учебно-научной базой до наших дней. Обновление университета шло очень тяжело. Прежде всего, в 1958 г. произошел обмен здания бывшего юридического института на только что построенный корпус техникума советской торговли по ул. Красноармейской, более приспособленный для занятий. Это место много значило для БГУ: именно здесь — в «Доме № 1 БГУ», здании бывшей гимназии К. О. Фальковича, — начиналась его история. Так, благодаря реализации инициативы ректора, университет возвращался к своим корням. Во вновь обретенном корпусе разместились исторический, юридический и филологический факультеты, поэтому в целом его называли «гуманитарным».

Хотя постановление о строительстве главного корпуса БГУ было принято еще в мае 1957 г., торжественная закладка фундамента состоялась

только 2 июля 1958 г. Авторами проекта являлись архитекторы *М. Бакланов* и *А. Духан*. Отдельные архитектурные идеи этого проекта, от которых отказались уже в ходе строительства, были весьма необычными и нестандартными. Так, архитекторы предлагали устроить над центральной частью главного корпуса две башни с венчающими их полукруглыми куполами. Башни предназначались для проведения практических занятий по астрономии, для регулярных астрономических наблюдений. Одна из них — телескопическая — при необходимости должна была раздвигаться и поворачиваться. Другая задумывалась как неподвижная башня учебного планетария.

Темпы строительства были первоначально обнадеживающими. К середине декабря 1958 г. уже завершилось сооружение цокольного этажа. Параллельно шло строительство общежитий. В конце апреля 1960 г. новое общежитие по ул. Димитрова было введено в эксплуатацию. Существенную помощь в строительстве оказывали студенты БГУ. Однако возведение главного корпуса университета затягивалось. В отчете за 1960/61 учебный год прозвучало беспокойство, что в новом учебном году БГУ сможет обеспечить учебный процесс при условии хотя бы частичного ввода в эксплуатацию нового здания.

К началу февраля 1962 г. строительство было завершено. Общая площадь корпусов БГУ составила без малого 24 тыс. $м^2$ (учебная площадь почти 16 тыс. $м^2$). Прежде четыре корпуса БГУ располагали чуть более 7,7 тыс. $м^2$ учебной площади. Появление нового корпуса значительно улучшило условия работы университета. В главном корпусе разместились математический, подготовительный, физический, исторический факультеты, а также вычислительный центр, библиотека, ректорат, административные службы и др.

В 1960—70-е гг. численность студентов БГУ продолжала расти, и введение в эксплуатацию главного корпуса только на время поправило ситуацию. По-прежнему остро стояла проблема нехватки учебных площадей, общежитий для студентов, квартир для преподавателей. Поэтому возведение новых корпусов продолжалось. В 1962—1963 гг. по ул. Октябрьской велось строительство общежитий и стадиона. Благодаря участию ССО эту масштабную задачу удалось решить достаточно быстро. Заселение нового общежития на 800 мест состоялось в ноябре 1963 г.

Одновременно началось строительство корпуса факультета радиофизики и электроники по ул. Бобруйской. В августе 1965 г., когда это строительство еще не было завершено, приступили к работам по возведению корпуса химического факультета. Кроме того, строилось 10-этажное общежитие по ул. Октябрьской на 804 места. Корпус радиофизики и электроники был готов к сентябрю 1966 г., а через два года, в 1968 г., приняло студентов новое общежитие. Еще через год переехал в новый корпус хи-

мический факультет. Старый корпус химического факультета после капитального ремонта передали юридическому факультету. Но строительный бум, инициатором которого был А. Н. Севченко, только набирал темпы. В июле 1969 г. было заложено новое общежитие на 1122 места по ул. Октябрьской, а в октябре 1969 г. приступили к строительству учебно-лабораторного корпуса в пос. Щемыслица под Минском. Именно здесь планировалось построить новый университетский городок.

В конце 1960-х гг. был разработан генеральный план развития БГУ, в соответствии с которым в комплексе «Щемыслица» на протяжении 10—15 лет должны были быть построены учебный корпус для биологического факультета, здание институтов прикладных физических проблем и прикладной математики, обсерватория, библиотека, 101-квартирный жилой дом, общежитие на 1212 мест, детский сад, поликлиника, спортивный комплекс и стадион. Однако многое так и осталось в проекте.

И тем не менее рост БГУ опережал темпы строительства. В 1973 г. ректорат вынужден был признать существование проблемы недостатка учебных площадей. К этому времени материально-техническая база БГУ включала 9 корпусов и 7 общежитий. При проектной вместительности общежитий в 3358 мест в них проживало 4266 человек. В связи с этим был определен план строительства новых общежитий и учебных корпусов. Главная надежда возлагалась на комплекс «Щемыслица». Сюда были переведены научно-исследовательский институт прикладных физических проблем, отделение (позднее — факультет) радиофизики и электроники, частично биологический факультет.

В период ректорства *Владимира Алексеевича Белого* (1978—1983) проблема нехватки учебных площадей еще более обострилась. Дело в том, что в связи со строительством Минского метрополитена (началось в 1977 г.) подлежал частичному сносу учебный корпус юридического факультета. Временно эта проблема была решена за счет передачи в аренду БГУ ряда помещений. Эта ситуация еще больше убедила ректора в необходимости кардинального решения проблемы постоянной нехватки учебных и жилых площадей в университете. Планы БГУ нашли поддержку у руководства республики. В декабре 1979 г. было принято специальное постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР, согласно которому предусматривалось перспективное размещение основной учебной и научной базы университета в г. Минске на Ленинском проспекте (сегодня — проспект Независимости), в парковой зоне, которая примыкает к жилому микрорайону «Восток-1». В 1980 г. архитекторы разработали технико-экономическое обоснование развития БГУ в данном районе. Согласно грандиозному проекту, предполагалось возвести 30-этажное здание главного корпуса, четырнадцать 5—7-этажных учебно-научных корпусов факультетов, обсерваторию, библиотеку, вычислительный центр, жилой комплекс и т. д.

Между тем завершалось строительство старых объектов и закладывались новые. В январе 1980 г. был открыт корпус природоведческих факультетов по ул. Курчатова (пос. Щемыслица). Сюда перебрался биологический факультет. Позднее началось строительство нового общежития по ул. Кропоткина и учебно-спортивного комплекса по ул. Октябрьской. В то же время значительные средства выделялись на ремонт уже существовавших учебных корпусов и общежитий.

Строительство метро привело к полному изменению внешнего облика внутреннего дворика и сквера около главного корпуса БГУ. Ректор В. А. Белый был обеспокоен тем, чтобы после завершения прокладки метро исторический облик этих объектов был восстановлен. Руководство «Метростроя» обязалось выполнить это требование, однако договоренность так и не была реализована. Между тем глобальные перемены в советском обществе сделали невозможным и реализацию грандиозного проекта возведения нового университетского городка.

Университетская наука — производству

Одна из задач, которая ставилась перед университетом, заключалась в практической реализации научных разработок, осуществлявшихся в нем. Так, при разработке тематики исследований на 1956 г. значительное внимание уделялось приобщению ученых университета, особенно природоведческих факультетов, к решению задач в области научно-технического прогресса, определенных к этому времени очередным Пленумом ЦК КПСС. Было предусмотрено проведение исследований по 92 темам, объединенным в 36 комплексных проблем. В БГУ был разработан и представлен в АН СССР план научно-исследовательских работ по теоретической и ядерной физике и использованию ядерных излучений и изотопов в науке, промышленности и сельском хозяйстве.

Ко второй половине 1950-х гг. относится налаживание тесного сотрудничества с заводами Минска: МТЗ, МАЗом, велозаводом, кожевенным заводом «Большевик», радиозаводом, картографической фабрикой. Работа кафедр и лабораторий БГУ часто имела исключительно прикладной характер. Так, кафедры химического факультета предлагали для внедрения в производство результаты своей работы: технологию применения глин для очистки произведенных смазочных масел, новые виды синтетического каучука, искусственных волокон, моющих средств и т. д. Кафедра систематики растений биологического факультета проводила исследования по агротехнике выращивания кукурузы на силос и зерно в условиях Беларуси. На физико-математическом факультете осуществлялась комплексная разработка проблемы исследований полупроводников. Однако научные разра-

ботки укоренялись в производстве крайне медленно, что в целом являлось характерной особенностью советской директивно-плановой экономики.

В конце 1950-х гг. руководство БССР попыталось непосредственно связать производство и учебу в университете. В соответствии с новыми учебными планами в 1959 г. студентов 1-го курса физического, математического и химического факультетов стали обучать в слесарных, строительных, монтажных и других мастерских. Поскольку своих мастерских в БГУ не было, то эта работа проводилась на базе мастерских техникумов и ФЗУ г. Минска. Кроме того, студенты занимались «полезной работой» в колхозах, совхозах, на предприятиях и в учреждениях. В соответствии с указом Министерства высшего образования СССР от 18 января 1960 г. «Об организации завода-вуза, а также промышленных предприятий и цехов при высших учебных заведениях» предполагалось создание производственных мастерских в самом университете. Однако отсутствие средств не позволило реализовать это непродуманное решение.

Прикладная ориентация учебно-научной деятельности университета сохранила свое значение и впоследствии, но приняла иные формы. Так, в БГУ стали создаваться специальные структуры (лаборатории, бюро, а затем и научно-исследовательские институты), которые занимались решением конкретных задач. В октябре 1975 г. в соответствии с указом Министерства высшего и среднего специального образования БССР с целью повышения уровня научно-исследовательских работ и ускорения внедрения в народное хозяйство результатов выполненных в университете фундаментальных прикладных научно-исследовательских работ было создано Специальное конструкторско-техническое бюро с опытным производством — ***СКТБ*** с ***ОП***, которое стало действовать на принципе хозяйственного расчета. В 1976 г. была создана научно-исследовательская лаборатория термодинамики нефтехимических процессов, а на базе учебных кафедральных лабораторий физического факультета — межкафедральные лаборатории для более рационального использования оборудования.

Со временем научно-исследовательская работа концентрировалась в созданных при БГУ научно-исследовательских институтах. Так, в НИИ прикладных физических проблем была разработана программа, связанная с обеспечением полетов космических станций «Венера-9» и «Венера-10». Разработки ученых БГУ неоднократно получали официальное признание: медали ВДНХ СССР и ВДНХ БССР, Почетные грамоты Министерства высшего и среднего специального образования БССР и Республиканского комитета профсоюзов. В целом научные коллективы университета в 1970—80-е гг. занимались решением наиболее актуальных научных проблем, которые выполнялись в соответствии с Государственным планом развития народного хозяйства БССР и другими постановлениями. Так, в 1977 г. была выполнена 571 тема, были внедрены 184 разработки, из них в производство — 52. Экономический эффект, полученный в результате

реализации научно-исследовательских работ, был значительным. С каждым годом росло количество авторских свидетельств об изобретениях. Некоторые из изобретений получали мировую известность. Так, выполненная учеными кафедры радиационной и химической технологии работа «Радиационно-каталитический метод очистки выбросов газов от сернистого ангидрида» была запатентована в США, Англии, ФРГ, Индии.

На новом уровне в 1980-х гг. складывались взаимоотношения университета с производством. Связь учебного процесса и науки с производством осуществлялась главным образом через ***учебно-научно-производственные объединения*** **(*УНПО*)** БГУ с производственными объединениями «Горизонт», «Интеграл», «Гранат», через филиалы кафедр. К 1987/88 учебному году таких филиалов было уже 21 (в 1985 г. — 8). Эти филиалы функционировали как в производственных объединениях, так и в научно-исследовательских учреждениях. Например, кафедра теплофизики имела филиал в Институте тепла и массообмена АН БССР, кафедры физики полупроводников, физической электроники, радиофизики — в ПО «Интеграл», кафедры высшей алгебры, дифференциальных уравнений — в Институте математики АН БССР и т. д.

Научно-исследовательские институты Белорусского государственного университета

В год 50-летнего юбилея БГУ произошло знаменательное событие — было открыто первое научно-исследовательское учреждение университета — ***Научно-исследовательский институт прикладных физических проблем*** **(*НИИ ПФП*)**. Институт начал свою работу 1 марта 1971 г. в составе 12 лабораторий, объединенных в три отдела. Он стал основной базой БГУ для выполнения научно-исследовательских работ, подготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров в области физики, радиофизики, математики, информатики, научного приборостроения, акустики, электроники и химической технологии. Организаторами и первыми руководителями НИИ ПФП являлись видные белорусские ученые — академик АН БССР, ректор БГУ, затем первый директор института А. Н. Севченко (его имя носит теперь институт) и академик АН БССР, проректор по научной работе БГУ *Л. В. Володько*.

В соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 22 ноября 1977 г. по приказу ректора БГУ от 21 марта 1978 г. начал работу ***Научно-исследовательский институт физико-химических проблем*** **(*НИИ ФХП*)**. Основой для него послужили научно-исследовательская лаборатория химии редких и тяжелых элементов и радиохимическая лаборатория. Возглавил НИИ ФХП профессор *Ф. Н. Капуцкий*.

В 1978 г. в структуре БГУ было уже 11 научных учреждений: кроме двух названных НИИ, 3 проблемные научно-исследовательские лаборатории (ПНИЛ) — социологических исследований, экспериментальной биологии, мелиорации ландшафтов; вычислительный центр; 2 научно-исследовательские лаборатории — химии редких и тяжелых элементов, радиохимическая; научно-исследовательский сектор в составе четырех отраслевых лабораторий. Но на этом формирование научно-исследовательских структур в БГУ не прекратилось. Новым этапом стало создание ***Научно-исследовательского института ядерных проблем*** **(*НИИ ЯП*)**.

Научно-исследовательский институт ядерных проблем создавался в трагический для Беларуси год аварии на Чернобыльской АС. Несмотря на то, что реальные последствия этой катастрофы скрывались руководством СССР и БССР, ученые начали бить тревогу. Среди первых, кто оценил масштаб происшедшего и предпринял определенные шаги, были научные сотрудники БГУ. Так, по инициативе *С. С. Шушкевича* и *В. Г. Барышевского* на кафедре ядерной физики в начале мая 1986 г. организовали пункт первичного обследования радиационного заражения людей. Оперативно было разработано 25 высокочувствительных измерительных приборов для анализа пищевых продуктов и почвы. На базе НИИ ФХП 1 июня 1986 г. была создана временная научная лаборатория «Радиохимия» в составе ведущих специалистов института и химического факультета.

В этих условиях 28 ноября 1986 г. в соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 21 мая 1986 г. и был создан НИИ ядерных проблем. Директором института стал В. Г. Барышевский. К числу основных направлений деятельности института относились: исследования в области ядерной физики и физики элементарных частиц, физики высоких энергий, космомикрофизики и ядерной астрофизики, теоретической физики, физики конденсированного состояния вещества; создание сверхсильных магнитных полей для исследования экстремальных состояний вещества для применения в области термоядерных исследований и промышленности.

Таким образом, БГУ превратился в настоящий исследовательский центр, ориентированный на решение сложных производственных задач через реализацию достижений фундаментальной и прикладной науки.

Белорусский государственный университет в годы «ускорения» и «перестройки»

С апреля 1985 г. в истории СССР открывается новый период, который принято называть «перестройкой». Партийным руководством во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым была поставлена первоочередная задача ускорения социально-экономического развития страны и повышения благосостояния населения. При этом сам М. С. Горбачев

был убежден, что от социализма нельзя отказываться, что его лишь необходимо модифицировать и обновить. В 1987 г. была провозглашена политика гласности. Газеты и журналы стали публиковать критические материалы и освещать «белые пятна» советской истории. Началась реабилитация жертв сталинских репрессий. Претворение в жизнь курса перестройки оказалось далеко не простым делом, как это, возможно, казалось некоторым руководителям ранее. Потребовалось не просто введение гласности, но и реформа всей политической системы, что затем привело к полному крушению социалистического строя и отмене монополии партии на власть.

Преобразования в БГУ начались вместе с общими переменами в высшей школе СССР. Но проблемы, стоявшие перед университетом, были вполне осознаны еще до начала перестройки. Так, ректор БГУ *Леонид Иванович Киселевский* еще в октябре 1984 г. отмечал слабость материально-технической базы университета, чтение лекций неквалифицированными преподавателями, проблему старения педагогического состава, незначительный процент (10—12) аспирантов, защитивших диссертации.

Были определены пути улучшения положения: рост материальной базы университета, повышение качества подготовки специалистов (особенно владеющих технологией применения ЭВМ), более тесное взаимодействие образования с производством и наукой, переход к новым принципам их взаимодействия и обеспечение техническими средствами обучения, соответствующих уровню научно-технического прогресса, повышение процента внедрения изобретений в народное хозяйство, улучшение идейно-воспитательной работы, повышение информированности преподавателей.

На отдельных факультетах принимались более конкретные меры. Так, факультет радиофизики и электроники предложил опережающую подготовку, которая позволила бы выпускнику соответствовать по уровню знаний требованиям производства. На филологическом факультете разрабатывались планы непрерывной педагогической практики, начиная с 1-го и заканчивая 5-м курсом. Ближайшими задачами в это время чаще всего назывались: улучшение профориентационной работы, повышение успеваемости студентов, совершенствование преподавания общественных наук, контроль за качеством занятий, расширение целевой подготовки кадров, совершенствование самостоятельной работы студентов, в том числе научно-исследовательской, улучшение качественного состава научных и научно-педагогических кадров, организация учебного процесса с учетом новых требований производственной и социальной сфер, развитие ответственности, инициативы, принципиальности, критики и самокритики и т. д. Принимаемые меры поначалу действительно дали результаты: отмечалось некоторое оживление в области фундаментальных и прикладных исследований, в развитии интеграции образования с производством и наукой. В БГУ были расширены и укреплены связи с непосредственными

«потребителями» выпускников, что позволяло более оперативно реагировать на заявки народного хозяйства путем открытия новых специализаций и совершенствования существовавших. К чтению спецкурсов шире стали привлекаться ученые и специалисты производства, для проведения исследований использовались производственные площади, приборы и оборудование предприятий.

В сентябре 1985 г. при Ученом совете БГУ была создана научно-методическая комиссия, которую возглавил ректор Л. И. Киселевский. Ее задачами являлись: организация и оперативная корректировка деятельности научных учреждений, кафедр, факультетов университета с целью решения существенных научных и научно-технических проблем, укрепления связи науки с производством. В ноябре 1985 г. началась разработка плана перспективного развития науки в БГУ (вплоть до 2010 г.)

Однако провозглашенные руководством БГУ и отдельных его структур преобразования натолкнулись на серьезные трудности при их реализации. Главной проблемой оставалась слабость материально-технической базы университета. ЦК КПБ и Совет Министров БССР неоднократно принимали решения о необходимости строительства новых учебных корпусов (главное внимание при этом уделялось району пос. Щемыслица). Очередное постановление было принято в сентябре 1987 г. Планировалось с 1988 г. вводить в эксплуатацию ежегодно не менее двух-трех корпусов, а всего построить 20 объектов, из них 8 учебно-лабораторных комплексов, 2 НИИ, один межвузовский Центр научных исследований, 3 общежития на 3400 мест, жилой дом и др. Однако и это постановление реализовывалось крайне медленно, а затем вообще было забыто.

Между тем ситуация с помещениями в БГУ все более ухудшалась. Очень тяжелым было положение на филфаке: здесь занятия велись в три смены. В связи с работами по прокладке метро в декабре 1987 г. треснула стена правого крыла главного корпуса — трещина прошла через все этажи. В 1989 г. из 50 университетских зданий половина требовала капитального ремонта.

Однако, несмотря на тяжелые материально-технические условия, преобразования в БГУ были продолжены. Создавались новые кафедры (методики преподавания физики и информатики, математического моделирования и анализа данных, методики преподавания белорусского и русского языка и литературы, русского языка как иностранного, математических методов теории управления и др.) и лаборатории (информатики и вычислительной техники, математического моделирования физических и технических систем, методов обработки информации, статистического анализа и моделирования, физики и техники полупроводников и др.). Руководством БГУ было инициировано создание на базе соответствующих учреждений АН БССР научно-учебных центров: математики и информатики, физического, химического, геолого-географического, биологического, историко-

философского, филологического (7 декабря 1988 г.). С 1 сентября 1989 г. начались занятия на новом факультете БГУ — ***философско-экономическом***. Факультет был создан на базе отделений политэкономии и философии истфака, а также отделения социологии, открытого летом 1989 г.

Вместе с перестройкой в университете возрождалась забытая к этому времени традиция внутреннего самоуправления. Практический переход к самоуправлению начался в БГУ с сентября 1985 г., когда при активной поддержке секретаря комитета комсомола БГУ *А. В. Козулина* на студенческое самоуправление перешло общежитие № 6. Был создан студенческий совет, в компетенцию которого входили вопросы правил внутреннего распорядка, найма и увольнения персонала и др. Позднее еще несколько общежитий было переведено на самоуправление.

В последующие годы под руководством нового секретаря комитета комсомола *А. И. Жука* в БГУ продолжилось распространение самоуправления. 12 ноября 1987 г. было опубликовано Положение о студенческом самоуправлении в БГУ, которое существенно расширило права студенческих коллективов в сфере организации учебного и научно-исследовательского процесса, быта и т. д. Как когда-то в 1920-е гг., представители студенческих коллективов вошли в состав Ученого совета, конкурсной и методической комиссий университета и факультетов. Студенты получили право участвовать в выборах ректора и деканов, в распределении мест в общежитиях, назначении стипендий и др. Однако масштабы и эффективность студенческого самоуправления зависели не только от активности самих студентов, но и от позиции руководства факультетов.

Между тем к концу 1980-х гг. нарастали противоречивые и негативные явления: острая нехватка площадей, дефицит новейшего оборудования и вычислительной техники, отсутствие в учебных планах часов, отведенных на научно-исследовательскую работу студентов, сокращение фонда заработной платы по хозяйственно-договорным НИР и сокращение количества студентов, привлеченных к НИР. Отмечалось и падение успеваемости студентов. Появлялись новые проблемы: недостаточное обеспечение студентов учебной литературой (в 1986/87 учебном году — 38,6 %), сложности с распределением выпускников, плохое обеспечение столовых продуктами и др.

Университетское сообщество в условиях нарастания общественно-политических катаклизмов конца 1980-х гг.

Радикальные перемены, происходившие в обществе в конце 1980-х гг., не могли не отразиться на жизни университета. В БГУ в это время проявились крайне противоречивые тенденции. Для части студенчества была характерна социальная апатия, ставшая благодатной почвой для проявле-

ния хамства, бескультурья, пьянства. С последним явлением безрезультатно пыталось бороться созданное в 1986 г. Добровольное общество борьбы за трезвость. Несмотря на активное обсуждение в средствах массовой информации различных сторон советской истории, кафедры научного коммунизма и истории КПСС по-прежнему продолжали «идеологически выверенную» работу.

Между тем часть студенчества проявила интерес к национальной истории, традициям, культурному наследию, белорусскому языку. Студенты исторического факультета выступили с предложением о написании нового учебника по истории Беларуси и преподавании на белорусском языке, однако не нашли понимания. В это время по всей стране возникали различные любительские самодеятельные объединения и клубы по интересам: в одном только Минске их насчитывалось 566. По результатам опросов студентов БГУ, 65 % из них в той или иной степени были связаны с «неформальными» группами.

К настроениям в студенческом сообществе и обществе в целом вынуждено было прислушаться руководство университета. В начале 1989 г. была создана комиссия ректората и парткома по развитию белорусского двуязычия. После обсуждения сложившейся ситуации комиссия вынесла ряд предложений по повышению статуса белорусского языка: введение вступительного экзамена по белорусскому языку, организация общеуниверситетской кафедры белорусистики, поощрение преподавателей вести занятия на белорусском языке и т. д. Во второй половине февраля 1989 г. по инициативе ректората, парткома и комитета комсомола были созданы для всех желающих полуторагодичные бесплатные курсы белорусоведения с отделениями истории, культуры и языкознания. Летом 1989 г. на некоторых факультетах уже практиковались вступительные экзамены по белорусскому языку.

Вопрос о возрождении белорусского языка (и белорусизации в целом) стал личным делом ректора БГУ Л. И. Киселевского. Будучи депутатом Верховного Совета БССР, он настаивал на придании только белорусскому языку статуса государственного. В принятии 26 января 1990 г. Закона «О языках в Республике Беларусь» именно в такой редакции определенная заслуга принадлежала и ректору БГУ.

В конце 1989 г. в интервью газете «Беларускі універсітэт» Л. И. Киселевский рассказал о планах на следующий год, о переменах, которые ожидают университет. Но в полной мере реализовать эти планы ректор не успел. Одним из последних его преобразований стало переименование кафедр: кафедры истории КПСС — в кафедру политической истории; кафедры марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов — в кафедру философии; кафедры марксистско-ленинской философии природоведческих факультетов — в кафедру философии и методики науки;

кафедры научного коммунизма — в кафедру социально-политических теорий и политологии. Уже 16 февраля 1990 г. приказом министра народного образования Л. И. Киселевский был освобожден от обязанностей ректора БГУ «в связи с переводом на работу в АН БССР на должность члена Президиума». Руководителем университета был назначен первый проректор БГУ *Фёдор Николаевич Капуцкий*. Открывалась новая страница в истории Белорусского государственного университета.

Л. И. Киселевский покидал университет в наиболее сложное для него время. Своеобразным напутствием для будущих поколений студентов стали его слова: «...мое пожелание молодежи — быть достойными времени перемен и гуманного обновления нашего общества. Что для этого нужно делать, пусть подскажут вам сердце и разум».

Глава 11

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ И ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Некоторые цифровые и смысловые параметры

Устав Белорусского государственного университета определяет БГУ как ведущий классический университет страны, крупный образовательный, научный и производственный комплекс. В апреле 2009 г. Ученый совет университета утвердил Миссию и Политику, которые определили приоритеты деятельности: кроме основных задач по подготовке специалистов с высшим образованием, магистров и научных кадров высшей квалификации, в комплексе осуществляется в значительных масштабах научно-исследовательская, научно-инновационная и производственная деятельность. На его 16 факультетах и в 4 институтах, где действует 177 кафедр, осуществляется подготовка будущих специалистов по 55 специальностям на первой ступени образования и по 47 — на второй (магистратура), по 118 — в аспирантуре, по 75 — в докторантуре. В лицее и юридическом колледже БГУ доуниверситетскую подготовку получали почти 1200 юношей и девушек. Университет проводит повышение квалификации и переподготовку специалистов (так, за 2009/10 учебный год около 3 тыс. человек прошли переподготовку в своих сферах деятельности). Всего в БГУ на всех уровнях и формах обучения в сентябре 2010 г. к занятиям приступило почти 34,3 тыс. человек (в том числе на дневной форме обучения — 20 206 студентов, на заочной — 8758, а также 658 магистрантов). Подготовку кандидатских диссертаций через аспирантуру в университете в 2010 г. вели 890 аспирантов, в том числе 84 иностранных гражданина. В докторантуре обучалось 10 соискателей высшей научной степени. В последнее

время ежегодно в БГУ защищалось около 60 кандидатских и 4—7 докторских диссертаций.

В БГУ функционирует двухступенчатая система подготовки: специалист, магистр. В учебном процессе широко применяются информационные технологии, что позволяет использовать и развивать новейшие образовательные достижения. Фундаментальная библиотека БГУ, крупнейшая вузовская библиотека в стране, является методическим центром сети вузовских библиотек Республики Беларусь, координирует и осуществляет методическое руководство библиотеками 43 государственных и 10 негосударственных вузов. Фонды библиотеки составляют более 2 млн книг, журналов, газет, в том числе литературы учебного назначения свыше 790 тыс. экземпляров, научной литературы — 658 тыс. экземпляров. Активно внедряются компьютерные классы и медиатеки, ведется тестирование студентов, а также развернуто дистанционное обучение e-University, проводятся мультимедийные презентации с широким спектром информационно-методического обеспечения. Студентам предоставлено для работы около 3 тыс. компьютеров. Разработан и действует один из лучших в республике интернет-сайт БГУ, сайты факультетов, некоторых кафедр и др. В системе e-University размещены материалы более чем по 1400 учебным курсам. С весны 2010 г. стала создаваться электронная библиотека БГУ (http://www.elib.bsu.by).

Белорусский государственный университет — крупный научно-исследовательский центр Беларуси, в его составе сформировались 63 научные школы. По состоянию на 1 сентября 2010 г. комплекс БГУ включал 4 научно-исследовательских института, 9 научно-исследовательских и научно-методических центров, 13 унитарных производственных предприятий, в том числе 7 научно-производственных. В структуре факультетов действует 41 научно-исследовательская лаборатория, работают 26 студенческих научно-исследовательских центров.

В состав университета входят Республиканский институт высшей школы, Государственный институт управления и социальных технологий, Институт бизнеса и менеджмента технологий, Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла, Институт журналистики, Республиканский институт китаеведения имени Конфуция, лицей и юридический колледж. Всего в комплексе БГУ на 1 сентября 2010 г. работало 7576 человек, среди них 2455 штатных профессоров, доцентов, преподавателей и исследователей научных учреждений: в том числе 13 академиков и 18 членов-корреспондентов Национальной академии наук Беларуси, более 287 докторов и свыше 1370 кандидатов наук.

С историей старейшего университета республики связана судьба почти 100 академиков НАН Беларуси. А свыше 85 % поэтов, прозаиков, драматургов Беларуси составляют воспитанники первого университета страны.

Белорусский государственный университет имеет мощную материально-техническую базу: общая площадь земельных участков университета — почти 190 га. В 11 университетских общежитиях проживает около 6 тыс. студентов. Имеются свои базы отдыха, загородный спортивно-оздоровительный комплекс «Бригантина», учебно-спортивный комплекс «Буревестник», учебно-спортивный комплекс «Университетский», бассейны, спортивные клубы, тренажерные залы, физкультурно-оздоровительные комплексы. В БГУ действует 6 музеев, в том числе и республиканского значения. Создана собственная FM-радиостанция «Юнистар — радио БГУ». Университет имеет управление редакционно-издательской работы и Издательский центр, которые обеспечивают качественную подготовку и публикацию учебной и научной литературы. Еще в довоенные годы в БГУ стала регулярно издаваться многотиражная газета, которая теперь выходит под названием «Універсітэт». С 1969 г. ведет свою историю научно-теоретический журнал «Веснік БДУ» по основным направлениям науки, образования и культуры. Осуществляется выпуск научно-методического и публицистического журнала «Вышэйшая школа», специальных журналов по отраслям научных знаний («Социология», «Российские и славянские исследования» и др.), альманахов, сборников трудов ученых, научно-публицистических книг в сериях «Skriptor universitatis», «Memoria et Gloria» и др.

В XXI в. университет превратился в настоящий научно-инновационный центр. В соответствии с государственной политикой инновационного развития страны по итогам 2009—2010 гг. учреждения и подразделения БГУ выполняли 289 заданий 15 государственных комплексных программ научных исследований, десятки программ фундаментальных и прикладных исследований. Почти 150 научных разработок БГУ внедрены в народное хозяйство, около 180 — в учебный процесс. Пакет научно-инновационной продукции БГУ составляет почти 230 наименований. Разработки и продукция университета ежегодно представляются на международных выставках, завоевывают медали и дипломы, занимают призовые места. Они применяются во многих отраслях национальной экономики, науки, культуры, образования и здравоохранения. Так, только от экспорта образовательных услуг БГУ в 2010 г. получил почти 3,7 млн долларов США, а произведенная в комплексе БГУ научно-техническая продукция ежегодно приносит в бюджет университета и всей страны около 2 млн долларов.

Университет, по данным на 2010 г., сотрудничал с 251 зарубежным вузом и научными учреждениями почти 40 стран мира. Ежегодно БГУ заключает до 45 соглашений о сотрудничестве с университетами Западной и Центральной Европы, стран СНГ, Восточной Азии и др. Он является одним из учредителей Евразийской ассоциации университетов, состоит университетом-координатором от Республики Беларусь в университетской сети Центрально-Европейской Инициативы, участвует в деятельно-

сти Белорусской ассоциации содействия ООН. В БГУ работает информационный пункт Совета Европы.

Все цифровые показатели невозможно отразить: сферы деятельности и влияния БГУ обширны, многообразны и значимы. Главное, что его выпускники благодаря своей подготовке имеют все возможности и знания для эффективной работы в образовательной, научной, производственной, культурной, политической и других сферах деятельности.

Знаки и значимость Белорусского государственного университета: единение традиций разных лет

Университет не раз менял свое официальное название. Он был рожден в 1921 г. как Белорусский государственный университет. В январе 1949 г. в ознаменование 30-летия Белорусской ССР университету присвоили имя В. И. Ленина, хотя прямого отношения вождь пролетарской революции к белорусскому университету не имел. Это имя сохранялось за БГУ до 1999 г., когда Ученый совет университета единогласно принял решение восстановить изначально простое и такое многозначимое название alma mater десятков тысяч представителей белорусской интеллигенции.

Заслуги БГУ в подготовке специалистов, в разработке научных исследований не раз были отмечены высокими наградами. Так, в 1967 г. коллектив университета был награжден орденом Трудового Красного Знамени (и в этой связи стал именоваться «Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ленина»). Правительство Вьетнама дважды награждало БГУ орденом Дружбы. Не раз университет завоевывал переходящее Красное Знамя в соревновании между университетами СССР, несколько раз удостаивался Почетной грамоты Верховного Совета БССР.

Университет бережно хранит и преумножает свои традиции, отражающие его сущностные, коренные, а не поверхностные, заполитизированные временем характеристики. В 2000 г. на заседании Объединенного совета БГУ (25 мая) был утвержден университетский символ — золотистое изображение «папараць-кветкі» на фоне свечения мифологического цветка. Геральдическое описание университетского символа содержит высокие и торжественные слова: «Стилизованное изображение листа папоротника на фоне свечения его таинственного цветка олицетворяет белорусское происхождение, белорусское национальное предназначение и смысл деятельности Белорусского государственного университета. <...> Человек, овладевший цветком папоротника, становится вещим, мудрым, просвещенным, знает прошлое и настоящее. Он источает любовь и добродетельность...» Университет имеет также свои флаг (на синем поле изображен

университетский символ), штандарт ректора и гимн (он утвержден на расширенном заседании Ученого совета БГУ 27 октября 2008 г.). Слова гимна (автор текста — поэт Леонид Дранько-Майсюк) «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт — дом навукі айчыннай і творчасці свет. Веды слаўных вякоў у твой лёс увайшлі і дабро нашай любай зямлі» перекликаются со словами стихотворения «Беларускаму Універсытэту» известного белорусского поэта Алеся Гурло, которое было написано в октябре 1922 г. к первой годовщине БГУ: «Ты дзьверы адчыніў прасторныя для тых, каму навукі шлях зачынен быў здаўна. Цяпер красуецца навукі збажына для іх у тваім сьвятое ад сьвятых. Няхай жа шырыцца навукі твой загон. Няхай нясе вялікі свой прыплод у наш цёмны край і сьвеціць наш народ».

Одним из символов БГУ новейшего времени стала и звезда в безбрежных просторах космоса: ей, к началу XXI века еще безымянной, было присвоено имя белорусского университета. Ее манящий свет сопровождает студенческую молодежь в познании будущего.

Проявлением единения прошлого и настоящего БГУ стало учреждение наград за достижения в области науки и образования. С 1993 г. лучшим ученым университета ежегодно присуждаются две премии: в области социальных и гуманитарных наук — имени первого ректора БГУ Владимира Ивановича Пичеты, в области естественных наук — имени ректора БГУ, Героя Социалистического Труда Антона Никифоровича Севченко. С 2009 г. такие же премии учреждены для молодых ученых. Наиболее талантливые студенты и учащиеся БГУ ежегодно получают различные награды и премии, участвуя в международных и республиканских конкурсах и соревнованиях интеллектуалов. Так, свыше 60 студентов университета являются именными стипендиатами президентского фонда по поддержке талантливой молодежи.

Студенты активно участвуют в работе различных трудовых и творческих объединений, строительных и волонтерских отрядов. В БГУ действуют более 80 творческих коллективов и объединений студентов. Наиболее известны из них: народный хор «Родница», мужской вокальный ансамбль «Галант», народный ансамбль танца «Крыжачок», народный фольклорно-этнографический ансамбль «Неруш», народный фольклорный ансамбль «Тутэйшая шляхта», ансамбль эстрадного танца «Седьмое небо», образцовый детский ансамбль танца «Літарынка», народный оркестр народных инструментов. Успешно действуют «Студенческая филармония», студия эстрадной песни, народный академический хор студентов, клуб авторской песни, народный драматический студенческий театр «На балконе», народный музыкальный театр-студия «На филфаке». В БГУ ежегодно проводится международный фестиваль студенческих театров «Тэатральны куфар», международный форум студенческих хоров «Папараць-кветка», открытая лига КВН, конкурсы «Мисс БГУ», «Студент года» и др.

Ректор Белорусского государственного университета

Указом Президента Республики Беларусь от 31 октября 2008 г. ректором Белорусского государственного университета назначен известный ученый в области информатики, обработки изображений, распознавания образов, научный руководитель ряда государственных и международных программ научных исследований «Научные основы информационных технологий и систем», «Информационные технологии», в том числе российско-белорусских программ «Космос» и «СКИФ — ГРИД», лауреат Государственной премии Республики Беларусь в области науки и техники, действительный член НАН Беларуси, доктор технических наук, профессор *Сергей Владимирович Абламейко*. Он стал 18-м ректором в истории БГУ.

Сложные 1990-е годы

Свои лидирующие позиции в системе отечественной науки и высшей школы БГУ не утратил и в сложные 90-е гг. XX ст., в период распада СССР. Наоборот, после провозглашения суверенитета Беларуси укрепилась роль и ответственность первого белорусского университета за наполнение реальным содержанием независимости и самостоятельности молодого государства. Белорусский государственный университет внес ощутимый вклад в развитие государства и общества суверенной Беларуси. Ректором БГУ в августе 1996 г. президент назначил заместителя министра образования и науки *Александра Владиславовича Козулина*. В эти годы при поддержке государства укрепилась материально-техническая база университета: была осуществлена реконструкция целого ряда учебных корпусов, общежитий, баз отдыха, началось строительство высотного учебного корпуса факультета международных отношений, который должен был завершить архитектурный комплекс университетского городка рядом с площадью Независимости. Значительно обновились библиотечные фонды, стала доступной для преподавателей и студентов зарубежная научная литература. Существенно изменились содержание обучения и система подготовки специалистов: занятия стали более индивидуализированными, персонифицированными. Университет начал готовить конкретного специалиста под конкретную работу.

Указом Президента Республики Беларусь № 334 от 16 июня 1999 г. был утвержден новый Устав БГУ, который определил его как «ведущее учебное заведение в национальной системе образования Беларуси». Университет получил статус министерства, а его ректор вошел в состав Совета Министров республики. Тем самым БГУ непосредственно подчинялся правительству. Правда, через несколько лет он вновь был возвращен в подчинение Министерства образования Беларуси.

Университет стал подлинной лабораторией демократизации образования в процессе подготовки высококвалифицированного специалиста — профессионала. Качество фундаментального университетского образования оставалось по-прежнему на высоком уровне, изменились только подходы к образованию, повысилась ответственность за профессиональную подготовку выпускников. Белорусский язык стал все шире использоваться в процессе обучения и научных практик, появились учебные пособия на родном языке по самым различным отраслям знаний.

В БГУ были созданы новые научные центры: физики частиц и высоких энергий (1993), прикладных проблем математики и информатики (2000). Уникальным явлением на всем постсоветском пространстве стала деятельность 11 университетских научно-производственных унитарных предприятий республиканского значения («Унидрагмет БГУ», «Унитехпром БГУ», «Адамас БГУ» и др.). Выступая на заседаниях Ученого совета университета, его ведущие профессора неоднократно подчеркивали, что «Наука бесконечна, и университетское образование должно побуждать студентов к участию в ней» (Ю. С. Харин), что «Университет — главный храм цивилизации» (Л. С. Станишевский). Атмосфера в БГУ была проникнута вдохновением, стремлением к созидательной работе во имя собственной, суверенной страны.

Ведущие области научных знаний в БГУ

Исторически сложилось так, что в БГУ классические направления подготовки специалистов связаны с изучением физики, химии, биологии, математики, географии, истории. Именно в данных областях знаний в большей степени получила свое развитие и научная деятельность университета. Тезис о неразделимости образовательной и научно-исследовательской деятельности в БГУ признан аксиомой. Научная деятельность приобрела и ряд признаков самостоятельности, что объясняется расширением спектра научных исследований, развитием самих наук, актуализацией конкретных прикладных разработок.

Математическая наука в БГУ берет свое начало с момента приезда на постоянную работу в Минск двух крупных математиков: профессора Я. П. Громера, ученика А. Эйнштейна, а также профессора Ц. Л. Бурстина. К 1938 г. в университете уже работали специалисты по математическому анализу, геометрии, теории функций, высшей алгебре, дифференциальным уравнениям, механике. Тогда начали преподавать математики В. К. Дыдырко, В. Л. Нисневич, Л. К. Тутаев, А. Х. Турецкий и др. Профессору Ц. Л. Бурстину принадлежат значимые исследования, относящиеся к проблеме класса римановых пространств, вложения римановых пространств в евклидовы и евклидовых в римановы.

В 1958 г. был образован математический факультет, позже преобразованный в механико-математический, ставший также основой для создания ФПМИ — факультета прикладной математики и информатики (1970). На базе БГУ проходят научные конференции математиков, в которых участвуют специалисты из многих стран мира. Математическая школа вырастила немало выдающихся ученых с мировым именем. Выпускник математического факультета В. П. Платонов стал самым молодым в истории Беларуси академиком, президентом Академии наук. Широко известны имена математиков: академиков Ф. Д. Гахова, И. В. Гайшуна, Н. А. Изобова, Героя Социалистического Труда Н. П. Еругина, В. И. Крылова, Д. А. Супруненко, Е. А. Барбашина, а также членов-корреспондентов НАН Беларуси, заслуженных деятелей науки, профессоров, докторов наук В. И. Корзюка, Н. И. Юрчука, Н. В. Ламбина, А. С. Феденко, А. А. Гусака, Ю. С. Богданова, В. Г. Спринжука и др.

Воспитанник университетской математической школы, видный ученый в области информатики и кибернетики, доктор технических наук, профессор, академик НАН Беларуси С. В. Абламейко в 2008 г. был назначен ректором БГУ.

Физическими исследованиями первоначально в БГУ занимались преподаватели гимназий и реальных училищ. Но вскоре в университет прибыли из РСФСР ученые-физики профессор Е. Е. Сиротин и астроном А. А. Михайловский, которые и возглавили научную работу. В 1933 г. был организован физико-математический факультет, а в 1938 г. созданы 4 физические кафедры: общей физики (И. Г. Некрашевич); теоретической физики (Ф. И. Федоров); рентгенофизики (И. П. Шапиро); электромагнитных колебаний (Е. В. Снятков). Вскоре имена этих ученых стали гордостью физической науки Беларуси. С 1938 по 1962 г., когда руководил кафедрой теоретической физики Ф. И. Федоров, разрабатывались проблемы квантовой теории полей (теория элементарных частиц). Физика в БГУ приобрела особое значение после приезда из Ленинграда профессоров А. Н. Севченко, Б. И. Степанова, М. А. Ельяшевича. Были открыты новые кафедры: физической оптики, экспериментальной физики, физической электроники и др. Широкую известность получили работы, связанные с изучением свойств соединений урана и галоидных кристаллофосфоров, исследования по проблемам квантовой радиофизики, спектроскопии ураниловых соединений, исследования физических свойств твердого тела и др. А. Н. Севченко, став ректором БГУ, много сделал не только для дальнейшего развития физической науки в университете, но и для бурного роста университета в целом.

В 1976 г. на базе четырех кафедр физического факультета был создан факультет радиофизики и электроники, а также немногим ранее открыт Научно-исследовательский институт прикладных физических проблем, затем Институт ядерных проблем, который возглавил профессор кафедры ядерной физики В. Г. Барышевский — автор двух уникальных открытий.

Среди выпускников физфака 20 академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР и Беларуси, 6 лауреатов Ленинской премии, более 50 лауреатов государственных премий. Выпускниками факультета сделано 5 открытий. Гордостью страны стали ученые-физики: Герои Социалистического Труда А. Н. Севченко и Ф. И. Федоров, В. Г. Вафиади, Н. А. Борисевич, Б. И. Степанов, Л. В. Володько, Н. Н. Сирота, А. К. Красин, А. Г. Шашков, А. В. Лыков, М. А. Ельяшевич, Г. П. Гуринович, А. Ф. Чернявский, В. Г. Барышевский, Н. Н. Андреев, А. А. Лабуда, С. Н. Черенкевич и др.

Химия как область научных исследований в БГУ стала развиваться в 1920-е гг. благодаря исследованиям, проводившимся на кафедрах неорганической и органической химии педагогического факультета под руководством Б. М. Беркенгейма, А. П. Иваницкой, Э. В. Змачинского. С 1931 г. в БГУ существует химический факультет. Изначально направления научных поисков университетских химиков были нацелены на обеспечение потребностей народного хозяйства: оптимальное использование минеральных ресурсов республики (например, химическая переработка торфа, производство натурального и синтетического каучуков и др.), исследования в области адсорбции и структуры адсорбентов, синтез различных веществ и многое другое. Ученые-химики БГУ приняли участие и в создании химической промышленности СССР. Известны труды профессоров университета нескольких поколений, академиков и членов-корреспондентов АН Беларуси: А. В. Памфилова, Н. А. Прилежаева, Н. Ф. Ермоленко, В. В. Свиридова, В. К. Никифорова, Ф. Г. Осипенко, Б. В. Ерофеева, Н. С. Козлова, Ю. А. Ольдекопа, М. М. Павлюченко, Л. С. Станишевского, И. Г. Тищенко, Ф. Н. Капуцкого, А. А. Вечера, Г. Л. Старобинца, П. И. Белькевича, О. Р. Скороход, Е. П. Петряева, Д. Н. Андреевского, О. А. Ивашкевича, В. Ф. Тикавого, Г. А. Браницкого, О. И. Шадыро и др.

С использованием научно-исследовательской базы химического факультета был создан НИИ физико-химических проблем БГУ.

Биологическая наука уже с 1922 г. получила свое развитие на педагогическом факультете БГУ: были созданы кафедры ботаники, зоологии и физиологии животных. С 1931 г. был образован самостоятельный биологический факультет. Педагогическую и научную работу в различные годы здесь вели профессора, известные ученые Беларуси: Я. В. Ролл, А. В. Федюшин, Л. П. Розанов, И. А. Ветохин, Г. С. Юньев, Н. М. Гайдуков, Л. Н. Никонов, Б. Я. Эльберт, Г. Г. Винберг, И. Н. Сержанин, А. Т. Пикулев, В. А. Прокулевич и многие другие.

Среди ученых-биологов университета немало лауреатов различных премий, академиков, членов-корреспондентов АН Беларуси, профессоров: П. Ф. Рокицкий, А. С. Вечер, Т. Н. Годнев, М. П. Томин, Н. А. Дорожкин, М. Е. Макушок, И. К. Лопатин, Н. В. Турбин, А. А. Шлык, Ю. К. Фомичев, А. Т. Пикулев, В. Н. Гурин, А. С. Шуканов и др.

Сегодня многие из научных разработок университетских биологов (к примеру, в области защиты растений, сертификации качества пищевых продуктов, определения содержания токсичных веществ, охраны окружающей среды) имеют прикладной характер и широко используются в народном хозяйстве республики. Базой для реализациии научных устремлений преподавателей и студентов факультета являются комплексная проблемная лаборатория экспериментальной биологии, научная лаборатория фотосинтеза, опытное хозяйство «Щемыслица», зоологический музей, оранжерея, биостанция «Нарочь».

География, почвоведение, геология как близкие сферы науки стали развиваться с исследований палеографии и геоморфологии Беларуси на кафедре геологии образованного в 1934 г. географического факультета БГУ. Однако еще в 1921 г. география как учебная дисциплина была введена в учебные планы отдельных университетских специальностей. В 1923 г. на педагогическом факультете был организован «кабинет местного края», заведовать которым назначили А. А. Смолича. Начало системным научным работам положили академик АН БССР Н. Ф. Блиодухо, член-корреспондент АН БССР А. М. Жирмунский, ученые С. С. Маляревич, М. Н. Смирнов и др. Академик АН БССР К. И. Лукашев в начале 1950-х гг. возглавлял университет. В различных областях географии известны исследования таких ученых БГУ, как: Я. Н. Афанасьев, И. С. Лупинович, Р. Г. Горецкий, В. Г. Завриев, Н. Т. Романовский, В. А. Дементьев, А. Я. Малышев, И. И. Трухан, А. Х. Шкляр, О. Ф. Якушко, Н. Е. Рогозин, В. А. Жучкевич, А. С. Махнач, А. А. Махнач, А. В. Фурсенко, А. Г. Медведев, В. М. Широков, В. Ф. Логинов, Д. М. Корулин, Р. А. Жмойдяк, Л. В. Козловская, А. В. Томашевич, Ю. М. Обуховский, П. С. Лопух, В. С. Аношко, А. Н. Витченко и др.

Сегодня студенты, избравшие своей будущей профессией географию, могут специализироваться по многим современным направлениям, таким как: физическая география, география туризма и экскурсионного менеджмента, экономическая география, демография, география почв, земельные ресурсы и мелиорация, картография, региональная социально-экономическая география, рациональное природопользование и охрана природы, геологическая съемка, поиск и разведка месторождений полезных ископаемых, тектоника и физика земли, охрана природы и рациональное использование природных ресурсов, мониторинг окружающей среды.

Историческая наука изначально имеет как бы особый статус в университете, так как создание БГУ ассоциируется с именами историков: профессоров В. И. Пичеты, М. В. Довнара-Запольского, В. М. Игнатовского, Д. П. Кончаловского, Н. М. Никольского, В. Н. Перцева, Д. А. Жаринова, А. Н. Ясинского и др. Их учениками и продолжателями научных традиций стали белорусские историки разных поколений: Д. А. Дудков, К. И. Керножицкий, И. Ф. Лочмель, Л. М. Шнеерсон, К. И. Шабуня, И. М. Игна-

тенко, Л. С. Абецедарский, А. П. Игнатенко, П. З. Савочкин, А. И. Кожушков, Г. М. Трухнов, Г. М. Лившиц, Н. П. Полетика, М. Г. Елисеев, Ф. М. Нечай, Г. И. Довгялло, П. А. Шупляк, В. Н. Рябцевич, Э. М. Загорульский, М. С. Корзун, П. И. Зелинский, К. А. Ревяко, В. А. Федосик, В. С. Кошелев и др.

Историки БГУ проводили и ведут исследования по самым различным направлениям исторической науки — истории Беларуси, истории России, германистике, истории древнего мира и средних веков, истории политических, дипломатических, экономических и культурных отношений, истории античного и средневекового христианства, конфессиональной истории в целом, истории интеллигенции и молодежных движений и др. На историческом факультете работает учебная лаборатория музейного дела, далеко за пределами республики известны экспозиции исторического музея. Историки университета разрабатывают научную историю своей alma mater, создали один из первых музеев истории высшего учебного заведения — Белорусского государственного университета.

Общественные науки представлены в университете философией, социологией, психологией, экономикой. Если раньше исследования в области обществоведения ассоциировались с историей КПСС, политэкономией, научным коммунизмом (обществовед, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН БССР В. М. Сикорский в 1970-е гг. возглавлял БГУ), то с 1990-х гг. акценты были существенным образом изменены. Ослабла и идеологическая составляющая в работе обществоведов. Уже с 1920-х гг. в БГУ на высоком научном уровне велись исследования по социологии, философии, психологии и педагогике, экономике. Научные традиции С. Я. Вольфсона, С. З. Каценбогена, С. М. Василейского, Г. Ф. Александрова, В. И. Степанова, И. Н. Лущицкого, Г. А. Левина, С. Е. Янченко и других университетских обществоведов продолжают Е. М. Бабосов, В. Л. Клюня, М. М. Ковалев, А. И. Зеленков, Д. Г. Ротман и др.

Правоведение как направление подготовки специалистов с университетским образованием было крайне важным для Беларуси, где к 1921 г. почти отсутствовали высококвалифицированные кадры по правовым наукам. В БГУ на постоянную работу приехала из России группа видных ученых-юристов. Огромную роль в развитии юридической науки сыграли первый ректор БГУ В. И. Пичета (история русского и белорусского права); профессора В. Н. Дурденевский (государственное право зарубежных стран); Г. С. Гурвич (советское государственное право); Б. В. Чредин (римское право); М. Б. Кроль (судебная психиатрия); Н. И. Кравченко (международное право); И. Т. Титов (судебная медицина); М. О. Гредингер (гражданское право и гражданский процесс) и др. В последующие годы стали широко известны имена многих университетских юристов: Н. А. Коноплин, Ф. И. Гавзе, В. А. Дорогин, Г. А. Поветьев, Ю. П. Смирнов,

И. С. Тишкевич, В. Ф. Чигирь, Ю. П. Бровка, А. А. Головко, С. Г. Дробязко, И. И. Мартинович, Н. Г. Юркевич, И. А. Юхо, В. Г. Тихиня, Г. А. Василевич, С. А. Балашенко, В. П. Серебренников, А.В. Дулов, В. Н. Годунов, А. А. Данилевич и др.

Правовая наука в Беларуси является одной из развитых отраслей в системе общественных наук. Она получила особый статус и «новое дыхание» в связи с обретением республикой суверенитета и строительством самостоятельного государства. Юристы БГУ приняли активное участие в создании Конституции Республики Беларусь, в написании важнейших законов.

Журналистика как особое направление научных исследований в БГУ стала развиваться вместе с созданием в 1944 г. факультета журналистики. В 1947 г. факультет журналистики стал отделением филологического факультета. Первый выпуск специалистов для средств массовой информации республики состоялся в 1948 г. В 1967 г. вновь был восстановлен статус самостоятельного факультета. А в 2008 г. его преобразовали в Институт журналистики БГУ. Начало научно-исследовательской деятельности в данной сфере связано с именами Г. В. Булацкого, М. Е. Тикоцкого, В. А. Пыжкова, М. С. Зерницкого, Н. Е. Достанко, Б. В. Стрельцова, Е. Л. Бондаревой, Н. А. Сницеровой, А. И. Раковича, И. И. Саченко, Л. Ф. Шиловой, Н. Т. Фрольцовой, С. В. Говина, О. Г. Слуки и др.

Техническая база Института журналистики БГУ объединена в Учебном центре коммуникационных технологий, куда входят четыре лаборатории: аудиовизуальных технологий, учебно-издательская, информатики и мультимедиа, фотожурналистики. В институте исследуются проблемы отечественной печати, вопросы национально-культурной среды, опыт печатного и радийного слова, тележурналистика, кинопублицистика, направления развития белорусского искусства, общественные связи, история белорусского языка и литературы и др.

Филология, любовь к родному слову с первых дней основания университета стали едва ли не его «визитной карточкой». Именно в БГУ выросла целая плеяда великих ученых-славистов, прославивших родной университет, Беларусь и белорусов. Здесь преподавал народный поэт Беларуси Якуб Колас, роль которого, как и Янки Купалы, в истории белорусского народа неоценима. На педагогическом факультете БГУ, а с 1939 г. на самостоятельном филологическом факультете работали видные филологи разных поколений. Через десятилетия их напряженного труда сформировалась настоящая научная корпорация — школа видных национальных ученых, к которой принадлежат: Н. А. Янчук, И. И. Замотин, Н. Н. Дурново, Е. И. Боричевский, П. А. Бузук, А. Н. Вознесенский, С. М. Некрашевич, Т. П. Ломтев, М. Н. Пиотухович, И. В. Волк-Леванович, М. А. Жидович, И. В. Гуторов, М. И. Жиркевич, А. И. Наркевич, Л. М. Шакун, М. Г. Булахов, П. П. Шуба, Л. И. Фигловская, Ф. И. Кулешов, И. П. Кох-

но, Е. И. Янович, А. Е. Супрун, Б. А. Плотников, В. А. Карпов, Н. А. Павленко, М. Г. Ларченко, О. А. Лойко, И. Я. Науменко, Н. С. Гилевич, Д. Я. Бугаёв, Ю. С. Пширков, О. В. Козлова, Т. И. Шамякина, Л. А. Мурина, В. П. Рагойша, П. И. Ткачев, И. П. Кохно, И. В. Шабловская, Б. Ю. Норман, И. С. Ровдо, Н. Г. Пригодич, Л. Д. Синькова, И. Э. Ратникова, Е. И. Янович, С. Я. Гончарова-Грабовская, И. С. Скоропанова, А. А. Кожинова, Н. Б. Мечковская, А. Н. Андреев, Б. П. Мицкевич, И. А. Чарота, Ф. М. Литвинко, Н. Н. Нижнёва и др.

Из стен БГУ вышли «служители муз», многочисленные поэты, прозаики, драматурги: П. Трус, П. Бровка, П. Глебка, А. Александрович, А. Пальчевский, Т. Кляшторны, К. Крапива, М. Лужанин, С. Андреюк, Н. Арочка, М. Аврамчик, А. Вертинский, Н. Гилевич, Г. Далидович, А. Дудар, А. Жук, И. Мележ, И. Пташников, Г. Бородулин, Г. Буравкин, И. Чигринов, В. Адамчик, В. Зуёнок, О. Лойко, О. Ипатова, В. Коризна, А. Клышко, В. Липский, А. Звонак, А. Наварич, И. Науменко, Я. Скриган, В. Некляев, Я. Сипаков, С. Законников, Е. Янищиц и многие другие.

Сегодня студенты факультета могут осваивать специальности «Белорусская филология», «Русская филология», «Славянская филология» (польский, украинский, сербский, чешский, болгарский языки и литература), «Романо-германская филология» (английский, французский, немецкий, итальянский языки и литература), «Восточная филология» (китайский язык и литература), «Классическая филология» (латинский, древнегреческий языки и античная литература).

Научные школы Белорусского государственного университета

На всех этапах развития университета результативность его научно-исследовательской деятельности определяли научные кадры высшей квалификации. Значительная их часть подготовлена благодаря практическому участию в разработках, осуществляемых научными школами БГУ.

За почти 90-летнюю историю БГУ на его факультетах и кафедрах, в НИИ и лабораториях сформировалось более 60 научных школ, определяющих сегодня научный авторитет университета.

Научная школа продукционной гидробиологии основана членом-корреспондентом АН СССР Г. Г. Винбергом, награжденным высшей наградой Международного лимнологического общества — медалью Тинемана-Наумана. Сегодня это направление продолжает развиваться под научным руководством доктора биологических наук, профессора, члена-корреспондента НАН Беларуси А. П. Остапени. Только в новом XXI столетии ученые этой школы опубликовали более 180 научных тру-

дов, из которых 9 — за пределами СНГ (в соавторстве с биологами Швеции и Израиля).

Научная школа физической электроники и радиационной физики твердого тела создана в 1982 г. доктором физико-математических наук, профессором, членом-корреспондентом НАН Беларуси Ф. Ф. Комаровым. За время существования школы подготовлено 9 докторов и 32 кандидата наук. Ее представители работают и в других организациях и странах: в частности, в Нидерландах, Японии, ФРГ, Польше, США, Дании. Учеными получено более 40 авторских свидетельств на изобретения и патентов, медали ВДНХ СССР и БССР различного достоинства, Государственная премия Республики Беларусь за 1998 г., премия имени А. Н. Севченко (2006). Издано 16 монографий, 5 из которых переведены в США, 3 — в Польше.

Научная школа по биофизике создана в 1970-х гг. Руководит школой доктор биологических наук, профессор, академик НАН Беларуси С. Н. Черенкевич. Кроме классических разделов биофизики, ученые развивают новые научные направления, в их числе: разработка новых типов нейросенсоров для решения научных и медико-фармакологических задач; разработка теории и изучение механизмов редоксрегуляции клеточных процессов и др. Учеными сформулировано и доказано свыше 10 новых научных положений, открыто более 20 новых явлений в клетках, разработаны десятки новых способов диагностики и методик изучения свойств веществ и клеток, создано 13 новых типов устройств, которые используются в учебной и научной практике.

Научную школу математического моделирования сложных систем, процессов защиты информации и компьютерного анализа данных сформировал доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, лауреат Государственной премии Республики Беларусь Ю. С. Харин. Он является директором Научно-исследовательского института прикладных проблем математики и информатики БГУ. Школу, созданную им в 1986 г., представляют 2 доктора и 16 кандидатов наук. Под эгидой научной школы каждые три года проводится международная конференция «Компьютерный анализ данных и моделирование». Система статистического программного обеспечения, разработанная в школе, внедрена в 51 организации Республики Беларусь и стран СНГ. Англоязычные версии пакетов прикладных программ РОСТАН и СТАТПРО проданы в Мюнхенский университет (Германия) и Корейский институт научных технологий (Республика Корея).

Научная школа ядерной оптики начала формироваться с 1970 г. Ее основоположник — доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, лауреат Государственной премии Республики Беларусь В. Г. Барышевский, награжденный орденами Франциска Скорины и «Знак Почета». Важнейшими достижениями школы следует считать два открытия: явления ядерной прецессии спина ней-

трона (1979) и явления вращения плоскости поляризации гамма-квантов в среде с поляризованными электронами (1981).

Научная школа в области химических исследований сформировалась вокруг лаборатории лекарственных средств на основе модифицированных полисахаридов. Эта лаборатория была открыта в НИИ физико-химических проблем в 1998 г. при непосредственном участии академика Ф. Н. Капуцкого. Все исследования ученых этой школы имеют прикладную направленность. По результатам научных разработок организовано производство салфеток, мазей, порошков и инъекций для наружного и имплантационного применения. Так, основу салфеток составляет окисленная целлюлоза, содержащая иммобилизованные на ней антибиотики, иммуностимуляторы, ферменты.

Научная школа востоковедения, истории античности и Средневековья ведет отсчет своей плодотворной деятельности буквально с 1921 г., когда в БГУ приехал известный историк, будущий академик АН БССР Н. М. Никольский. Его разработки в области истории древнего Востока, иудаики, раннего христианства были продолжены в последующие годы на историческом факультете Г. М. Лившицем, Ф. М. Нечаем, В. И Шевченко и др. Деятельность научной школы отражают десятки монографий, учебников и учебных пособий, написанных по сложнейшим периодам истории человеческой цивилизации профессорами БГУ В. А. Федосиком, М. С. Корзуном, К. А. Ревяко, И. О. Евтуховым. Только за несколько прошедших лет по данной тематике кандидатские диссертации защитили более 10 аспирантов кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Данная лапидарная информация о научных школах БГУ, разумеется, не может дать полного представления об уровне, направленности и результативности научных изысканий, которые ведутся повсеместно на факультетах и в НИИ университета. Однако важно подчеркнуть тот факт, что именно личность большого ученого, его интеллект и устремленность в науке объединяют усилия талантливой молодежи вокруг решения той или иной научной проблемы, способствуют общему продвижению к вершинам знаний, постижению тайн мироздания.

Научно-инновационная деятельность Белорусского государственного университета

В соответствии с государственной политикой и имеющимся научным потенциалом одним из приоритетов развития БГУ стала научно-инновационная деятельность, осуществляемая по следующему алгоритму: научная идея — оценка ее эффективности — маркетинг — научная разработка — производство — внедрение — продвижение. В основе этой деятельности лежат фундаментально ориентированные и прикладные ис-

следования научных структур университета: институтов, центров, лабораторий, предприятий.

В университете в 2009 г. выполнялось 277 заданий по 31 государственной программе фундаментальных и прикладных научных исследований в области естественных, технических и гуманитарных наук и более 180 отдельных проектов. Белорусский государственный университет является головной организацией-исполнителем в 15 ГКПНИ (Государственная комплексная программа научных исследований), ГПФНИ (Государственная программа фундаментальных научных исследований) и ГПОФИ (Государственная программа ориентированных фундаментальных исследований). Так, университет — головная организация-исполнитель ГНТП (Государственная научно-техническая программа) «Химические технологии и производство» (подпрограмма «Малотоннажная химия»), ГНТП «Новые лекарственные средства» (подпрограмма «Лекарственные средства»). В 2002 г. начата реализация научно-технического проекта «Дизельное биотопливо», где БГУ выступает в роли госзаказчика и ответственного исполнителя. Технология предназначена для получения экологически чистого топлива для дизельных двигателей из возобновляемого источника сырья — рапса. Осуществлено внедрение технологии и выпуск смесевого дизельного биотоплива на ОАО «Гродно Азот».

Научно-исследовательскими учреждениями БГУ создано более 300 разработок, представленных в базе данных научно-технической продукции университета. На научно-производственном республиканском унитарном предприятии «Адамас БГУ» на основе синтетических монокристаллов «Алмазот» изготавливаются технические инструменты. Среди самых интересных разработок НПЦ пищевых добавок УП «Унитехпром БГУ» — комплексные технологические добавки для стабилизации качества муки, фитокомпозиции для хлебобулочных и кондитерских изделий на основе фитосырья, композиции хлебопродуктов для людей с нарушением белкового обмена. Одни из последних разработок НПЦ информационно-измерительных систем — цифровые осциллографы, генераторы сигналов произвольной формы в виде компьютерной платы с интерфейсом PCI. Для применения в области сельского хозяйства наиболее перспективны микроволновая технология предпосевной обработки овощных и лесных культур; полиэлектролитные гидрогели «Гисинар» для инкрустации семян сельскохозяйственных культур; ветеринарные препараты для лечения микроэлементозов животных.

Белорусский государственный университет уверенно заявляет о себе на международных рынках. Научные разработки БГУ в 2010 г. были представлены на международных выставках в Ганновере, Баку, Белграде, Риге, Тегеране, Нитре, Шанхае и награждены 16 медалями, 5 дипломами за создание высокотехнологичной наукоемкой продукции. В 2008 г. научно-техническая продукция БГУ удостоена 11 медалей на VIII Московском

международном салоне инноваций и инвестиций. Среди наград — 4 золотые, 1 серебряная и 6 бронзовых медалей. Главной «золотой» разработкой можно считать технологию непрерывного получения дизельного биотоплива из рапсового масла: эта работа получила I Гран-при Московского салона.

За последние годы в БГУ выполнены приоритетные проекты по разработке государственных информационных ресурсов: интернет-портал Президента Республики Беларусь, информационный портал Исполнительного комитета СНГ, информационно-аналитические порталы Союзного государства, Национального пресс-центра. В рамках республиканской программы «Информатизация системы образования» разработана и введена в опытную эксплуатацию Республиканская автоматизированная система мониторинга обеспеченности учебной литературой учреждений высшего и среднего образования. Центр социологических и политических исследований БГУ — ведущий социологический центр Республики Беларусь — обеспечивает в полном комплексе по современным технологиям изучение качества образования, проблем студенческой молодежи, профессиональной ориентации, исследование социокультурных процессов, трансформации ценностного сознания, проблем здорового образа жизни.

В начале XXI в. университетское научное сообщество основное внимание сосредоточило именно на инновационном развитии в науке, образовании, воспитании. Прежде всего проявляется постоянная забота о формировании творческой, креативной, нравственно-духовной личности с огромным созидающим деловым и профессионально-творческим потенциалом. Именно под этим углом зрения сегодня рассматриваются специфические социально-государственные функции, предопределяющие возможности инновационного взаимодействия различных субъектов инновации в рамках самого университета. Среди таких субъектов: инновационный тип личности, инновационная школа как коллективный субъект деятельности, профессионально-педагогическое сообщество как субъект инновационных идей в строительстве нового государства и общества. Критерием субъективного качества в поле инновационного взаимодействия выступает инновационная способность.

Перспективы развития основываются на достигнутом

Разработка перспектив развития факультетов, НИИ, кафедр и лабораторий БГУ на современном этапе осуществляется с позиций государственных интересов и на глубоко научной основе. В новых реалиях университет совершенствует классические формы учебной, научной и воспитательной деятельности с целью формирования нового социального и культурного

пространства, адекватного требованиям времени. Осознавая, что основой классического университета традиционно является тесная взаимосвязь научной деятельности и подготовки кадров, БГУ поддерживает рекомендации Болонской декларации, предложенные для реализации национальным системам высшего образования стран Запада.

Структура университета год от года динамично развивается. Появляются современные научно-практические центры и исследовательские лаборатории, методологические центры, некоторые из них становятся впоследствии самостоятельными подразделениями. Среди них — Республиканский институт высшей школы, Государственный институт управления и социальных технологий, Институт бизнеса и менеджмента технологий, Центр информационных технологий, Национальный научно-исследовательский центр физики частиц и высоких энергий, Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла, Республиканский институт китаеведения имени Конфуция, факультет доуниверситетского образования, лицей, юридический колледж и др.

Сегодня Белорусский государственный университет — крупнейший учебно-научно-производственный и хозяйственный комплекс. На его 16 факультетах и в 4 институтах, в составе которых почти 177 кафедр, обучаются будущие специалисты с высшим образованием и магистры, осуществляется подготовка аспирантов и докторантов. В последнее время на первый курс БГУ ежегодно зачисляется более 6 тыс. студентов. Коллектив университета, успешно реализовав планы своей деятельности, намеченные на 2006—2010 гг., определил на Ученом совете план перспективного развития на последующие пять лет. Все мероприятия должны осуществляться в соответствии с Миссией и Политикой БГУ в области качества, с ранее утвержденными стандартами и целевыми показателями университета. Важно, что в июне 2010 г. БГУ получил сертификаты системы менеджмента качества на соответствие требованиям международного стандарта ISO 9001 в национальной системе сертификации и в немецкой системе сертификации TGA.

Ведущий вуз страны принимает самое активное участие в реализации Программы социально-экономического и культурного развития Республики Беларусь. Его ученые (факультетов, институтов и 11 унитарных производственных предприятий) в 2010 г. участвовали в выполнении 142 заданий, входящих в 7 программ Союзного государства, 1 президентскую, 15 государственных, 17 государственных научно-технических, 1 национальную и 4 отраслевые программы. В соответствии с действующим Уставом БГУ, одной из главных задач университета является «организация и проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, инновационной и производственной деятельности по наиболее актуальным проблемам науки, техники и производства, развитие соответствую-

щей материально-технической и экспериментально-производственной базы учебного процесса и научных исследований».

Согласно требованиям времени в Белорусском государственном университете еще в 1990-е гг. были открыты следующие специальности: «международное право», «международные отношения», «дизайн», «международный туризм», «экономическая информатика», «актуарная математика», «социомедико-социологическая деятельность» и др. Уже в XXI в., исходя из требований технического прогресса, запросов народного хозяйства страны, в БГУ начата подготовка специалистов по новейшим специальностям: «ядерной физике и технологиям», «компьютерной безопасности», «биоэкологии», «логистике», «управлению инновационными процессами», «бизнес-администрированию» и др. Создана и эффективно действует система работы с будущими абитуриентами — учащимися школ, колледжей, гимназий, профессиональных училищ.

Центр тяжести при обучении на основе информационных компьютерных технологий переносится на систематическую, управляемую преподавателем самостоятельную (аудиторную и внеаудиторную) работу студентов, на стремление пользоваться самостоятельными учебно-образовательными навыками, умениями, т. е. на выработку желания студента «научиться учиться». Поставлена цель, чтобы этот подход утвердился в качестве ведущего вектора развития БГУ на ближайшие годы, определив критерии высшего образования в Беларуси. Этому способствуют новые формы контроля оценки объема знаний студентов, которые внедряются в университете: рейтинговая, модульно-рейтинговая, кредитная и кредитно-модульная. Развивается практика тестирования, совершенствуются информационно-педагогические технологии образования с учетом мирового опыта. Компьютерная сеть БГУ персонифицированно объединяет в одну информационную систему всех участников учебного процесса по состоянию на конкретный учебный год: студентов, преподавателей, сотрудников деканатов и администрацию. В корпоративной информационной сети БГУ объединено более 2800 компьютеров и работает свыше 3 тыс. сотрудников, 18 тыс. студентов.

Разработан целый ряд программ перспективного развития БГУ. Они по-новому, с учетом ранее достигнутого были сформулированы в тот период, когда ректором университета являлся *Василий Иванович Стражев* (2003—2008). В их числе: программы перспективного развития БГУ; программа «Совершенствование управления и оптимизация структуры БГУ (2004—2006 гг.)»; программа развития инновационной деятельности (2004—2010 гг.); программа «Наука БГУ» (2004—2010 гг.); программа взаимодействия с НАН Беларуси и другими научными учреждениями (2004—2010 гг.); программа развития системы повышения квалификации и переподготовки педагогических и научных кадров (2004—2010 гг.); программа «Кадры БГУ» (2004— 2010 гг.); программа развития форм и методов

включения студенчества в организацию учебно-воспитательного процесса (2004—2008 гг.); программа социальной поддержки ППС, сотрудников и студентов (2004—2011 гг.); программа «Здоровье» (2004—2011 гг.); программа взаимодействия БГУ с классическими и педагогическими университетами республики (2004—2011 гг.); программа развития материально-технической базы, капитального ремонта и строительства (2004—2011 гг.). Для осуществления этих и других программ создаются коллективы видных ученых, практиков, объединения единомышленников в науке.

В БГУ накоплен существенный учебно-производственный потенциал. По опыту Стэнфордского университета, ставшего когда-то основой американской Силиконовой долины, БГУ активно включается в создание аналогичной «долины», выполняя тем самым важную государственную задачу.

В поле зрения ученых БГУ история социально-политических, этнокультурных процессов в Беларуси, исторические судьбы славянского мира, проблемы цивилизационного развития стран и народов мира, проблемы экономического роста в условиях перехода к рынку, экологические ценности и приоритеты в динамике науки и культуры. Исследуются учеными и изучаются студентами взаимосвязь макроэкономических преобразований с изменением ситуации на микроэкономическом уровне, институциональные условия и формы перехода национальной экономики на инновационно-интенсивную стратегию развития, рейтинговые и оптимизационные модели экономических систем в глобальной экономике знаний, теория и практика современного менеджмента, электронный бизнес, эффективность IT-технологий, формирование современной системы международных отношений, эволюция международного права в условиях глобализации, ее влияние на правовую систему Республики Беларусь, формирование современной системы международных экономических отношений, формирование конкурентоспособного туристского комплекса Республики Беларусь, основы деловых межкультурных коммуникаций, научно-методическое обеспечение учебного процесса по английскому языку, романским, германским и восточным языкам и др.

Широко обсуждаются в контексте научных исследований вопросы правового обеспечения формирования и развития демократических институтов гражданского общества и социально-правового государства, совершенствование правовых механизмов обеспечения устойчивого экономического развития Республики Беларусь, совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности в разных сферах общественной жизни Республики Беларусь.

Изучаются методологические проблемы прикладных социологических исследований, которые включают изучение политического состояния общества и особенностей электорального поведения населения, ис-

следование социально-структурных изменений в обществе в условиях переходного периода, социально-психологического самочувствия представителей национальных меньшинств и титульной нации в республике, специфики социального поведения верующих различных конфессий, изучение проблем молодежи.

Особое значение имеет внедрение результатов реализации проекта TEMPUS «Integrating European Studies in International Relation Education» в учебный процесс. Так, кафедрой международного туризма осуществляется международный проект «Стратегия развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях», финансируемый Глобальным фондом ООН. Своей главнейшей задачей Белорусский государственный университет на современном этапе видит существенное наполнение процесса перехода на двухступенчатую подготовку специалистов в соответствии с рекомендациями Болонской декларации, обновление стандартов и программ обучения, усиление компетентности при подготовке выпускника, развитие менеджмента качества образования, усиление самостоятельной работы студентов, привитие им стремления «учиться через всю жизнь». В начале 2010 г. БГУ был принят в Европейскую ассоциацию университетов, что существенно расширило его международные контакты, дало возможность участвовать в важнейших образовательных форумах Европы и вносить свою лепту в общее дело развития университетской корпорации.

Белорусскому государственному университету принадлежит особое место в системе научных организаций Беларуси. Результаты проводимых в университете научных исследований лежат в основе решения ряда крупных проблем в науке и технике. В условиях современного экономического развития основополагающим фактором стала научно-инновационная деятельность БГУ, что позволяет создавать востребованную высокотехнологичную и наукоемкую продукцию, обеспечивать приток финансовых средств в науку.

Сегодня БГУ аккумулирует главнейшие достижения мировых и европейских классических университетов, осуществляет подготовку специалистов по разным профилям и направлениям на двух ступенях высшего образования, ведет подготовку научных работников высшей квалификации, переподготовку и повышение квалификации специалистов с высшим образованием, проводит фундаментальные и прикладные научные исследования и выполняет функции научно-методического центра по главным направлениям осуществляемой подготовки специалистов высшей квалификации. Наряду с высоким уровнем профессиональной подготовки студентов, университет считает своей основной задачей всестороннее формирование личности. Факты свидетельствуют о том, что выпускник БГУ способен сделать не только профессиональную карьеру, но и деловую, творческую, спортивную.

Не учебой единой…

Прикасаясь к притягательным традициям БГУ, его студенчество осознает ответственность за будущее своей alma mater, самозабвенно трудится в поисках своего цветка счастья («папараць-кветкі»), выразительно демонстрирует сопричастность общим делам, находя вдохновенный огонь в глубине души своей.

Белорусский государственный университет — настоящий интеллектуальный центр белорусского государства. Каждый студент найдет здесь дело по душе. А для активизации инициативы и направления ее в созидательное русло в университете действуют различные студенческие организации и клубы. Перечень достаточно велик.

С*туденческие организации:*

- Студенческий союз БГУ.
- Ассоциация студенческого самоуправления студгородка.
- БРСМ — Белорусский республиканский союз молодежи.
- Молодежная лига наций БГУ.
- Совет старост.
- Студенческий совет по качеству образования.
- Школа актива.

Клубы:

- Ансамбль эстрадного танца «Седьмое небо».
- Вокальная группа «Веселята».
- Вокальная студия БГУ.
- Клуб интеллектуальных игр БГУ.
- Клуб авторской песни.
- Образцовая литературная студия «Альтанка».
- Студенческая филармония.
- Студия эстрадной песни.

Ежегодно в университете проводится викторина ко Дню основания БГУ (30 октября) «Папараць-кветка зацвітае для цябе ў БДУ». Вопросы и задания викторины публикуются в спецвыпуске газеты «Універсітэт». Стали популярными среди студенчества выездной образовательный семинар для старост учебных групп первого курса «Ты староста», общественно-образовательный форум для студенческого актива первичных организаций БРСМ БГУ «Стань лучшим!», выездной образовательный семинар для студенческого актива «Идея. Команда. Проект» и образовательный проект «Зимняя школа студенческой журналистики». Особо сердечно, весело и задорно проходят открытый турнир КВН на кубок БГУ и фестиваль КВН, фестиваль эстрады БГУ, конкурс эстрадной песни «Золотые голоса», международный форум студенческих хоров «Папараць-кветка», фестиваль-конкурс моды и фото «Мельница моды», выпускной бал, театрализованное представление «Виват, первокурсник!», празд-

ничная программа «Все начинается с любви», посвященная Дню матери, танцевально-развлекательная шоу-программа для студентов «Я люблю тебя, БГУ!», рок-фестиваль «Такие пряники», конкурс «Мисс БГУ».

Высокий художественный уровень, профессиональное мастерство демонстрируют творческие коллективы, носящие звания «народных»: народная студенческая хоровая капелла, народный ансамбль народного танца «Крыжачок», фольклорно-этнографический ансамбль «Неруш», народный хор преподавателей и сотрудников «Родница», фольклорная группа «Тутэйшая шляхта», детский образцовый ансамбль танца «Літарынка», народный студенческий драматический театр «На балконе», народный студенческий музыкально-драматический театр «На филфаке», народный оркестр народных инструментов. Их участники — преподаватели, студенты и выпускники БГУ.

Перед студентами университета открыты все культурные сокровища минских музеев, театров, галерей. И годы учебы дают возможность приобщиться к высоким культурным ценностям. Этому способствуют и музейные экспозиции самого университета: почти все музеи БГУ создавались еще в далекие 1920-е гг. Теперь они имеют общенациональное значение: музей истории БГУ, исторический музей (с отделами истории Древнего Востока, археологии, этнографии, нумизматики), музей землеведения (с уникальной коллекцией камней и минералов), зоологический музей, музей правоведения.

Познание глубин специальности, напряженная работа в аудиториях и лабораториях принесут эффект только в том случае, если студент здоров, физически крепок и оптимистичен. Без занятий физкультурой и спортом здесь не обойтись. Сегодня никто не принуждает студенческую молодежь готовить себя «к труду и обороне», заниматься собой в рамках кампаний типа «военизации», как это было чуть ли не во все годы существования СССР. Университету и стране нужен здоровый молодой человек, способный обеспечить свое процветание, полноценную жизнь своей семьи не только за счет высокого интеллекта, но и необходимых физических качеств. Поэтому БГУ широко раскрыл перед студентами свои физкультурные залы, стадионы, бассейны, площадки. В Минске одним из лучших является спортивно-физкультурный комплекс университета, расположенный среди четырех студенческих общежитий на живописном берегу Свислочи. Ориентирами в походе за здоровьем являются университетские чемпионы — победители мировых, европейских, республиканских соревнований по различным видам спорта. Особое место среди них занимают олимпийские чемпионы и призеры: Владимир Горяев — аспирант химического факультета (серебряная медаль по тройному прыжку на XVII Олимпийских играх в Риме, 1960 г.); Камандар Маджидов — студент юридического факультета (олимпийский чемпион по греко-римской борьбе XXIV Олимпийских игр в Сеуле, 1988 г.); Галина Савицкая — студентка

факультета журналистики (бронзовая медаль в соревнованиях по баскетболу на XXIV Олимпийских играх в Сеуле, 1988 г.); Сергей Демяшкевич — студент юридического факультета (бронзовая медаль по греко-римской борьбе XXV Олимпийских игр в Барселоне, 1992 г.); Сергей Лиштван — студент юридического факультета (серебряная медаль по греко-римской борьбе XXVI Олимпийских игр в Атланте, 1996 г.); Анна Глазкова — студентка факультета международных отношений (серебряная медаль по художественной гимнастике XXVII Олимпийских игр в Сиднее, 2000 г.); Михаил Семенов — студент исторического факультета (бронзовая медаль по греко-римской борьбе XXIX Олимпийских игр в Пекине, 2008 г.); Надежда Остапчук — студентка исторического факультета (бронзовая медаль в толкании ядра XXIX Олимпийских игр в Пекине, 2008 г.).

Можно говорить, что Белорусский государственный университет, его профессорско-преподавательский коллектив, студенты стремятся исповедовать во всех делах спортивный принцип: всегда быть сильнее, быть выше, быть быстрее на сложном пути реализации своих интеллектуальных, духовных, физических возможностей.

Глава 12

ЯЗЫК КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ОСНОВА КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Первооснова всякого знания — язык

Изучение языка имеет давнюю историю и восходит к древнейшим очагам цивилизации (Сирия, Древний Египет, государства Древнего Двуречья, Хеттское царство, Древняя Греция, Древний Рим и др.). Интерес к иноземным языкам возник практически одновременно с интересом к письменности. Однако в силу ограниченности контактов между государствами и племенами, стоявшими на низкой ступени развития, межъязыковое взаимодействие осуществлялось преимущественно на уровне регионов высокой цивилизации на основе древнегреческого и латинского языков.

Язык во все времена составлял первооснову любого знания, поэтому он признавался главным способом познания окружающего мира и социальной адаптации к нему. Знание языка ассоциировалось с образованностью и просвещенностью, что было привилегией только избранных, посвятивших себя науке и усвоивших в результате длительного обучения не только сам язык, но с его помощью всю систему научных знаний.

В основе античных, а также средневековых знаний лежало изучение комплекса наук, начальный цикл которых составляли словесные науки — *тривиум* (грамматика, риторика, диалектика). Только по мере овладения ими наиболее способные и прилежные ученики могли приступать к изучению *квадривиума* — арифметики, астрономии, музыки и геометрии. Вся система образования представляла собой совокупность «семи свободных искусств» — прообразов учебных предметов, исконным и важнейшим из которых была грамматика.

В течение многих столетий изучение языка носило грамматический характер. Грамматика признавалась ведущим, а нередко и единственным

аспектом языка, целью и средством обучения. Считалось, что в силу своей четкой внутренней мысли грамматика является хорошим способом развития мышления. Это полностью отвечало общеобразовательным задачам того времени: традиционным типом университетского образования являлось гуманитарное, как единственное, имеющее подлинно образовательную ценность.

Не случайно первыми учебниками языка были грамматики. Наиболее известные из них — трактат «О грамматиках и риторах» *Светония* (II в. до н. э.), трактат «De Lingua Latina» *Варрона*, грамматика *Доната* «Грамматическое искусство» (IV в. н. э.), грамматика *Присциана* «Грамматическое учение» (VI в. н. э.), высшие курсы грамматики и богословские трактаты Раннего Средневековья (*Цицерон, Аристотель, Теренций*) и Реформации (например, знаменитая «Рациональная грамматика», созданная в монастыре Пор-Ройяль). Влияние перечисленных и других грамматик в странах Западной Европы было значительным вплоть до XVIII в.

Основными языками, изучавшимися в тот исторический период, были латинский и древнегреческий. Что касается Руси, то здесь изучался еще и церковнославянский. Следует отметить, что латинский язык, как ни один другой, сыграл исключительно важную роль в истории европейской цивилизации, оставаясь вплоть до второй половины XVIII в. языком науки, культуры, дипломатии — можно сказать, всей государственности. Этому во многом способствовал тот факт, что латынь была языком католической церкви, оказавшей огромное влияние на весь жизненный уклад Средневековья. Местные языки в этот период были, как правило, обиходными, бесписьменными, понятными только в данной местности, и служили средством бытового устного общения. Считалось, что в силу своей неразвитости они не были приспособлены к выражению абстрактных понятий и являлись как бы «неправильными» по отношению к «правильному», каноническому языку — латыни.

В средневековой школе изучение латыни напрямую увязывалось с необходимостью религиозных отправлений и чтения книг, что преследовало задачу «воспитания души». Не случайно даже прогрессивные философы-гуманисты более позднего времени, такие как *М. Лютер* (*1483—1546*), *Н. Меланхтон* (*1497—1560*), *Я. А. Коменский* (*1592—1670*), считали латынь средством «передачи божественной истины» и постижения христианства. Сохранение человечества в лоне христианской церкви рассматривалось как единственный источник поддержания мира. Поэтому латынь играла исключительную роль. Ей предназначалась особая миссия интернационального языка, который со временем должен был положить конец «вавилонскому смешению языков». Знание латыни рассматривалось как оружие церкви в борьбе с ересями, что требовало серьезной подготовки к диспутам и проповедям. В целом церковь была заинтересована в изучении языков, ибо воздействие словом признавалось важнейшим из арсенала ее средств.

Ступени изучения языка

В соответствии с той ролью, которую церковь отводила языку, ставились задачи перед учебными заведениями: обучать навыкам чтения, письма, говорения, используя в качестве учебного материала связные письменные тексты — «Отче наш», «Символ веры», «Псалтырь», известные библейские изречения, постановления церковных соборов и труды отцов церкви, басни Эзопа. От басен и элементарных учебников совершался переход к чтению более трудных текстов — сочинений Теренция и Цицерона, Аристотеля («Этика», «Политика», «Риторика», «Поэтика»), богословских трактатов и катехизиса, а также высшего курса грамматики. Следует отметить, что, хотя обучение языку преследовало узкие цели, содержание материала, построенного на основе греческих и римских текстов, было прогрессивным для того времени, формировало личность в соответствии с идеалами, заданными социальной системой.

Обучение речи проходило путем погружения учащегося в языковую среду, изолирующую его от влияния других языков. Такой средой являлись закрытые учебные заведения типа монастырских школ, единственным языком которых был латинский, где учащиеся путем подражания усваивали речь преподавателя. Как говорил Ф. Бэкон, «их ум был заключен в узкий мир немногих авторов... подобно тому, как они сами были заключены в кельи монастырей или учебных заведений». Такого рода «натуральная» методика обучения сохранялась вплоть до XIX в. Ее модификация состояла в замене естественной школьной среды на искусственную (гувернантки в домах состоятельных граждан).

Работа над грамматикой велась в двух направлениях: первое касалось основ речи (морфология, синтаксис) и называлось методическим, второе имело дело с чтением текстов и называлось историческим. Работа над грамматическим материалом предпосылалась чтению текстов, и нередко сама грамматика являлась источником обучения чтению. Толкование текстов носило почти исключительно грамматический характер и сопровождалось бесконечным заучиванием наизусть. Даже такие известные педагоги более позднего времени, как *Процендорф* (*1490—1556*), *Штурм* (*1507—1589*), видели высшую цель обучения в овладении красноречием как способностью цитировать римских классиков. Из обучавшихся готовили «цицеронов», но не сознательных пользователей языка.

В Высоком Средневековье получила развитие структура учебных заведений, расширилась сеть городских школ (монастырских, соборных, приходских), зародились первые коллегиумы и университеты, сыгравшие особую роль в становлении европейской цивилизации и современной науки. Рождение университетов шло естественным путем: школьная жизнь выходила за пределы монастырей, формировалась культурная среда, в которой и появился своеобразный университетский мир. Отличительной особенностью

университетов было стремление сосредоточить в себе всю сумму наук, которая в латинском определении universitas literarum (совокупность искусств) отразилась в названии формы обучения — «универсальная». Прежний центр ученых-клириков превращался в союз людей, академически образованных в разных областях знаний. Конкретная сфера применения полученных знаний определялась жизнью. Языком преподавания оставался латинский.

Четкой границы между школьным и университетским образованием в то время не существовало. Она была проведена не ранее XIX в. Тем не менее появление университетов стало началом оформления ступенчатой системы образования. Школьное дело постепенно выделилось в самостоятельную отрасль общественной деятельности. Дифференциация содержания обучения осуществлялась в зависимости от типа учебного заведения. Хотя идеологическим оплотом общества по-прежнему оставалась церковь, возрастала роль рационального знания, увеличивался удельный вес естественных наук, что стимулировало перераспределение предметов внутри традиционного цикла: грамматика уступила место логике/диалектике и сама приобрела логический характер.

Письменность и языки в Древней Руси

В отличие от Западной Европы, Русь оказалась «падчерицей» античного прошлого. Образовательная система зародилась здесь при взаимодействии двух культур: языческой культуры восточных славян и христианской культуры, пришедшей из Византии. Если языческая культура была бесписьменной и уходила своими корнями в устное творчество, то христианская культура потребовала новой системы обучения, нацеленной на приобщение к книжности, столь необходимой для овладения христианством. Применительно к начальным векам развития древнерусской культуры следует говорить скорее не об образовании, а об обучении элементарной грамотности, потребность в которой замкнутое раннефеодальное общество уже ощущало. В крупнейших политических центрах Древней Руси (Киеве, Новгороде, Полоцке, Смоленске) письменность существовала как ремесло, которым занимались в основном монахи и немногие люди из числа княжеской администрации.

До нас дошло не так много непосредственных свидетельств о преподавании и изучении языков на Руси: берестяная грамота из Новгорода, на которой мальчик Онфим учился прорезать буквы, летописные сведения о школах при великокняжеском дворе Ярослава Мудрого и некоторые другие. Однако история знает множество косвенных свидетельств тому, что языками владело духовенство, купечество, князья и другие образованные люди Киевской Руси. Например, летописец описал ученость и неординарность одного из древнерусских князей — Святослава Юрьевича: «...сей князь былъ вельми благоразуменъ ученъ писанію, много книги чи-

талъ, и людей ученых приходящихъ от Грекъ и Латинъ милостиво принимал, с ними почасту беседовал и состязанія имелъ».

Крещение Руси великим киевским князем Владимиром в 988 г. послужило началом систематического обучения знати. Великий князь и его окружение были заинтересованы в распространении новой религии как теологической основы феодального государства. Заботами многих князей (*Ярослав Мудрый, Всеволод Ярославич, Ярослав Осмомысл, Константин Всеволодович Ростовский* и др.), *великой княгини Ольги*, автора знаменитого «Слова о законе и благодати» митрополита *Иллариона*, княжны *Ефросинии Полоцкой*, суздальской княжны *Ефросинии* и др., но в большей степени православной церкви, в Киевской Руси был достигнут определенный уровень грамотности в обществе. Цель обучения состояла в укреплении в народе веры путем чтения христианской литературы. Высшее научное образование включало в себя курс наук, существовавших в Византии (грамматика, диалектика, риторика, философия, учение числам, Пасхалия, изучение Ветхого Завета), и по своему содержанию также было церковным. Церковь сыграла положительную для своего времени роль в распространении на Руси грамотности, в том числе иноязычной.

Резюме. Таким образом, в данный период обучение письменности осуществлялось на основе языков, которые в дальнейшем назовут классическими. Иностранными их можно считать лишь по отношению к национальным языкам, не развитым в письменной форме и выступавшим в качестве устных бытовых языков подавляющего большинства населения. Поскольку в Раннем Средневековье (VII—XII вв.) школы в современном понимании не существовало, грамотность была нечастым явлением даже среди великих князей, королей, феодальной знати. Обучение грамоте ассоциировалось прежде всего с умением читать и писать (в Западной Европе — на латыни), что рассматривалось как ремесло, призванное обеспечить потребности государства и общества. Людей, занимавшихся подобным ремеслом, называли клириками (в Киевской Руси — толмачами). Первоначально их готовили в закрытых учебных заведениях — монастырских и кафедральных церковных школах, затем в соборных, приходских и городских школах, из которых впоследствии в Западной Европе выросли колледжи и университеты. Готовность быть писцами и подьячими была присуща в основном детям небогатых и незнатных семей.

Языковая ситуация в эпоху Реформации

Зародившись в XVI в. во главе с М. Лютером, реформационное движение было направлено против средневекового формализма и застоя, против засилья католической церкви во всех сферах жизни. Оно провозгла-

сило идею равенства церковного и светского образования. Это само по себе явилось столь мощным фактором в жизни европейского общества, что позволило определить это событие как первую буржуазную революцию в истории человечества. Ослабление диктата церкви привело к определенной демократизации общества, появлению новых религий, становлению буржуазных наций, укреплению национальных языков, развитию науки и светской культуры.

Педагогика этого периода формировалась под значительным влиянием эмпирической философии *Ф. Бэкона* (1561—1626), способствовавшей рационализации знания и изменившей содержание преподавания латинского языка в эпоху Позднего Ренессанса. Ярким воплощением эпохи можно считать Я. А. Коменского, сочетавшего в своем лице епископа и великого ученого-просветителя. Значимой вехой в развитии образования явилась его дидактическая теория, в основе которой лежало стремление поставить образование на службу человеку. Вклад Я. А. Коменского в педагогическую мысль XVI—XVII вв. позволяет отнести его к числу основоположников современной научной дидактики и теории обучения языкам. В своем главном труде, «Великой дидактике», он провозгласил конечной целью обучения воспитание личности, которое бы делало человека человеком и служило высшему благу всего общества. Эта идея на несколько столетий предопределила дальнейшее развитие теории познания, обогатила ее содержательно.

В обучении языкам Я. А. Коменский видел основу нравственного воспитания. Будучи сам выпускником латинской школы, а впоследствии ее руководителем, он пытался воплотить свои методические идеи в практику создания учебников и выпустил книгу «Lanua Linquarum Reserats» («Открытая дверь к языкам»), а затем «Orbis Sensualium Pictis» («Мир чувственных вещей в картинках»). В этих книгах изучение языка обосновывается с учетом воспитательных целей и соединения его с изучением самих вещей. Особенно полно свои взгляды на преподавание языков ученый выразил в десятой главе «Новейшего метода языков» («Аналитическая дидактика»).

Я. А. Коменский считал, что главная цель обучения языкам — поставить их на службу общему образованию. Общеобразовательные задачи уже не сводились к чистому интеллектуализму, увеличению суммы знаний за счет заученных наизусть грамматических правил и цитат из латинских авторов. Обучение языку должно было приобрести развивающий характер, чему призвано способствовать как содержание учебных текстов, так и методика работы с ними. Все это обусловливало решение двух задач преподавания языка — общеобразовательной и практической. Я. А. Коменский признавал первенство за последней. В основу обучения он положил словарный запас (неспециальный, общий), а также методические принципы наглядности, семантизации лексики путем перевода, сознательного обучения и т. п.

На практике же преподавание в школах еще долго оставалось в плену схоластических идей Средневековья. Однако влияние схоластики, под которым находились педагоги-гуманисты, не мешает правильно оценить их прогрессивные методические идеи. Они усматриваются прежде всего в содержании материала, в постановке целей, в том значении, которое придавалось основательному изучению грамматики. Устные (народные) языки также продолжали развиваться, несмотря на все препятствия, которые выдвигали на их пути так называемые «нормализаторы» и блюстители устоев канонического языка.

Начало языкового «бума» в Восточной Европе (вторая половина XVI — начало XVII в.)

Отношения с окружающими кочевыми и оседлыми народами, соседними государствами, а также династические связи с царствующими домами Германии, Польши, Византии, Скандинавии, вовлечение Московского государства в общеевропейскую политическую жизнь (обмен послами, гонцами, дипломатическая переписка и пр.) были немыслимы без знания языков. Не случайно Борис Годунов, а затем Петр I направляли дворянских «недорослей» в Европу для получения высшего образования. О повышенном внимании к языкам свидетельствует и деятельность греко-латинских школ в Москве (в конце XVII в. они были преобразованы в Славяно-греко-латинскую академию), Киевской славяно-греческой школы и Киевской братской школы, ставшей позднее основой для известной Киево-Могилянской академии (первого русско-украинского высшего учебного заведения университетского типа), а также открытие школы японского языка в Петербурге, монгольского — в Иркутске, поездки молодых людей для обучения в Турцию и др. Об этом внимании говорят сохранившиеся литературные памятники и переводы с греческого языка исторических, географических и философских сочинений в Киево-Печерском монастыре, а также перевод Евангелия с греческого языка на церковнославянский.

Примечательно, что в отличие от зарубежья, где изучалась преимущественно латынь, в Российском государстве, на территории Беларуси и Украины, входивших в состав Речи Посполитой, преподавали языки славянский, греческий и латынь (грамматика), что отразилось даже в названии учебных заведений — греко-славянские братские школы: Могилевского и Минского Петропавловских братств (1513), Виленско-Троицкого братства (1585), Львовского Успенского братства, Брестского братства (1590—1592) и др. Уставы некоторых из этих школ были составлены на греческом языке, но также переведены на славянский.

По своему содержанию образование эпохи Ренессанса в Великом княжестве Литовском принимало форму так называемого «христианского гуманизма». Оно полностью не порывало с христианским мировоззрением, но в то же время подвергало его определенному пересмотру с позиций Ренессанса, придавая ему светскую направленность. К такому типу гуманизма принадлежало мировоззрение *Франциска Скорины, Симона Будного, Андрея Волона* и др. Характерной особенностью их гуманистического мировоззрения является патриотизм, служение Родине. Главной целью обучения считалось формирование характера человека, побуждение его к добродетели и нравственности. Причем нравственность ставилась выше учености.

В эту эпоху началось и системное изучение языков на территории нынешней Беларуси, что можно связать с именем *Яна Лициния Намысловского* (*1560—1635*), мыслителя-гуманиста, писателя, педагога, издавшего в 1589 г. учебное пособие «Сентенции, необходимые в общественной жизни». Это единственный в своем роде сборник морализаторских высказываний, приведенных на латинском, польском и немецком языках. Вышеназванная книга считается первым учебником иностранного языка на территории Беларуси.

Несмотря на все прогрессивные начинания в области просвещения, изучение и знание иностранных языков в те времена по-прежнему оставались привилегией избранных. Большинство молодых людей получало образование в начальных церковноприходских школах, где языки даже не включались в учебную программу. Тем не менее их знание составляло важнейший компонент образованности, определяло уровень развития не только личности, но и страны, от чего зависела продуктивность ее контактов с внешним миром, естественность интеграции в общеевропейское пространство.

Новые подходы в изучении языков в эпоху Просвещения

В Европе XVIII столетие отмечено масштабным изучением национальных языков: французского, английского, немецкого. В высших кругах западноевропейского общества, а также в дипломатическом, научном и торговом мире широкое распространение получил французский язык, чему способствовал и статус Франции как культурного центра Европы, и влияние ее литературы. Культура Европы того времени характеризовалась своеобразной языковой ситуацией: существовал язык высшего общества — французский, язык науки и школы — латинский. Однако постепенно национальные языки получали большее распространение и областью применения латыни оставалась лишь наука. В массовой школе

латынь изучали в статусе иностранного языка в образовательных целях, прежде всего для развития формального (логического) мышления. То, что синтаксис древних языков был трудным, а сам язык вышел из практического применения, рассматривалось как подходящее условие для тренировки интеллекта. Считалось, что усилия и самодисциплина, необходимые для овладения языком в такой ситуации, способствуют воспитанию стойкости и вырабатывают дисциплину ума.

Согласно традициям того времени, логика отождествлялась с классической грамматикой, которая считалась идеальной. В силу этого грамматика по-прежнему оставалась основным предметом изучения. Методы обучения латинской грамматике автоматически переносились на живые языки. Ставился вопрос о внесении правильности и рациональности в родные языки, об обогащении их (как языков в становлении) за счет заимствований из устоявшихся наднациональных языков (греческого, латинского).

Установление тождества между классической грамматикой и формами человеческого мышления привело к попытке создания единой грамматики как основы всех языков (знаменитая «Рациональная грамматика», созданная в монастыре Пор-Ройяль). Ее постулатом стало положение о том, что все языки имеют общую грамматическую основу и отличаются друг от друга только разной комбинацией букв и звуков. Обучение грамматике живых языков приобрело формализованный характер. Нередко оно происходило механическим путем, вне текста, и весь труд студента и ученика сводился к изменению окончаний. Грамматические правила иллюстрировались примерами, подлежавшими заучиванию наизусть.

Содержание языкового материала было второстепенным, и оно подбиралось таким образом, чтобы не отвлекать учащихся от подлежащих усвоению грамматических форм. Примеры подбора текстов, соответствующих такой установке, приводит автор одного из учебников английского языка Г. Оллендорф: «Надеваете вы другие платья, чтобы идти в спектакль?» — «Я надеваю другое».— «Надеваете ли вы ваши перчатки прежде башмаков?» — «Я надеваю мои башмаки прежде перчаток». — «Надевает ли ваш брат плащ вместо того, чтобы надеть платье?» — «Он надевает платье прежде шляпы». Подобные тексты не давали возможности учащимся знакомиться с подлинным, живым языком. Такое обучение характеризовалось искусственностью, полным подчинением грамматическим формам, которые заимствовались из латинской грамматики. Достоинством грамматик XVIII в. явилось то, что они писались на родном, понятном для обучаемых языке.

Поскольку обучение новым языкам строилось по аналогии с обучением классическим, то оно ориентировалось на поиск механических соответствий с латынью и основное внимание уделялось анализу слова. Учебные пособия представляли собой списки слов, сгруппированных по темам, и хрестоматии для чтения.

Ярким примером гуманистической педагогики является система образования *И. Г. Песталоцци* (*1746—1827*). По его мнению, образование должно уничтожить неравенство в обществе, и потому его следует сделать достоянием широких народных масс. Изучение языков также должно быть доступно всем, а не только привилегированным слоям. С помощью знания языков возможно шлифовать ум: это предлагалось делать путем сопоставительного анализа связных текстов, вначале смыслового (лексического), затем формального (грамматического). Акцент в обучении смещался с грамматики на сам текст. Однако содержание текста подлинному смысловому анализу не подвергалось, ограничиваясь лишь сопоставлением незнакомых языковых явлений с уже знакомыми.

Заслуживает внимания и новый характер текстов, предложенный педагогами-гуманистами. Это были связные хрестоматийные отрывки и целые произведения художественной литературы: басни Ж. Лафонтена, сочинения Ж.-Ж. Руссо, а позднее произведения Ч. Диккенса, Г. Клейста, Ф. Шиллера, сочинения Ф. Аделунга, отрывки из Библии. Работа над текстами в плане их лексико-грамматического анализа привела к тому, что начала складываться методика рецептивного обучения. Этому способствовала публикация в 1846 г. работы *К. Магера* «Генетический метод преподавания иностранных языков и литератур».

Новым и принципиально значимым шагом в философии обучения языкам стало провозглашение принципа культуросообразности обучения, с каждым новым десятилетием оказывавшего все большее влияние на формирование этой методической категории. Немецкий педагог *А. Дистервег* (*1790—1866*) разработал концепцию, согласно которой изучение культуры является одной из главных целей обучения, образовательным идеалом общества. Знакомство с иноязычной культурой посредством изучения языков, по его мнению, должно способствовать интернациональному воспитанию, воспитанию гражданственности в ее демократическом и гуманистическом межкультурном понимании.

Формируясь как европейское государство, Россия проявляла большой интерес к просвещению. В первой половине XVIII в. были разработаны проекты общеобразовательных реформ, предложены конкретные меры по повышению образовательного уровня страны. Определенное место в них отводилось языкам. Благодаря указам Петра I, который сам знал иностранные языки, общество становилось более восприимчивым к вопросам образования. Стали открываться школы, причем не только для аристократов, но и для людей из менее зажиточных сословий, где изучались не только европейские языки, но и восточные. Языки становятся составной частью профессиональной подготовки в Навигационной школе (1715), преобразованной затем в Морскую академию, Инженерной и Артиллерийской школах и др. Открылась даже первая специальная школа по изучению иностранных языков — гимназия *Эрнеста Глюка* (*1705*), для преподавания в которой приглашались учителя из-за рубежа.

Иностранные языки в первых высших учебных заведениях России

Можно считать, что высшее образование в России началось с открытия в Санкт-Петербурге в 1725 г. Академии наук, в состав которой входили университет и гимназия. Обучение велось как на родном, так и на иностранных языках. В 1755 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны был открыт Московский университет. Как и европейские университеты, он был доступен для людей из разных сословий.

В целом, первые российские университеты сыграли решающую роль в определении образовательной политики как своего времени, так и последующих столетий. Именно в этот период появляются универсально образованные люди, составившие образовательную элиту русского общества. Первые этапы развития российских университетов проходили на фоне роста национального самосознания, появления интеллигенции, развития идей либерализма, становления рационализма как мировоззренческой установки общества. Система образования в университетах основывалась на воспитании нравственных качеств личности, поиске путей ее духовного совершенствования.

В XIX в. упрочились контакты Российского государства с окружающим миром, а поездки студентов и преподавателей в Европу расширили не только границы университетского пространства, но и границы мировоззрения, поскольку во время поездок активно осуществлялся обмен знаниями, идеями, методами. Создалось некое виртуальное духовно-образовательное пространство, своего рода интеллектуальная общность образованной части общества различных стран. Одновременно происходило взаимообогащение, взаимовлияние культур и языков. Вырабатывались понятия национальных и европейских ценностей, способность к их восприятию.

Однако в учебных заведениях России сложилась особая ситуация вокруг языка преподавания. Если в Европе того времени в науке существовало единое языковое пространство и студент мог слушать лекции в европейском университете без языковых барьеров, то для России язык стал проблемой. Резонно утверждается, что «на Западе, в крае латинской культуры, сама латынь была важной частью этой культуры — как язык, на котором писались книги; как неотъемлемая составляющая католицизма; наконец, как этимологическая основа национальных языков. <...> В России латинский язык знали в основном те русские, которые получали образование в семинариях, но широкого применения он не имел. Возник парадокс: новая культура могла стать подлинно национальной только на основе русского языка, в участники мировой культуры она могла попасть лишь на основе латыни». Развитие национальных языков усилило акцент на их изучении в качестве языков международного общения.

Резюме. Таким образом, широкая историческая панорама, охватывающая максимально обозримый период от ранних очагов цивилизации до конца XX в., показывает, что язык составлял основу письменности, образования и просвещения. Он нес важную культурно-просветительскую миссию и развивался параллельно с такими социальными институтами, как церковь, государство, университет. Для каждого исторического этапа характерна своя модель обучения языкам (вербально-схоластическая, прагматическая, коммуникативная).

По мере продвижения от одной эпохи к другой возрастал научный статус содержания образования как методической категории. Поскольку обучение иностранным языкам вплоть до конца XIX в. отличалось низкой степенью научности и методики обучения как науки не существовало (становление ее относится к 40-м гг. XX в.), в течение многих веков оно осуществлялось на эмпирической основе, исходя из потребностей обучения. По мере развития общегуманитарное знание стало рассматриваться в контексте общего содержания образования и сознательно моделироваться в методике обучения иностранным языкам.

Язык в эпоху модернизации и революций

Можно говорить, что современный этап изучения иностранных языков начинается с конца XIX в. Он знаменует собой окончательный переход к светскому образованию. Появление идеалов, альтернативных религиозным, нацелило образование на жизненные потребности общества, изменило его содержание. Бурный технический и экономический рост ряда стран, борьба за колониальное господство и передел мира, развитие естественных наук усилили интерес к рациональному знанию, научному и техническому образованию. Произошел переход к прагматике, особенно ярко проявившийся с 80-х гг. XIX в. и до начала Первой мировой войны. Расширение информационно-технических возможностей и международных контактов привело к увеличению потребности в специалистах, владеющих разговорными, функционирующими в обществе языками в их устной и письменной формах. Наиболее широко стали изучаться языки научно, технически и культурно развитых в то время стран.

Акцент на практическом изучении живых языков объяснялся не только новым социальным заказом. Этому во многом способствовал уровень развития базовых для методики наук: общего языкознания, психологии, дидактики. Особенно большое влияние на формирование теоретико-методологического аппарата методики обучения языкам оказало теоретическое языкознание. Постепенно эмпирический подход уступал место диалектическому взгляду на язык, все последовательнее отстаивались исторический и сравнительно-сопоставительный подходы к его изучению.

Благодаря развивавшимся модернизационным процессам определились новые общеобразовательные задачи и была заложена основа для создания методики продуктивного владения языком. В ее содержательную часть вошли принципы отбора языкового материала, главным из которых признавался тематический. Производились первые попытки сознательного определения основных компонентов содержания обучения иностранным языкам. Однако как за рубежом, так и в России не было выработано единой системы методических взглядов. В течение долгого времени господствовали грамматико-переводные, прямые и смешанные методы обучения языкам во множестве модификаций. Тем не менее именно в этой битве взглядов выкристаллизовывались научные подходы: разрабатывались методы обучения различным видам речевой деятельности (чтению, говорению, аудированию, письму), принципы отбора содержания, уточнялись цели (*Э. Отто, Г. Суит, Ф. Аронштейн, Г. Вундт, Г. Пауль, Г. Пальмер, М. Уэст* и др.).

Изучение живых языков вплоть до конца XX в. осуществлялось в русле той педагогики, которую сегодня можно назвать традиционной, классической. В течение столетий была выработана относительно эффективная система языковой подготовки специалистов-практиков (спикеров), которая сохраняет свое конструктивное значение по сей день. Однако существовавшие языковые концепции были продуктом своей эпохи: чрезмерно прагматичны, нацелены сугубо на овладение навыками речевой деятельности. На практике они односторонне трактовали, а часто и недооценивали образовательную значимость иностранных языков, поставленную на пьедестал в средневековых университетах. Можно утверждать, что они были теоретически недостаточно доработаны, чтобы называться образовательными концепциями в полном смысле этого слова. Ориентация на подготовку грамотных пользователей языка, исполнителей, способных более или менее эффективно работать с готовым знанием в стандартных ситуациях, была характерна для педагогики того времени. Владение знаниями, умениями и навыками было и главной целью и содержанием образования одновременно, что вполне соответствовало технократическому мышлению эпохи, ориентированной на научно-технический прогресс.

Проповедуемая система ценностей (социалистических, коммунистических, буржуазных, национальных и т. п.) формировала менталитет, разделявший мир и людей без опоры на философские идеи всеобщности бытия и общечеловеческие ценности. И все же в этих условиях иностранные языки преподавались в качестве обязательной учебной дисциплины во всех учебных заведениях, в том числе СССР: даже в послереволюционный период, когда их знание расценивалось чуть ли не как «буржуазный предрассудок», а также после Великой Отечественной войны, когда все иностранное ассоциировалось с образом врага. И классический университет как особый тип учебного заведения не выделялся сколь-нибудь специфической языковой подготовкой на фоне других неязыковых вузов.

Иноязычное образование на рубеже веков

К концу XX в. произошла серьезная эволюция взглядов на иностранные языки как объект изучения, изменилось представление об их функциях, роли в системе образования и общественной жизни. Появились новые языковые концепции, разработанные в русле современной философии образования, а также с учетом реальных условий функционирования современного университета: усиление начал гуманизации, демократизации, социологизации, экологизации и культурологизации.

Известно, что факторами высшего порядка, формирующими статус иностранного языка, являются экономические и социально-политические, отражающие потребности и социальный заказ общества. Отличительной особенностью социального заказа на современном этапе является то, что он формируется под влиянием не только отечественных, но и мировых тенденций общественного развития. В качестве таковых мы отмечаем изменения, происходящие на геополитическом уровне; процессы интеграции многих сторон социально-экономической жизни мирового сообщества; формирование содружеств стран на основе материальной и духовной культурной общности; демократизацию общественной жизни и т. п. Расширяются международные контакты, углубляется содержание и формы международного сотрудничества на разных уровнях, что находит свое отражение в создании совместных предприятий, отделений и филиалов учебных заведений, международных программ и проектов. Развиваются различные контакты на неправительственном уровне, включая и сферу образования. Подчиняясь общим тенденциям, образование неуклонно, хотя и с разной степенью интенсивности и результативности, движется в сторону взаимного сближения. В качестве примера можно привести усилия по созданию единого европейского образовательного пространства (Болонский процесс), деятельность Евразийской ассоциации университетов, многочисленные межгосударственные проекты по линии ЮНЕСКО и т. п. Все эти процессы исходят из осознания необходимости объединения усилий для выхода из существующего цивилизационного кризиса во всех его проявлениях.

Расширению интеграционных процессов и углублению межкультурных контактов способствовали и технологические инновации XX в., в частности, развитие глобальной инфраструктуры электронных средств массовой информации. Благодаря им уже сегодня существуют технологические предпосылки для осознания людьми не только принадлежности к своей стране, к определенному социуму, но и к общепланетарному культурному сообществу, к осознанию себя гражданами мира, имеющими право на его культурное наследие и осознающими свою ответственность за выбор человеческой цивилизацией путей развития в XXI в.

Роль языков международного общения в межкультурной коммуникации особенно усилилась с начала 1990-х гг. С падением «железного занавеса» начинается свободное передвижение специалистов. Особенно активизируются связи в области международной экономической деятельности, маркетинга, туризма и спорта, искусства, народной дипломатии. Начиная с этого времени иностранные языки превращаются из средства межличностной псевдокоммуникации в искусственно созданных учебных условиях в реальное средство международного общения, категорию реально востребованную в практической и интеллектуальной деятельности каждого образованного человека. Феномен языка проявился в том, что в обществе возник своеобразный бум. Практически каждый специалист и учащийся так или иначе стал перед проблемой овладения хотя бы одним иностранным языком. Язык открывает «окно в Европу», доступ к мировым технологиям и научной информации — всему тому, без чего невозможна жизнедеятельность специалиста и конкурентоспособность государства. Нужды производства и иноязычная грамотность стали неотделимы. Иностранные языки — точнее, владение ими значительной частью населения, — интегрируясь с техническими науками и материальным производством, перерастают в непосредственную производительную силу, становятся категорией экономической.

Возросшая роль иностранных языков как средства межнационального общения привлекла внимание международных организаций. Языковая политика стала одним из основных направлений работы Совета Европы в рамках Европейской культурной конвенции. И борьба за мир в настоящее время предполагает коллективные формы международного сотрудничества, требующие знания языков как средства межкультурного общения. Иноязычное образование сегодня имеет ярко выраженную политическую окраску: оно рассматривается как инструмент формирования взаимопонимания стран и народов. Таким образом, к началу нового миллениума иностранные языки приобрели статус предметной области, широко востребованной в жизнедеятельности каждого грамотного специалиста, государства и всего европейского и мирового сообщества.

Новые задачи — новые методики и подходы

Традиционно предметное содержание обучения языкам в университетах ограничивалось бытовой и социокультурной тематикой. Обучение проводилось под флагом пропаганды идеологем и часто строилось на основе плана воспитательной работы учебных заведений. Содержание обучения обеспечивало социализацию обучаемого как с точки зрения потребностей межличностного общения, так и с учетом мировоззренческой направленности.

В настоящее время социальная проблематика по-прежнему составляет значительную часть учебных программ (до 50 %). Она включает социаль-

ный контекст будущей профессиональной деятельности. Многие задачи решаются и в рамках гражданского образования. В широком смысле слова гражданское образование — фундамент образования вообще. Оно имеет целью обучение ценностям и нормам жизни в условиях правовой демократии. Акцент делается на формировании культуры коммуникации, в частности, приобретении навыков диалога (а не монолога); на анализе ситуации; на умении принимать решение, учитывающее интересы партнеров; на освоении культуры несогласия, ненасильственного решения конфликтов и т. п. Особое внимание уделяется развитию навыков публичного обсуждения, притом не только говорения, но и слушания, точнее, слышания собеседника. Слушание в данном случае означает не просто знакомство с позицией оппонента, но и стремление понять ее, толерантно воспринять, способность поставить себя на место другого, что содействует сближению позиций речевых партнеров.

Востребованность иностранных языков как средства профессионального развития привела в середине 1980-х гг. к расширению целей обучения: владение подъязыком специальности стало важной частью профессиональной компетенции специалиста любого профиля, необходимой как для лингвистического обеспечения производственной деятельности будущего специалиста, так и его дальнейшего профессионального развития. Проекция теоретического и практического обучения на содержание иноязычного образования привела к выделению адекватных им сфер общения — общепрофессиональной, производственной и учебно-исследовательской. Студенты изучают профессиональную лексику, формируют навыки владения различными видами речевой деятельности, обучаются реферированию и аннотированию текстов по специальности, моделируют коммуникативные ситуации производственного характера. Они получают представление о социокультурных различиях в сфере профессиональной деятельности в соизучаемых странах, о материальной базе современного производства, о системе производственных отношений.

Сегодня иностранные языки рассматриваются не только как средство общения, но и как средство познания сокровищ мировой культуры, духовного совершенствования и развития личности на базе познанной культуры. Они как нельзя лучше отражают дух и веяние времени, вписываются в общий контекст современной философии образования.

И в то же время можно говорить о все еще недостаточно востребованном педагогическом потенциале дисциплины «Иностранный язык», хотя в системе образования постепенно осознается ее приоритетность в сфере практической общественной жизни выпускника университета. Обучающие цели подчиняются глобальной жизненной цели — воспитанию интеллектуального, духовно развитого человека, способного мыслить общечеловеческими категориями и интегрироваться в таком качестве в национальную и мировую культуру. «Умение общаться» становится лишь

функциональной, промежуточной целью, подчиненной главной цели, которая призвана ответить на вопрос: «Что должно дать общение?». Ответ — развитие, вектор которого и призвана задать система и практика обучения иностранным языкам.

От обучения к иноязычному образованию

Вместо традиционно использовавшихся ранее терминов «обучение иностранным языкам» и «содержание обучения иностранным языкам» в более широком контексте сегодня употребляются «иноязычное образование» и «содержание иноязычного образования». Обучение — это всего лишь технологии овладения языком, передача общих интеллектуальных способностей, становление иноязычной грамотности. Эта цель достаточна только для курсов или репетиторских занятий, но не для университета. Иноязычное образование понимается гораздо шире. Это учебно-воспитательный процесс, включающий в себя и обучение, и воспитание, и развитие, что в конечном итоге приводит к образованию (формированию) человека как индивидуальности, развитию его духовных сил и способностей, возвышению потребностей — всего того, что и составляет непреходящую ценность классического университетского образования. Само по себе обучение мало связано с воспитанием и развитием. Результатом обучения может быть компетентная, без ошибок говорящая, но недостаточно развитая личность. Обучение иностранным языкам имеет своей целью человека говорящего (homo loquens) и действующего (homo agents). Цель иноязычного образования — человек духовный (homo moralis), а это гарантирует главное — ответственное отношение к миру, к результатам своей профессиональной и социокультурной деятельности.

Поскольку образовательный процесс не равен учебному, целесообразно разграничивать и понятия «содержание обучения иностранным языкам» и «содержание иноязычного образования». Если содержанием обучения являются единицы языка и речи, а также навыки и умения овладения ими, то содержанием образования — иноязычная культура как совокупность лингвистического, лингвострановедческого, социокультурного, профессионального и научного знания. Овладение этими знаниями ведет к формированию языковой личности, способной к самоидентификации в поликультурном мире, к постижению системы национальных и общечеловеческих базовых ценностей. Иноязычное образование способствует формированию востребованных современным обществом качеств личности, таких как взаимопонимание, толерантность, эмпатия. В этом смысле иностранный язык представляет собой уникальную дисциплину, способную стать реальным фактором создания межкультурного взаимопонимания и демократической стабильности.

Методика диалога (полилога) культур имеет целью научить студентов жить и мыслить в условиях многополярного мира, где каждая культура представляет собой определенную форму мышления, эпоху, взгляд, воззрение, а также определяет мораль и нравственность. Весь учебный материал в процессе обучения подается как факт культуры другого народа, заключает в себе идеи плюрализма и вариативности мышления. Способ подачи материала полностью исчерпывает познавательный, воспитательный и развивающий потенциал культуры. Важная роль отводится предметно-тематическому содержанию. Оно знакомит студенчество с лучшими образцами иноязычной культурной среды, включая стиль жизни, социальные нормы, подчеркивает общность историко-культурных корней и менталитета. Это, в свою очередь, ведет к соединению регионального с национальным и общепланетарным, демонстрируя их взаимопроникновение и взаимозависимость. Формируется понятие «европейской идентичности», происходит приобщение к фундаментальным ценностям демократического общества в их лучшем понимании. В этом смысле иноязычное образование является незаменимым инструментом построения единой Европы, изучения ее богатого культурного наследия.

Осознание проблемы иноязычного образования на государственном уровне уже нашло отражение в Законе Российской Федерации «Об образовании» и аналогичном Законе Республики Беларусь. В программных требованиях определен объем обязательных лингвострановедческих и страноведческих знаний — сферы общения на иностранных языках включены в контекст двух (и более) контактирующих культур с целью обеспечения их диалога.

Преодоление чисто языкового барьера между представителями разных культур, как оказалось, является недостаточным. К языковым ошибкам, встречающимся в речи неносителей языка, как правило, относятся с пониманием, в то время как незнание культурных особенностей производит самое неблагоприятное впечатление. Следовательно, совместно с языковым необходимо преодолевать и культурный барьер как одинаково серьезное препятствие в процессе коммуникации.

Гуманистические, духовные начала Университета

Становлению первых европейских университетов (Болонья, Неаполь, Париж, Оксфорд, Саламанка, Севилья, Вена, Эрфурт, Кёльн, Будапешт, Краков, Прага, Вильнюс, Копенгаген и др.) способствовало формирование самой системы университетского образования: той, которую сегодня называют классической. Классический университет как явление западноевропейской культуры развивался на интересе к рациональному

знанию и логике в эпоху Средневековья; на идеях прогрессивных мыслителей о развитии индивидуального сознания; на прогрессе науки XVII—XVIII вв.; на развитии идей либерализма, выражавшихся в стремлении создать правовое, демократическое государство; на признании личной свободы в качестве высшей ценности. Позже на формирование концепции классического университета оказало влияние философское наследие эпохи Просвещения, немецкий идеализм, неогуманистическая философия (*И. Г. Фихте, Ф. Шлейермахер, Ф. В. Шеллинг*). Различные направления в науке, ее институциональный облик, свойственный каждой эпохе, также повлияли на концепцию классического университета.

Вся организация системы университетского образования относится к гуманитариям (humaniora) — как в плане содержания обучения, так и той роли, которую гуманистическое движение сыграло в духовной и культурной жизни Европы. Университеты имели христианские корни: многие из них зарождались на базе средневековых монастырских школ и гимназий и всегда несли печать христианской культуры. Близость церкви и университетов определялась не только генезисом их формирования, но и сущностными характеристиками этих социальных институтов. Обучение в университете, как и учение церкви, основывается на целостном (универсальном) восприятии и глубоком осмыслении картины мира. Так же как и церковь, университет выполняет просветительскую миссию: формирует общественное сознание и мировоззрение, направляет умы людей, указывает пути развития общества. В этом смысле университетская интеллигенция, будучи привилегированным меньшинством в образовательной сфере, всегда играла роль важнейшего фермента во взаимодействии сложных общественных процессов. Влияние университетов в духовной и интеллектуальной сферах было столь значительно, что позволило им в середине XVIII в. превратиться в третью (наряду с папством и империей) силу в обществе.

Уникальную роль университета с его почти тысячелетней историей можно объяснить приверженностью к незыблемой системе христианских культурных ценностей. Как известно, христианская мораль оказалась наиболее устойчивой потому, что она отражала главное условие существования и сохранения общества. Университет, самый устойчивый социальный институт, также следовал поискам истины и был проявлением духовного начала. Именно благодаря высокоразвитому христианскому сознанию, идейности и духовности здесь всегда торжествовал разум, примирялись умы, преодолевались противоречия. Представляя собой явление христианской культуры, университет духовно сформировал Европу.

Главными ценностями, исповедуемыми на протяжении веков в университетских стенах, были не только ценности познания, но и ценности личности. Среди них — духовность, внутреннее саморазвитие, служение обществу, поиск истины, уважение к разуму и свободе, утонченность ума,

благородство помыслов. Разумеется, нельзя идеализировать университетские круги, которые в процессе исторического развития неоднократно отступали от провозглашенных ими же принципов. Однако неизменным оставалось уважение к ценностям гуманизма и демократии. Внутренняя человеческая независимость и достоинство ценились в университете не меньше, чем профессиональные знания, поэтому чрезмерная профессионализация была не свойственна классическому университетскому образованию. Считалось, что «выпускники университета должны выносить из него не профессиональные знания, а общие навыки интеллектуального труда, с помощью которых они были бы в состоянии освоить все технические частности специального предмета занятий».

Генри Ньюмен, посвятивший исследованию университета всю свою жизнь, писал об этом так: «Человек, который научился мыслить и размышлять, и сравнивать, и распознавать, и анализировать, человек, который облагородил свой вкус и сформировал суждение, и обострил свое умственное восприятие, право же, не станет сразу юристом или адвокатом, или оратором, или государственным деятелем, или врачом, или хорошим хозяином, или деловым человеком <...> но он будет так интеллектуально подготовлен, что сможет заняться любой из наук или профессий, которые я перечислил, или любой другой, к которой у него есть вкус или особый талант, с легкостью, грацией, многосторонностью и с успехом, который не доступен для другого». Если бы эта традиция классических университетов была принесена в жертву технократизму, они были бы низведены до уровня просветительских обществ, организующих для публики курсы лекций, но не выполняющих возложенной на них миссии — формирования человека. Образование здесь буквально соответствовало смыслу этого термина (формирование образа), введенного в педагогику еще И. Г. Песталоцци. Исторически оно представляло собой воспитательную систему и само рассматривалось как инструмент воспитания.

Универсальность и классическая основа университетского образования

Универсальность образования традиционно увязывалась со стремлением обучать знаниям, применимым к нескольким областям, которые давали цельное представление о едином мире. Как известно, эти знания в период Средневековья сводились к «семи свободным искусствам», которые преподавались как общегуманитарное знание. Стремление университетов сосредоточить в себе всю сумму наук отразилось и в названии самой формы обучения (universitas literarum — совокупность искусств).

Средством постижения универсальных знаний считались «образцовые» классические знаковые системы (древние языки) и средства перево-

да текстов на эти языки. Очевидно, что универсальность университетского образования и его классическая основа рассматривались как вещи неразделимые. «Универсальность — это обучение цельному знанию о едином мире, а классическая основа — это обучение всеобщим знаковым системам — языкам, применимым одновременно к нескольким областям знаний». Иными словами, язык изучался как способ постижения других наук и всей системы существующих знаний. В этом суть классики. Классика и универсальность ведут к одному результату — усвоению целостного знания о мире, что способствует общему развитию личности (образованности, просвещенности).

Такое представление о классическом образовании существовало в конце XVIII — начале XIX в. Однако в эпоху Просвещения начала складываться новая рационалистическая установка: расширялся цикл и усиливалась роль прикладных наук, окрепла система профильного образования, развивались письменные национальные языки. Все шире практиковалось преподавание автономных предметов узкими специалистами, усиливалась роль одних дисциплин по отношению к другим. Тем самым вытеснялась универсальность, что вело к бесполезности и самой классики. В своем традиционном понимании она эволюционировала и приобрела несвойственные ей черты простых учебных предметов (латинский язык, греческий язык), надолго сохраняясь инвариантной языковой составляющей учебного плана. За ней закреплялась функция научного образования. Так, диссертации в Европе вплоть до XIX в. защищались на латыни, которая также оставалась официальным языком философии, юриспруденции, медицины, дипломатии, политики, формальной логики. Однако в общеобразовательном смысле латынь все больше рассматривалась как нечто элитарное и бесполезное, не способствующее подготовке выпускника университета к жизни в новых социально-экономических условиях.

Таким образом, в XIX в. пути классики и универсальности расходятся. Классика в общепринятом, бытовавшем в течение многих столетий понимании перестала существовать, постепенно переведя латынь и древнегреческий в разряд мертвых языков. Попытки ее реставрации не имели успеха ни на Западе, ни в России. Однако эстетический и этический принципы античности (наличие классической основы универсального образования, знание языков наук, которые являются способом их постижения) остались по-прежнему актуальными. Это было связано прежде всего с расширением образовательной сферы, появлением в результате бурного научного прогресса новых областей естественнонаучных и гуманитарных знаний, что «утяжеляло» учебные планы и программы, ставило университет перед необходимостью выбора между одинаково важными отраслями знаний.

Но сами знания имеют тенденцию быстро устаревать. В будущем эти процессы еще более усугубятся. Поэтому существует предположение, что главным направлением и концептуальным подходом к образовательно-

му процессу в современном классическом университете будет не столько усвоение самих наук, сколько знание языков наук как универсальный способ их постижения. Другими словами, если восторжествует такой подход, мы опять вернемся к идее классики на новом историческом витке ее осмысления.

Меняющийся Университет и языки образования и науки

Сегодня меняются не только взгляды на язык, но стремительно изменяются сами университеты. Динамичное, открытое для новаций последнее десятилетие XX в. ознаменовалось увеличением числа университетов, а также появлением новых типов университетов, главным образом технических и отраслевых. Это явилось следствием двух параллельно протекающих процессов в системе образования: гуманизации и фундаментализации. Появилось такие понятия, как «исследовательский университет», «инновационный университет», «академический университет» и др. Однако нельзя не подчеркнуть уникальности и особого статуса классического университета, под которым по-прежнему понимается университет и исследовательский, и академический, являющийся продолжателем традиций старейших европейских университетов. Он играет роль «первой скрипки» в образовательном оркестре, задает тон, формирует вкус. Бесспорна принадлежность к данному типу университетов и Белорусского государственного университета — ведущего вуза в системе национального образования Беларуси. Следует, однако, отметить, что существовавшие ранее различия между разными типами университетов в настоящее время в значительной степени нивелируются, что в полной мере относится и к особенностям преподавания иностранных языков.

В связи с изменением внутренних и внешних параметров университетов, бурным развитием науки и возрастанием ее роли в современной жизни остро встает вопрос о языках — трансляторах новых знаний. Национальные языки не могут служить универсальным средством постижения знаний, а латынь, как классическая основа образования, перестала существовать. Какие же языки могут открыть сегодня человеку доступ к знанию и достижениям цивилизации? Бесспорно, те, которые в настоящее время являются наиболее распространенными — языки международного общения, и прежде всего, английский. Парадоксально, но факт: английский язык, как ранее латынь, становится международным языком общения, преобладающим языком науки, социокультурной дисциплиной, несущей в себе западноевропейскую и мировую культуру.

Вероятно, преждевременно однозначно говорить об английском и о других языках международного общения как о классической основе уни-

версального образования. Проблема является не только нерешенной, но и недостаточно осмысленной. Однако очевиден тот факт, что английский язык приобретает несвойственные ему ранее функции языка науки, информационных и образовательных технологий, международного устного и письменного общения. Это создает определенные предпосылки для использования его в качестве основного языка в формируемом общеевропейском образовательном пространстве (не исключая возможности функционирования в качестве таковых и других «языков-гигантов»). Однако едва ли можно говорить об искусственном принижении роли национальных языков. В обозримом будущем речь может идти только о многоязычии европейской образовательной сферы и, по крайней мере, двуязычии постижения иной культуры.

Таким образом, классика значительно эволюционировала с появлением национальных языков, изменив устоявшееся представление о ней как о единственно возможной знаковой системе научного познания. Современные языки международного общения слабо ассоциируются с классикой, так как выполняют более широкие функции в системе образования, являясь не только инструментом, но и самостоятельным объектом познания.

Потенциалы языка для универсального образования

Ослабление элементов классики как носителей универсального знания не привело к утрате самой идеи универсальности, гармоничности, целостности в системе университетского образования. «Универсальность» возродилась в ее новой интерпретации в нескольких проявлениях: а) в межпредметной интеграции; б) целостном всестороннем развитии личности; в) интегральном понимании социально-профессиональной компетентности как главного результата высшего профессионального образования (отечественный вариант); г) признании культуры в качестве источника формирования содержания образования; д) теории иноязычной коммуникативной компетенции, представляющей собой интегральное знание о языке как объекте изучения.

Чрезмерная специализация университетского образования с ее технологически проработанными способами трансляции знаний из поколения в поколение приводит к одностороннему развитию и несформированности мировоззрения студентов. Суть же межпредметной интеграции состоит в поиске объединяющего начала, присущего разнохарактерному содержанию и, как следствие, в создании нового интегрированного содержания. Межпредметное интегрированное содержание способствует формированию системности знаний и динамичности мышления.

Иностранные языки обладают мощным интегрирующим потенциалом. Знаковая природа языка, его «всепредметность» и «беспредельность» позволяют создавать языковые курсы на стыке с любой гуманитарной и естественнонаучной дисциплиной. Гуманитарная природа языка делает его эффективным средством формирования интегрального гуманитарного знания. Весьма показательным в этом плане является факт введения в учебные планы университетов России и Беларуси ряда интегративных курсов, а также новых гуманитарных дисциплин культурологического характера: «Основы культуры речи», «Культура общения», «Психология общения», «Основы педагогической культуры будущих учителей» и др. Эти дисциплины включают не только теоретические (чтение лекций), но и практические занятия, акцентирующие внимание на важности формирования интегративного знания о человеке, природе и социуме.

Учебный процесс, построенный на межпредметной интегральной основе, способствует достижению главного результата — формированию специалиста, владеющего универсальными знаниями и социально-профессиональной компетентностью. Именно такая цель провозглашена в государственных образовательных стандартах второго поколения и воплощена в разработке типовых учебных программ и учебно-методических комплексов. Социально-профессиональная компетентность (СПК) представляет собой совокупность академической, социально-личностной и профессиональной компетенций. В отличие от понятия «компетенция», интерпретируемого через термины «умение» и «способность», «компетентность» рассматривается как интегральное системное качество личности специалиста, приобретенное им в результате усвоения общепрофессиональных и общечеловеческих компетенций и социального опыта. Компетентность соотносится с такими понятиями, как образованность, профессионализм, уровень общей культуры, личностное развитие, составляющими непреходящую ценность университетского образования. Идеи всестороннего развития личности и компетентности в данном понимании имеют единый смысловой стержень, восходящий к идее универсальности.

Таким образом, термин «универсальное образование» в полной мере можно отнести к характеристике современного состояния университетского образования. Именно универсальность образования возвращает его от простой трансляции из поколения в поколение суммы предметных знаний к освоению студентами фундаментальных основ социального опыта, т. е. к широкому знанию как универсальному способу постижения действительности и всестороннего развития личности. Процесс этот нельзя повернуть вспять, не нарушив сущности самого университета.

Идеи универсальности заложены в сущностных характеристиках университета — одном из замечательных и долговечных творений европейской культуры. В течение своей почти тысячелетней истории университеты всегда оставались «оазисами культуры» на всем образовательном

пространстве Европы, создавая ту гуманитарную среду, на основе которой формировалась культурная мировоззренческая общность и приверженность единой (христианской) системе ценностей. А все концептуальные подходы к обучению иностранным языкам и осознание его сущности замыкаются на понимании универсальности самих понятий: Язык — Культура — Университет.

Язык и перспективы образования в современном университете

Картина современного состояния образования будет неполной без осознания перспективы развития. Можно сделать некоторый прогноз на ближайшее будущее. Развитие образования должно рассматриваться с точки зрения перспективы использования иностранных языков в будущей профессиональной деятельности выпускников университетов. Нынешнему студенту предстоит жить, учиться и работать в интегрированном социально-экономическом пространстве. Все реформы высшего образования так или иначе связаны с преодолением изоляции в науке и производстве, с интеграцией в общеевропейское пространство, что, безусловно, востребует знания языков международного общения.

Понятно, что не все выпускники будут заняты в большой науке и крупном бизнесе. Но даже рядовые специалисты уже сегодня сталкиваются с необходимостью лингвистического обеспечения своей профессиональной деятельности и проблемой межкультурной коммуникации. Возможности профессионального роста также зависят от иноязычной грамотности. В большой степени знание языка связано с развитием электронных средств массовой информации и сети Интернет. Их появление рассматривается не просто как технологическое новшество, а как социальное явление, которому присущ свой особый, наднациональный язык.

Роль иностранных языков будет все больше усиливаться в связи с прогнозируемыми концептуально новыми подходами в образовательном процессе, где ключевым моментом будет не только усвоение самих наук, но и знание языков наук как универсальный способ их постижения. Языками мировой науки, как известно, являются языки международного общения и особенно английский — современный lingua franca. Он выступает как производительная сила, как ключ к знаниям и достижениям цивилизации, как ключ к личному благу. Перспектива использования иностранных языков свидетельствует о необходимости их *реабилитации* в нынешней системе высшего профессионального образования.

Глава 13

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Тенденции развития высшего образования Беларуси

Республика Беларусь за время существования на мировой арене в качестве независимого суверенного государства прошла непростой, но достаточно успешный путь своего становления и развития. Удалось не только сохранить многое из позитивного, что было накоплено в предыдущий период, но и достигнуть значительных успехов в укреплении государственности, экономики, общественных отношений.

Образовательная система Беларуси также выстраивалась на основе опыта, традиций и наработок предшествующей эпохи, но с учетом новых внутренних и мировых тенденций. Созданная в период существования СССР система высшего образования обеспечила становление и устойчивое развитие экономики, науки и культуры страны во второй половине XX в. Однако новые политические, экономические, социальные, культурные и иные реалии обусловили необходимость разработки более совершенной образовательной модели, адекватной современному состоянию белорусского общества и общемировым тенденциям в этой сфере.

Прежде всего, понадобилось создание собственной законодательной и нормативной базы в сфере высшего образования, так как после обретения Республикой Беларусь в 1991 г. независимости национальная высшая школа продолжила функционирование на основе нормативной базы

бывшего СССР. За прошедший период было разработано и принято более 300 национальных документов, регулирующих различные стороны деятельности высшей школы республики в переходный период, в том числе: Концепция развития высшего образования в Республике Беларусь (1998), Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь (2000), Концепция внедрения двухступенчатой системы подготовки специалистов с высшим образованием (2004), Закон Республики Беларусь «О высшем образовании» (2007) и др. Данная работа еще далека от своего завершения. Особую актуальность приобретает задача создания единой системы нормативных документов, позволяющих обеспечить модернизацию отдельных уровней образования с учетом их взаимосвязи и взаимообусловленности. В соответствии с этой задачей с 2006 г. ведется работа по подготовке единого Кодекса Республики Беларусь об образовании, который законодательно определит роль и функции каждого из уровней системы образования в достижении общей цели — формирования и подготовки специалиста, способного реализовать свой образовательный потенциал в области избранной профессиональной деятельности. Принятие Кодекса должно завершить процесс формирования законодательства об образовании как полной, логически последовательной и эффективной системы правовых норм, привести к совершенствованию правоотношений в сфере образования и в конечном счете — к повышению качества образования в целом.

Цели и задачи изменений в системе образования Республики Беларусь обусловлены прежде всего проведением реформ в социальной и экономической структуре общества, поворотом к рыночной экономике, изменениями в политической ориентации общества. Все более осознается роль высшего образования как определяющего фактора повышения эффективности экономики и совершенствования институтов правового демократического государства, отвечающего задачам нового этапа развития белорусского общества.

В качестве основных принципов развития всей системы образования Республики Беларусь были определены: доступность образования; равенство прав граждан на получение образования; единство образовательных и воспитательных задач; обеспечение образовательных запросов личности с учетом ее индивидуальных особенностей и возможностей; диверсификация (оптимальное разнообразие) образовательных учреждений; преемственность между уровнями и ступенями образования; гуманизация системы образования; опора на отечественные традиции и международный опыт развития образования при проведении преобразований; поэтапность проведения преобразований и их корректировка с учетом достигнутых результатов; участие общества в осуществлении преобразований и контроль за их эффективностью.

Новейшие характеристики высшей школы Беларуси

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О высшем образовании» национальная система высшего образования Беларуси включает в себя: высшие учебные заведения и другие организации, обеспечивающие функционирование и развитие системы высшего образования; республиканские органы государственного управления и местные исполнительные и распорядительные органы, иные государственные органы и другие организации, в подчинении которых находятся высшие учебные заведения, в пределах их полномочий в сфере высшего образования; участников образовательного процесса; образовательные стандарты высшего образования, разработанные на их основе учебные планы и учебные программы.

Наиболее характерной особенностью развития национальной высшей школы является переход к массовому высшему образованию. Количество студентов за первые годы XXI в. увеличилось более чем в два раза, составив в 2009/10 учебном году 430 тыс. человек (в 1990/91 учебном году 188,6 тыс. человек). Ежегодно число первокурсников возрастает в среднем на 6 %. В 1990 г. в республике на 10 тыс. жителей приходилось 185 студентов вузов, в то время как во Франции, Дании, Ирландии — свыше 300, а в Великобритании, ФРГ, Испании, Италии — около 300. В 2010 г. этот показатель для Республики Беларусь преодолел планку в 444 студента на 10 тыс. граждан.

Высшее образование в Республике Беларусь можно получить, используя очную (дневное и вечернее отделения), заочную и дистанционную формы обучения. Очная форма получения высшего образования предусматривает постоянное личное участие студентов в регулярных учебных и аттестационных мероприятиях высшего учебного заведения. Заочная и дистанционная формы получения высшего образования предполагают преимущественно самостоятельную учебную работу студентов, лично участвующих только в ограниченном числе учебных мероприятий, организуемых высшим учебным заведением. Наиболее распространенной и востребованной является дневная форма обучения, по которой обучается около 2/3 студентов. Вечернюю форму используют менее 1 % студентов, заочную — до 35 %.

В то же время количество студентов, обучающихся по дистанционной форме, составляет лишь 2500 человек. Эта форма является новой в системе высшей школы Республики Беларусь: дистанционное обучение пока ведется лишь по 13 специальностям, которые условно можно разделить на 4 группы (программно-информационную, экономическую, социально-юридическую, техническую). Для объединения усилий в области дальнейшего развития технологий дистанционного обучения создан единый

координационный центр — Научно-методический совет Министерства образования Республики Беларусь по дистанционному обучению. Однако процесс развития дистанционного образования в республике сдерживается отсутствием полноценного нормативно-правового обеспечения, недостаточной координацией работы университетов по созданию электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК), ограниченными возможностями сети Интернет и др.

Вместе с тем в Республике Беларусь самый высокий среди стран с переходной экономикой уровень доступа к Интернету. По количеству пользователей Интернета Беларусь в 2010 г. занимала 22-е место в мире (56,5 % населения) и опережала некоторые развитые страны мира. Относительное число белорусских пользователей превосходит этот показатель в соседних с Беларусью странах: Латвии (46,6 %), Литве (31,7 %), Польше (28,9 %), России (18 %), Украине (11,9 %).

Накопленный опыт создания информационных веб-систем позволяет говорить о лидирующей позиции БГУ в этой области. Основные работы по информатизации учебного процесса в университете ведутся в рамках программы «Совершенствование организации, обеспечения и контроля качества самостоятельной работы студентов», принятой на расширенном заседании Ученого совета БГУ в 2004 г. Разработано более 900 электронных учебно-методических комплексов по дисциплинам, изучаемым на различных факультетах БГУ. Общеуниверситетской программной платформой, обеспечивающей информационное сопровождение учебного процесса, является система e-University, созданная специалистами БГУ и совместного предприятия «IBA-Минск» на базе системы дистанционного обучения.

Формирование новой системы белорусской высшей школы

Переход в Беларуси к массовому высшему образованию сопровождался изменением форм вступительных экзаменов в университеты. На смену классическим экзаменам в начале 2000-х гг. пришло централизованное тестирование. Данное нововведение было встречено белорусской общественностью с некоторой настороженностью, но сегодня оно зарекомендовало себя с положительной стороны и позволило снять многие острые проблемы — например, проблему предоставления абитуриентам равных условий при поступлении.

Стремительный рост количества студентов отразился и на динамике численности высших учебных заведений. Для первой половины 1990-х гг. было характерно интенсивное развитие негосударственного сектора высшего образования, что определялось сокращением потенциальных воз-

можностей трудоустройства молодежи, а также недостаточными возможностями приема студентов в вузы государственного сектора, особенно на престижные специальности. Если в 1991/92 учебном году на территории Беларуси функционировало 33 вуза, а из них только 3 являлись университетами, то в 2010 г. в систему высшего образования в республике входили 45 государственных вузов (в том числе 31 университет, 7 академий, 4 высших колледжа, 3 института), а также 10 вузов негосударственной формы собственности. Таким образом, за 1991—2010 гг. общее количество высших учебных заведений всех форм собственности увеличилось на 70 %. Среди открытых в последнее время вузов — Барановичский государственный университет (2004) и Полесский государственный университет (2006), Институт пограничной службы (2010), Могилевский высший колледж МВД (2010). Белорусский государственный университет и Белорусский национальный технический университет являются ведущими высшими учебными заведениями в национальной системе образования, а 9 вузов — ведущими высшими учебными заведениями в профильной им отрасли.

В настоящее время учебные заведения системы высшего образования Республики Беларусь делятся на четыре типа: классический университет; профильный университет или академия; институт; высший колледж. Можно определить некоторые основные их характеристики.

Классический университет — высшее учебное заведение, которое осуществляет подготовку специалистов по разным профилям и направлениям образования на двух ступенях высшего образования, подготовку научных работников высшей квалификации, переподготовку и повышение квалификации специалистов с высшим образованием, переподготовку и повышение квалификации специалистов со средним специальным образованием по отдельным специальностям, проводит фундаментальные и прикладные научные исследования и выполняет функции научно-методического центра по профилям (направлениям образования) осуществляемой подготовки специалистов с высшим образованием.

Профильный университет (*академия, консерватория*) — высшее учебное заведение, которое осуществляет подготовку специалистов одного или нескольких профилей на двух ступенях высшего образования, подготовку научных работников высшей квалификации, переподготовку и повышение квалификации специалистов с высшим образованием, переподготовку и повышение квалификации специалистов со средним специальным образованием по отдельным специальностям, проводит фундаментальные и прикладные научные исследования и выполняет функции научно-методического центра по соответствующему профилю (профилям) подготовки специалистов с высшим образованием.

Институт — высшее учебное заведение, которое осуществляет подготовку специалистов по одной или нескольким близким специальностям

одного профиля на двух ступенях высшего образования и проводит фундаментальные и (или) прикладные научные исследования по соответствующей специальности (специальностям).

Высший колледж — высшее учебное заведение, которое осуществляет подготовку специалистов на первой ступени высшего образования по специальностям, интегрированным со специальностями среднего специального образования, и специалистов со средним специальным образованием по специальностям, интегрированным со специальностями высшего образования, а также проводит в соответствии с основным профилем своей образовательной деятельности переподготовку и повышение квалификации специалистов, получивших образование на первой ступени высшего образования, переподготовку и повышение квалификации специалистов со средним специальным образованием.

Реформирование высшей школы Республики Беларусь теснейшим образом связано с постепенным переходом на многоступенчатую систему подготовки специалистов, за основу которой была принята так называемая двухступенчатая модель образования. Она включает два уровня.

Первая ступень высшего образования обеспечивает подготовку специалистов с высшим образованием, обладающих фундаментальными и специальными знаниями и навыками, и завершается присвоением квалификации и выдачей диплома о высшем образовании, предоставляющих право на трудоустройство с учетом присвоенной квалификации в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, и (или) на обучение в магистратуре. Срок обучения на этой ступени составляет четыре — пять лет и может увеличиваться не более чем на один год при обучении по наиболее сложным специальностям, обучении по вечерней и заочной формам получения высшего образования.

Вторая ступень высшего образования (*магистратура*) обеспечивает формирование знаний и навыков научно-педагогической и научно-исследовательской работы и завершается присвоением степени «магистр» и выдачей диплома магистра, что предоставляет право на обучение в аспирантуре (адъюнктуре) и (или) на трудоустройство с учетом ранее присвоенной квалификации специалиста с высшим образованием и обучения в магистратуре. Срок обучения на этой ступени от одного до двух лет.

Внедрение двухступенчатой модели должно способствовать дифференциации и индивидуализации обучения, расширению возможностей высшей школы в удовлетворении самых широких образовательных потребностей общества и личности. Речь идет о повышении качества общеобразовательной, научной и профессиональной подготовки специалистов с учетом современных требований рынка труда, об обеспечении необходимых условий для интеграции высшей школы Беларуси в мировое образовательное пространство.

Высшая школа Беларуси: количество, переходящее в качество

В настоящее время по большинству качественных характеристик система высшего образования Республики Беларусь превосходит многие страны — участницы Содружества Независимых Государств и сопоставима с наиболее развитыми странами Европы. Национальная высшая школа готовит студентов по 357 специальностям и более чем 1000 специализациям, что позволяет практически полностью удовлетворить потребности народного хозяйства республики в специалистах с высшим образованием. В Республике Беларусь сложилась следующая структура подготовки специалистов по профилям специальностей: естественнонаучный — 4,8 %, гуманитарный — 16,8, педагогический — 21,0, медицинский — 3,7, экономический — 23,0, технический — 22,0, сельскохозяйственный — 6,6, военный — 2,1 %. Эта структура близка к оптимальной. Прием на специальности технического и естественнонаучного профилей снизился с 40 до 22 %, что сопоставимо со структурой подготовки специалистов в странах Западной Европы. Однако в соответствии с переходом страны на инновационный путь развития ежегодно увеличивается прием студентов для обучения по специальностям, которые необходимы для обеспечения высокотехнологичного производства, а также по специальностям строительного профиля. Всего в настоящее время вузы республики выпускают более 50 тыс. специалистов в год.

Инновационную переориентацию вузов в подготовке кадров, а значит и развития отраслей экономики, подтверждает и открытие новых специальностей, которое осуществляется только в соответствии с обоснованными предложениями заинтересованных органов государственного управления, организаций, учреждений образования, заявками, официально подтвержденными сведениями о перспективной потребности в конкретных специалистах. С 2008 г. подготовка специалистов осуществляется по таким уникальным специальностям, как: «Паротурбинные установки атомных электрических станций» (БНТУ); «Физика (ядерная физика и технологии)» (БГУ); «Ядерная и радиационная безопасность» (МГЭУ имени А. Д. Сахарова). С 2009 г. ведется подготовка по специальностям «Нанотехнологии и наноматериалы в электронике», «Электронные системы безопасности», «Лазерные информационно-измерительные системы» (БГУИР); «Логистика» (БГУ); «Транспортная логистика» (БелГУТ); «Микро- и наносистемная техника», «Компьютерная мехатроника» (БНТУ) и др.

Образование крепнет наукой и производством

Постоянно расширяется сфера научного и научно-технического взаимодействия высших учебных заведений Беларуси с зарубежными партнерами, бизнес-структурами. Например, БГУИР сотрудничает с фирмой

«ЭПАМ-Системз» и с другими резидентами Парка высоких технологий («Итранизишэн», «Международный деловой альянс», «Эффективные программы», «КьюликСистемс» и др.). В марте 2009 г. состоялось открытие в БНТУ образовательной научно-инновационной лаборатории информационных технологий. Работа лаборатории должна укрепить в университете базу дистанционного обучения, усилить подготовку специалистов в освоении иностранных языков. На базе Международного государственного экологического университета имени А. Д. Сахарова при участии попечителя университета профессора Э. Лендфельдера, Института имени Отто Хуга и Института энергетики земли Форальберг, австрийской фирмы «Кёб» создается совместный «Компетенц-центр по энергоэффективности и возобновляемым источникам энергии», оснащается демонстрационная площадка учебно-научного комплекса «Волма» этого университета.

В тесном взаимодействии с промышленными предприятиями университеты участвуют в выполнении более чем 100 заданий государственных и региональных научно-технических программ, научном обеспечении народнохозяйственных программ. Преподаватели и научные сотрудники университетов проводят совместные исследования с научными организациями 58 стран мира в рамках более 600 договоров, осуществляют экспорт научно-технической продукции в 36 стран, ежегодно выполняя более 250 контрактов. Совместно с зарубежными партнерами они активно участвуют в выполнении свыше 100 проектов международных программ, фондов и грантов (INTAS, TACIS, TEMPUS, CERN, программы Союзного государства Беларуси и России и др.). Расширение международного сотрудничества подтверждается нарастающим количеством контрактов на поставку научной продукции за рубеж. Экспорт научно-технической продукции осуществляется сегодня в 32 страны ближнего и дальнего зарубежья. Основными партнерами белорусских вузов являются учебные и научные организации России, Украины, Польши, Германии, Китая, Индии, США и многих других стран.

Государственная политика в области качества направлена прежде всего на создание условий для разработки и производства конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках товаров, работ и услуг. Они должны соответствовать международным и национальным стандартам и, конечно, удовлетворять высоким требованиям потребителей. Это в полной мере касается и системы образования, которая, являясь сферой услуг, становится важным механизмом инновационного развития страны.

Важнейший приоритет — качество образования

Создание в вузах Республики Беларусь системы управления качеством образования преследует определенные цели и имеет внутренние и внешние выгоды, позволяющие:

• *на республиканском уровне:* достичь качества подготовки выпускников университетов Беларуси на уровне ведущих университетов мира; повысить степень взаимодействия между отдельными подразделениями учебного заведения в достижении общих целей и улучшить систему управления университетом в целом; мотивировать преподавателей и студентов к самосовершенствованию системы качества; повысить экономическую эффективность деятельности университета, минимизировать использование ресурсного обеспечения без ущерба качеству образования; своевременно и систематически выявлять недостатки в области обеспечения качества обучения и находить обоснованные способы их устранения;

• *на международном уровне:* расширить и освоить новые рынки экспорта образовательных услуг; повысить престиж белорусской высшей школы, каждого отдельного университета; ориентироваться на удовлетворение требований работодателей, что повысит степень доверия со стороны заказчиков кадров, заинтересованных в выпускниках университета.

Работа по совершенствованию университетских систем управления качеством и внедрению международного стандарта уже ведется в ряде университетов (Белорусский государственный университет, Белорусский государственный технический университет, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы и др.). Так, БГУ в июле 2010 г. получил сертификат на соответствие системы менеджмента качества требованиям международного стандарта ISO 9001:2000 в национальной системе сертификации и в немецкой системе сертификации TGA. При этом рассматриваются и реализуются различные подходы. Часть университетов ориентируется на подготовку и сертификацию отдельных направлений деятельности и опирается на помощь института стандартизации (БелГИСС). Уже сертифицирована научная деятельность Белорусского национального технического университета. Ряд университов сертифицировали отдельные факультеты, опираясь на помощь зарубежных (польских, российских и др.) университетов (Белорусский государственный экономический университет, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы). В некоторых учреждениях образования созданы специализированные структурные подразделения для решения проблем стандартизации и качества подготовки дипломированных специалистов (Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина). В 2009 г. первые университеты республики (Белорусский государственный технологический университет и Белорусско-Российский университет) прошли официальную аккредитацию и подтвердили соответствие созданных систем менеджмента качества принятым международным стандартам. На конец 2010 г. 12 высших учебных заведений республики получили сертификат соответствия международному стандарту серии ISO 9001:2000.

Факт массового обучения иностранцев в белорусских университетах является убедительным аргументом для мирового сообщества в пользу качества белорусского образования. Обучение граждан зарубежных

стран — одна из форм признанной практики так называемой *академической мобильности*, развитию которой много внимания уделяют ЮНЕСКО и другие международные организации. Выпускники университетов с белорусскими дипломами работают в 112 странах мира, многие из них стали не только высококлассными специалистами, но и активными проводниками взаимовыгодного сотрудничества с Беларусью в области экономики, науки, образования, культуры и политики. Интеллектуальная и творческая часть студенчества заинтересована в использовании возможностей, предоставляемых академической мобильностью: на протяжении 2005—2010 гг. более 5 тыс. белорусских студентов выехали с образовательными целями в европейские государства. Как правило, основные цели пребывания за рубежом — это учеба, участие в конференциях, практика, стажировка. Чаще всего странами выезда являются (в порядке убывания): Германия, Россия, Великобритания, Польша, Украина, Франция и др.

Белорусский государственный университет в системе высшей школы Беларуси

Белорусский государственный университет был и остается признанным флагманом среди других высших учебных заведений республики. За последние 20 лет он прошел сложный и успешный путь развития. При поддержке государства со второй половины 1990-х гг. БГУ значительно укрепил свою материально-техническую базу, обновил основные фонды, провел реорганизацию учебно-образовательного процесса и научной сферы, создал развитую инфраструктуру. Был открыт целый ряд новых факультетов и институтов (1995 г. — факультет международных отношений, 2003 г. — военный факультет, 2008 г.— Институт журналистики БГУ и др.). Научная и научно-производственная база БГУ значительно расширилась за счет создания ряда национальных научно-исследовательских центров: физики частиц и высоких энергий (1993), мониторинга озоносферы (1997), проблем человека (2000), прикладных проблем математики и информатики (2000), который в 2009 г. был преобразован в научно-исследовательский институт. Уникальной для системы высшего образования Беларуси является деятельность на основе интеллектуального потенциала ученых БГУ 11 научно-производственных унитарных предприятий. Значимо и то, что в университетском дворике был создан первый в стране своеобразный национальный культурно-образовательный мемориал — воздвигнуты памятники известным деятелям белорусской науки и культуры (Ф. Скорине, Н. Гусовскому, Е. Полоцкой, К. Туровскому, С. Будному и В. Тяпинскому).

Превращение Белорусского государственного университета в крупный научно-производственный комплекс осуществлялось при постоян-

ной поддержке государственных органов. Указом Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в 1999 г. БГУ был утвержден в статусе республиканского органа государственного управления в пределах полномочий, определяемых Уставом БГУ. Таким образом, Белорусский государственный университет получил широкую вузовскую автономию.

Основу БГУ образует академическое сообщество — творческое объединение научно-педагогических работников, аспирантов, студентов и учащихся. Академическое сообщество БГУ строит свою деятельность в соответствии с классическими традициями университетского образования на основе принципов Великой Хартии Университетов, академической свободы преподавания, исследования и распространения знаний, университетской автономии, демократического самоуправления, ответственности перед обществом, единства процессов обучения и научной деятельности, связи науки и образования с практикой. Сегодня БГУ является единым комплексом, в состав которого входят учебные, научно-исследовательские, производственные, социально-культурные, административно-хозяйственные и другие подразделения.

Возглавляет Белорусский государственный университет ректор, который назначается на должность и освобождается от должности Президентом Республики Беларусь. В период суверенного развития страны во главе университета стояли Ф. Н. Капуцкий (1990—1995), А. В. Козулин (1996—2003), В. И. Стражев (2003—2008). С 31 октября 2008 г. в должности ректора Белорусского государственного университета работает профессор, академик Национальной академии наук Беларуси Сергей Владимирович Абламейко.

По всем своим качественным и количественным параметрам Белорусский государственный университет был и остается ведущим высшим учебным заведением в национальной системе высшего образования Республики Беларусь. Первым в стране БГУ осуществил переход на многоуровневую систему подготовки специалистов по образцу ведущих европейских университетов, начал обучение по многим новым научным направлениям. В структуре комплекса БГУ 26 образовательных учреждений и 4 научно-исследовательских института, 25 научно-исследовательских и научно-методических центров, 177 кафедр, 11 научно-производственных унитарных предприятий, 3 учебно-опытных станции и 6 музеев. Среди преподавателей университета (около 2500 человек) — известные ученые, лауреаты государственных премий в области науки и образования. Их научный потенциал позволяет осуществлять обучение студентов на уровне мировых и европейских стандартов по 55 специальностям и почти 260 специализациям.

Основой образовательной и научной деятельности БГУ являются как классические, так и современные области знаний: математика, физика, информатика, химия, биология, география, история, философия, фило-

логия, экономика, психология, социология и др. Именно этот перечень в решающей степени и определяет содержание университетского образования и направления научных исследований. В последние годы в университете открылись новые специальности, которые дают возможность готовить специалистов в области международного права, международного туризма, информатики и связи, геологических исследований, экологии, исторической информатики, библиотечного дела и т. д. При сохранении приоритета фундаментальных исследований большое внимание уделяется прикладным работам. Учеными разработано и создано значительное количество новых приборов и перспективных технологий в измерительной технике, фармакологии, молекулярной химии и др., организован ряд инновационных предприятий, основанных на принципе: научные разработки и достижения — в производство.

Расширилась география международных связей Белорусского государственного университета. В настоящее время он успешно сотрудничает более чем со 135 зарубежными образовательными и научными учреждениями (университетами, институтами, научно-исследовательскими центрами), среди которых первое место традиционно занимают российские вузы. Совместно с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова был создан Образовательный научно-исследовательский центр МГУ — БГУ. В настоящее время БГУ имеет официально закрепленные двусторонние связи с 24 российскими университетами, в том числе с 20 — на уровне договоров о сотрудничестве и 4 — на уровне соглашений по направлениям совместной деятельности. Активно развивается научное сотрудничество с университетами других стран: Украины, Польши, Германии, Китая, Индии, США и др. В рамках международной деятельности осуществляются академические обмены учащимися, преподавателями и научными работниками, проводятся совместные научно-образовательные мероприятия и научные исследования, реализуются международные научные проекты.

Белорусский государственный университет проводит активную политику на рынке экспорта образовательных услуг. Более полувека (с 1958 г.) в университете ведется обучение иностранных студентов. Выпускников «школы БГУ» можно встретить во многих странах Европы, Азии, Африки, Америки. В 2009—2010 гг. в университете обучалось 1716 иностранных граждан. В их числе 74 человека занимались подготовкой к защите кандидатских диссертаций, являясь аспирантами БГУ (а с 2007 г. действует совместная аспирантура с Харбинским университетом науки и технологий). Стратегической целью университета является закрепление позиций на образовательных рынках Китая, Вьетнама, Ирана, Ирака, Ливии, Ливана, Сирии, Турции и др. Ведется работа по выходу на образовательный рынок Южной Америки через целевую подготовку аспирантов из Венесуэлы в области естественных наук.

Белорусский государственный университет является одним из учредителей Евразийской ассоциации университетов, является университетом-координатором от Республики Беларусь в Университетской сети Центрально-Европейской Инициативы, участником Белорусской ассоциации содействия ООН, включен в международную педагогическую сеть ЮНЕСКО «Педагогическое образование: мультикультурный диалог».

Высшая школа Республики Беларусь и Болонский процесс

В настоящее время одной из наиболее актуальных задач является создание условий для еще более продуктивной интеграции высшей школы Беларуси в общеевропейское образовательное пространство. В связи с этим возникает вопрос об участии в *Болонском процессе*, цель которого — создание единого европейского пространства высшего образования. Его начало было положено Декларацией министров образования стран Европы (*Болонской декларацией*), подписанной в 1999 г. в итальянском городе Болонья — в стенах старейшего европейского университета, ведущего свою историю с XI в. В основе построения общеевропейского образовательного пространства — создание согласованных условий подготовки специалистов, способных реализовывать свой профессиональный потенциал не только на государственном национальном уровне, но и при решении проблем наднационального характера. Идеи, вошедшие в Болонскую декларацию, прошли долгий путь развития, одним из этапов которого было принятие в 1988 г. *Великой Хартии Университетов* (Magna Charta Universitatum). Постепенно к Хартии присоединилось большинство европейских университетов.

В основе Болонской декларации лежат *десять целевых задач* организации европейского пространства высшего образования: введение общепонятных, сравнимых уровней высшего образования; переход на многоступенчатую систему высшего образования; введение оценки трудоемкости (курсов, программ, нагрузки) в терминах зачетных единиц и отражение учебной программы в приложении к диплому, образец которого разработан ЮНЕСКО; повышение академической мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава; обеспечение качества высшего образования и взаимное признание квалификаций и соответствующих документов в области высшего образования; обеспечение автономности высших учебных заведений; введение аспирантуры в общую систему высшего образования (в качестве самостоятельного уровня высшего образования); ориентация высшего образования на европейские традиции и повышение конкурентоспособности европейского образования; реализация социальной роли высшего образования, развитие системы дополнитель-

ного образования («образование в течение всей жизни»); формирование общего образовательного и исследовательского пространства в Европе.

Болонский процесс строится на началах добровольности и не требует от своих участников ломки собственных традиций в образовательной и научной сфере. Его главная цель — прозрачность, сопоставимость существующих образовательных систем, возможность легкого «пересчета» данных одной системы в другую. На данный момент Болонский процесс официально поддерживают 46 государств. Россия присоединилась к этому процессу в 2008 г., Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан — в 2005 г., Казахстан — в 2010 г. Республика Беларусь взвешенно подходит к вопросам присоединения к Болонской декларации, ставя во главу угла прежде всего вопросы качества подготовки специалистов и свои национальные интересы. Для нее началом участия в формировании общеевропейского образовательного пространства можно считать 2002 г. — подписание *Лиссабонской конвенции* о взаимном признании академических квалификаций.

В июне 2009 г. состоялось заседание Республиканского совета ректоров высших учебных заведений Республики Беларусь, на котором были проанализированы и подведены итоги многолетних дискуссий по проблемам Болонского процесса и отношения к нему. Итоги обсуждения показали, что основные тенденции развития высшего образования республики не противоречат Болонской декларации и общемировым тенденциям в сфере науки и образования в целом. Беларусь готова не только присоединиться к Болонскому процессу, но и привнести в этот процесс свои национальные инициативы, среди которых можно назвать гарантированную государственную поддержку учащейся молодежи, обеспечение широкого доступа граждан к высшему образованию и др.

Готовность высшей школы Беларуси к реализации принципов Болонского процесса подтверждается целым рядом практических шагов: в соответствии с Законом Республики Беларусь «О высшем образовании» (2007) подготовка специалистов с высшим образованием осуществляется на двухступенчатой основе по образовательным уровням «специалист — магистр». Высшая школа с 1 сентября 2008 г. перешла на образовательные стандарты, учебные планы и программы нового поколения, которые основаны на компетентностном подходе и междисциплинарном синтезе знаний в организации образовательного процесса, что позволяет широко внедрять системы кредитов по типу ECTS — Европейской системы перезачета единиц трудоемкости образовательных курсов, программ, нагрузок. В соответствии с Законом и проектом Кодекса об образовании предусмотрены широкие автономные права университетов в организации образовательных программ, а также программ взаимообмена и стажировок студентов и преподавателей. Несколько лет ведется работа по созданию системы оценки и контроля качества образования, совместимой с зарубежными

стандартами. Предполагается сформировать систему обеспечения качества высшего образования, совместимую с международными процедурами оценки качества образования.

Высшая школа Республики Беларусь в целом готова к реализации на практике принципов Болонского процесса. Это позволит решить ряд принципиальных задач, среди которых важнейшими являются интеграция в европейское научное и образовательное пространство, развитие взаимодействия научно-образовательной и производственной сферы, повышение качества образования и др. Вместе с тем существует и возможность некоторых негативных последствий от участия Беларуси в Болонском процессе. В их числе: вероятность возникновения ситуаций подчинения национальных интересов решениям, которые направлены на укрепление «глобального» сотрудничества и могут иметь формы скрытой дискриминации по отношению к отечественным вузам; снижение качества образования на первой ступени в условиях сокращения сроков обучения; «утечка мозгов» в более развитые страны; переход на международные стандарты в сфере высшего образования и связанные с этим финансовые затраты.

Такого рода факторы характерны для многих государств — участников Болонского процесса, которые формируют собственные механизмы противодействия негативным последствиям участия в формировании общего европейского пространства высшего образования. Не всегда и сами студенты европейских университетов целиком принимают декларированные принципы (об этом свидетельствуют довольно многочисленные их протестные выступления — например, осенью 2009 г. в Вене).

В контексте общемировых процессов

Увеличивающийся разрыв между качеством образования и ростом требований к компетенциям персонала — специфика мирового образования. Переход от индустриального общества и простых технологических операций к постиндустриальному типу экономики создает потребность в специалистах, которые могут работать с пакетами современных технологий в изменяющихся внешних условиях, заставляющих человека самостоятельно оценивать ситуацию и принимать ответственные решения. Несоответствие того, чему учат, тому, чего требуют современная экономика и современное общество, может быть охарактеризовано как глобальный кризис сферы высшего образования: система образования готовит специалистов к «уходящей» экономике.

Этот кризис разворачивается на фоне нескольких общемировых тенденций. Во-первых, растет *массовость* образования, и это дает основания говорить о появлении феномена так называемого «массового университета», о переходе в экономически развитых странах ко всеобщему высшему

образованию. При этом классическая модель европейского университета, сложившаяся еще в XIX в., существенных изменений с тех пор не претерпела. Она рассчитана на подготовленного студента, который, в силу своего привилегированного социального положения и уже имеющегося домашнего и гимназического образования, был готов практически без специальной подготовки приступить к занятиям в «камерной атмосфере» в небольшой учебной группе под руководством профессора — как правило, узкого специалиста. В XX в. (и особенно после войны) в университет пришел «массовый студент» — значительно хуже подготовленный по сравнению со своим предшественником, часто имевший серьезные пробелы в знаниях и общем культурном уровне. Этот студент не был способен без подготовки перейти к университетским занятиям, он нуждался в общеобразовательной, базисной подготовке. Появление же «массового университета» обострило другие проблемы системы высшего образования — хроническая и катастрофическая переполненность высших учебных заведений, износ научного оборудования, обострение конкуренции между студентами как в стенах университета, так и на рынке труда и т. д.

Вторая мировая тенденция — *глобализация* и тесно связанная с ней *коммерциализация* высшего образования. К концу XX в. сформировалась целая отрасль мирового хозяйства — международный рынок образовательных услуг с ежегодным объемом продаж в несколько десятков миллиардов долларов и объемом потребителей в несколько миллионов студентов. Сложилась и получила широкое распространение система «экспорта образования», которая включает в себя не только привлечение иностранных студентов в собственные вузы, но и создание университетов и их филиалов в других странах. По оценкам Всемирной торговой организации, емкость мирового рынка образовательных услуг составляет сегодня 50—60 млрд долларов. Устойчивым лидером в этой области являются США, за которыми следуют Великобритания и Германия. Можно говорить о том, что в сфере образовательных услуг уже сложились и играют заметную роль в современном обществе своеобразные торговые марки — «*Qualified in USA*», «*Qualified in Germany*» и т. п. Подготовка иностранных специалистов, например, в американских вузах позволяет США решать целый комплекс проблем, далеко выходящих за пределы сферы образования: привлечение в страну квалифицированных научных кадров, создание прочной долговременной основы для развития экономических отношений, возможность оказывать влияние на политические элиты других стран и т. д. Именно американская модель — двухступенчатая модель подготовки специалистов (*Bachelor* и *Master*) и единая ученая степень (*Ph. D.*) — все чаще выступает в виде эталона высшего образования. Большим плюсом этой модели является ее унифицированный вид и мировое признание, так как она не требует перевода, переаттестации и прочего и акцептируется практически во всем мире в качестве свидетельства о высшем образовании и научной квалификации.

Третий фактор, оказывающий мощное влияние на сферу высшего образования во всем мире, — *информационная трансформация*. Взрывное развитие цифровых технологий и средств коммуникации приводит к тому, что содержание образования вообще и содержание предметного знания в частности уже не являются уникальной собственностью конкретного профессора, а в последнее время — даже и конкретного университета. И это ставит на повестку дня вопрос о пересмотре привычных форм организации учебного процесса, смене существующей парадигмы содержания и метода в высшем образовании, поиске новых подходов к философии образования в целом. Очевидно, что университет XXI в. должен принципиально отличаться от своего предшественника — классического европейского университета, построенного на гумбольдтовской модели начала XIX в.

Рейтинг как определение репутации университета

Важнейший показатель деятельности и смысла университета — качество образования, которое он может предоставить своим студентам в соответствии с образовательным стандартом. В условиях возрастающей конкуренции на рынке образовательных услуг успех любого университета зависит от качественности всех сторон его деятельности, всех его параметров (финансовых, материально-технических, научных, кадровых и иных). Всякий университет в этом отношении контролируется различного уровня инстанциями — государственными, общественными, профессиональными и др. Так, в США этим занимаются Департамент по образованию, а также региональные аккредитационные институты, профессиональные ассоциации, специализированные агентства и др. В Беларуси подобные функции внешнего контроля осуществляет департамент по проверке качества образования Министерства образования страны.

Сами университеты заинтересованы в предоставлении будущим студентам как можно более достоверной информации о себе. Поэтому в последние десятилетия популярность приобрели различного рода системы рейтинговых оценок, которые по различным методикам формируются рейтинговыми агентствами, профессиональными ассоциациями, информационными агентствами, некоторыми популярными и авторитетными газетами и журналами. Например, с 1967 г. ежегодник «Gourman Report» составляет и публикует рейтинги колледжей и университетов. С 2004 г. агентство «The Times Higher Education» при английской газете «Таймс» выпустило три рейтинга университетов мира. В Канаде популярен рейтинг университетов, который составляет издательство «Macleans». Издательство «Newsweek» свой рейтинг формирует по четырем важнейшим кри-

териям: количество в университете чаще всего цитируемых исследователей, количество публикаций в авторитетных научных журналах, качество обучения и исследований, интернационализация университета. Составлением рейтинга университетов мира с 2003 г. стал заниматься и Институт высшего образования Шанхайского университета (в его список попадают только 500 лучших университетов).

Кроме того, существуют рейтинги, которые составляются на национальном уровне: они «ранжируют» университеты конкретной страны. В некоторых странах мира (США, Англия, Германия и др.) национальные рейтинги исчисляются десятками. Дело в том, что высокое место в рейтинге дает университету значительные преимущества, делает его более привлекательным по сравнению с конкурентами для тех, кто намеревается получить высшее образование. Тем самым обеспечивается поступление новых значительных средств, расширяются возможности для дальнейшего укрепления учебно-научных параметров университета. Рейтинги содержатся в многочисленных справочниках для поступающих. Поэтому идет очевидная борьба за высокие рейтинговые места. И даже за само попадание в рейтинги мировых университетов.

В оценках, которые чаще всего предлагают те или иные рейтинги (кроме вышеуказанных), доминируют такие критерии, как качество преподавания и исследований (важно, чтобы работы университетских ученых как можно чаще цитировались коллегами), количество баллов, необходимых для поступления в университет, соотношение студентов и преподавателей, затраты на библиотеки и компьютеризацию, качество дипломов выпускников и их востребованность на рынке труда и даже степень феминизации университета. Среди наиболее успешных университетов мира чаще всего в рейтингах фигурируют Гарвардский, Кембриджский, Стэнфордский, Калифорнийский, Йельский, Оксфордский, Принстонский и другие университеты США и Англии (так, в рейтинге Шанхайского университета за 2006 г. в двадцатке лучших были названы 17 американских университетов). Из университетов постсоветских республик в мировые рейтинги, да и то не все, попадают лишь Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты: соответственно 70-е и 300-е места в рейтинге Шанхайского университета. В рейтинг «The Times Higher Education» в 2006 г. попал только МГУ — 164-е место, но уже в рейтинге 2009 г. он занял 155-е место, а Санкт-Петербургский университет 168-е место (в 2008 г. — 224-е). На занимаемое университетом место в том или ином рейтинге влияют и часто меняющиеся главные критерии оценки деятельности вузовских коллективов. Многие университеты просто не берутся для оценки в силу их малой конкурентоспособности на мировом рынке интеллектуального труда и тем самым остаются вне рейтингов.

Сейчас перед белорусской высшей школой стоит задача выяснить, какие критерии оценки результатов академической и научной деятельности всемирно признаны. И для начала необходимо внедрить свою рейтинговую оценку работы университетов Беларуси с последующим включением ее в международные и региональные рейтинги.

Время определяет новые задачи и их решения

Вышеуказанная проблематика характерна и для системы высшей школы Беларуси. Однако ей свойственны и особые тенденции. Демографические процессы оказывают серьезное влияние на ситуацию в белорусском образовании. *Демографический спад* в наибольшей степени затронул общеобразовательную школу: число учеников последовательно сокращается, что в ближайшие годы скажется на всех уровнях образования. Так, по оценкам демографов, количество абитуриентов, поступающих в университеты, скоро снизится более чем на 30 %. Обострение конкуренции между вузами, сокращение приема, закрытие отдельных факультетов и, возможно, некоторых университетов — лишь некоторые, самые очевидные, следствия этого процесса.

Характерным для белорусского высшего образования является значительный возраст профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого персонала университетов. За последние годы темпы естественного старения пока выше динамики обновления профессорско-преподавательских кадров, во многих сферах наблюдается *разрыв поколений*. При этом, как ни парадоксально, рост бюджетной обеспеченности не способствует обновлению кадров в образовании: чем лучше идут дела, тем меньше находится желающих освобождать свои места, предоставляя возможность карьерного роста молодым.

Чрезвычайно сильной стороной образовательной системы Беларуси является ее принципиальная ориентированность на массовый и общедоступный характер высшего образования. Это позволило высшей школе Беларуси избежать многих проблем, которые выпали на долю американских и европейских университетов при переходе от «элитарной» к «массовой» модели высшего образования, и на протяжении многих десятилетий обеспечивать выпуск квалифицированных специалистов для всех областей народного хозяйства. Белорусская система высшего образования должна рассматриваться как национальное достояние и важный стратегический ресурс, которым обладает страна. В то же время очевидно, что необходимы и принципиальные изменения, которые обеспечат динамичное развитие высшей школы Беларуси в меняющемся современном мире.

Устарела и не отвечает мировым тенденциям система разделения научно-исследовательской и педагогической деятельности. Первой тра-

диционно занимаются академические институты и учреждения, в университетах она представлена значительно слабее. Опыт зарубежных стран показывает, что наиболее эффективным сегодня является путь сочетания теории и практики, учебной и исследовательской деятельности, путь создания крупных научно-образовательных комплексов. Именно такие структуры способны обеспечить полноценную подготовку специалистов в XXI в. и выступить в роли мощных факторов развития наукоемких отраслей промышленности или целых регионов.

Необходима более активная интеграция в международную систему науки и образования. Полноценное функционирование белорусской высшей школы невозможно сегодня без учета актуальных процессов в мировой практике образования. В этой сфере представляется интересным европейский опыт «образовательной мобильности», позволяющий обеспечить широкую и взаимовыгодную кооперацию с высшими учебными заведениями других стран. Чрезвычайно важен и европейский опыт модернизации университетского образования. Например, в Германии введение двухступенчатой модели подготовки специалистов идет постепенно и через создание специальных курсов и учебных программ. Такой подход представляется более разумным и эффективным, чем форсированный переход на новую модель всей системы высшего образования.

Дальнейшего развития требует и система взаимоотношений высшей школы Беларуси с государством, экономикой и обществом в целом. В настоящее время высшие учебные заведения слабо взаимодействуют с органами государственного управления и промышленными предприятиями, с трудом реагируют на актуальные запросы белорусского общества. Недостаточно развита система целевых программ, фондов, грантов и т. п., направленных на поддержку исследовательской и научно-прикладной деятельности. В этой области чрезвычайно важен учет практики ведущих зарубежных университетов, где накоплен большой положительный опыт такого взаимодействия и где фактически сформировалась генерация ученых нового типа, успешно сочетающих научно-педагогическую работу с административной, общественной и экономической деятельностью. Между тем прямое копирование зарубежных моделей не будет эффективным. Необходим поиск разумного баланса между сохранением собственных достижений и восприятием лучшего опыта мировой практики образования.

Качественная, независимая, основанная на собственных традициях, но открытая миру и современным веяниям система высшего образования Республики Беларусь — мощный общественный, экономический и культурный фактор развития нашей страны и неотъемлемый атрибут суверенного государства. Достижения в этой сфере должны получить дальнейшее развитие на новом историческом этапе.

Глава 14

БИБЛИОТЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА

Роль библиотеки в истории цивилизации

В истории человеческой цивилизации библиотеки появились гораздо раньше университетов. С возникновением университетов библиотеки чуть ли не сразу стали для них сокровищницей не столько книг и документов, сколько идей, мыслей, опыта предыдущих поколений и современников, свидетельством уровня их интеллектуальной, духовной и культурной жизни. Библиотека всегда была важным инструментом, используемым человеком для познания самого себя и окружающего мира.

Человеку в процессе познания изначально были необходимы самые разнообразные сведения, знания других людей. Считается, что появление первых библиотек можно отнести уже к ранней стадии развития человеческого общества. Письменная форма, которая фиксировала те или иные сведения с помощью рисуночных мнемонических знаков (найденные археологами древнейшие тексты датируются примерно 3-м тыс. до н. э.), сменилась письменной системой, предназначенной для передачи речевой информации во времени и в пространстве (около 2400 г. до н. э.). Знания, изложенные в письменном виде, стали фиксироваться в документе (от лат. *documentum* — доказательство, свидетельство), который мог принадлежать не только его автору, но и каждому «посвященному» — кто владел письменной грамотностью. Тем самым стало возможным накапливание различных документов как сосредоточения определенных знаний и опыта.

Самые древние библиотеки были обнаружены во время археологических раскопок на территории, которую занимало государство Шумер (часть современного Ирака). На шумерском языке написаны известные

сегодня самые древние тексты Месопотамии (2900—2500 гг. до н. э.), среди которых есть и тексты, связанные с «вечными» вопросами человечества. Так, в эпосе о правителе Шумера Гильгамеше главный герой живет не только в гармонии с природой, но и озабочен проблемой изгнания зла из мира (в лице свирепого великана Хумбабу). На территории вавилонских городов было найдено множество глиняных табличек с анонимными произведениями — древними картами, литературными текстами, работами, относящимися к математике, сельскому хозяйству и другим отраслям знаний. Например, в Ниппуре, религиозном центре Вавилонии, археологи раскопали библиотеку, находившуюся в 62 помещениях. В ней было найдено несколько тысяч табличек, датируемых 1700 г. до н. э.

Крупнейшей библиотекой древней Месопотамии считается библиотека ассирийского царя *Ашшурбанипала* (*669 — ок. 633 гг. до н. э.*), начало которой было положено царем *Тиглатпаласаром I* (*ок. 1114 — ок. 1076 гг. до н. э.*). Она находилась в столице Ассирии г. Ниневии, и ее фонд составлял примерно 5—10 тыс. глиняных табличек. Каждая «книга» имела «библиотечный штамп» с текстом: «Дворец Ашшурбанипала, царя царей, царя страны Ашшур, которому бог Набу и богиня Гаслиста даровали уши и зоркие очи, чтобы разыскивать творения писателей моего царства». Библиотека имела универсальный характер: в ней хранились списки царей; царские послания; списки стран, рек и гор; материалы коммерческого характера; словари и труды по грамматике; документы, имевшие отношение к самым разным областям знаний — математике, астрономии, медицине и др. В отдельном помещении находились религиозно-магические тексты.

Наиболее крупными и значимыми библиотеками в древности являлись *дворцовые библиотеки*, принадлежавшие правителям, а также *храмовые библиотеки*. Только хозяева могли пользоваться библиотечными документами, так как лишь они были «посвященными». Знания усиливали их власть, а опасность ее утраты вызывала необходимость постоянного пополнения знаний по самым различным вопросам. Сила религиозного воздействия на людские массы также во многом основывалась на стремлении жрецов монополизировать доступ к знаниям и обладание ими. Одной из самых ранних и известных храмовых библиотек Древнего Египта была библиотека при храме Рамессеум, основанном около 1300 г. до н. э. во время правления фараона *Рамсеса II* (*1290—1224 гг. до н. э.*). При входе в библиотеку была высечена надпись — «Аптека для души».

Библиотека является своеобразным символом эллинистической культуры. Само слово «библиотека» (греч. *bibliothēkē*: *biblion* — книга + *thēkē* — хранилище) зародилось во времена расцвета эллинистического мира, который сформировался в результате восточных походов Александра Македонского в 334—324 гг. до н. э. Значительную роль в жизни древних греков сыграли два центра: Александрия (столица эллинистического Египта) и Пергам (столица Пергамского царства), где были созданы крупнейшие для своего времени библиотеки. Самой известной была Алексан-

дрийская — библиотека Александрийского мусейона, основанного в начале III в. до н. э. царем эллинистического Египта *Птолемеем I Сотером* (*323—283 гг. до н. э.*). Мусейон в тогдашнем понимании — это сообщество людей, объединившихся на единой религиозно-этической основе. Это было одновременно и культовое учреждение, и научно-исследовательский и образовательный центр. Главой мусейона был хранитель библиотеки, который являлся также воспитателем наследника правителя. По традиции пост хранителя (главы) библиотеки занимали наиболее известные интеллектуалы (например, поэт и грамматик *Аполлоний Родосский* (*ок. 295 — ок. 215 гг. до н. э.*). Главной задачей библиотеки был сбор всей греческой литературы и переводов произведений литературы других народов на греческий язык (причем самой разной — от произведений греческих трагиков до поварских книг). За 200 лет существования библиотеки ее фонды стали насчитывать, по разным оценкам, от 400 тыс. до 700 тыс. свитков.

Идею Птолемея I Сотера об Александрии как космополитическом центре мира продолжали воплощать в жизнь и его потомки, которые также стремились собрать все книги (свитки) мира и выделяли на это значительные средства. Послы библиотеки собирали свитки по всему миру. Стремление к обладанию подлинниками доходило, например, до того, что *Птолемей III Эвергет* (*после 246—221 гг. до н. э.*), получив в Афинах под залог (золотом) оригиналы трагедий Эсхила, Еврипида и Софокла в качестве условия поставки хлеба в испытывавшие неурожай и голод Афины, предпочел лишиться золота, но свитки не вернул.

Как наиболее богатая по составу фондов, Александрийская библиотека влекла к себе читателей всего эллинистического мира. Они приезжали изучать свитки и получать копии интересующих их работ. В разные годы в ней работали Архимед, астрономы Аристарх Самосский, Гиппарх и Клавдий Птолемей, медик Герофил Халкедонский, математик Евклид и другие выдающиеся интеллектуалы того времени. Библиотека была наиболее значимым *скрипторием* (лат. *scriptor* — переписчик, писец) — мастерской, в которой переписывались самые различные тексты.

В Древнем Риме библиотеки, первые из которых были привезены в качестве военных трофеев из других стран, поначалу нередко выполняли чисто декоративные функции, но со временем было не только усвоено библиотечное мировоззрение греков, но и возникла потребность в создании публичных библиотек для обслуживания граждан Рима. Первый план создания такой библиотеки принадлежал императору *Юлию Цезарю* (*100—44 гг. до н. э.*). Он зародился после посещения Цезарем Александрийской библиотеки. По заданию императора Марк Терренций Варрон, написавший трактат «О государстве», одну из его глав посвятил библиотекам.

После распада в IV в. Римской империи в 330 г. в Константинополе, столице Византийской империи, была создана уникальная библиотека императора Константина, при которой работал огромный штат переписчиков греческих и латинских книг. К 475 г. в библиотеке насчитывалось

120 тыс. текстов. В последующее время особая значимость библиотеки как государственного скриптория была обусловлена тем, что Византия превратилась в «золотой мост» между Европой и Азией, стала связующим звеном между народами Азии и Европы. Усилилось влияние византийской культуры в Восточной и Юго-Восточной Европе (особенно в Болгарии и Древней Руси) после принятия многими славянскими народами христианства.

В результате завоеваний в VII—VIII вв. арабами, жителями Аравийского полуострова, значительных территорий Передней и Центральной Азии, Закавказья, Северо-Западной Индии, Северной Африки и Пиренейского полуострова более чем на пять веков сформировалось единое пространство, объединенное общей культурой и (вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности) литературным арабским языком. Если первоначально наука на территории средневековых арабских государств развивалась под влиянием греческой науки, то впоследствии уже арабская наука влияла на развитие научных знаний в странах христианского мира. По указанию основателя суннитской династии Омейядов халифа *Муавия* (*661—680*) при его дворе в столице государства Дамаске был создан своеобразный культурный и научный центр, который был назван «байт альхикма» («дом мудрости»). Основу его составляла библиотека, которую использовали взятые на службу переводчики. В их задачи первоначально входил устный перевод для монарха работ греческих авторов, рассказов о жизни и деятельности Александра Македонского и других героев античности. Переводились как литературные произведения (в том числе «Илиада» и «Одиссея»), так и работы историков (в частности, Геродота и Ксенофонта), философов, других ученых. В библиотеке хранились и работы арабских авторов, сюда же поступали на хранение и официальные документы. Со временем приобретение книг стало модой, а наличие частной библиотеки — знаком высокого социального статуса ее обладателя, что напоминало отношение к книгам и книжному коллекционированию в Римской империи.

В Западной Европе в V—X вв. ведущую роль в сохранении культурного наследия античности и в обеспечении преемственности в развитии образования, науки и культуры сыграли монастырские библиотеки. Среди них выделялась библиотека монастыря Виварий, находившегося на юге Италии недалеко от Неаполя и основанного в 555 г. *Магном Аврелием Кассиодором* (*ок. 487 — ок. 578*) — сенатором, тайным советником остготского короля Теодориха. Кассиодор внес огромный вклад в теоретическое обоснование интеллектуальной христианской культуры, рассматривая обучение и познание, наряду с добродетельной жизнью, как путь к Богу. Он был убежден в том, что новая культура должна усвоить достижения культуры предшествующей (прежде всего с помощью библиотеки). Созданная им библиотека стала для средневековой Европы образцом монастырской библиотеки, которая была нацелена не только на служение монастырю, но и на служение обществу. Переписанные в ее скриптории книги расхо-

дились по всей Европе, здесь же готовились первоклассные переписчики. Созданное Кассиодором «Руководство к изучению божественной и светской литературы» на протяжении пяти веков служило руководством по комплектованию книжных фондов монастырских библиотек.

Продолжателями традиций, заложенных Кассиодором, стали бенедиктинские монастыри. Согласно уставу этих монастырей, монахи, наряду с обязательными занятиями физическим трудом, обязаны были заниматься чтением и перепиской книг. Монастырские библиотеки стали тем фундаментом, благодаря которому начался культурный взлет, который пережила Западная Европа в VIII—X вв.: в период, когда огромная по территории романо-германская держава была объединена (при Карле Великом) в том числе и классическим латинским языком, ставшим языком общегосударственным.

В период образования и развития Киевской Руси были созданы первые древнерусские библиотеки. К концу X в. на ее территории сложилась письменность и начала развиваться литература. Во время правления великого князя киевского *Ярослава Мудрого* (*1019—1054*) Киев стал в Европе заметным политическим и культурным центром. По образцу Константинополя Ярослав Мудрый не только построил в Киеве храм святой Софии, но и основал при нем (около 1037 г.) библиотеку. Вторая крупная библиотека Киевской Руси была создана в Новгороде при построенном новгородским князем Владимиром (сыном Ярослава) в 1045—1051 гг. храме (также названном в честь святой Софии).

На территории Беларуси первой библиотекой историки считают рукописное собрание Полоцкого Софийского собора (XI в.), просуществовавшее более 500 лет (в 1579 г. во время Ливонской войны библиотека была уничтожена). В многочисленных источниках, свидетельствующих об укреплении княжеской власти и христианства на Руси, содержатся сведения о частных библиотеках. Среди монастырских библиотек наиболее известно книжное и рукописное собрание Киево-Печерского монастыря, начало которому было положено в XI в.

Чтение в Древней Руси рассматривалось как «душеполезное», а занятия литературой — как священнодействие. Древнерусские интеллектуалы считали, что книги есть «реки, напояющие вселенную». В одном из наиболее ранних памятников древнерусской письменности — «Изборнике Святослава» (1076) — содержится специальное «Слово о четьи книг», где говорится: «Добро есть, братие, почитание книжное. <...> Когда читаешь книгу, не тщись торопливо дочитать до другой главы, но уразумей, о чем говорит книга и словеса те, и трижды возвращайся к одной главе. <...> Красота воину — оружие, кораблю — ветрила, так и праведнику — почитание книжное...» Как отмечал крупнейший знаток древнерусской литературы академик *Д. С. Лихачев* (*1906—1999*), читатель в Древней Руси был в определенной степени молящимся и «предстоял произведению, как и иконе, испытывая чувство благоговения».

Библиотеки в условиях Нового времени: накопление и распространение «интеллектуального капитала»

С началом в Западной Европе эры университетов их составной и важнейшей частью сразу же становится библиотека. Книга в университете изначально была важнейшим элементом обучения: преподаватель читал книгу, а студент слушал. Вокруг университета, как правило, велась активная торговля книгами, а при университетах работали скриптории. После захвата в 1453 г. Константинополя турками и падения Византии началась массовая эмиграция в Италию верных идеалам античности византийских ученых. Это во многом способствовало утверждению ценностей, на которых стала строиться духовная жизнь ведущих итальянских культурных центров того времени — Флоренции и Венеции. Вместе с эмигрантами в Италию попали и уникальные собрания античных книг, в итальянском обществе стал пробуждаться интерес к изучению греческого и латинского языков, произведения античных авторов пользовались огромным спросом. Из всех стран Европы, которая в то время уже утратила связи с античным миром, Италия первой обратилась к античным идеалам, к идеалам свободной личности. Восторжествовала эпоха Возрождения.

Немногим позже начались бурные процессы по пересмотру канонов и догматов христианской церкви — эпоха Реформации, связанная с именем священника и просветителя *Мартина Лютера* (*1483—1546*). Она носила не только религиозный характер, но затронула многие вопросы светской жизни: принципиально важным стал вопрос о создании возможностей для охвата образованием более широких слоев населения. Изобретение *Иоганном Гутенбергом* (*ок. 1399—1468*) книгопечатания разрушило монополию на «знания избранных». Главной единицей социальной жизни в эпоху Реформации являлся город, и библиотеки рассматривались М. Лютером как важный элемент развития немецких городов за счет роста предприимчивости образованного бюргерства. Он писал, что нельзя останавливаться перед затратами и следует «открывать в больших городах библиотеки, которые устраивали бы всех», так как книга играет важную роль в формировании сознания христианского человека. Именно поэтому образование необходимо вывести за стены монастыря и сделать светским.

Север Европы, воспринявший лютеранство, постепенно становился пространством, где множилось количество университетов и соответственно университетских библиотек, которые превращались как в центры образования, так и в инструмент развития науки.

Термин «барокко» соответствует эпохе Контрреформации так же, как понятие «ренессанс» связано с эпохой Гуманизма. Контрреформация стала

реакцией католической церкви на протестантскую Реформацию. В 1534 г. испанцем *Игнатием Лойолой* (*ок. 1491—1556*) было основано «Общество Иисуса» (иезуиты). Кроме прямой карательной поддержки католической церкви это общество было сориентировано на развитие гуманитарных наук, что проявилось как в его церковно-архитектурной, так и в образовательной деятельности. Огромный потенциал искусств был использован и в оформлении библиотек. В работе «Духовные искания», вышедшей в 1548 г., И. Лойола обосновал необходимость усиления религиозных переживаний человека через созерцание образов библейских или исторических событий таким образом, чтобы ощутить себя их участником. В библиотеках эпохи барокко эта идея воплощается как через книги, представленные на их полках, так и с помощью изобразительных искусств — живописи, скульптуры, различных украшений интерьеров.

С XVI в. и до первой четверти XIX в. орден иезуитов на территории Польши и Великого княжества Литовского при поддержке королевской власти и местных феодалов создал сеть учебных учреждений, часть из которых стали основой для будущих университетов. При всех образовательных учреждениях «Общества Иисуса» (школах, резиденциях и миссиях) имелись библиотеки. Они являлись центрами интеллектуальной жизни не только членов ордена, но и многих жителей белорусских городов и шляхты. В книжных коллекциях иезуитских библиотек хранились Статуты Великого княжества Литовского, польские хроники, сборники источников по истории отдельных западноевропейских и восточных государств, сочинения античных авторов, «Записки о Галльской войне» Цезаря и др.

Библиотека была предметом постоянной заботы иезуитов, главным украшением их образовательных учреждений и основным богатством. Каждодневная работа этих библиотек находилась под непосредственным руководством папского Престола, который заботился о том, чтобы иезуитские библиотеки соответствовали духу времени, потребностям учебного процесса, способствовали успешному осуществлению религиозной, научной и педагогической деятельности ордена. В фондах библиотек самых старых и материально обеспеченных коллегиумов находилось свыше 10 тыс. книг. Своими книжными сокровищами славились коллекции Полоцкой академии, общий фонд которых в 1815 г. составил более 35 тыс. книг. Менее богатые собрания имели около 5 тыс. книг, а библиотеки с меньшим количеством книг были редкостью.

К настоящему времени ни одна книжная коллекция, собранная иезуитами на территории Беларуси, не сохранилась. Они были распределены между многими библиотеками Российской империи.

Эпоху Просвещения чаще всего рассматривают как время приобщения всех и каждого к образованию и доступности культурных ценностей для народа. Человек, воспринявший идеалы этой эпохи, начинал думать

не только о себе, но и о своем месте в обществе, пытался вести активный поиск самого лучшего его устройства. Именно образование стали считать панацеей от всех социальных неурядиц, и развитие этого процесса было обусловлено широким распространением печатного слова. В понимании современников той эпохи «просвещенным» мог считаться человек, который читает. Поэтому критерием просвещенности становилось его отношение к печатному слову, а библиотеки рассматривались уже как учреждения и даже как социальный институт, от организации работы и активности которого зависит уровень образованности гражданина.

Лучшей научной библиотекой Европы в XVIII в. считалась библиотека Гёттингенского университета. Автором уникальной концепции формирования и развития библиотеки был создатель и первый куратор университета барон *Герлах Адольф фон Мюнхаузен* (*1688—1770*). Он придерживался идеала великого английского ученого Фрэнсиса Бэкона о необходимости воспитания «образованного человека, способного управлять наукой». Новый университет изначально создавался с целью стать ведущим университетом Европы, и впервые роль главного инструмента его развития и достижения поставленной цели отводилась библиотеке. Библиотеку университета можно считать первой, деятельность которой была полностью направлена на служение науке в качестве важнейшей составляющей научного учреждения. Основной элемент концепции Гёттингенской библиотеки — непрерывное, планомерное и научно обоснованное приобретение отечественной и иностранной литературы. Как отмечалось в уставе библиотеки 1810 г., она предназначалась «для воплощения, олицетворения и охвата важнейших научных трудов всех времен и народов по всем наукам в виде отечественной и иностранной литературы», а в ее задачу входил поиск и отбор только таких книг, «в которых содержатся научные, технические, практические знания, способствовавшие прогрессу, в которых содержится хотя бы один шаг вперед <...> но не книги, содержащие просто повторения и компиляции уже известного и тривиального».

В Германии того времени должность директора библиотеки, а иногда и библиотекаря придворной или университетской библиотеки занимали активно действующие ученые. Так, *Иоганн Иоахим Винкельман* (*1717—1768*), известный исследователь культуры античности, был библиотекарем в одной из лучших библиотек Европы, находившейся в графском замке Нёттниц недалеко от Дрездена. Философ и ученый с широким кругом научных интересов *Готфрид Вильгельм Лейбниц* (*1646—1716*) на протяжении 23 лет руководил придворной библиотекой брауншвейгских герцогов. В целом ряде работ он рассматривает книги и библиотеки как своего рода инструменты получения знаний. По его мнению, книги, собранные в библиотеке, должны иметь интеллектуальную и научную ценность и представлять собой коллекцию, энциклопедически охватывающую все знания. Г. В. Лейбниц разработал классификацию наук, в соот-

ветствии с которой был расставлен фонд придворной библиотеки. Библиотека в его понимании — одно из звеньев той интегрированной системы знаний, в которую входят архивы, издательства, типографии, а также школы, учреждения науки и культуры. Библиотека должна содействовать развитию науки в целом, но при этом учитывать значение каждого учреждения, составляющего эту систему знаний.

С XVIII в. библиотека стала развиваться в соответствии с утверждавшейся концепцией и политикой государства в области науки, образования и культуры. Впервые подобное отношение к миссии библиотеки проявилось в герцогстве Саксен-Веймар-Эйзенах и было связано с деятельностью *Иоганна Вольфганга фон Гёте* (*1749—1832*), который на протяжении более 30 лет выполнял обязанности министра, отвечавшего за управление учреждениями науки, образования и культуры. Концепцию развития науки, образования и культуры Веймарского государства И. В. Гёте впервые изложил в докладе «О различных аспектах местной деятельности», подготовленном им в 1795 г. Главный акцент в докладе был сделан на определении роли библиотек и других учреждений, развитие которых обеспечивает, по мнению И. В. Гёте, полноценную научную и культурную жизнь общества, способствует повышению образованности его граждан и в конечном итоге определяет степень развитости самого государства.

Несомненную роль в инициировании И. В. Гёте библиотечных и других реформ сыграл его опыт читателя библиотеки Гёттингенского университета. Он отметил в своем дневнике: «При поверхностном знакомстве с тихой и невидимой деятельностью библиотеки не замечают того, как огромный капитал, которым она располагает, неуловимо дает не подлежащие учету проценты дохода».

Формирование национальных библиотек как особого института государственности

В XVIII в. в Европе стал очевидным процесс формирования национальных государств, который углубил социально-политическое предназначение библиотеки: возник ее новый тип — национальная библиотека. Чаще всего основой фонда национальной библиотеки становились книжные и иные письменные собрания, принадлежавшие монархам. Так, в состав фонда открытой в Лондоне в 1759 г. Национальной библиотеки Великобритании — библиотеки Британского музея — вошла библиотека короля Георга, приобретенная государством, и личная библиотека президента Королевского общества, королевского врача *Ханса Слоуна* (*1660—1753*), внесшего в парламент предложение об учреждении национальной библиотеки. В 1793 г. Королевская библиотека в Копенгагене получила статус национальной библиотеки Дании. Датой основания Националь-

ной библиотеки во Франции считается 1795 г.: в ее основу были положены книжные фонды библиотеки французских королей (с 1852 г. и до конца своей жизни в «литературном департаменте» этой библиотеки работал библиотекарем великий поэт Адам Мицкевич). В 1920 г. библиотека династии Габсбургов стала Национальной библиотекой Австрии. В основу фонда библиотеки Речи Посполитой имени Залусских (*Biblioteka Rzeczypospolitej Załuskich zwana*) — Национальной библиотеки Польши, получившей этот статус и название в 1774 г., — была положена частная коллекция, собранная братьями Залусскими, известными библиофилами. В начале 1790-х гг. эта библиотека стала одной из четырех крупнейших библиотек Европы — наряду с Королевской библиотекой в Париже, библиотекой Британского музея в Лондоне и Королевской библиотекой в Мюнхене. Осенью 1794 г., после подавления восстания под руководством Тадеуша Костюшко и утраты Польшей независимости, фонды библиотеки по распоряжению российской императрицы Екатерины II были вывезены в Петербург и легли в основу Императорской Публичной библиотеки, ставшей по своим функциям Национальной библиотекой России.

Национальная библиотека является одним из важнейших институтов государства и имеет определенные обязательства по отношению к гражданам. Как правило, национальная библиотека — это центральная универсальная научная библиотека, обладающая самым большим (по сравнению с другими научными библиотеками страны) фондом литературы универсального профиля и обычно доступная широкому кругу читателей. Масштабы обслуживания в каждом конкретном случае определяются возможностями национальной библиотеки, поскольку порядок доступа к ее фонду должен быть приведен в соответствие с необходимостью обеспечения его сохранности: большая часть этого фонда уникальна и предназначена для постоянного (вечного) хранения. Национальная библиотека как новый (и особый) институт государственности в странах Европы изначально была призвана выполнять функцию «национальной памяти». Под этим подразумевалось, что такая библиотека должна создавать исчерпывающий по полноте фонд литературы, издаваемой на территории государства, литературы, написанной на языке данной страны за ее пределами, а также литературы о самой стране. Выполнение функции «памяти нации» требовало постоянного источника пополнения фондов библиотеки отечественными текущими изданиями, что стало возможным путем получения библиотекой обязательного экземпляра всех изданий, выходящих в стране.

Сегодня национальные библиотеки являются главными библиотеками своих стран, что требует от них многоплановой работы как с библиотеками различных ведомств, так и с культурными учреждениями страны, с ее законодательной и исполнительной властью.

Университет и его библиотека на пороге Новейшего времени

В XVIII в. стали открываться университетские библиотеки в России, что было связано с государственными реформами в политике, экономике, культуре и образовании. В 1724 г. в Санкт-Петербурге было основано первое в России светское высшее учебное заведение — Академический университет. В 1755 г. открыл свои двери для студентов Московский университет. Его библиотека начала обслуживать читателей в 1756 г. и считается старейшей университетской библиотекой России (научная библиотека Петербургского университета ведет свою историю от библиотеки учительской семинарии, основанной в 1783 г.). На начало XIX в. библиотека Московского университета являлась крупнейшей библиотекой России — в ней насчитывалось свыше 20 тыс. книг. Среди открытых в России в начале столетия университетов особенно выделялся Казанский, ректором которого в 1827—1846 гг. был выдающийся ученый-математик *Николай Иванович Лобачевский* (*1792—1856*). Он одновременно занимал и пост директора библиотеки университета. По состоянию на 1895 г. наиболее крупными были фонды библиотек Московского (240 тыс. томов) и Петербургского (230 тыс. томов) университетов. Фонд библиотеки Казанского университета насчитывал 147 тыс. томов

Университет в XIX в. стал рассматриваться не только как место передачи знаний, но и как учреждение, где эти знания создаются. Особенно активно пополнялись фонды многих уже сложившихся университетских библиотек. Библиотеки Кембриджского и Оксфордского университетов в Англии, Гарвардского и Колумбийского в США в XIX в. превратились в одни из самых крупных научных библиотек мира. Первое место по масштабам реализации государственной политики в области науки заняла Пруссия. В целом изменения, которые произошли в научных библиотеках Германии, определили дальнейшее развитие научных библиотек и в других странах мира.

Увеличение потока новой научной литературы на фоне нехватки финансовых средств для комплектования и ограниченных условий для хранения новых поступлений потребовало отказа от закупки литературы по всем наукам и научным дисциплинам. Научная библиотека перестает быть «энциклопедической библиотекой» эпохи развития гёттингенской модели научной библиотеки. Идею о необходимости разработки нового профиля комплектования каждой библиотеки одним из первых высказал *Роберт фон Моль* (*1799—1875*), профессор в области науки о государстве и одновременно главный библиотекарь университетской библиотеки в Тюбингене. По его мнению, следовало определить наиболее приоритетные для той или иной библиотеки темы, и тогда уже библиотека могла бы обеспе-

чивать максимальную полноту литературы по теме. В этом случае библиотека отказывается от комплектования литературы по другой теме.

К концу XIX в. сложилась классическая модель университета как элитарного высшего учебного заведения, в котором обучение и научные исследования слиты в неразрывное целое. В это время библиотеки становятся действенным средством ускорения развития науки и техники. Они оказали свое воздействие на страны Старого и Нового света, повлияли на развитие некоторых стран Азии — прежде всего Китая и Японии. Университетские библиотеки превратились в сложные организмы. Например, библиотека Оксфорда к концу XIX в. состояла из Бодлеаны (название в честь сэра *Томаса Бодли* (*1545—1613*), который финансово помогал библиотеке на протяжении всей своей жизни и был инициатором строительства ее нового здания), богатейшей по числу рукописей и книг, а также библиотек факультетов, колледжей, научных учреждений и институтов, входивших в состав университета. Таким образом, университетская библиотека стала представлять собой локальное образовательное пространство.

Двадцатый век принес с собой бурное развитие транспорта и коммуникаций, крупные научные открытия и новые информационные технологии. В правительственных и научных кругах получил признание взгляд на науку как на важнейший национальный ресурс. Университеты превратились в настоящие центры научных исследований, что еще более повысило значимость университетских библиотек. Показателен пример развития Калифорнийского университета в Беркли (США). На протяжении истории университета его окончили или же в нем проводили научные исследования 95 нобелевских лауреатов, 69 лауреатов премии Национальной академии США, 7 лауреатов Пулитцеровской премии и ряд лауреатов других престижных в научных и литературных кругах премий. А в 1869 г., когда университет был открыт, в нем было всего 38 студентов и 10 преподавателей. Считается, что одним из факторов эффективного развития университета явилась плодотворная деятельность его библиотеки, ее адаптация к научным и образовательным потребностям студентов. Второй по счету президент Калифорнийского университета Дэниел Гилман (1831—1908), при котором университет переехал в собственные здания и состоялся первый выпуск, утверждал, что библиотека — это рабочее место, где сохраняется опыт человечества, где можно получить самые свежие публикации о научной деятельности, где молодежь обучается методам работы с литературой и познает «дружбу книг». Важное значение имеет «сокровенное, умиротворяющее, освежающее душу, вдохновляющее разум знакомство с выдающимися сочинениями всех эпох и всех народов. Прозорливый преподаватель сопровождает процесс обучения уроками чтения, которое есть искусство отбрасывания того, что лучшее, но не самое лучшее, и постоянного выбора того, что есть самое лучшее». Другой же президент уни-

верситета, профессор филологии *Бенджамин Уиллер* (*1854—1927*), в своей инаугурационной речи «Это счастье быть здесь» («It is Good to be Here»), с которой он выступил перед студентами и преподавателями университета в 1899 г., подчеркнул важность университетской библиотеки в реформировании деятельности университета, которая обязана дать возможность преподавателям и студентам идти в ногу со временем.

Сегодня совокупный фонд библиотечной системы Калифорнийского университета, в которую входят более 100 библиотек, составляет свыше 34 млн книг и по величине уступает в США только фонду библиотеки Конгресса США. С 1997 г. как полноценное структурное подразделение библиотечной системы университета функционирует электронная библиотека (*California Digital Library*).

Начало истории Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета

Историю создания и развития Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета (ФБ БГУ) необходимо рассматривать в контексте развития всего библиотечного дела в Беларуси. До 1917 г. состояние библиотечной сети и книжных фондов библиотек на территории республики характеризовалось их «исключительной отсталостью». Не было финансирования за счет государства, не было организованной сети библиотек каких-либо общественных организаций. Существовали лишь отдельные, ничем между собой не связанные библиотеки в некоторых губернских и уездных городах и поселках. Согласно статистическим данным, в 1914 г. в Беларуси в ее современных границах одна библиотека приходилась в среднем на 6420 человек населения, книг в этих библиотеках в среднем на душу населения в городах — 0,24, на селе — 0,05. Из общего количества учтенных по всей территории России 552 публичных библиотек только 13 находились на территории Беларуси, а из 81 более крупной народной библиотеки, приближающейся к публичной, в Беларуси не было ни одной. Отсутствие на территории республики до 1917 г. каких бы то ни было высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений определило и отсутствие научных и специальных библиотек.

Важное условие изменения ситуации новые советские власти видели в налаживании библиотечного дела, которое рассматривалось как один из основных элементов и культурного строительства в целом, и создания системы народного просвещения, ликвидации неграмотности населения. Началось восстановление культурно-просветительных учреждений, в том числе и библиотек. В составе Народного комиссариата просвещения РСФСР 20 января 1919 г. был сформирован внешкольный отдел, одной из

задач которого являлось развитие сети библиотек и читален. Помимо учета частных и общественных библиотек были приняты меры к вывозу оставшихся в помещичьих имениях книг, которые предполагалось использовать для организации будущей библиотеки БГУ.

Декрет СНК РСФСР «О централизации библиотечного дела» от 3 ноября 1920 г. определил направления библиотечного дела как планомерно организованной системы. Постановление СНК ССРБ от 25 сентября 1922 г. положило начало преобразованию еще только начинавшей формироваться библиотеки БГУ в библиотеку под названием «Белорусская государственная и университетская библиотека». Таким образом, на библиотеку БГУ, открытую 1 октября 1921 г., возлагались функции центральной республиканской библиотеки. В 1924 г. в связи с укрупнением БССР за счет уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний (до этого они находились в составе РСФСР) библиотечная сеть республики была расширена, в нее вошли находившиеся на присоединенной территории библиотеки, в том числе и вузовская библиотека Горы-Горецкого сельскохозяйственного института. Реализация других прозвучавших в то время предложений об одновременной организации двух крупных и в то время однотипных библиотек — государственной республиканской и университетской — была не только нерациональной, но и практически невозможной, поскольку в республике отсутствовали какие-либо книжные собрания, которые могли бы стать их основой. Организация единой государственной и университетской библиотеки обусловила возможность объединить ассигнования на покупку литературы из бюджетов БГУ и Наркомпроса. Предусматривалось выполнение библиотекой функций центрального библиографического учреждения республики путем организации в ее составе Белорусской книжной палаты и Библиографического бюро.

Комплектование книжного фонда библиотеки БГУ было начато еще в 1919 г. в связи с решением об открытии университета. Сбор научной литературы осуществлялся из различных местных источников. Однако за время оккупации белорусских земель иностранными войсками в 1914—1920 гг. большая часть книг была разворована. Работа возобновилась после освобождения Минска в июле 1920 г., и уже к лету 1921 г. из местных ресурсов было собрано около 40 тыс. книг, которые составили основу фонда университетской библиотеки. Некоторое количество научной литературы приобрела Комиссия по организации университета, работавшая в Москве. Она же подготовила покупку нескольких крупных специальных книжных собраний, которые могли представлять интерес для научной работы. Российская книжная палата предоставила библиотеке БГУ право получать обязательный экземпляр всех выходивших на территории РСФСР изданий. В дар библиотеке БГУ передали свои книжные экземпляры АН РСФСР, другие научные учреждения и высшие учебные заведе-

ния Москвы, Петрограда, Смоленска. Ее фонд также пополнили личные коллекции известных ученых, писателей, общественных деятелей Беларуси: часть книжных коллекций Янки Купалы, профессора Е. Ф. Карского, библиотека этнографа Н. А. Янчука и др.

Огромную роль в организации и становлении университетской библиотеки сыграли ее первые руководители. *Гурвич Евгения Адольфовна*, назначенная на должность заведующей библиотекой 26 июля 1920 г. по постановлению университетской комиссии, была человеком высокой эрудиции и владела семью языками: белорусским, русским, еврейским, польским, французским, немецким и английским. После нее заведующим библиотекой стал *Симановский Иосиф Бенцианович*, получивший высшее литературное образование в Сорбонском и Бернском университетах. Уже 3 ноября 1921 г. он выступил перед профессорско-преподавательским составом БГУ с докладом о работе библиотеки и задачах по ее развитию.

Много внимания уделял становлению Белорусской государственной и университетской библиотеки первый ректор БГУ — *Владимир Иванович Пичета*, который вплоть до своего ухода с поста ректора в 1929 г. был председателем библиотечной комиссии. В своей докладной записке в ЦИК БССР о необходимости комплектования Белорусской государственной и университетской библиотеки старинными белорусскими изданиями он отметил непреходящее значение деятельности первопечатника Ф. Скорины и общекультурную и образовательно-научную миссию Белорусской государственной и университетской библиотеки. Ректор настаивал, чтобы ЦИК БССР обратился с просьбой к советским властным инстанциям Москвы о выделении из союзных книгохранилищ для Белорусской государственной и университетской библиотеки по одному экземпляру имеющихся у них дублетов произведений старинной белорусской печати («издания в пределах этнографической Белоруссии или на так называемом западно-русском языке»). Сам В. И. Пичета из каждой поездки в Москву, Ленинград и другие города Советского Союза или за границу привозил необходимые университету книги.

Благодаря настойчивости руководства БГУ и поддержке со стороны некоторых белорусских партийно-советских вождей (прежде всего А. Г. Червякова), книжные фонды библиотеки за период с октября 1921 г. по конец 1925 г. выросли с 40 тыс. до 220 тыс. томов.

Усиленный рост библиотечных фондов и приток новых читателей вызвали необходимость расширения площадей. В 1923 г. под библиотеку было отдано второе здание, а в 1924 г. реконструирован читальный зал. И в том же 1924 г. число ее читателей возросло с 1171 до 4200 человек. За 1925 г. библиотека обслужила 5820 читателей, которым было выдано 92 766 книг.

Создание Государственной библиотеки БССР

На конец 1925 г. в БССР насчитывалось около 400 библиотек с книжным фондом в 1,5 млн экземпляров. Их посещало 120—130 тыс. читателей, что составляло около 3 % всего населения республики. Развитие библиотечного дела, выразившееся в создании широкой сети специальных и публичных библиотек, которую необходимо было координировать и методически обеспечивать, многогранность деятельности библиотеки в области национальной библиографии и учета национального документа, с одной стороны, и развитие университета, сопровождавшееся созданием его новых учебных и научных подразделений, ростом числа студентов и преподавателей, с другой стороны, привело к принятию Наркомпросом БССР 2 октября 1926 г. постановления «О выделении Белорусской государственной библиотеки в самостоятельную единицу». Библиотека приобрела статус самостоятельного учреждения с названием «Белорусская государственная библиотека», и был утвержден ее новый устав, согласно которому она оставалась центральным государственным книгохранилищем. За библиотекой сохранялись также функции фундаментальной библиотеки БГУ и Института белорусской культуры. В особом разделе устава о филиалах Государственной библиотеки предусматривалось ее право открывать с разрешения Наркомпроса общие и специальные отделения — как самостоятельные, так и при различных государственных и научных учреждениях.

Все эти задачи и функции Государственной библиотеки получили развитие в 1926—1932 гг. Этот период можно считать как бы вторым этапом в ее истории: в особо широких масштабах вырос книжный фонд (с 270 тыс. томов до 1 млн). Государственной библиотеке в 1926 г. был передан практически весь фонд университетской библиотеки. Поэтому в 1934 г. в библиотеке БГУ насчитывалось лишь около 11 тыс. книг и 3 тыс. экземпляров журналов, работало 6 человек.

В связи с ростом библиотечных фондов и развитием библиотеки, в том числе широкой постановкой библиографической работы, а также окончанием строительства нового здания, обеспечившего возможность ее дальнейшего самостоятельного развития, Государственная библиотека к десятилетию своего существования постановлением СНК БССР была реорганизована в Государственную библиотеку и библиографический институт БССР. Тем же постановлением библиотеке было присвоено имя В. И. Ленина.

В 1934 г. в республике помимо Государственной библиотеки БССР имени В. И. Ленина имелось 430 научных и других специальных библиотек с фондом более 2 млн книг. Среди них 45 библиотек научно-исследовательских учреждений с фондом более 400 тыс. томов; 26 вузовских библиотек с фондом в 1 млн 187 тыс. книг; 49 научно-технических

библиотек предприятий с фондом 93 тыс. книг и др. К началу Великой Отечественной войны фонд ФБ БГУ насчитывал 200 тыс. томов. В период оккупации Минска большая часть фонда библиотеки была уничтожена и сожжена, часть наиболее ценной литературы вывезена в Германию.

Возрожденная библиотека Белорусского государственного университета

Начало очередного возрождения университетской библиотеки, как и БГУ в целом, можно отнести к «сходненскому» периоду, когда в 1943 г. университет возобновил свою деятельность на станции Сходня под Москвой. Большую помощь в формировании фонда библиотеки оказали вузы Москвы, Ленинграда, других городов России. К моменту переезда университета в Минск (октябрь 1944 г.) в библиотеке насчитывалось уже около 20 тыс. томов. Развивался университет, развивалась библиотека: пополнялись книжные фонды, открывались новые читальные залы и абонементы, внедрялись новые формы и методы обслуживания.

Сегодня Фундаментальная библиотека БГУ — это крупнейший центр информации, культуры и образования. Задачи, стоящие перед университетом, стремительный рост ежегодно генерируемой информации за последние годы существенно изменили роль библиотеки. С конца 1980-х гг. библиотека модернизирует свою деятельность на основе внедрения новых информационных технологий и средств автоматизации с целью повышения эффективности библиотечного и информационно-библиографического обслуживания пользователей.

Однако университетская библиотека свято оберегает общие принципы и смысл, традиции и опыт, которые выработала многовековая практика библиотечного дела. Она руководствуется тем, что еще с древнейших времен библиотеки были включены в своеобразную эстафету сбора и передачи знаний от поколения к поколению, накопления и сбережения духовного, интеллектуального и эмоционального опыта человечества различных исторических эпох. Менялся доминирующий для того или иного периода времени тип библиотеки, ее организация и спектр выполняемых ею функций, но ее основная миссия всегда заключалась в сохранении и передаче письменного наследия человечества, что было залогом преемственности в его развитии и, следовательно, поступательности самого развития.

Библиотека БГУ, с самого начала следуя своей высокой миссии, формировала традицию бережного отношения к белорусскому культурному наследию, традицию толерантности к разным идейным точкам зрения, была интеллектуальной и духовной основой в процессе познания и в поисках истины. Много раз фонды библиотеки очищались от работ «ерети-

ков», «врагов народа», «диссидентов» и т. п., но никогда сама библиотека не составляла списков запрещенной литературы и всегда стремилась сохранить в своих фондах все рукописное и печатное наследие человечества.

Каждая библиотека имеет свое собственное, с трудом формализуемое «лицо», «черты» которого определяются не столько объемом имеющегося у нее фонда и, как сегодня, компьютеризацией справочно-поискового аппарата, сколько своими интеллектуальными и духовными ресурсами в печатной и электронной форме, профессиональными и личностными качествами своих сотрудников, а также своими пользователями, без которых библиотека «мертва». Несомненно и своеобразие в работе библиотеки Белорусского государственного университета.

Библиотека как система и как субъект информационной деятельности

В библиотеке нет мелочей, каждая ее деталь функциональна: от документов в фонде и оформления ее интерьера до деталей того места, где она расположена. Рассматривая библиотеку как систему, выделяют две концептуально важные ее составляющие: *документ* и *процесс*. Они, в свою очередь, также состоят из определенных частей (например, документ содержит заголовок, а процесс — операцию).

Библиотечные процессы объединены в укрупненные блоки — *библиотечные подсистемы*, основными из которых являются: *комплектование* (приобретение, получение, техническая обработка и учет документов); *каталогизация и систематизация* документов (создание справочно-поискового аппарата и раскрытие содержания документа посредством его библиографического описания или формирования его метаданных); *информационно-библиотечное обслуживание* пользователей библиотеки. Перечисленные подсистемы можно разложить на более мелкие составляющие, а их — на процессы, процессы — на операции. Таким образом, и библиотека как система, и выполняемые ею операции достаточно хорошо формализованы и автоматизируемы на основе применения компьютерной техники.

Сегодня считается, что в библиотеке можно выделить четыре базовых элемента: фонд, персонал, материально-техническую базу и контингент пользователей.

Фонд библиотеки — систематизированное собрание документов, формируемое в соответствии с задачами библиотеки по удовлетворению информационных потребностей ее пользователей с учетом типа библиотеки на основе профиля комплектования.

Персонал библиотеки — сотрудники библиотеки, которые, как правило, имеют определенную специализацию: комплектаторы, каталогизато-

ры, систематизаторы, автоматизаторы, сотрудники отделов обслуживания, администрация библиотеки и др.

К *материально-технической базе* относятся помещения библиотеки, мебель и оборудование, средства механизации и автоматизации библиотечных процессов и т. п.

Контингент пользователей библиотеки определяется ее учредителем и отражен в уставе библиотеки или положении о библиотеке. Контингент пользователей библиотеки БГУ определяется ректором университета, отражен в положении о библиотеке и объединяет студентов и другие категории учащихся в университете, а также преподавателей, научных сотрудников, управленцев и технических работников университета. На основании приказа ректора библиотека БГУ может обслуживать также сотрудников сторонних организаций и другие категории пользователей.

Важным элементом библиотеки является ее *справочно-поисковый аппарат* (*СПА*), формируемый на основе фонда библиотеки, а также других доступных в библиотеке информационных ресурсов. Его цель — предоставление пользователям эффективного инструмента нахождения нужных им документов. Справочно-поисковый аппарат создается в библиотеке в результате *библиографической обработки документов*, которая состоит из таких процессов, как *каталогизация* (описание документа как уникального объекта) и *систематизация* (описание документа как принадлежащего к определенной совокупности объектов, объединенных тем или иным признаком: например, документы, относящиеся к одной области наук и т. п.). Продуктом библиографической деятельности и видами СПА являются библиографические (чаще называемые библиотечными) каталоги, а также картотеки, указатели, пособия и т. п.

Слово «библиография» (греч. *biblion* — книга + *graphō* — пишу) появилось не позднее V в. до н. э. и имеет несколько значений. Так, библиографией называют и продукцию библиографической деятельности, например библиографический список, библиографический указатель, библиографический обзор, и науку об этой деятельности. Предметом науки библиографии является информация о документах, а объектом — сами документы. Библиография — это неотъемлемая часть *информационной деятельности*, связанной с целенаправленным производством, распространением, хранением и использованием информации в обществе. Она отвечает в этом процессе за эффективность (возможность) одномоментного охвата всей имеющейся в обществе информации, т. е. за создание своеобразной библиографической картины (модели) мира.

Главная особенность информационной деятельности заключается в том, что она выступает своеобразным духовным посредником в обществе, между отдельными людьми, обеспечивая всех и каждого необходимой информацией. Поэтому сейчас средства информационной коммуникации все чаще называют латинским словом «*media*» (средний, посредник),

а применительно к системе массовой коммуникации — «*mass media*». Тем самым как бы подчеркивается важная роль информационной деятельности, которая, с одной стороны, через информацию опосредствует для общества все достижения материальной и духовной культуры, а с другой стороны, обеспечивает общество информацией и, следовательно, делает более осознанным и эффективным процесс его социально-экономического развития.

На современном этапе информационная деятельность представляет собой сложную структурированную систему. В идеальном случае она должна представлять собой модель мира со всеми уже известными его закономерностями и связями, систему, в которой всегда имелось бы место для непрерывно поступающей новой информации, систему, которая может дать ответ на любой вопрос, относящийся к любому когда-либо и где-либо изученному явлению.

В силу своей особой социальной важности и сложности осуществляемых процессов, а также использования множества методов, форм и средств информационная деятельность на определенном историко-культурном этапе развития общества порождает особый вид деятельности — библиографию (библиографическую деятельность). Необходимость ее обусловлена задачей *управления информационной деятельностью*, без чего последняя теряет свою целенаправленность и эффективность. Библиография выполняет в информационной деятельности мировоззренческую роль, поскольку осуществляет управление именно обобщенной информацией об объекте своего воздействия. Другими словами, библиография является управляющей подсистемой информационной деятельности, которая и есть тот самый социальный объект как управляемая подсистема.

Важной областью применения библиографии является обеспечение эффективного поиска информации, знаний, содержащихся в документах, хранящихся в различной форме и в разных местах. Одним из наиболее распространенных видов информационного поиска в образовательной и научной деятельности является тематический, когда необходимо найти некоторую (желательно полную) информацию по той или иной области знаний. Любая наука представляет собой стройную систему понятий, в которой все они связаны между собой, переходят друг в друга. Все понятия непосредственно закрепляются и выражаются в языковой форме — в виде отдельных слов или словосочетаний. В научной практике такие языковые формы, выражающие точное обозначение одного определенного понятия, называются *терминами* (лат. *terminus* — предел, конец, граница). Одним из главных качеств научного термина является его устойчивая однозначность, естественно, в определенных конкретно-исторических условиях. Совокупность терминов той или иной области профессиональной (в том числе и научной) деятельности образует терминосистему, необходимую для проведения эффективного поиска документов, содержание которых

связано с той или иной тематикой данного вида деятельности. Терминосистемы могут быть представлены в виде *тезаурусов* (греч. *thēsauros* — запас) или в виде части системной или предметной классификации знаний об окружающем мире и человеке. Причем важно учитывать, что терминосистема исторична, т. е. постоянно видоизменяется, пополняется, а понятия уточняются, углубляются и совершенствуются.

В библиотеках системные классификации по научным дисциплинам применяются не только для информационного поиска, но и при расстановке библиотечного фонда по содержанию книг, а не, например, по их формату. Такая расстановка фонда, будучи достаточно простой и понятной читателям, позволила в свое время внедрить концепцию открытого доступа читателей к фонду библиотеки. В свою очередь, открытый доступ к фонду позволяет читателю «открыть» для себя неизвестные ему ранее издания по данной теме, самому отобрать те издания, которые представляют для него наибольший интерес. Возможность ознакомиться с литературой в открытом доступе означает, что все издания, имеющиеся в библиотеке, должны быть выставлены на открытых для читателя полках без ограничения доступа к ним. Открытый доступ отражает не только определенный метод расстановки фонда и, соответственно, обслуживания читателей — он является воплощением определенных педагогических представлений о том, что, предоставляя читателям литературу из своих фондов, общедоступная библиотека должна быть абсолютна нейтральна. Читатель имеет право выбора, и библиотека не должна оказывать на него давления. Открытый доступ символизирует право человека на свободный и открытый обмен идеями.

Библиография в потоке информационной коммуникации. Технологии использования и управления

Традиционно с библиографией связывают такой документ, как *печатная книга*, которая рассматривается в качестве универсального средства информационного общения, а печатное культурное наследие часто называют графической памятью человечества, графической моделью культуры. В то же время печатная книга — это только одна из форм зафиксированной на материальном носителе информации. Объектом библиографии могут быть и рукописи, и «электронные книги». Главным, что определяет объект библиографии, является социальная значимость информации, записанной на том или другом материальном носителе. В самом простом определении под «*социальной информацией*» следует понимать «отражаемое в общественном и индивидуальном сознании содержание объективного мира», а под *информацией* — духовную, идеальную составляющую общественной деятельности.

Электронные, или экранные (кино, телевидение, компьютерные мониторы), средства информационной деятельности не отменяют предшествующие, созданные человечеством в процессе культурно-исторического развития. Каждый этап этого развития характеризуется появлением определенных средств информационного общения, основными из которых являются словесность, письменность, рукописная книга, печатная книга (книгопечатание), «электронная книга». Эти средства коммуникации отражают определенные качественные изменения, диалектические скачки, переходы в развитии одного и того же социального явления — информационной деятельности (общения, коммуникации). Но каждая исторически новая форма этого явления не отменяет, не отрицает старое, а всякий раз выражает преемственность развития, переход на более высокую ступень, сохраняя в своем развитии все положительное, прогрессивное от предшествующих форм информационного общения.

В условиях современного научно-технического прогресса в библиографии все шире используются достижения информационной технологии. Помимо традиционных книжных форм воспроизведения библиографической информации создаются новые. Таковыми сегодня можно считать автоматизированные информационно-поисковые системы (ИПС), базы данных (БД), банки знаний (БЗ), экспертные системы (ЭС), системы искусственного интеллекта (ИИ) и др. В электронных библиотеках (репозитариях), получивших широкое распространение в последние годы, роль центрального аппарата управления выполняют базы метаданных. Таким образом, библиография продолжает оказывать свое управленческое воздействие на всю систему средств информационной деятельности в современном обществе.

Чтобы осуществлять информационное управление, библиография должна была создать свои специфические методы, формы и средства. Культурно-исторически они появляются уже в далекой древности, сначала как неотъемлемая часть самих средств информационного общения — письменного документа и рукописной книги, затем как абстрагированные от документа его наиболее существенные характеристики (свойства, признаки и т. п.), которые позволяют идентифицировать, «узнавать» конкретный документ путем его сравнения (отождествления) с такими же абстрагированными от других документов характеристиками. Так формируется заглавие книги, а затем и другие ее титульные элементы. Со временем в каждой книге, наряду с соответствующим литературным, знаковым произведением, в качестве составной ее части появляется особая подсистема, которая ныне называется «*аппарат книги*». Благодаря аппарату создаются более эффективные средства использования книги в обществе.

Например, заглавия самых древних из дошедших до нас глиняных «книг» (табличек) из библиотеки ассирийского царя Ашшурбанипала составляли первые слова текста. Самый знаменитый в Древнем Двуречье

эпос о Гильгамеше, составной частью которого был рассказ о всемирном потопе, вошедший затем в Библию, начинался словами «Об увидевшем все». Эти первые слова и были заглавием эпоса, повторенным на каждой из 12 табличек, его составивших. Чтобы иметь возможность пользоваться библиотекой Ашшурбанипала, в фонд которой вошли десятки тысяч глиняных «книг», нужен был каталог: он и состоял из перечня заглавий книг (первых слов текста), оформленного по определенной схеме классификации. До нас дошли фрагменты каталогов еще более древнего происхождения. В частности, в музеях США и Франции хранятся глиняные таблички каталогов шумерских библиотек, относящиеся ко 2-му тыс. до н. э. Именно каталоги библиотек являются самым первым средством информационного управления (или библиографии) основным книжным фондом. Они создаются на базе определенной информации о книгах.

Со временем такая информация приобретает более сложный характер. В фондах Александрийской библиотеки эпохи эллинизма хранились папирусные «книги», имевшие собственные названия: например, «Физика», «Поэтика», «О небесах» древнегреческого философа Аристотеля и др. Это уже не первые слова текста, а краткое определение его содержания. Каталог Александрийской библиотеки имел характер сложного литературного произведения. Составлен он был видным поэтом и ученым *Каллимахом* (*ок. 310 — ок. 240 гг. до н. э.*) в 120 томах и назывался «Таблицы тех, кто прославился во всех областях знания, и того, что они написали». До нас этот каталог дошел лишь в отдельных фрагментах. Но важно, что для каждой книги в нем приводился автор, причем с кратким жизнеописанием; заглавие, порой с развернутой характеристикой содержания, с указанием лучшей книги на данную тему; литературный жанр и др. «Таблицы» Каллимаха послужили образцом для последующих библиографических трудов, причем без привязки к определенному библиотечному фонду. Они представляли собой как бы специфический по своему литературному исполнению свод всех имевшихся книг на данный момент времени. Характеристики отдельных книг были систематизированы чаще всего в хронологической последовательности.

Так было положено начало формированию особых знаковых форм, литературных жанров библиографии, своего рода библиографических книг, назначением которых было служить средством определенного воздействия на информационную деятельность (книжное дело) с целью эффективного и качественного использования информации как духовного результата и содержания общественной деятельности. Первоначально это были описания книг, с той или иной полнотой перечислявшие наиболее существенные формальные характеристики, такие как автор, заглавие, жанр, объем, время создания и т. д. С ростом книжной производительности, особенно с внедрением книгопечатания, описательной характеристики книг становилось уже недостаточно. Появляются новые средства информационно-

го управления, основанные на логической переработке, *свертывании* содержания книг. Речь идет о таких известных сейчас литературных жанрах, как аннотация, реферат, рецензия. Они могут иметь как единичный характер — относительно одной или нескольких книг, так и сводный — включать любое множество книг. В последнем случае сформировались свои, более емкие жанры информационного управления — библиографические списки, указатели, справочники, обзоры и т. д.

Постоянно изменяются облик библиотеки, характер организации и ведения ее фондов, виды осуществляемого ею обслуживания. Но неизменными на протяжении тысячелетий остаются первичные функции любой библиотеки: *фондообразование* (сбор и хранение документов) и информационное *обслуживание* (обеспечение *доступа* к документам). Понятием «*документы*» обобщены и глиняная табличка, и изобретенные впоследствии папирусный и пергаментный свиток, рукописная и печатная книга, а также современные текстовые, аудио- и видеофайлы на машиночитаемых носителях. Чтобы хранимый в библиотеке документ стал актом коммуникации, актом информационного обмена, актом передачи знания, необходимо соблюдение ряда условий. Необходим пользователь, который задал бы вопрос, соответствующий содержимому документа. Необходим автор, который бы перед этим изложил сведения, знания, соответствующие запросу пользователя. Необходим создатель документа (им может быть и сам автор), который бы создал документ в форме, удобной для воспроизведения хранимой в нем информации. Необходим библиотекарь (информационный посредник), который бы обеспечил сохранность документа в течение продолжительного времени и механизмы его нахождения. Важно, чтобы у пользователя была сформирована соответствующая информационная и читательская культура, чтобы он мог документ найти, а содержимое документа извлечь и усвоить достаточно полно.

Документы объективно существовали, существуют и развиваются в органическом триединстве *содержания*, *семиотической формы* и *материальной конструкции* (носителя). Соответственно и книга в широком понимании есть культурно-исторически сложившийся и развивающийся способ (форма, средство) информационного общения, объективно реализуемый в диалектическом единстве содержания (социальная информация), знаковой формы (язык, литература, искусство и т. п.) и материальной конструкции (бумажный кодекс, экран и т. п.).

Сущность, формы и свойства информации

Под содержанием документа мы понимаем информацию, которую он содержит. Термин «*информация*» (лат. *informatio* — осведомление, разъяснение, изложение; или лат. *informare* — придавать форму) относится к

числу наиболее употребляемых и в то же время не имеет общепринятого определения. Под этим термином подразумевается множество значений, из которых наиболее употребительное — сведения или сообщения (данные) независимо от формы их представления. Согласно кибернетической концепции Норберта Винера (1894—1964), информация — это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств». Следовательно, информацию можно рассматривать как некоторое знание, имеющее одну ценностную меру по отношению к внешнему миру (*семантический аспект*) и другую — по отношению к ее получателю (пользователю) и накопленному им знанию (*прагматический аспект*).

Информация может существовать в двух формах — скрытой, которую можно назвать *потенциальной*, и явной, актуальной, которая возможна лишь при наличии субъекта, способного ее уловить, извлечь, оценить и использовать, — *социальной*. Таким образом, *социальная информация* представляет собой продукт познания человеком окружающего мира. Познавая природную (скрытую) информацию, человек не только переводит ее в социальную, но и сам производит и расширяет ее.

Социальная информация передается в человеческом обществе и активно участвует в формировании общественного сознания. Ей присущи свойства, отличающие ее от материальных объектов. Эти свойства делятся на атрибутивные и ценностные. *Атрибутивные свойства* социальной информации объективны, к ним относятся:

- способность умножать разнообразие материального мира, а также путем образования информационных связей упорядочивать это многообразие, приводя к его качественной определенности;
- неотделимость материального носителя и языковой природы информации;
- дискретность — свойство передаваться, храниться и использоваться по частям;
- избыточность — свойство многократно дублироваться в структуре материальных носителей, гарантирующее устойчивость и надежность передачи информации;
- рассеяние — свойство, способствующее хаотичному, неконтролируемому распространению информации во времени и пространстве, вследствие чего затрудняется ее использование;
- концентрация — сужение поля возможного распространения информации, ограничение ее распространения различного рода «рамками». Одновременно это свойство характеризует способность информации накапливаться, сохраняться во времени путем отражения в структуре материальных носителей.

Помимо перечисленных атрибутивных свойств информация обладает также рядом *ценностных свойств*, характеризующих степень ее полезно-

сти (относительной) для потребителя. Уровень полезности социальной информации определяется степенью ее воздействия на воспринимающего субъекта. Если индивид, получивший информацию, приобрел необходимые ему знания, выработал правильное поведение, испытал эмоциональное удовлетворение и т. д., то информацию следует считать полезной.

Поскольку любая информация для кого-то всегда будет новой, то информацией можно считать любые сведения, которыми обладает человечество. Провести грань между информацией и знаниями сложно. Слово «знание» чаще употребляется для обозначения сложившихся, проверенных, приведенных в систему сведений, во многом обобщенных — до уровня законов природы, общества и мышления. Знание является результатом познавательной (научной и учебной) деятельности. Информация — это и все знание, и в то же время самая активная, меняющаяся, распространяемая его часть. Информация преобразуется в знание, которое, в свою очередь, становится информацией для кого-либо. Главное в информации — ее содержание, но давно подмечено, что ему сопутствуют эмоции передачи и восприятия, что существует многообразие способов фиксации и восприятия информации, извлечения информации из структуры, форм сообщения.

К прагматическим свойствам социальной информации относится ее *полнота*. Она определяется степенью адекватности воспроизведения источника информации в материальном носителе. Отражение не совсем полное, но воспроизводящее в наибольшей степени те стороны субъекта, которые характеризуют его, обеспечивает *достоверность* информации. Полнота включает в себя достоверность, но достоверность — не всегда полнота. Понятие «достоверность» важно для определения понятия «дезинформация», которое рассматривается как преднамеренное искажение содержания информации. Причем это не обязательно ложный факт, он может быть вполне реальным, но либо его значение искажено (преувеличено или преуменьшено), либо акцент сделан не на наиболее важных и характерных сторонах явления или объекта, а на его случайных, второстепенных деталях.

Постепенное уменьшение достоверности информации может быть связано с ее *устареванием*. Это тоже прагматическое свойство социальной информации. Информация устаревает по двум причинам: она уже доведена до индивида и повторное сообщение фактов воспринимается им как устаревшая информация; изменения в природе и обществе могут происходить быстрее, чем распространение информации по каналам коммуникаций, и сообщение в момент его получения будет содержать определенную долю недостоверной информации об уже изменившем свое качественное состояние объекте.

Окружая себя социальной информацией, человек запечатлевает в ней собственное отражение, творит, созидая свою сущность, по определению академика *В. И. Вернадского* (1863—1945), *ноосферу*, своего рода макросистему «социальная информация — человек». Взаимосвязь между двумя этими компонентами неоднозначна и противоречива. С одной стороны, человек творит социальную информацию, умножает ее в соответствии со своей сущностью. С другой — социальная информация творит человека, развивает его, управляет его поведением, сопровождает его деятельность. Это противоречие служит источником саморазвития системы «социальная информация — человек», которая приобретает все более значительные масштабы, воздействуя на материальный мир.

Объем и качество воспринимаемой информации зависят от того, насколько воспринимающий субъект подготовлен к ее восприятию. В данном случае важны общие знания о внешнем мире, накопленные субъектом, воспринимающим информацию, его способность воспринимать те или иные сообщения.

Семиотическая форма документа, т. е. форма передачи информации одним человеком другому, представляет собой ту или иную систему знаков, в качестве которой могут использоваться естественный, разговорный язык, различные виды письменности, языки программирования, физическая и химическая символика, логические и математические исчисления и т. п. Различные свойства знаковых систем изучает комплекс наук, называемый *семиотикой* (греч. *sēmeiōtikē* — учение о знаках), в котором можно выделить:

• *синтактику* — раздел семиотики, изучающий синтаксис различных знаковых систем, т. е. структуру сочетаний знаков и правила их образования и преобразования безотносительно к их значениям и каким бы то ни было функциям знаковых систем. *Синтаксис* (греч. *syntaxis* — составление) — часть грамматики, изучающая структуру предложения и сочетания слов в предложении;

• *семантику* (греч. *sēmantikos* — обозначающий) — раздел семиотики, изучающий знаковые системы как средства выражения смысла, т. е. правила интерпретации знаков и составленных из них выражений;

• *прагматику* (греч. *pragma* — дело, действие) — направление семиотики, изучающее отношения между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется.

В качестве материальной конструкции документа в истории человечества использовались глина, камень, папирус, пергамен (пергамент), бумага, микрофиша, микрофильм, магнитная лента, другие машиночитаемые носители информации. Различная материальная конструкция документа требовала и соответствующего оборудования в библиотеке для хранения документов и их использования.

Читатель и чтение: характеристики и функции коммуникативного процесса

Общение — сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека. Продуктивное общение приводит не просто к «движению» информации, но к уточнению и обогащению тех знаний, сведений, мнений, которыми обмениваются люди. Важной характеристикой *коммуникативного процесса* (лат. *communico* — делаю общим, связываю, общаюсь) является намерение его участников повлиять друг на друга, воздействовать на поведение другого, обеспечить свою идеальную представленность в другом (персонализацию). Необходимым условием этого выступает не просто использование единого языка, но и одинаковое понимание ситуации, в которой происходит общение. Основные функции коммуникативного процесса состоят в достижении социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента.

При изучении коммуникации выявляется роль коммуникативных барьеров — психологических препятствий на пути распространения и принятия информации, возникающих по разным причинам (предубеждения, социальные, политические, нравственные, профессиональные и иные различия между людьми — в частности, между источником информации и ее адресатом и т. п.)

Чтение является сложным психическим процессом смыслового восприятия письменной речи, ее понимания. Сложность этого процесса обусловлена его неоднородностью: с одной стороны, чтение — это непосредственное чувственное познание, а с другой — опосредствованное отражение действительности. Оно является сложной деятельностью, включающей такие высшие психические функции, как смысловое восприятие и внимание, память и мышление. В процессе чтения, как и в процессе общения, могут возникать *смысловые барьеры* — несовпадение смыслов высказанного требования, просьбы или приказа у партнеров в общении, создающее препятствие для их взаимопонимания и взаимодействия. Читательская аудитория весьма сложна, как сложен и отдельный человек со своими индивидуальными читательскими интересами, потребностями и мотивами чтения. И единой универсальной классификации читателей быть не может. Но изучать читательские потребности и реагировать на них, вести мониторинг читательской (студенческой) аудитории и способствовать читательскому развитию необходимо. К этому обязывает

и присутствие в названии вузовской библиотеки слова «научная», и требование современного высшего образования сформировать у студента критическое мышление, которое ему необходимо для образования «в течение всей жизни», постоянного самообразования.

Обосновывая идею создания всемирной цифровой библиотеки, директор библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон сказал: «Основная идея всемирной цифровой библиотеки — это представление в ней главных документов каждой страны и каждой культуры, чтобы отразить в ней историю каждой из них — людям нравятся истории других людей. Истории объединяют людей. Теории же их разъединяют».

Современная университетская библиотека: миссия, цель и задачи

В библиотечной классификации *университетская библиотека* относится к библиотекам учебных заведений, а также к научным библиотекам — и те и другие, в свою очередь, являются видами специальных библиотек. *Специальная библиотека* — библиотека, обеспечивающая профессиональные потребности пользователей и иные специфические потребности особых групп читателей на основе соответствующего фонда и информационно-поискового аппарата. Наряду с библиотеками учебных заведений и научными библиотеками, например библиотеками отраслевых научно-исследовательских институтов, техническими библиотеками предприятий, организаций и учреждений, сельскохозяйственными и медицинскими библиотеками, к специальным библиотекам относятся библиотеки законодательных, представительных и исполнительных органов власти и др.

Помимо специальных другой большой класс библиотек образуют *библиотеки общие*, среди которых наиболее широко представлены *публичные библиотеки* (областные, городские и районные).

Специфика университетской библиотеки заключается в том, что она является частью университета. И этим определяются ее миссия, цель, задачи, состав фонда и предлагаемые ею формы информационно-библиотечного обслуживания. Кроме того, она обслуживает контингент пользователей, пребывание которых в университете также имеет конкретные цели и задачи, определяемые как самими обучаемыми, преподавателями и научными сотрудниками университета, так и государством (через систему государственной идеологии) и административными органами управления.

Коллективом Фундаментальной библиотеки БГУ определены приоритетные направления работы, которые сформулированы в миссии, утвержденной на заседании Совета библиотеки в марте 2010 г.

Общепринятым считается рассматривать университетскую библиотеку как своеобразный символ всего университета и демонстрировать ее гостям и зарубежным делегациям. Поскольку в основе любого вида человеческой деятельности лежит обработка информации, а университетская библиотека является в этом плане интегрирующей и публичной частью университета, то по состоянию библиотеки принято судить о состоянии дел в университете в целом.

Многие существенные черты университета находят свое отражение в деятельности университетской библиотеки. Так, универсальность преподаваемых в университете дисциплин определяет универсальность как фонда самой университетской библиотеки, так и тематики баз данных, доступных по подписке. Характерная для университета корпоративность преподавателей, студентов, научных кадров, различных служб находит свое отражение в производственных взаимосвязях университетской библиотеки с рядом как основных, так и вспомогательных подразделений университета. Служение знанию для университетской библиотеки заключается в комплектовании ее фондов документами, отвечающими потребностям научного и образовательного процессов в университете, научной обработке документов и раскрытии их содержания для эффективного нахождения нужной информации. Особая университетская среда, для которой характерны либерализм, открытость, готовность прийти на помощь в решении связанных с наукой или образованием вопросов, находит в университетской библиотеке свое отражение в реализации концепции открытого доступа пользователей к ее фонду, деятельности справочно-информационных служб и т. п. Такая важная составляющая университета, как его традиции, выражается в организации библиотекой книжных выставок, приуроченных к юбилейным датам в жизни преподавателей и ученых университета, его учебных и научных подразделений, в издании библиографических указателей и т. п.

Поэтому миссия Фундаментальной библиотеки БГУ заключается в создании эргономичной информационно-библиотечной среды для культурной, познавательной, учебной, преподавательской и научной работы студентов, преподавателей, ученых, сотрудников университета и библиотечного персонала, а также для других категорий пользователей. Важно обеспечить их доступ к информационным ресурсам, имеющимся как в стенах библиотеки, так и за ее пределами. Выполнение миссии ФБ БГУ возможно при условии ее эффективного и гармоничного насыщения информационными фондами на различных носителях, традиционными и новыми технологиями поиска информации и библиотечно-информационного обслуживания пользователей библиотеки с возможностью удаленного доступа к информационным ресурсам. Библиотека должна аккумулировать знание и обеспечивать доступ к нему, способствовать культурному, нравственному и интеллектуальному развитию своих пользователей.

Разнообразие фондов Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета

По объему своих книжно-информационных фондов ФБ БГУ является одной из крупнейших библиотек Беларуси, уступая только Национальной библиотеке Республики Беларусь, Центральной научной библиотеке НАН Беларуси и Республиканской научно-технической библиотеке. Среди вузовских библиотек фонды ФБ БГУ сравнимы только с фондами Научной библиотеки Белорусского национального технического университета.

В Фундаментальной библиотеке БГУ насчитывается *более 2 млн экземпляров* универсальных по тематике документов, хранящихся на различных носителях. Фонды укомплектованы в соответствии с задачами университета, учебными планами, планами научной деятельности и воспитательной работы. Собрания документов размещаются в основном книгохранилище библиотеки, отделах обслуживания факультетов и в других структурных подразделениях библиотеки. В составе основного фонда ФБ БГУ несколько отдельных фондов, имеющих конкретное предназначение.

Фонд редких и ценных книг представляет большой интерес для всех пользователей и является гордостью библиотеки. В нем хранятся уникальные издания — 13 782 экземпляров старинных книг и около 10 тыс. экземпляров журналов дореволюционных лет выпуска. По содержанию фонд универсален. Хронологический охват фонда датируется с 1580 по 1945 г. Экземпляры, изданные в XVI—XVII вв., единичны, старопечатных книг — около 300, а основное ядро фонда составляют издания XIX — начала XX в. (тексты воспроизведены кириллицей, готическим, русским гражданским шрифтами, латиницей) и русские периодические издания до 1917 г.

В фонде выделены коллекции старопечатных изданий (до 1830 г.); революционной печати и первых лет советской власти; прижизненных и особо ценных изданий работ классиков литературы, искусства, науки; изданий, являющихся образцами художественного оформления и полиграфического исполнения; репринтов и факсимиле; изданий с автографами известных деятелей литературы, науки, общественной жизни, профессоров и преподавателей БГУ и др.

При посещении отдела редкой и ценной книги, который в структуре библиотеки обслуживает соответствующий фонд, особое чувство прикосновения к прошлому вызывают коллекции национального документа и белоруссики: «Белорусский архив древних грамот», изданный в 1824 г. в типографии С. Селивановского, прижизненные издания первого ректора БГУ В. И. Пичеты. В отделе хранятся труды Е. Ф. Карского, А. П. Сапунова, В. П. Шейна, первые издания классиков белорусской литературы Я. Купалы, Я. Колоса, Тётки и др. Интерес для исследователей книги

представляет коллекция с автографами авторов. Среди них «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича: экземпляр, которым владеет библиотека, интересен тем, что на форзаце книги в стихотворной форме размещен ответ автора на критику словаря известным языковедом того времени И. И. Срезневским.

Библиотека гордится первым учебником по математике «Арифметика сиречь наука числительная» Л. Магницкого, экземпляром труда М. В. Ломоносова «Древняя российская история» и другими не менее ценными изданиями. Также имеется коллекция миниатюрных книг (примерно 10 тыс. экземпляров) — так называемые книги-малютки. В фонде отдела редкой и ценной книги хранятся издания по истории БГУ, научные и учебные книги, написанные преподавателями университета. Важно, что большая часть из них с дарственными надписями.

В целях обеспечения сохранности редких и ценных документов, используемых в учебном и научном процессах, в отделе осуществляется их оцифровка. Оцифрованные документы размещаются в электронной библиотеке БГУ (http://www.elib.bsu.by/handle/123456789/4).

Фонд учебных изданий представляет значительную часть общего фонда ФБ БГУ. В него входят учебные издания, используемые в учебном процессе. А это более 790 тыс. экземпляров (39 % от общего фонда) по всем дисциплинам, специальностям и специализациям университета. Известно, что учебное издание — издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания. К учебным изданиям относятся: учебники, учебные пособия, учебно-методические пособия, учебные наглядные пособия, самоучители, хрестоматии, практикумы, задачники. Активное использование в университете информационных технологий способствует постоянному увеличению числа электронных учебных изданий. Современное учебное электронное издание содержит систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в электронной форме, удобной для изучения и преподавания. Различают аналог печатного издания и самостоятельное электронное издание.

Фонд научных изданий ФБ БГУ насчитывал в 2010 г. 678 631 экземпляр (33 % от общего количества). Он составлен из изданий, предназначенных для научной работы. Важнейшей характеристикой научных изданий является то, что в них содержатся результаты теоретических и (или) экспериментальных исследований, а также научно подготовленные к публикации памятники культуры и исторические документы. К научным изданиям относятся: монографии, сборники научных трудов, материалы конференций, съездов, симпозиумов, статьи из периодических научных журналов, сборников и диссертаций. *Фонд диссертаций*, защищенных в Белорусском

государственном университете, и *фонд отчетов научно-исследовательских работ* насчитывали в 2010 г. 10 303 экземпляра.

Информационную и культурную ценность представляют созданные на базе ФБ БГУ депозитарные *фонды Организации Объединенных Наций и Международного валютного фонда* (*ООН и МВФ*), позволяющие пользователям работать с первоисточниками документов и публикациями важнейших международных организаций: статистическими ежегодниками, материалами конференций, семинаров, симпозиумов, сборниками договоров, периодическими изданиями на русском и английском языках. Материалы представлены не только в печатном варианте, но и на компакт-дисках. Депозитарная библиотека размещается на базе отдела обслуживания факультета международных отношений и доступна пользователям со всей республики.

Фонд периодических изданий библиотеки насчитывал в 2010 г. 287 245 экземпляров журналов и газет. Фундаментальной библиотекой осуществляется подписка более чем на 700 названий журналов и газет, которые распределяются в научный читальный зал и читальные залы факультетов по их профилю. Научные журналы, представляющие интерес для университета, а также некоторые центральные газеты хранятся в библиотеке постоянно. Информация о месте и сроках хранения журналов отражается в электронном каталоге.

Электронные версии периодических изданий широко представлены в базах данных, доступных в пределах сети университета (http://www.library.bsu.by/?vpath=/resource/databases/databases_internet/).

Система библиотечно-информационного обслуживания в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета

Все услуги и информационные ресурсы Фундаментальной библиотеки БГУ направлены на удовлетворение образовательных и информационных потребностей студентов, преподавателей, ученых университета.

Выполняя свою миссию, ФБ БГУ обеспечивает доступ пользователей к образовательным и научным информационным ресурсам, находящимся в ее распоряжении, а также к ресурсам библиотечно-информационных учреждений Беларуси, стран СНГ и дальнего зарубежья. Библиотека предлагает своим пользователям более 30 видов основных и дополнительных библиотечно-информационных услуг как непосредственно в стенах библиотеки, так и виртуально через интернет-портал и службу электронной доставки документов (ЭДД) (http://www.library.bsu.by/?vpath=/resource/paidservices/). Обслуживание пользователей библиотеки осуществляется

в соответствии с Правилами пользования Фундаментальной библиотекой БГУ (http://www.library.bsu.by/?vpath=/about/instructions/).

Наиболее востребованной услугой библиотеки с начала ее существования и до сегодняшнего дня остается выдача во временное пользование в читальных залах и на абонементах печатных изданий и других документов из библиотечного фонда. Так, студенты механико-математического, физического, исторического, географического факультетов, факультета прикладной математики учебники и учебные пособия получают на *абонементе учебной литературы* (главный корпус, пр. Независимости, 4). А студенты других факультетов — на абонементах отделов обслуживания своих факультетов.

В целях более оперативного обслуживания студентов учебными изданиями в библиотеке с конца 1980-х гг. используется *групповой метод обслуживания*: в начале учебного года студент получает комплект учебных изданий, сформированный в соответствии с учебными планами дисциплин, которые преподаются на том или ином факультете. В течение учебного года на абонементах студентам в индивидуальном порядке предлагается дополнительная учебная литература. Для серьезной подготовки к семинарским занятиям или достойного выступления на заседании научного студенческого сообщества, при написании курсовых работ, докладов, для проведения научных исследований востребована научная, научно-популярная, научно-методическая литература.

Научные и научно-популярные издания, а также литература для досуга и самообразования предлагается пользователям на абонементе *отдела научной и художественной литературы* (непосредственно из фонда отдела или из *отдела книгохранения*) при оформлении заказа установленного образца на издание, а также на абонементах факультетских библиотек. Научная литература выдается сроком на один месяц, художественная литература — на 15 дней. Научную литературу можно заказать из отдела книгохранения в читальные залы библиотеки.

В распоряжении пользователей библиотеки 15 читальных залов на 684 посадочных места, а также медиабиблиотека.

Фонды читальных залов отделов обслуживания библиотеки укомплектованы учебной литературой по профилю факультетов, справочными и научно-популярными изданиями, которые наиболее часто востребованы читателями. В читальные залы поступают журналы и газеты, которые хранятся в течение трех лет (затем они передаются в отдел книгохранения и выдаются пользователям по их запросам). По предъявлению студенческого билета или иного документа, подтверждающего принадлежность к БГУ, пользователи могут работать в читальных залах любого факультета.

Практически во всех читальных залах оборудованы автоматизированные рабочие места с возможностью доступа к электронным информационным ресурсам библиотеки, университета, сети Интернет. В читальных

залах предоставляются дополнительные услуги: выдача изданий из фонда читального зала на ночь и на выходные, выдача изданий из читальных залов библиотеки на один час в течение рабочего времени и др.

Студенческий читальный зал, которым пользуются практически все студенты БГУ, расположен на третьем этаже главного корпуса университета. Здесь осуществляется заказ любого документа из отдела книгохранения библиотеки.

Читальный зал для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов предназначен для работы в первую очередь этого состава пользователей, а также студентов-дипломников университета. Студенты других курсов обращаются сюда в том случае, если необходимое издание приобретено в единственном экземпляре и хранится в этом читальном зале. В его фонд поступают диссертации, находящиеся на предзащите, и только в этом зале можно заказать диссертации из отдела книгохранения. В читальном зале к научным журналам, справочной литературе, авторефератам диссертаций (за последние три года) организован открытый доступ. Оборудованы автоматизированные рабочие места, имеется оборудование для сканирования документов.

Чтобы предоставить доступ пользователям к периодическим изданиям и создать им более комфортные условия работы, в библиотеке открыты *залы периодических изданий*: в Институте журналистики БГУ и на факультете философии и социальных наук, юридическом и географическом факультетах. А в *зале справочно-библиографического обслуживания* (*СБО*) сосредоточен основной справочно-поисковый аппарат Фундаментальной библиотеки БГУ: каталоги (карточные и электронные), справочно-библиографический и информационный фонд, который состоит из справочных изданий — энциклопедий, справочников (универсальных, отраслевых, специальных). Пользователям зала предлагаются как основные (оказание помощи в поиске необходимой информации; консультирование по использованию справочно-поискового аппарата; пользование справочными и информационными изданиями в зале СБО), так и дополнительные (составление библиографических списков по запросам потребителей, редактирование описаний в библиографических списках к научным, дипломным, курсовым работам и др.) услуги.

Зал электронных информационных ресурсов расположен в ауд. 206 главного корпуса университета и предназначен для всех пользователей библиотеки. В нем оборудовано 36 автоматизированных рабочих мест. Основное предназначение зала — обеспечение доступа к научным и образовательным ресурсам сети Интернет, Фундаментальной библиотеки и университета в целом.

Многие книги и журналы издаются с приложениями в электронном виде (CD-ROM, DVD-ROM). Такие издания можно заказать из отдела книгохранения и других подразделений библиотеки в зал электрон-

ных информационных ресурсов для одновременной работы с печатным изданием и электронным приложением к нему. В помощь работе на компьютере в зале сформирован фонд вспомогательной литературы: новые журналы по компьютерной технике и программированию, учебно-практические пособия в помощь пользователю персонального компьютера. Каждый пользователь может получить консультацию по методам поиска информации в электронных информационных ресурсах Фундаментальной библиотеки.

Медиабиблиотека расположена по ул. Кальварийской, 9 (каб. 108) в корпусе Института журналистики БГУ. В ней реализована современная концепция библиотеки открытого пространства — открытый доступ к информации на традиционных, бумажных носителях, а также к электронным ресурсам ФБ БГУ и в сети Интернет. Медиабиблиотека имеет 120 посадочных мест (из них 35 оборудованы персональными компьютерами). Открытый доступ к фонду является наиболее оптимальным вариантом взаимодействия в системе «пользователь — библиотека — информация», так как дает возможность самостоятельно ориентироваться в книжном фонде, пользоваться информационными источниками как в печатном, так и электронном виде. Возможно ксерокопировать или сканировать нужный материал, работать с ним на компьютере.

Расширить возможности получения документов в электронном виде помогает *служба электронной доставки документов*. Под электронной доставкой документов понимают передачу статьи из периодического издания; главы, раздела или параграфа из книги; фрагмента полнотекстовых баз данных в форме оцифрованных изображений страниц, сканированных по предварительным заказам пользователей или находящихся в полнотекстовых базах данных.

Служба электронной доставки документов ФБ БГУ на 2010 г. располагала возможностью выполнять заказ и доставку электронных копий документов из своего общего фонда на компьютер заказчика, а также заказывать для пользователей библиотеки статьи из журналов или фрагменты книг из других библиотечно-информационных центров. Полученные оцифрованные документы можно скопировать на CD, флэш-карты, дискеты, распечатать на принтере, получить по электронной почте на свой компьютер.

Информационной ресурсной базой библиотечно-информационного обслуживания библиотеки университета являются: фонд, система каталогов, базы данных собственной генерации, электронная библиотека, локальные и сетевые электронные информационные ресурсы. Информационные ресурсы библиотеки формируются с целью постоянного удовлетворения интересов пользователей в соответствии с учебными, научными, профессиональными запросами и задачами, стоящими перед университетским образованием.

Каталоги и базы данных Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета

Главным источником информации о документах, имеющихся в библиотеке, средством навигации в информационном массиве библиотеки является система каталогов. Сегодня в библиотеке БГУ, как и в большинстве библиотек мира, одновременно используются *карточные и электронные каталоги*. Карточные каталоги формировались на протяжении всего периода развития библиотеки — они многоаспектно и полно отражают документальные фонды до 2006 г. издания. Носителем информации в карточных каталогах является каталожная карточка с библиографической записью (информацией о документе). Чтобы осуществить поиск необходимых документов по каталогам, необходимо знать принцип их организации.

Все карточки в *алфавитном каталоге* располагаются в едином алфавите фамилий авторов, коллективных авторов, названий книг (четырех и более авторов, сборников). Специфика построения каталога позволяет собрать в одном месте все произведения одного автора. При помощи алфавитного каталога можно узнать: есть ли в библиотеке или подразделении библиотеки определенная книга; шифр книги; какие книги определенного автора имеются в библиотеке; какие труды издаются тем или иным учреждением (организацией); уточнить недостающие данные о документе.

Весь книжный фонд библиотеки отражается в *генеральном алфавитном каталоге*. Читательский алфавитный каталог расположен в зале справочно-библиографического обслуживания. Он включает библиографические описания книг 1962—2005 гг. издания. Информация о наличии документов в подсобных фондах отделов обслуживания отражается в алфавитных каталогах этих подразделений.

Систематические каталоги отражают тот факт, что объемы накопленных веками знаний и информации сделали невозможным нахождение и использование источников знания без средств их систематизации и поиска. Такими средствами являются системы классификации. Классификации служат для того, чтобы определить место конкретной отрасли знания (предмета) среди других отраслей, предметов, понятий; раскрыть содержание каждого документа. Отраслевой принцип лежит в основе организации научной деятельности, а также системы обучения в университете. Поэтому информационные ресурсы библиотеки, представленные в соответствии с определенной системой классификации, способствуют удовлетворению информационных потребностей универсального характера. На основе таблиц классификации расставляется фонд библиотеки и организуются систематические каталоги.

В разные годы при организации систематического каталога ФБ БГУ использовались две системы классификации. До 1977 г. вся литера-

тура классифицировалась по «Универсальной десятичной классификации» (УДК). В 1977 г. в библиотеке была внедрена «Библиотечно-библиографическая классификация» (ББК), по которой начали систематизировать литературу общественно-политического и гуманитарного профиля. С 1991 г. по ББК систематизируется и литература по естественным и техническим наукам, т. е. вся литература. С 2010 г. снова внедрена система УДК. Таким образом, существует три ряда систематического каталога, которые необходимо использовать при поиске документов, поступивших в библиотеку до 1994 г. (с 1994 г. все издания, поступающие в библиотеку, отражаются в электронном каталоге).

Универсальная десятичная классификация (*УДК*) как система разработана в 1895—1943 гг. сотрудниками Международного библиографического института в Брюсселе (в настоящее время Международная Федерация по документации и информации — МФД) Полем Отле и Анри Лафонтеном. В основу создатели положили десятичную классификацию американского библиотековеда Мелвила Дьюи, созданную в конце XIX в. Свое название система получила благодаря тому, что всю совокупность знаний М. Дьюи разделил на 10 частей. В 1896 г. права на издание и развитие своей классификации он передал Международному библиографическому институту, который стал развивать ее в соответствии с целями и задачами международной универсальной классификации. Основная таблица УДК, так же как и в десятичной классификации М. Дьюи, имеет по десять классов (основных разделов): 0. Общий отдел; 1. Философские науки. Философия; 2. Религия. Атеизм; 3. Общественные науки; 4. (Свободен с 1961 г.); 5. Математика. Естественные науки; 6. Прикладные науки. Медицина. Техника; 7. Искусство. Декоративно-прикладное искусство. Фотография. Музыка. Игры. Спорт; 8. Языкознание. Филология. Художественная литература. Литературоведение; 9. География. Биографии. История.

Во всех разделах выделяется литература, связанная каким-то определенным признаком. Это могут быть учебники и учебные пособия, справочники, публикации учреждений и организаций, литература об отдельных странах и материках, литература по истории науки. Для того чтобы выделить в каталоге такие издания, применяются определители. Обозначаются они добавлением к основному индексу сочетания цифр, заключенных в круглые скобки.

Систематический каталог снабжен специальным поисково-вспомогательным аппаратом, который включает систему разделителей, надписи на каталожных ящиках и *алфавитно-предметный указатель* (*АПУ*). В АПУ приводятся по алфавиту наименования: основных, ведущих отраслей знаний, частных дисциплин и отдельных вопросов этих отраслей, всевозможных научных проблем, отдельных понятий, предметов, явлений и пр. Каждое из наименований сопровождается индексом отдела, в котором нужно искать книги на данную тему или по данному вопросу.

К систематическому каталогу обращаются в том случае, если необходимо выяснить, какие книги по каким отраслям знаний имеются в библиотеке; если необходимо подобрать литературу по определенной теме, вопросу, предмету; если нужно установить автора и точное название книги по ее содержанию.

Библиотечно-библиографическая классификация (*ББК*) была разработана Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина, Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотекой АН СССР и Всесоюзной книжной палатой. Основу ББК составляют отраслевые комплексы естественных, прикладных, общественных и гуманитарных наук.

Структура ББК следующая:

• науки о природе (Б — естественные науки в целом; В — физико-математические науки; Г — химические науки; Д — науки о земле; Е — биологические науки, прикладные науки; Ж/О — технические науки; П — сельское хозяйство; Р — здравоохранение и медицина);

• науки об обществе (С — общественные науки в целом; Т — исторические науки; У — экономические науки; Ф — политика, политические науки; Х — государство и право; Ц — военное дело; Ч — культура, просвещение, наука; Ш — филологические науки; Щ — искусство);

• науки о мышлении (Э — атеизм; Ю — философия; Я — литература универсального характера).

Если индексы УДК состоят только из цифр, то база для индексации ББК — из букв и цифр. Для обозначения основных отделов применяются прописные буквы и цифры для детализации разделов (например: У — экономика; У 5 — мировая экономика).

Ядром информационно-библиотечных систем, базирующихся на основе современных информационных технологий, является э*лектронный каталог*. При поиске документов в электронном каталоге проявляется его преимущество перед карточными каталогами — возможность осуществления многоаспектного поиска по различным поисковым признакам: по автору, названию, издательству, году издания, языку, персоналиям; по ключевым словам и предметным рубрикам (тематический поиск) с использованием логических операторов.

В настоящее время в ФБ БГУ функционирует электронный каталог, созданный на основе АБИС MARC-SQL и состоящий из 11 баз данных, сформированных по видам документов. Библиографическое описание в электронном каталоге дается на языке оригинала, а поисковый образ документа (ключевые слова, предметные рубрики, персоналии, географическое название и др.) — на русском языке. Электронный каталог пополняется в режиме реального времени.

База данных (*БД*) *«Книги БГУ»* включает библиографические записи книг, брошюр, диссертаций на белорусском, русском и иностранных

языках. Используя эту базу, можно отыскать конкретную книгу и узнать, в фонде какого подразделения библиотеки она находится; уточнить необходимые для заказа из отдела книгохранения данные о книге (шифр, фамилию автора, название книги, год издания и место нахождения книги); подобрать книги по определенной дисциплине, теме, названию серии, виду издания; найти персоналии того или иного известного лица.

База данных «Периодика» включает информацию о периодических изданиях библиотеки. С ее помощью можно узнать сведения о конкретном журнале: например, кем и с какого года издается журнал; найти конкретный номер журнала по названию; узнать, какие журналы имеются в библиотеке по определенному предмету, теме; узнать место хранения журнала и др.

База данных «Статьи» ведется с мая 2000 г. и включает в себя статьи из более 400 названий журналов по различным отраслям знаний, раскрывает содержание журналов. Пользователь осуществляет поиск статей и документов по различным параметрам. База создана на основе корпоративных проектов МАРС (Межрегиональная аналитическая роспись статей), БелАр (Белорусская аналитическая роспись). Благодаря участию в проектах ежегодно БД «Статьи» пополняется более чем на 50 тыс. библиографических записей.

В отличие от БД «Книги», где представлена только библиографическая информация (сведения о документе, необходимые для их идентификации и разыскания), БД «Статьи» — аннотированная. Аннотация — это вторичный документ, содержащий краткую характеристику первичного документа с точки зрения его назначения, содержания, вида издания, формы и иных особенностей.

С 2001 г. в ФБ БГУ ведутся еще три базы данных. *База данных «Электронные ресурсы»* включает библиографические записи на электронные документы универсальной тематики на CD-ROM, DVD-ROM, имеющиеся в фонде библиотеки; *БД «Редкие книги»* — библиографические записи на книги универсальной тематики XVI — начала XX в., а *БД «Статьи из журналов XIX в.»* — статьи из дореволюционных журналов. Оперативно действующая *БД «Новые поступления»* предлагает информацию о документах, поступивших в библиотеку в течение месяца.

Результаты поиска документов в электронном каталоге (найденные или отобранные) можно сформировать в виде библиографического списка. К электронному каталогу ФБ БГУ организован доступ по сети библиотеки и через Интернет — http://www.library.bsu.by/?vpath=/resource/орас/. Каталогами, доступными по сети библиотеки, можно воспользоваться в зале справочно-библиографического обслуживания, в зале электронных информационных ресурсов, в медиабиблиотеке, в читальных залах библиотеки.

Электронные информационные ресурсы Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета

В пределах компьютерной сети Белорусского государственного университета обеспечивается доступ к приобретенным электронным образовательным и научным базам данных ведущих зарубежных издательств и поставщиков, таких как EBSCO, East View Publication, ProQuest, Springer и др.

Так, БД компании EBSCO представляют собой 11 баз данных (http://www.library.bsu.by/?vpath=/resource/databases/databases_internet/), которые включают полные тексты наиболее авторитетных в мире научных журналов различных издательств: Blackwell Publishers, Springer, Elsevier, Harvard Business School, Taylor and Francis, The Mit Press, Lawrence Erlbaum Associates, Carfax Publishing, Academy of Management, Transaction Publishers, American Institute of Physics, University of California Press и др. Кроме того, эти БД включают реферативную и библиографическую информацию, книги, справочники по социальным, гуманитарным, естественным наукам, бизнесу, медицине, экологии, образованию и др. Большая часть статей из журналов содержит цитируемые ссылки с возможностью поиска.

SpringerLink — одна из ведущих мировых интерактивных баз данных — включает более 1200 научных рецензируемых журналов, книги, справочные материалы и другую информацию. Она охватывает такие области, как биомедицина и биологическая наука, экономика и бизнес, наука о Земле и окружающей среде, математика и статистика, физика и астрономия, инженерные науки и др.

Базы данных East View Publications содержат полные тексты центральных и региональных газет России, Украины, стран СНГ и Балтии, а также новостные ленты мировых информационных агентств. Пользователям доступны полные тексты наиболее авторитетных журналов Российской академии наук по общественным и гуманитарным наукам, литературно-художественных журналов, периодических изданий по военной тематике и проблемам безопасности, а также публикации официальных документов органов государственной власти Российской Федерации, издания Государственного комитета Российской Федерации по статистике, Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств. В базе данных «Российская национальная библиография» представлена полная библиографическая информация обо всех вышедших в России печатных изданиях.

Базы данных ProQuest содержат электронные архивы газет, журналов и книг, а также диссертации, исследовательские материалы, патенты, национальные и мировые библиографии, аудио- и видеоматериалы.

Они включают 28 тематических коллекций: бизнес и экономика, здоровье и медицина, гуманитарные науки, социальные науки, технические науки, психология, литература, право, электронное собрание магистерских и докторских диссертаций, защищенных в университетах 80 стран мира. Правовая информация в электронном виде представлена в информационно-справочных системах «Эталон» НЦПИ, «Консультант плюс», «Бизнес-инфо».

С коллекцией *локальных информационных ресурсов* библиотеки можно ознакомиться посредством БД электронного каталога «Электронные ресурсы». В этой базе имеются сведения об электронных реферативных журналах Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ), библиографических БД по социальным и гуманитарным дисциплинам Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН), учебным пособиям, справочникам, энциклопедиям и другим электронным документам на CD-ROM, DVD-ROM из фондов ФБ БГУ.

В 2010 г. в БГУ в эксплуатацию введена *электронная библиотека* (*ЭБ БГУ*), которая должна стать основой информационно-образовательной среды университета — http://www.elib.bsu.by/. Она представляет собой комплексную информационную систему сбора и хранения представленных в электронной форме документов разных типов и видов и обеспечивает при однократном вводе ресурса в систему возможность многоаспектной обработки и многократное использование информации для удовлетворения разнообразных информационных потребностей.

В электронной библиотеке размещаются оцифрованные документы из фонда ФБ БГУ (срок действия авторского права на которые истек); электронные издания и электронные аналоги печатных изданий, подготовленные в соответствии с утвержденным Тематическим планом издания учебной, учебно-методической, научной и справочной литературы БГУ; отчеты о НИР; диссертации и авторефераты диссертаций; материалы конференций, дипломные и магистерские работы студентов и магистрантов; статьи из журналов, переданных редакциями журналов при БГУ и др. Документы электронной библиотеки имеют разные уровни доступа: открытый доступ (по глобальной сети), корпоративный доступ (в локальной сети университета), локальный доступ (в специализированном помещении ФБ БГУ).

В последние годы в открытом доступе в сети Интернет появляется все больше научных публикаций, представляющих интерес для ученых, специалистов, аспирантов и студентов университета. Понятие «открытый доступ» предполагает: в широком смысле — всю открытую информацию глобальной сети; а в узком смысле — возможность создания бесплатных

научных рецензированных журналов и архивов. Литература открытого доступа находится в электронном виде в сети Интернет, является бесплатной и свободна от большинства ограничений закона об авторском праве и лицензировании.

В ФБ БГУ создана аннотированная библиографическая база *«Ресурсы открытого доступа»* (http://www.library.bsu.by/?vpath=/resource/opac/), которая состоит из библиографических записей на электронные научные и образовательные ресурсы открытого доступа, включающие электронный адрес в сети Интернет и описание ресурса. База данных используется для оперативного информирования пользователей об образовательных и научных ресурсах открытого доступа по профилю университета. С ее помощью осуществляется адресный и тематический поиск ресурсов в сети Интернет.

Литература

Аврус, А. И. История российских университетов : курс лекций / А. И. Аврус. Саратов, 1998.

Аврус, А. И. История российских университетов : очерки / А. И. Аврус. М., 2001.

Баранова, Е. В. Владимир Иванович Пичета в научно-образовательных и общественно-политических процессах Беларуси (1918—1930 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Е. В. Баранова. Минск, 2008.

Белорусский государственный университет — 85 лет : [иллюстрированное издание]. Минск, 2006.

Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина. Минск, 1961.

Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина. Минск, 1982.

Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина / сост. А. И. Кожушков, В. П. Воробьев, О. А. Яновский. Минск, 1991.

Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ленина. Минск, 1971.

Библиографический сборник Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина : (библиография печатных работ научных работников университета. 1955—1958 гг.). Минск, 1961.

Володин, Б. Ф. Всемирная история библиотек / Б. Ф. Володин. СПб., 2002.

Высшее образование в России : Очерк истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995.

Глухов, А. Г. Судьбы древних библиотек / А. Г. Глухов. М., 1992.

Ильинский, И. М. Образовательная революция / И. М. Ильинский. М., 2002.

Жарикова, Л. А. Электронный библиотечный каталог : конспект лекций для курса «Библиотечные каталоги» / Л. А. Жарикова, А. А. Маркова, Г. А. Скарук ; [отв. ред. Е. Б. Артемьева]. Новосибирск, 2006.

Земсков, А. И. Электронные библиотеки : учеб. для студентов вузов культуры и искусств и др. высш. учеб. заведений / А. И. Земсков, Я. Л. Шрайберг. М., 2003.

Зупарова, Л. Б. Библиотечная обработка документа : учеб.-метод. пособие / Л. Б. Зупарова, Т. А. Зайцева, Л. И. Сазонова ; под науч. ред. Ю. Н. Столярова. М., 2003.

История Вильнюсского университета (1579—1979) / Вильнюс. гос. ун-т ; редкол. : Й. Кубилис, С. Лазутка. Вильнюс, 1979.

Кожушков, А. И. Белорусский университет : Хроника событий (1919—1989) / А. И. Кожушков, О. А. Яновский. Минск, 1990.

Кожушков, А. И. Флагман высшей школы Белоруссии / А. И. Кожушков, М. Ф. Чудаев, О. А. Яновский. Минск, 1981.

Красовский, Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. Минск, 1972.

Лапо, П. М. Электронные библиотеки в образовании / П. М. Лапо, И. А. Тавгень. Минск, 2009.

Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье : Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф. Екатеринбург, 2000.

Ле Гофф, Ж. Интеллектуалы в средние века / Ж. Ле Гофф. 2-е изд. СПб., 2003.

Луков, В. А. Мировая университетская культура / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умения. 2005. № 3.

Лукашенко, А. Г. Исторический выбор Беларуси : лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете, 14 марта 2003 г. / А. Г. Лукашенко. Минск, 2003.

Ляхоўскі, У. На шляху да стварэння універсітэта ў Беларусі / У. Ляхоўскі // Беларус. гіст. часоп. 2001. № 4.

Малышев, А. Я. Кузница кадров и крупный научный центр республики / А. Я. Малышев, А. И. Кожушков. Минск, 1971.

Мотульский, Р. С. Знаменитые библиотеки Беларуси : исторические судьбы и современные возможности / Р. С. Мотульский // Вестн. Библиотеч. Ассамблеи Евразии. 2009. № 2.

Ньюмен, Дж. Г. Идея Университета / Дж. Г. Ньюмен ; пер. с англ. С. Б. Бенедиктова. Минск, 2006.

Общеевропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов / под ред. Л. И. Глухарева, В. М. Страды. М., 1995.

Ореховская, И. В. Библиотечные тайны / И. В. Ореховская. Минск, 2001.

Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX—XX вв. / под ред. И. В. Рахманова. М., 1972.

Памяць і слава : Беларускі дзяржаўны універсітэт. 1921—1941 / склад. : С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі [аўтар уступ. арт.] ; рэдкал. : В. І. Стражаў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006.

Памяць і слава : Беларускі дзяржаўны універсітэт. 1945—1961 / склад. : С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі ; рэдкал. : С. У. Абламейка (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2009.

Памяць і слава : Беларускі дзяржаўны універсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941—1945 / склад. : С. А. Балашэнка [і інш.] ; рэдкал. : В. І. Стражаў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2005.

Пічэта, У. І. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У. І. Пічэта. Мінск, 1991.

Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага універсітэта / склад. А. А. Яноўскі. Мінск, 2001.

Садовничий, В. А. Университетское образование : приглашение к размышлению / В. А. Садовничий [и др.]. М., 1995.

Сафонова, В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В. В. Сафонова. Воронеж, 1996.

Славный сын белорусского народа : К 100-летию со дня рождения А. Н. Севченко / П. А. Апанасевич [и др.]. Минск, 2002.

Сманцер, А. П. Гуманизация педагогического процесса в современной школе : История и современность / А. П. Сманцер, Л. В. Кондрашова. Минск, 2001.

Соколов, Н. К. Современное состояние историографии высшей школы Беларуси / Н. К. Соколов // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі, новай і навейшай гісторыі краін Еўропы і ЗША : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф. г. Мінск, 28 сак. 2008 г. : у 2 ч. Мінск, 2008. Ч. 2.

Турук, Ф. Ф. Университетская летопись / Ф. Ф. Турук // Працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў Менску. 1922. № 1.

Университет для России : Взгляд на историю культуры XVIII столетия / под ред. В. В. Понамаревой, Л. Б. Хорошиловой. М., 1997.

Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / под ред. М. А. Гусаковского. Минск, 2004.

Фабиан, Б. Гёттингенская университетская библиотека в XVIII в. / Б. Фабиан // История библиотек. Исследования, материалы, документы. СПб., 2000. Вып. 3.

Федоров, И. Б. Высшее профессиональное образование: Мировые тенденции (социальный и философский аспект) / И. Б. Федоров, С. П. Еркович, С. В. Коршунов. М., 1998.

Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях / Н. И. Гендина [и др.] ; науч. ред. Н. И. Гендина. М., 2003.

Фундаментальная библиотека : история и современность, 1921—2006 / БГУ ; редкол. : В. И. Стражев [и др.] ; отв. ред. П. М. Лапо. Минск, 2006.

Хосе Ортега-и-Гассет. Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с испан. М. Н. Голубевой. Минск, 2005.

Чанбарисов, Ш. Х. Формирование советской университетской системы / Ш. Х. Чанбарисов. М., 1988.

Цитович, С. Г. Горыгорецкий земледельческий институт — первая в России сельскохозяйственная школа (1836—1864) / С. Г. Цитович. Горки, 1960.

Шадурский, В. Г. Международные связи высшей школы Беларуси (1945—1997) / В. Г. Шадурский // Выш. шк. 1998. № 3—4.

Шаршунов, В. А. Становление специального профессионального образования на Беларуси / В. А. Шаршунов // Выш. шк. 2003. № 6.

Шаршунов, В. А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной Беларуси / В. А. Шаршунов // Выш. шк. 2004. № 5.

Шаршунов, В. А. Горецкий сельскохозяйственный институт / В. А. Шаршунов, В. М. Лившиц // Выш. шк. 2005. № 4.

Шеллинг, Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования : пер. с нем. / Ф. В. Й. Шеллинг. СПб., 2009.

Штойер, Э. Как управлять изменениями в образовании : техника принятия решений и стратегии развития персонала / Э. Штойер ; пер. с англ. И. Глуховой. Минск, 2004.

Яноўскі, А. А. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў біяграфіях яго рэктараў / А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі. Мінск, 2001.

Яноўскі, А. На шляху да Беларускага універсітэта : грамадскія імкненні і палітычныя перашкоды / А. Яноўскі // Polska-Europa-Swiat XX wieku / pod red. W. Wierzbienca. Rzeszow, 2005.

Яноўскі, А. А. Гісторыя Alma Mater, ці Аб некаторых аспектах развіцця універсітэтазнаўства / А. А. Яноўскі // Гісторыя : праблемы выкладання. 2007. № 9.

Ясперс, К. Идея университета / К. Ясперс ; пер. с нем. Т. В. Тягуновой. Минск, 2006.

Оглавление

Предисловие 3

Введение. УНИВЕРСИТЕТОВЕДЕНИЕ
КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Предмет, цель и задачи курса 5
Университет как цивилизационный феномен 6
Научная мысль о роли и предназначении Университета 10
Тенденции в развитии российских императорских университетов 12
Новые идеи Новейшего времени 13
Университетоведение в прошлом и сегодня 15
Университетоведение в Беларуси: состояние и перспективы 19
«Университетская культура» и возможности ее изучения 24

Глава 1. ПРООБРАЗЫ УНИВЕРСИТЕТА
(Древний Восток, Античность, Раннее Средневековье)

Высшее образование в древнейших цивилизациях мира 27
Организация высших школ в Древней Греции 29
Академия и Ликей 33
Развитие традиций античного высшего образования 35
Высшие школы в Древнем Риме 38
Высшие школы Византии и Ближнего Востока 41
«Темные века» западноевропейского Раннего Средневековья 45
У истоков университетского образования (X—XI вв.) 48

Глава 2. НАЧАЛО ЭРЫ ЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Первые европейские университеты 51
Организационная структура первых университетов и ее эволюция 53
Формирование корпорации преподавателей и студентов. Ее особенности 55

Процесс обучения в средневековом университете 58
Взаимоотношения университетов с церковью, государством и обществом в XII—XV вв. 60
Способы создания университетов 62
Распространение университетов в Европе в XIV—XVI вв. 63
Университетские уставы 65
Учеба, быт и нравы студентов средневековых университетов 67
Упадок университетского образования в середине XVI — первой половине XVII в. 69
Возрождение университетского образования 70

Глава 3. ОБРАЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ, УКРАИНЕ И РОССИИ

Зарождение элементов образовательной практики в Древней Руси 73
Начало высшего образования на украинских землях Великого княжества Литовского 74
Киево-Могилянская академия 75
Зарождение высшего образования в Московской Руси 77
Начало российского университета 79
Основание Московского университета и его деятельность 80

Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (XVI — начало XIX в.)

Католические учебные заведения на землях Великого княжества Литовского 84
Православные учебные заведения и просветители 85
Образование на землях Великого княжества Литовского в условиях Реформации 88
Образование на территории Великого княжества Литовского в условиях Контрреформации 89
Открытие Виленской иезуитской академии — первой высшей школы Восточной Европы 90
Возрастание роли и авторитета Виленской иезуитской академии 92
От Главной школы Великого княжества Литовского к Главной Виленской школе 95
Гродненская медицинская академия (школа) в 1775—1781 гг. 97

Глава 5. ВИЛЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (первая половина XIX в.)

Создание Виленского учебного округа и Виленского университета 99

Слава и гордость университета — его профессора 101
Творческий уровень Виленского университета 104
Студенты и питомцы Виленского университета как смысл его деятельности 105
В борьбе за свободу и справедливость. Закрытие Виленского университета 107
Деятельность Виленской медико-хирургической академии (1832—1842) 109
Полоцкие иезуитские коллегиум и академия (1580—1820) 110
Полоцкое высшее пиарское училище 114
«Зигзаги» образовательной политики российского царизма 115

Глава 6. СТРЕМЛЕНИЕ БЕЛОРУСОВ К УНИВЕРСИТЕТУ И ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В «СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ» (30-е гг. XIX в. — 1917 г.)

Политика российских властей в области университетского образования в «Северо-Западном крае» в 30—50-е гг. XIX в. Деятельность Горы-Горецкого земледельческого института 120
Уроженцы Беларуси — студенты российских университетов 122
Примеры вклада белорусской интеллигенции в мировую науку 123
Самоопределение белорусской интеллигенции и эволюция ее национально-государственных идеалов 125
Вторая половина XIX в.: проекты возобновления высшего образования в Беларуси 127
Революции начала XX в. в России и активизация движения за Белорусский университет 129

Глава 7. БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Попытки реализации идеи Белорусского университета в условиях Первой мировой войны 133
25 февраля 1919 г. — первый реальный шаг к созданию Белорусского университета 135
Создание БГУ — от торжеств к сложным будничным делам 137
Решение кадровых, организационных и учебно-методических проблем 138
Система и принципы управления Белорусского государственного университета 140
Владимир Иванович Пичета — первый ректор Белорусского государственного университета 141
Материально-техническое и финансовое обеспечение университета 143
Белорусский государственный университет как важный фактор в проведении политики белорусизации 145

Общественная жизнь студенчества 148
Учеба, сопряженная с наукой и производством, как смысл Белорусского государственного университета 149

Глава 8. БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР (1925—1941)

Изменение университетской структуры во второй половине 1920-х — 1930-е гг. 151
Профессорско-преподавательский состав Белорусского государственного университета во второй половине 1920-х гг. 154
Трагизм 1930-х годов 155
Наука как смысл деятельности университета и его подразделений 157
Студенты БГУ во второй половине 1920-х — 1930-е гг.: быт, заботы, проблемы 159
Студенты БГУ в общественно-политической жизни страны 162
Совершенствование учебно-методической работы во второй половине 1920 — начале 1930-х гг. 164
Новые эксперименты с учебным процессом 166
Университетский городок: надежды и огорчения 169

Глава 9. БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1941—1953)

Оккупация Минска и разграбление Белорусского государственного университета 172
Преподаватели, выпускники и студенты БГУ в антифашистском подполье, партизанских отрядах и на фронтах Великой Отечественной войны 174
Профессиональный труд во имя Победы 180
Станция Сходня: возрождение Белорусского государственного университета 181
Возобновление работы Белорусского государственного университета в Минске 183
Белорусский государственный университет восстанавливает достигнутое 185
Белорусский государственный университет в общественно-политических кампаниях конца 1940 — начала 1950-х гг. 188
Наука, учеба и быт студентов — все для блага Родины 189

Глава 10. РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БГУ В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ (1953—1989)

Дальнейшая эволюция организационной структуры БГУ 192

Новации в учебном процессе 193
Новые факультеты и их кадровый потенциал..... 195
Студенты Белорусского государственного университета: учеба, наука, быт, общественная работа 197
Воспитательная и культурно-массовая работа в университете 199
Феномен «студенческой целины» и студенческие строительные отряды 203
Новый этап в развитии международного сотрудничества..... 205
А. Н. Севченко во главе Белорусского государственного университета: время стремительного роста университета 208
Укрепление материально-технической базы Белорусского государственного университета..... 210
Университетская наука — производству 213
Научно-исследовательские институты Белорусского государственного университета..... 215
Белорусский государственный университет в годы «ускорения» и «перестройки» 216
Университетское сообщество в условиях нарастания общественно-политических катаклизмов конца 1980-х гг. 219

Глава 11. БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ И ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Некоторые цифровые и смысловые параметры 222
Знаки и значимость Белорусского государственного университета: единение традиций разных лет..... 225
Ректор Белорусского государственного университета 227
Сложные 1990-е годы..... 227
Ведущие области научных знаний в БГУ 228
Научные школы Белорусского государственного университета..... 234
Научно-инновационная деятельность Белорусского государственного университета..... 236
Перспективы развития основываются на достигнутом..... 238
Не учебой единой... 243

Глава 12. ЯЗЫК КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ОСНОВА КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Первооснова всякого знания — язык..... 246
Ступени изучения языка..... 248
Письменность и языки в Древней Руси 249
Языковая ситуация в эпоху Реформации..... 250
Начало языкового «бума» в Восточной Европе (вторая половина XVI — начало XVII в.)..... 252

Новые подходы в изучении языков в эпоху Просвещения 253
Иностранные языки в первых высших учебных заведениях России 256
Язык в эпоху модернизации и революций 257
Иноязычное образование на рубеже веков 259
Новые задачи — новые методики и подходы 260
От обучения к иноязычному образованию 262
Гуманистические, духовные начала Университета 263
Универсальность и классическая основа университетского образования 265
Меняющийся Университет и языки образования и науки 267
Потенциалы языка для универсального образования 268
Язык и перспективы образования в современном университете 270

Глава 13. СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Тенденции развития высшего образования Беларуси 271
Новейшие характеристики высшей школы Беларуси 273
Формирование новой системы белорусской высшей школы 274
Высшая школа Беларуси: количество, переходящее в качество 277
Образование крепнет наукой и производством 277
Важнейший приоритет — качество образования 278
Белорусский государственный университет в системе высшей школы Беларуси 280
Высшая школа Республики Беларусь и Болонский процесс 283
В контексте общемировых процессов 285
Рейтинг как определение репутации университета 287
Время определяет новые задачи и их решения 289

Глава 14. БИБЛИОТЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА

Роль библиотеки в истории цивилизации 291
Библиотеки в условиях Нового времени: накопление и распространение «интеллектуального капитала» 296
Формирование национальных библиотек как особого института государственности 299
Университет и его библиотека на пороге Новейшего времени 301
Начало истории Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета 303
Создание Государственной библиотеки БССР 306

Возрожденная библиотека Белорусского государственного университета 307
Библиотека как система и как субъект информационной деятельности 308
Библиография в потоке информационной коммуникации. Технологии использования и управления 311
Сущность, формы и свойства информации 314
Читатель и чтение: характеристики и функции коммуникативного процесса 318
Современная университетская библиотека: миссия, цель и задачи 319
Разнообразие фондов Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета 321
Система библиотечно-информационного обслуживания в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета 323
Каталоги и базы данных Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета 327
Электронные информационные ресурсы Фундаментальной библиотеки Белорусского государственного университета 331

Литература 334

На первой сторонке обложки:

Студенты Белорусского государственного университета, конец 1930-х гг. (картина худ. Д. Магальского); ученый-юрист Энрико ди Алеманиа читает лекцию в Болонском университете (средневековая миниатюра); пифагорейское братство.

На четвертой сторонке обложки:

Владимир Иванович Пичета — первый ректор Белорусского государственного университета (1921—1929); Дмитрий Петрович Кончаловский — профессор, 31 октября 1921 г. прочитал первую лекцию для студентов БГУ; «Дом № 1 БГУ» — первый учебный корпус университета, разместившийся в здании бывшей частно-государственной гимназии, которой управляли К. О. Фалькович и С. П. Зубакин.

Учебное издание

Яновский Олег Антонович
Федосик Виктор Анатольевич
Хведченя Людмила Владимировна и др.

УНИВЕРСИТЕТОВЕДЕНИЕ

Учебно-методическое пособие
(с приложением CD)

Редактор *Г. В. Лозовская*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Т. К. Раманович*
Корректор *Е. В. Демидова*
Компьютерная верстка *С. Н. Егоровой*

Подписано в печать 27.05.2011. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура NewtonC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,5.
Уч.-изд. л. 23,40 + прил. (CD). Тираж 300 экз. Зак.

Белорусский государственный университет.
ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.